

МИХАИЛ
ХЕЙФЕЦ

ЦАРЕУБИЙСТВО В 1918 ГОДУ

ВЕРСИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОГО СЛЕДСТВИЯ

МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ

ЦАРЕУБИЙСТВО

в 1918 году

версия преступления
и фальсифицированного следствия

63.3(2)7
X-35

Художник В. Козлов
Фотографии представлены
Центральным Государственным архивом
Октябрьской революции
и социалистического строительства

Российские предшественники нацизма объявили убийство семьи Романовых результатом «жидо-масонского заговора». Иерусалимский писатель и историк М. Хейфец пытается, раскрыв подлинную историю преступления, показать, как осуществлялась «акция» следователей-фальсификаторов, а также проанализировать причины и степень участия евреев в русской революции.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ДРУГА
ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Начальник.. почувствовав ко мне симпатии, поделился впечатлениями от только что прочитанной книги о расстреле царской семьи: нужно было дело. Тут я заорал на него так, что на весь обком было слышно: мне понятно, что во время революции бывшего монарха могут убить, — не одни русские это делали. Расстрел его жены, детей и близких никак не мог быть оправдан даже в то страшное время. Но как спустя 60 лет одни пишут книги, оправдывающие это убийство, а другие читают и соглашаются?! Неужели эти 60 лет ничему не научили наш народ?

А. Амальрик Записки революционера

Глава 1

РОМАНОВСКИЙ БУМ ?

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года домашний врач бывшего русского царя, уже два с лишним месяца заключенного в Дом особого назначения в Екатеринбурге, разбудил пациентов — семью императора и его слуг, разделивших тюремную судьбу хозяина, — и передал просьбу коменданта тюрьмы: ожидается нападение вооруженных анархистов, узников просят спуститься с верхнего этажа вниз, где их легче охранить от покушения. Романовы и слуги вошли в приготовленную комнату в полуподвале, где 11 чекистов, сотрудников тайной политической полиции, открыли по ним огонь из револьверов. Царя убили мгновенно, наповал, царица успела перекреститься. Той же ночью 11 трупов были вывезены в неизвестном направлении. Через неделю в город вошли антибольшевистские войска, обнаружили следы совершенного преступления и с 1 августа начали следствие по делу об убийстве и ограблении августейшей семьи Романовых (ценное имущество было похищено убийцами).

Истребление старшей ветви царствовавшей свыше 300 лет династии не вызвало в России почти никакого общественного отклика: несколько сот монархистов отслужили молебен за упокой душ убиенных на освобожденной от большевиков территории Дона, генерал Михаил Алексеев, вождь белого движения, поплакал там же, в церкви, вспоминая, как уговаривал покойного царя отречься от престола... Не торопитесь, однако, обвинять русское общество или народ в особом жестокосердии: к этому времени Россия схоронила на фронтах мировой войны около двух миллионов военнослужащих и уже бушевала гражданская война с ее, в финале, 11-ю миллионными жертв, погибших в боях, от голода, эпидемий, карательных акций (плюс миллион как минимум русских людей эмигрировал из отечества). Убийство почти всех Романовых показалось россиянам ничтожной песчинкой в тайфуне революций и войн, накрывшем тогда Россию, «дыру на карте Европы» (так назвал ее Герберт Уэллс)...

Первое десятилетие в бывшей империи Романовых еще вспоминали о екатеринбургском расстреле. Но к «юбилейной» 10-й годовщине возник вопрос об издании сборника исторических документов, и тогда-то великий узурпатор во френче и сапогах высказался про любую публикацию о гибели

законного монарха: «Ничего не писать. И вообще помалкивать». На 45 лет письменные воспоминания о преступлении словно испарились на территории Советского Союза.

Зато царевубийство и все, связанное с ним, оказало судьбоносное влияние на историю сопредельных с Россией стран Европы.

...Среди вещей, не тронутых убийцами в комнатах царской семьи, следователи нашли книгу, читанную царицей незадолго до смерти, — «Великое в малом» Сергея Нилуса. В ее текст были вставлены «Протоколы сионских мудрецов», якобы секретные решения тайных вождей мирового еврейства, собравшихся в Базеле в середине 90-х годов. Наряду с постройкой подземных переходов к главным правительственным зданиям мировых столиц (будущего метрополитена им. Лазаря Кагановича!) и осуществления коварной свободы печати для расплаты органических основ европейских народов эти «мудрецы»-заговорщики, оказалось, задумали истребление царствующих династий Европы!

К 1918 году «Протоколы» выпли в свет уже в шестой раз (у царицы хранилось четвертое издание, 1911 года). Но только после убийства Романовых они проникли в толщу всемирного читательского интереса. Книга Нилуса, подкрепленная отныне екатеринбургским царевубийством, превратилась в своеобразную улику, в доказательство реальности «жидо-масонского плана истребления монархий и порабощения народов».

...Красавец в адмиральском мундире, с золотым кортиком «За храбрость», объявленный вскоре после гибели царя Верховным правителем России, Александр Колчак не расставался с экземпляром книги, найденной в царской комнате, вплоть до своей гибели от пули чекистов. Ее же случайно раскрыл в провинциальной библиотеке студент, родом из прибалтийских немцев, и понял: здесь, на этих страницах, а вовсе не в большевистских декретах изложена правда о мировой революции!

Вскоре молодой немец переехал в фатерланд, в подавленную, деморализованную военным крахом Германию. Четыре предыдущих года ее народ шел от победы к победе, от Марны на западе до Дона на востоке, от Капоретто в Италии до Бухареста в Румынии, и... и внезапно Германия оказалась полностью разгромленной. Сознание воинственного и трудолюбивого народа не в силах было примириться с тем, что великие его жертвы и усилия оказались бессмысленными, что уже в 1914 году, когда французы отступали к Парижу, а русские задыхались в смертельных клещах фон Гинденбурга, германская армия стратегически была обречена на поражение... Нет! Проиграла Германия войну только потому, что ей воткнули штык в спину заговорщики-предатели, евреи и масоны. В мозги и души ее народа истерически настойчиво вливали яд из той же книжки, найденной в екатеринбургской царской спальне. Особенно активно

отравлял сознание тот студент из России, Альфред Розенберг, что сделался теперь «уполномоченным по идеологии» новой политической партии — национал-социалистской рабочей, НСАДП.

«Прочитайте-ка еврейские протоколы, господа, добытые русской разведкой в Париже, — вы ведь знаете, какие мастера своего дела служили в Департаменте государственной полиции, они все могли узнать, **ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ РАЗВЕДЧИКИ!**.. А кто не верит этому документу, пусть вспомнит судьбу убитых Романовых, а вслед за ними согнанных с тронов Гогенцоллернов и Габсбургов... Не сионские мудрецы это сделали, а большевики и либералы? Какие, спрашивается? Троцкий, он же Бронштейн? Каменев, он же Гельфман? Ленин, он же Ульянов? Роза Люксембург и Евгений Левинэ, оба засланные к нам из России и действовавшие на деньги Ганецкого (Фюрстенберга), а в Берлине им помогал один из трехсот тайных мудрецов — наш рейхсминистр Вальтер фон Ратенау...»

Пока Розенберга в числе прочих мифоманов гитлеризма не повесили в Нюрнберге, десятки миллионов европейцев успели заплатить жизнью за эти идеи в сражениях и концлагерях 30 — 40-х годов.

«Тут мы подходим к самому интересному моменту, — писала крупнейший политолог XX века Ханна Арендт. — Евреи оказались в центре внимания нацистской идеологии еще до того, как превратились в главную жертву террора современности. А идеология, желавшая убеждать и мобилизовать немецкий народ, не могла выбрать себе объект жертвы наудачу. Такая очевидная фальшивка, как «Протоколы сионских мудрецов», могла лечь в фундамент политического движения только, если она вызывала у людей доверие».

«Наверное, ничто в то время так не способствовало развитию антисемитизма и распространению совершенной лжи «Протоколов сионских мудрецов», как екатеринбургская трагедия», — дополнил ее мысль американский историк Ричард Пайпс.

Но ведь все это дела давних, 20-х годов, не так ли? В 1990 году главный раввин Румынии Меир Розен рассказал, наконец, журналистам о своем многолетнем общении с диктатором Чаушеску:

— Он верил в истинность «Протоколов сионских мудрецов», в то, что евреи тайно правят миром и способны устранить любого неудобного им правителя. Поэтому дал разрешение на эмиграцию румынских евреев в Израиль. Не раз мне удавалось использовать страх диктатора перед всемогуществом «сионских мудрецов», чтобы помогать евреям Румынии...

Полвека подобные изгибы исторических судеб, связанные с «Протоколами» и царевубийством, фиксировались историками лишь за границами великой империи. В самой же России до начала 70-х гг. о любых подробностях царевубийства молчали. Глухо молчали. Но вот в 1973 году (как ответ на американский

фильм «Николай и Александра») в ленинградской «Звезде» напечатали советскую версию гибели Романовых — документальную повесть Марка Касвинова «23 ступени вниз» (ее вспоминает Андрей Амальрик в эпиграфе, предваряющем первую часть книги). Еще через несколько лет по всей стране разнеслись строки ленинградской поэтессы Нины Королевой, опубликованные в «Авроре»:

И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком.
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна.

Редакцию журнала, естественно, наказали, но тема царевубийства и гибели империи будто вырвалась из-под крышки запечатого Сталиным погребца. Что заставляло советское общество 70-х гг. пристально вглядываться и заново переоткрывать историю старинного преступления? Что сделало гибель Романовых одной из самых злободневных сегодняшних российских тем — в публицистике, документалистике, кино, театре?

Вот типичный рассказ о духовной дороге к исследованиям по теме царевубийства авторитетного советского историка профессора Генриха Иоффе:

«Прочитав книгу английского мемуариста и советолога Р. Пэйрса «Конец русской империи», а затем и другие книги, вышедшие на Западе, я уже не мог принять официальную точку зрения на то, что произошло в доме Ипатьева (домом Ипатьева, или Ипатьевским домом, по имени бывшего владельца, часто называют екатеринбургский ДОН — Дом особого назначения, тюрьму для Романовых. — М. Х.). Ужас ипатьевского подвала нравственно потрясал... Я смотрел на фотографию убитых царских детей и на фотографию семьи моего деда, сделанную заезжим фотографом еще в начале века в далеком белорусском селе. Снятые на ней пять сыновей, пять еврейских мальчиков, одетых в одинаковые русские рубашки-косоворотки, прошли потом через первую мировую войну, революцию, гражданскую, тридцать седьмой. И погибли все. Сколько было таких мальчиков?

Они шумели буйным лесом.
В них были вера и доверье,
Но их повыбило железом,
И леса нет, одни деревья.

Вставала, вырастала проблема: революция, контрреволюция и цена человеческой жизни, революция, контрреволюция

и мораль. Но в те годы она была вне нашей историографии».

(Генрих Иоффе — из той группы советских историков, со взглядами которых в дальнейшем тексте мне придется полемицировать. Тем убедительнее в моих глазах выглядит эволюция его взглядов, тем типичнее.)

В 70-е годы советская империя находилась на вершине своего могущества: Ангола и Мозамбик, Вьетнам и Афганистан, Никарагуа и Сальвадор — этапы большого пути... Но в ту же эпоху все отчетливее осознавался Россией болезненный, гниющий характер национального бытия. («А что будет? Запустение будет, вот что», — выразил в одном из лучших тогдашних очерков собственное предощущение будущего страны преуспевающий парработник.) В поисках спасения от остро пахнувшего запустения в России начали задумываться о судьбе империи, которую здесь однажды строили и довели до гибели.

Вот почему с началом духовно-нравственного возрождения русской нации, какой мне издали, из Израиля, видится сегодня перестройка, в Советском Союзе одновременно, как бы взрывообразно вздыбился «романовский бум», по ироническому определению английского журналиста, «громкий стук царских скелетов в русском шкафу». Самые популярные издания, выходявшие миллионами экземпляров («Московские новости», «Огонек», «Родина»), множество более специальных журналов («Слово», «Отчизна»), телепрограммы «Взгляд», «Пятое колесо», лучший театр страны (Малый) и десятки провинциальных газет и журналов постоянно напоминали читателям и зрителям подробности ушедшего в глубины истории расстрела в Екатеринбурге.

Вот несколько отобранных — по моему личному вкусу — картинок с этой перестроечной выставки.

1989 год. Распря встревожила православную церковь, новая распря. Одна из зарубежных ветвей православия, Карловацкая церковь, канонизировала как великомучеников семью последнего русского императора; московская же патриархия при поддержке ряда зарубежных епископов отказалась эту канонизацию признать. В принципе провозглашая «соборность», т. е. как бы полную согласованность главных церковных решений, православная церковь на практике строится на монархическом принципе управления: рядовые клирики не имеют права оспаривать решения патриарха и Синода, как, скажем, уездные предводители дворянства никогда не смели ослушаться императорских или сенатских указов. Тем с большим удивлением корреспонденты многих газет описывали прошедшую 17 июля 1989 года в стенах Донского монастыря панихиду по «новым великомученикам», на которой присутствовало свыше двухсот человек:

«Несмотря на то что патриарх Пимен не дал разрешения на проведение заупокойной службы, шесть священников согласи-

лись отслужить литию. Верующие принесли царские флаги, Библии, кресты и иконы с изображением Николая II. «Боже, царя храни», — неслось над стенами» («Русская мысль», 21.07.89 г.). В тот же день верующие собрались в Свердловске, бывшем Екатеринбургe, на том пустыре, где до 1967 года возвышался Дом особого назначения. «Мальчик кладет 11 роз, — описывал церемонию в журнале «Родина» Ю. Липатников (11 роз символизировали число убитых на этом месте людей). — Ему столько же лет, сколько было царевичу Алексею. Большинство в безмолвии. Только майор милиции непрерывно и оглушительно повторяет в мегафон: «Это мероприятие несанкционированное, расходитесь!» В руках у людей появляются горящие свечи... Все больше маленьких огней. Несколько человек держат перед собой самодельные хоругви, трехцветный национальный флаг. Звучит молитва. Майор подносит мегафон к лицу читающего молитву и глушит его приказом разойтись... Вдруг из «коробочек» выскакивают крутоплечие спецназовцы... и стали брать».

А по другую сторону идеологических баррикад известный публицист и бывший государственный деятель (экс-председатель комиссии Верховного Совета СССР по иностранным делам) Юрий Жуков призывал партию к отпору: «Абсурдна развернутая сейчас кампания за реабилитацию и возведение в ранг святых великомучеников Николая Кровавого и членов его семьи... Почему мы не противопоставим подобным выступлениям историческую правду о кровавом царе?» И Жуков был отнюдь не одинок. «О действиях любого руководителя страны, будь он царь или король, история судит не по тому, кого он притеснял или казнил, а по тем действиям, которые сделали государство могущественным. Царь Петр казнил стрельцов... но по сравнению с тем, что было сделано им для образования Российской империи, это капля в море, и в этом была необходимость. При В. И. Ленине было расстреляно потомство царя, так что, мы должны рассматривать это как детоубийство? Нет. Все это необходимо рассматривать с государственной точки зрения, учитывая те обстоятельства, при которых совершались те или иные деяния, — написал историку академику Самсонову его читатель из Херсона Цитович. — Всякий, кто пытается осквернить и опорочить имя Сталина, есть человек близорукий, не понимающий значения обстановки».

«В подвале дома Ипатьева не только была расстреляна семья Романовых! Расстреляна была Россия!.. Я отдам свою 50-рублевую пенсию на памятник... На крови и лжи не может быть ни нравственности, ни здоровья нашей великомученицы-родины», — прислала письмо в «Медицинскую газету» Галина Виноградова (Орджоникидзе). «Сколько на Руси невостребованных прахов, безымянных могил! Но почему некоторых людей не волнуют ни декабристы, ни сотни тысяч невинных, расстрелянных в 30-е годы? Почему смерть последнего монарха так

занимает сегодня просвещенные умы? — заочно возражает ей читатель из Казани Михаил Сидоров. — Французскому королю Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте отрубили головы на гильотине. Сейчас... никто во Франции не поднимает вопроса о правомерности этого акта революционного возмездия. Зачем нам ворошить прошлое, закрытое самой историей?»

А вот факты, принадлежащие 1990 году. Генерал-майор юстиции В. Н. Васильев в военно-историческом журнале («Ратоборце») возмущен, что «в настоящее время в печати и на телеэкране мелькают имена и лица детей Николая II, расстрелянных в годы гражданской войны... демонстрируются их любимые игрушки, о которых и по нынешним временам не все дети могут мечтать». По мнению генерала, это сторона «наспех отливаемой антисоветской медали членами, условно говоря, ПАТРИОТИЧЕСКОГО КЛУБА А. Д. САХАРОВА». Ибо, продолжает он, члены антисоветского клуба не жалеют почему-то другого мальчика, пионера Павлика Морозова, «классово казненного собственным отцом» (здесь трудно удержаться и не напомнить военпрокурору, что, согласно канонической версии мифа о Павлике, сообщенной некогда мне как юному пионеру, Павлика убил не отец, а дед — за то, что Павлик доносом обрек на смерть собственного отца, сына этого деда... Что касается неканонической версии писателя Юрия Дружникова, самостоятельно расследовавшего смерть Павлика, то лжепионера убил местный гэпэушник с провокационной целью обвинить мужиков в терроре и, запугав этим, заставить вступить в колхоз).

...По Центральному телевидению передают интервью с лидером патриотического фронта «Память» Дм. Васильевым. Иллюстрируя кинодокументами программу своего движения, круглолицый человек в черном кителе и черных сапогах крутит кадры, запечатлевшие митинг «памятников» в крупнейшем кинотеатре столицы, где демонстрировался фильм «Падение династии Романовых». Милиционеру, преградившему дорогу на «несанкционированное сборище», Васильев кричал: «Мы что, не имеем права почтить наших мучеников? Сначала их убили, на куски разрезали, тела сожгли, а мы и помянуть не смей?!» Милиционер ретировался...

Через некоторое время в этом же кинотеатре провели «закрытый» просмотр фильма популярного либерального режиссера и журналиста, антипода Дм. Васильева, Станислава Говорухина — «Так жить нельзя». Тема — невероятный рост преступности в сегодняшнем СССР, фильм, следовательно, не был историческим. Но начиналась лента с фотографий убитых членов царской семьи, и вслед за произносимыми именами назывался способ казни: «Расстрелян», «заколот штыком»... «Никто не ответил за это преступление, — читал голос за кадром. — Безнаказанность за совершенные преступления стала нормой нашего общества», — и следовал вывод, объяснявший зрителям, почему давнее преступление так

волнует сегодняшнюю Россию: оно явилось «прологом чудовищных злодеяний... геноцида, массовых убийств... разрушения экономики и культуры, растреления народа».

Теперь, ответив, кажется, на вопрос, почему история старинного преступления так сверхактуально звучит в России в эпоху 80 — 90-х гг., я должен объяснить еще одно, на этот раз личное обстоятельство: «Что ему Гекуба?», то есть почему исследователь-еврей из Иерусалима решил заняться «русским делом», работая вдобавок вдали от архивов, от места действия, лишенный возможности хоть о чем-то расспросить свидетелей.

В оправдание скажу: из моря книг, трактовок, версий я выбирал лишь тот пласт цареубийства, который непосредственно касался истории моего, еврейского народа. Как раз первая часть предлагаемой вам книги и посвящена тому, что «высоким штилем» называют в науке: «Обоснование темы сочинения». Началась моя работа над текстом в тот декабрьский день 1988 года, когда в архиве Иерусалимского университета мне удалось наткнуться на неизвестную рукопись замечательного ученого, человека с удивительной даже для XX века судьбой.

«ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД В ЭТОМ ПОДЛОМ ДЕЛЕ НЕ УЧАСТВОВАЛ»

Название этой главы — выделенная прописными буквами главная мысль машинописной рукописи объемом в 119 страниц, неподписанной, недатированной, неозаглавленной, с пометками карандашом и чернилами между разделами, на полях, внутри текста. Ее первым обнаружил в архиве Иерусалимского центра по исследованию и документации восточноевропейского еврейства не я, а историк Дан Харув.

Первые слова первой ее страницы — заявка на тему:

«Ужасная тайна екатеринбургской ночи владеет совестью человечества с такой же непобедимой силой, с какой тревожат наши сердца величайшие бедствия, пережитые на земле», тайна секретной истории убийства семьи Романовых в полуподвале Ипатьевского дома. Неизвестный автор подверг анализу всю доступную ему информацию, затрагивавшую тот аспект этого преступления, где «мало изучены подробности, темны причины и тем вернее укрыты от исторического возмездия виновники», — участие в царевубийстве еврейских фигур.

Кто был автором рукописи? Наиболее вероятная кандидатура — бывший владелец бумаг фонда, где ее обнаружили, профессор экономики сельского хозяйства Иерусалимского университета в 30-х гг. Бер-Дов Брудкус (домашние и коллеги звали его Борисом Давидовичем).

Что о нем известно? Родился в 1874 году в Паланге (Литва), в семье торговца янтарем. В 1898 году окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства (Люблинская губерния, Королевство Польское) с дипломом «ученого агронома первого разряда» и золотой медалью по второй специальности — ученого-физиолога. Руководил сельскохозяйственным отделом Еврейского колонизационного общества (ЕКО), а в 1908 году стал профессором Высших сельскохозяйственных курсов в Петербурге. Входил в «мозговой трест», вырабатывавший российскую аграрную политику. Большая Советская Энциклопедия в первом издании сообщала: «По своим взглядам Брудкус являлся идеологом зажиточной, буржуазной части крестьянства. Б. пытался обосновать «историческое оправдание» политики «смелого и талантливого» П. Столыпина, доказать соответствие ее интересам народного хозяйства и «миллионов трудового крестьянства». (Для незнающих: премьер в 1906 — 1911 гг. Петр Столыпин пытался создать в России фермерскую систему хозяйства в противовес традиционному для страны общинному землепользованию.)

После большевистской революции Бруцкус работает деканом Петроградского сельскохозяйственного института. В 1920 — 1921 гг. читает публичные лекции, содержание которых излагает в цикле статей для нового журнала «Экономист». Согласно той же БСЭ, в статьях «Бруцкус пытался доказать несостоятельность экономической системы социализма, у которой отсутствует рынок, жажда обогащения у «экономических организаторов» и прочие атрибуты капиталистического строя... Многократно повторения, что «прибыль и рента являются не историческими (т. е. исторически-переходящими. — М.Х.), а историческими категориями хозяйства».

На экземпляры «Экономиста», присланные редактором в Совет Народных Комиссаров, обратил внимание премьер-министр Ленин: «Журнал является, не знаю, насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.». Особый гнев вождя вызвали исследования соседа Бруцкуса по номеру, социолога Питирима Сорокина, впоследствии создателя и главы социологического центра Гарвардского университета в США, чьим именем назовут важнейшие социологические конференции — «Сорокинские фестивали», научные центры и премию — «Международную сорокинскую премию» Всемирного конгресса социологов за лучшее исследование года.

Практический политик, Ленин не ограничился лишь письменной критикой и 19 мая 1922 года послал соратнику с «холодным умом, горячим сердцем и чистыми руками» секретную записку: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглумим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манева и еще кое-кого в Москве (оба названных лица — шефы московского ГПУ. — М. Х.).

Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ (Агранову? как предположил один из исследователей. Или Ягоде, который именно в 1922 году был переведен из Внешторга в органы? Может быть, с этого дела и началась его быстрая карьера? — М. Х.).

Мои отзывы о двух питерских изданиях. «Новая Россия», №2. Закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам политбюро и обсудить повнимательнее. Кто такой ее редактор Лежнев?.. Нельзя ли собрать о нем сведения? Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу».

Вот другое дело — журнал «Экономист»... Это, по-моему, явный центр белогвардейцев... Эти, я думаю, почти все законнейшие кандидаты на высылку за границу».

Восхищает чутье Ленина на перспективных авторов. Как мгновенно, ничего о человеке не зная, он заинтересовался Лежневым, редактором «России»! И точно, Исая Лежнев будет заведовать литературой и искусством в «Правде», напишет знаменитую статью о Дмитрие Шостаковиче «Сумбур вместо музыки» и цикла разоблачительных статей о враге русского народа Николае Бухарине. (Лежнева, воинствующего родоначальника послеоктябрьского «патриотизма», звали в детстве Исаем Альшуллером.)

Результаты чтения «Экономиста» Лениным описаны историками Михаилом Геллером и Александром Некричем так: «В числе высланных... экономисты — проф. Бруцкус, Лодыженский, Зворыкин, Прокопович; кооператоры А. Изюмов, В. Кудрявцев, А. Булатов; историки А. Кизеветтер, А. Флоровский, В. Мякотин, А. Боголепов; социолог П. Сорокин; члены комитета помощи голодающим Е. Кускова, М. Осоргин, В. Булгаков, профессора Велихов, Ясинский, Бутримов... Высланные философы: Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, С. Булгаков, Ф. Степун, Б. Выше-славцев, И. Лапшин, И. Ильин, А. Изгоев». Итак, после обсуждения с «толковым и образованным» глэпушником политбюро включило профессора Б. Бруцкуса в список «160 наиболее активных буржуазных идеологов» серебряного века русской культуры.

Почему Ленин на них разгневался? Тон авторов «Экономиста» был корректен, общая линия сводилась к поддержке официального партийного курса на нэп (этим объясняется как получение цензурного разрешения, так и, собственно, сама посылка первого экземпляра на рассмотрение в Совнарком).

Изучая проблему с большевистского наблюдательного пункта, видишь, что профессор Бруцкус не был и сторонником классического либерального капитализма. Он признавал, что с точки зрения чистого прогресса экономики формула «laissez faire, laissez passer» («пусть идет, как идет», позволяйте хозяевам делать что и как им хочется) — была самой успешной в хозяйственной практике, но обществу потребен не чистый рост экономики, а благо его граждан. Бесконтрольный экономический прогресс способен принести народам ущерб, иногда — губительный. Поэтому общественное регулирование частного бизнеса со стороны инстанций, охраняющих «общее благо», вполне, по Бруцкусу, допустимо. Оно оправданно и с историко-моральной точки зрения: удивительные успехи частного бизнеса есть результат не только индивидуальных усилий капиталистов, но и коллективных усилий всей цивилизованной части человечества. Историки помнят времена, пояснял профессор, когда самая плодородная, но не заселенная земля не имела цены, а капитал не столько давал доход, сколько требовал расхода на свое сохранение. Да и распределение богатств в современном обществе нередко коренится в историческом преобладании вы-

спих сословий, иногда в прямом насилии и грабежах, осуществлявшихся предками нынешних богачей. Это и дает современному обществу моральное право регулировать частный бизнес. «Современная социальная политика... должна иметь известное правосознание. Наша критика не направлена против этой идеи, выношенной XIX веком, мы не защищаем принципа «laissez faire, laissez passer», мы боремся только против системы, которая с корнем стремится уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации — хозяйственную свободу». Поэтому же Бруцкус одобрял нэп, хотя лишь как первый шаг в правильном направлении. «Социал-демократия, — писал он, — из партии переворота должна окончательно превратиться в партию социальных реформ, во имя реальных, осязаемых интересов трудящихся. Социал-демократия фактически к этому идет, хотя медленными, слишком медленными шагами».

За что же его и его единомышленников выслали из России?

Думается, виновата была центральная идея его лекций-статей: ужасное состояние российского хозяйства (в начале 20-х годов несколько миллионов российских граждан умерло от голода, а около 10 миллионов было спасено от подобной смерти бесплатными продуктовыми поставками Американской администрации помощи (АРА), — и это в стране, лишь 10 лет назад вывезшей на экспорт 15,5 миллиона тонн зерна, 40% мирового хлебного рынка) вызвано попыткой слепо перестроить экономику по рецептам Марксовых догм. В противовес западным и отечественным социал-демократам, виновным в провале октябрьского эксперимента неразвитость российского капитализма, Бруцкус соглашался с Лениным: все предпосылки для совершения социальной революции на их общей с вождем родине имелись. В мире нет более пригодного по природным и геополитическим условиям региона для строительства социализма в отдельной взятой стране, чем Россия. И если все-таки наступил провал (а по Ленину, уже нэп являлся «отступлением из занятой штурмом крепости»), то произошел он потому, что «результаты строительства социализма, по рецепту Маркса, нигде не были бы лучше... Социалисты обязаны открыто и честно сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать».

Но если Бруцкус прав (а опыт первых лет правления подсказывал Ленину то же самое), тогда зачем, как спрашивала героиня комедии Маяковского, «мы убили царя и прогнали господина Рябушинского?». Если потеря миллионов граждан и двух третей национального капитала явилась следствием ошибочных ленинских расчетов, принятой им со товарищи без осмысления критики экономической гипотезы Карла Маркса («сначала вяжемся в бой, а там посмотрим» — любимая российским основоположником фраза Наполеона), то психологически вполне понятно его желание убрать «с глаз долой» тех ученых, которые такую его (и его партии) ошибку поняли сразу.

После выдворения Бруцкус десять лет, до 1932 года, работал в Русском научном институте в Берлине. Именно тогда и была, по-видимому, написана найденная сейчас в Иерусалиме архивная рукопись. Примерная дата написания устанавливается следующим образом: в рукописи упомянуты книги игумена Серафима (1920), двухтомник генерала Дитерихса (1922), сочинение Роберта Вилтона, корреспондента «Times» (1923), наконец, книга следователя по делу о цареубийстве Николая Соколова (1925), но вовсе не упомянута книга С. Смирнова «Autour de l'assassinant des grands-ducs» (Париж, 1928). Следовательно, архивная рукопись сочинялась, скорее всего, между 1925 и 1928 годами.

Хотя к теме нашей книги это прямого отношения не имеет, но я воспользуюсь случаем, чтобы рассказать о дальнейшей судьбе Бруцкуса, завершив связанный с ним сюжет. В конце 20-х годов он стал, говоря современным языком, видным российским правозащитником. Вот цитата из его письма в Лигу защиты прав человека (от 3.X.1930):

«...прошлой зимой советские власти частью экспроприровали в пользу колхозов, частью просто ограбили все имущество, включая одежду, у зажиточных крестьян, несправедливо зачисленных в кулаки (эксплуататоры), и у тех, кто возражал против принудительной коллективизации. Ночью, в суровую русскую зиму, их, одетых в тряпки, с женами и детьми, вышвырнули из их домов и выгнали из деревень. Тысячи «кулаков» по приказу местных властей были расстреляны без всякого судебного решения. Сотни тысяч были сосланы в северные леса на принудительные работы... Миллионы людей — мужчины, женщины и, прежде всего, дети при этом погибли от голода и холода. Дороги в степные области и в Западную Сибирь покрыты телами умерших от голода и замерзших людей.

Катастрофа, равную которой вряд ли можно найти в истории Европы!»

Эти письма характеризуют его мировоззрение примерно в тот же период, когда писалось исследование о цареубийстве. «Новые страшные сообщения приходят из России: выдающиеся представители русской науки, годами лояльно работавшие при правительстве коммунистов, хозяйственники, агрономы, историки, даже бактериологи — арестованы и по нелепым обвинениям заключены в тюрьмы... На этот раз советское правительство не делает тайны из своих дел. В официальном органе «Известия» от 22.IX появилось сообщение ОГПУ об аресте, а в номере от 25.IX — о казни 48 специалистов. Какие еще убедительные данные нужны Лиге, чтобы заявить протест? Или она хочет, как в случае Пальчинского, направить вежливый запрос в советское консульство? В Советской России проливаются потоки крови лучшей части русского населения, духовная элита великого народа уничтожается».

Именно Бруцкус, как выяснил, изучая его архив, биограф

Виктор Каган, организовал в Европе протест против казни 48 интеллигентов во главе с профессорами Рязанцевым и Каратыгиным («48 преступников, организаторов пищевого голода в СССР», А. М. Горький, статья «Гуманистам»), подписанный, в числе прочих, Максом Планком, Альбертом Эйнштейном, Генрихом Манном, Максом Либерманом, Вильгельмом Фуртвенгером — самыми видными германскими учеными, писателями, музыкантами, художниками.

Читателям солженицынского «Архипелага ГУЛАГ», возможно, запомнился эпизод, когда автор попытался разгадать тайну отмененного процесса «Трудовой крестьянской партии» (ТКП): арестованные, успевшие «признаться» лжеминистры и «шпионы», без суда были отправлены в ссылки, и кое-кто в итоге остался жив. Позволю в этой книге, посвященной разгадыванию исторических шарад, предложить свой вариант таинственной отмены дела ТКП. После ареста обвиняемых по этому делу Борис Бруцкус напечатал в немецких и еврейских газетах следующее сообщение:

«...что касается моих коллег в области национальной экономики и аграрного дела, то все они, насколько мне известно, находятся в тюрьмах. И никакие заслуги — не только перед наукой, но и перед советской властью — не могли их спасти. Так, в тюрьме знаменитый исследователь конъюнктуры профессор Кондратьев, который основал в свое время Конъюнктурный институт; там же талантливый аграрный политик Александр Чаянов, долгие годы работавший в Комиссариате сельского хозяйства; известный исследователь в области науки о сельскохозяйственном производстве проф. Ник. Макаров, познакомивший Советскую Россию с организацией американского сельского хозяйства. С ними выдающийся финансист-специалист проф. Юровский, создавший валютный червонец; известный статистик проф. Громан, работавший в Госплане и награжденный орденом Красного Знамени; талантливый руководитель московской с/х экспериментальной фабрики проф. Дояренко и т. д. Та же участь постигла и самых выдающихся русских историков во главе с почтенным Нестором русских исторических источников Платоновым».

Впоследствии Бруцкус так оценивал результаты своих общественных усилий: «Я очень внимательно следил за последствиями этой демонстрации. Она имела значение, и советское правительство вынуждено было оправдываться перед общественным мнением. Без сомнения, оно теперь отказалось от особенно беззастенчивых методов». Думаю, он был прав: сталинскому политбюро дали понять, что процесс друзей и коллег Бруцкуса до «мозговому центру российской аграрной политики» будет сопровождаться шквалом европейских протестов. Сталин мог в годы, когда он только начинал личную борьбу за общественное мнение «левой Европы», уклониться от открытой схватки с «правозащитной эмиграцией».

В 1932 году Бруцкус покинул Берлин: профессор-еврей успел удалиться оттуда «без пяти двенадцать». Его пригласили в Бирмингем, но он предпочел кафедру в Иерусалиме: несколько лет читал в университете курс экономики сельского хозяйства и вел активную научную работу как агроном. В 1938 году скоропостижно сгорел от рака. Ему было 64 года.

Почерком Бруцкуса сделаны основные пометки на рукописи, но латинские термины и номера страниц критикуемых изданий вписаны в текст другой рукой. В беседе с Виктором Каганом сын профессора, инженер Давид-Анатоль, высказал предположение: «Похоже на почерк дяди». Кем был дядя?

Бруцкус-старший, Юлий (1870 — 1951), считался известным сионистским журналистом и общественным деятелем; в независимой Литве служил министром по еврейским делам и являлся депутатом парламента Литовской республики. В дальнейшем стал одним из основателей партии сионистов-ревизионистов. Мысль о его возможном соавторстве поддерживается тем, что автор найденной рукописи явно знаком с секретными запахами «политических кухонь» Российской империи и Советской республики. Однако политикой занимался ведь и младший брат, Борис: в дореволюционной России он считался одним из руководителей еврейской «Фолкспартей», основанной историком С. Дубновым.

Сочинение не было напечатано. В списке публикаций Бруцкуса-младшего (в том же фонде) среди 321 статьи на семи языках (русском, польском, немецком, французском, иврите, идише, английском) мною не обнаружена рукопись о цареубийстве.

Судя по тексту рукописи, автор придавал большое значение опровержению следственного мифа о евреях — убийцах императорской семьи. В финале он сравнивал этот миф с «кровавым наветом» — легендой о ритуальном убийстве евреями христианских младенцев:

«Сейчас, на фоне великого потрясения, внесенного в мир войной, романовская трагедия не выступает на первый план, она как бы сливается с общей картиной бедствия, пережитого миром. Но придет время и екатеринбургская ночь выдвинется на авансцену и станет темой не только для историков, но и для поэтов, мифотворцев, легенд... Екатеринбургские легенды могут сыграть роль не только для судеб евреев, но и для всего хода будущей русской истории... Если тот, первый навет мог развить такую силу и живучесть, если мы еще в XX веке были свидетелями жестоких преследований целого народа и свирепых погромов, подогретых клеветой... почему мы должны оптимистически верить, что на этот раз туча пройдет, не оставив следа?»

Думается, публикации помешала тема: разоблачение юристов и армейских чинов Колчака, «белых чекистов», как назвал их автор, используя самый оскорбительный термин в собственном лексиконе, могло испугать издателей, вынужденных счи-

таться с настроениями не слишком обширной массы читателей-покупателей.

Так или иначе, но рукопись, никем не тревожимая, пролежала в архиве Бориса Бруцкуса 60 лет. Но вот в 80-х годах произошел своеобразный «ренессанс» забытого автора: диссидент Виктор Сорокин познакомился с его статьями в чудом сохранившихся экземплярах «Экономиста» и, очутившись в Париже, совместно с иерусалимской исследовательницей Дорой Штурман издал их отдельной книгой. Она сделалась в некотором смысле «событием» эмигрантской литературы: экономист, американский профессор Игорь Бирман назвал Бруцкуса в рецензии «забытым пророком».

Однажды мне позвонил мой иерусалимский знакомый, «язвительный и находчивый физик» из I тома «Архипелага», сосед Солженицына по Лубянке, Виктор Каган и сообщил:

— В архиве вашего центра есть неизвестная статья Бруцкуса, где он очень смешно отзывается о Свердлове. Называет его Яшкой и хулиганом.

— А о чем статья?

— Об убийстве Николая II.

На следующий день я заказал ее в архиве.

Что же заставило отложить текущие исследовательские дела и заняться изучением неизвестной рукописи?

Глава 3

О СЕБЕ

Впервые о екатеринбургском расстреле я узнал зимой 1945 года, в 4-м классе школы №1 уральского города Ирбита.

Не слушая монотонное объяснение учительницы, читал на уроке под партой учебник и наткнулся на такие строки: «Уральский Совет решил казнить бывшего царя. 17 июля 1918 г. Николай II был расстрелян в Екатеринбурге».

Я запомнил этот случай исключительно из-за чувства удивления, которое во мне тогда возникло. Чего об этом писать в учебнике? В те годы казалось, что царя обязательно должны были убить: достойным учебника выглядело, например, отречение от престола, а казнь из такого отречения вытекала сама собой. Вот почему несколько строк в старом учебнике, сохранившемся в провинции (в новых, конечно, я ничего подобного потом не встречал), надолго растревожили мою память, а за ней и воображение.

Второй ступенью к сегодняшнему тексту был роман Лиона Фейхтвангера «Мудрость чудака, или Смерть и бессмертие Жан-Жака Руссо».

За истекшие с четвертого класса 13 лет я ни разу не встретил в печати даже упоминания о екатеринбургской казни. Но думать о ней приходилось, читая иностранные сочинения на схожую тему: мальчишки моего поколения взахлеб проглатывали «20 лет спустя» и «Графиню Шарни» А. Дюма-отца, пьесы о французской революции Р. Роллана, смотрели в кино «Дорогу на эшафот»... Разумеется, мы узнавали там, что Карла I судил Высший суд справедливости, а Луи XVI — Конвент, что обвинение монархам предъявили публично и дали возможность открытой защиты, что отчеты в суде и сама казнь были публичными. (Д'Артаньян, спрятавшись под плахой, слышал последний крик Карла I: «Remember!», т.е. помни о кладе, припрятанном для наследника, будущего Карла II.) Но отроки революционным сознанием ощутили, что казни-то были предрешены Кромвелем или там Робеспьером, юстиция их лишь оформляла, а что такое революционный суд — это мы в нашей стране хорошо знали.

Вот почему так важен оказался для меня роман Фейхтвангера. В нем описывались заседания Конвента — как возражали против казни убежденные революционеры, надеясь, что свергнутый монарх сумеет в будущем увидеть счастье освобожденного народа! По Фейхтвангеру, казнь Людовика Конвент утвердил с перевесом в один голос (историки уверяли меня, что это

художественный прием, а на самом деле перевес составил не то 4, не то 6 голосов). Именно тогда, над страницами Фейхтвангера, в моем мозгу впервые зародилось сомнение в справедливости екатеринбургского расстрела: вон как во Франции сделали, а у нас решал какой-то Уральский Совет... Не уральский же был император Николай II Кровавый, а всероссийский!

Должен признаться: казнь царицы и мальчика-наследника не тронула мое задубевшее сердце. Убийство Александры Федоровны лишь дублировало на русский гильотинирование Марии-Антуанетты, а меня воспитали на строчках Маяковского, которому в Версале превыше дворцов и фонтанов понравилась трещина на туалетном столике:

В него
пштыка революции клин
Вогнали,
пляша под распевку,
Когда санкюлоты
поволокли
На эшафот
королевку.

Что касается наследника, то и самого-то Николая убили, чтоб избежать угрозы реставрации, а живой наследник — опора вечных заговоров и монархических надежд.

Эти стереотипы одним блоком, в одно мгновение вывалились из моего сознания, и как сегодня помню белую ночь, когда все произошло. Я развлекался чтением газет на стенах в полуночный час, без фонарей, и вдруг увидел в «Комсомольской правде» статью, посвященную полувековой, «круглой дате» расстрела. Первая фраза сообщала: «В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге были казнены Николай II, его жена, их сын и четыре дочери, лейб-медик Боткин, дядька царевича матрос Деревянко, комнатная девушка Демидова и лакей Трупп, всего одиннадцать человек».

Прав был персонаж Анатоля Франса в «Острове пингвинов», утверждавший, что безусловно неопровержимо в суде дело, где у обвинения нет ни единой улики, ни одного факта, тогда и защите нечего опровергать. Мне оказалось достаточным прочитать всего одно предложение — список убитых, чтобы сразу увериться в абсолютной лживости всего, что внушали с 4-го класса. (Умышленно процитировал фразу так, как ее напечатали в «Комсомолке», хотя сегодня знаю, что она ошибочна: среди расстрелянных находился не Деревянко, а повар Харитонов. Автор, видимо, черпал информацию из книги 20-х гг., других тогда не было, комиссара П. Быкова, где сделана та же ошибка.)

Особенно поразила в списке фамилия лакея — нельзя ведь и придумать политической мотивировки для убийства простого лакея (или комнатной девушки). Ясно, что убивали не только

Романовых, но и всех, кто мог бы убийц опознать. И царевен, девушек, не имевших, согласно «Акту о престолонаследии» Павла I, никаких прав на престол и власть, убивали, конечно, с той же целью, что их врача и прислугу, — устранили свидетелей этой, по выражению Р. Пайпса, «кровавой, разбойничьей резни». Палачи вполне ведали, что творили.

И был еще один эпизод, подготовивший эту книгу. Сегодня знаю, что полученная тогда информация была неверной, но путь к добытой истине не хочется выпрямлять, да и сами ошибки оказались для меня в итоге бесполезными...

Кто из нашей писательской компании подцепил его в ресторане на улице Воинова в Ленинграде? Моложавый, энергичный журналист (фамилию до сих пор не знаю), пытаюсь произвести впечатление на приключенцев, фантастов и нас, документалистов, заговорил о том, что могло бы заинтересовать сразу всех. О цареубийце Юровском (от него я и узнал эту фамилию).

— Юровский? У меня в классе учился такой мальчик.

— В какой школе? — сразу заинтересовался он.

— Пятьсот третья, Кировский район.

— Верно. Кто-то из екатеринбургских Юровских там за заставой живет. Знакомы с родителями?

— Нет.

— Спросите-ка их про «Записку» деда. Может, покажут? Хотя далеко не всякому... Он ведь к царю хорошо относился. Убил, конечно, по приказу свыше, а сам по себе царь ему нравился...

Такие «литературно» оформленные отношения палача и жертвы, признаюсь, заинтриговали воображение литератора. Но ничего узнавать все-таки не захотелось.

А в 1973 году прочитал наконец первую на памяти людей моего поколения целую книгу, посвященную цареубийству, — вышеупомянутые «23 ступени вниз» Марка Касвинова. Настолько она не задела моего интереса, что бросил, не дочитав, на середине. Вскоре и самой возможности дочитать лишился: меня изъяли из общества на 6 лет за написание предисловия к стихам запретного тогда Иосифа Бродского и вместо исторических тем, занимавших ранее заключенного сочинителя, мне пришлось много лет подряд описывать брежневские лагеря и ссылки.

...Запомнился абзац, на котором в раздражении бросил читать пухлое сочинение Касвинова, длинная цитата из мемуаров первого коменданта екатеринбургской тюрьмы Александра Авдева:

«Он (царь. — М.Х.) спросил меня, кто такие большевики. Я сказал, что пять большевиков, депутатов Государственной Думы, были им сосланы в Сибирь, так что он должен знать, что за люди большевики. На что он ответил, что это делали министры, часто без его ведома.

Тогда я спросил его, как же он не знал, что делали его ми-

нистры, когда 9 января 1905 года расстреливали рабочих перед его дворцом, перед его глазами.

Он обратился ко мне по имени-отчеству и сказал: «Вот вы не поверите, может быть, а я эту историю узнал уже после подавления восстания питерских рабочих».

Я ему ответил, что этому, конечно, не только я — не поверит ни один мальчишка из рабочей семьи».

Здесь, возможно, следует объяснить читателям, почему это место вызвало у меня столь сильное раздражение.

Разумеется, фабричный хулиган Авдеев мог не поверить словам бывшего императора. Но историк Марк Касвинов, цитировавший редкие издания Вены, Флоренции, Белграда, — мог ли он не быть в курсе популярных брошюрок Лениздата, где, к чести авторов, обычно упоминалось: в дни «Кровавого воскресенья» Николай с семьей жил в Царском Селе и приказ стрелять по манифестации рабочих отдан был без его ведома генерал-губернатором великим князем Владимиром. Не упомянув об этом общеизвестном факте, Касвинов продемонстрировал, как он реально оценивает своих читателей, а я на него за это обиделся.

...Зимой 1977/78 года у нас в зоне ЖХ 385/19 был организован (нелегально, разумеется) научный семинар, проходивший по воскресеньям на крыльце старого закованного барака. В рамках этого семинара я прочел зэкам несколько лекций о первой русской революции и в них впервые сформулировал свое отношение к политике и личности Николая II.

Ходим после лекции с демократом Солдатовым и патриотом Осиповым, стемнело рано (зима), подслушек во дворе наверняка нет, и обсуждаем на лагерном «кругу» судьбу последнего российского императора.

Кажется, Ключевского цитировал тогда Осипов: «Монархия была бы лучшей формой правления, если бы не случайности рождения».

— Но тут как раз случайность рождения! — горячусь я. — Николай был честным, высокоморальным человеком, причем мне он видится личностью волевой...

Когда я обычно подобное заявлял, собеседники воспринимали мои слова как оригинальничанье, желание «ученость свою показать». Только через 12 лет наткнулся в журнале «Отчизна» на характеристику, сочиненную искусствоведом императорского Эрмитажа бароном Николаем Врангелем (старшим братом белого главоверха), лично и по службе неплохо знавшим царя: «Человек узких мыслей, но широкого их наполнения, ум — небольшого кругозора, всегда непреклонный, почти упрямый и всегда ни в чем не сомневающийся. Монарх *par excellence*, смотрящий на жизнь как на службу, человек, который знал, чего он хотел, хотя хотел он слишком многого; мощный властитель, часто с нерусскими мыслями и вкусами, но с размахом всегда чисто русским. Непреклонный, повелительный, непомерно че-

столюбивый, император во всем, что он делал. Самодержец в семье, в политике, в военном деле и в искусстве. В последнем он мнил себя особым знатоком, каким должен быть всякий в его положении, но прежде всего и во всем император был военным».

Эта цитата поразила совпадением до мелочей с тем обликом, что сложился после изучения документов его царствования.

Но тогда, у барака, заметив недоверие Осипова — ведь, согласно традиционному мнению, Николай погиб из-за слабости, уступчивости, чуть ли не безволия, — я пояснил:

— Вот мои доказательства. Пятнадцатый год, август. Он берет на себя главнокомандование и уезжает на фронт. Все министры убеждены, что это ошибка. Но он верил, что долг царя быть с теми, кто воюет и умирает за него. Это непрактично, негосударственно, губительно, но подумай, Володя, какой верой в свою миссию надо обладать, чтобы принять судьбоносное решение одному против всех! Или — семнадцатый год, февраль. От него требуют отречения все командующие фронтами, начальник Генштаба, думские монархисты — он держался один против всех, пока не узнал, что его жена и дети в плену у мятежников. Кто бы на его месте в этот момент не уступил?

Говорил я с Осиповым... нет, не с опаской, но с боязнью обидеть. Владимир Николаевич был человеком с мистическим складом характера, с вытекающей из него верой в заговоры и в таинственные источники великих переворотов в истории. Я боялся нечаянно задеть какое-то его чувствительное и потому уязвимое убеждение — поэтому говорить с ним о Николае для меня было все равно что по минному полю идти. Ибо главный порок императора как государственного деятеля я видел в том, что, подобно моему лагерному другу, он тоже был человеком мистической складки. На мой взгляд, для автократии самое опасное, когда благородный, но мечтательный правитель держит кормило правления и мешает своим компетентным и практичным помощникам проводить в жизнь необходимые решения, ссылаясь при этом на «Вышние силы».

Лишь намекнул Осипову: личная порядочность лидера, увы, далеко не всегда оборачивается достоинством для политики руководимой им страны. Макиавелли сформулировал следующее «золотое правило» политиков: мораль частного лица и государя имеют далеко не совпадающие границы, и мудрость политика состоит в нащупывании границ той особой морали, которая обязательна не в частной жизни, а в его специфической службе.

— Говорить о Николае трудно. Нормальная совесть не позволяет мученика в чем-либо упрекать. Публично говорить о его вине перед Россией — невозможно. Но здесь нас не слышат, разговор среди своих, и скажу вам честно: он очень перед Россией виноват. Не знаю царя, к кому была бы так благосклонна судьба, дала таких первоклассных министров: Витте, Столыпин...

— Кто был лучше? — помню неожиданный вопрос Осипова.

— Каждый по-своему. — Я понимал, что Осипов хочет услышать: Столыпин, но лукавить не хотел. — Витте шире, это европейский тип министра, с кругозором Бисмарка или Дизраэли. Ему бы получить такое доверие и полномочия, какие тем дали их государи, он бы в Европе никому не уступил по историческому масштабу. А Столыпин мне представляется русским де Голлем, с достоинствами и минусами правителей этого типа. Тоже очень крупный был человек! С такими слугами — проиграть империю!

Товарищи молчат.

— Вы оба возглавляли организации и знаете, как трудно ваш народ сдвинуть в новый исторический поток. А ведь империя стояла не шесть десятилетий, как СССР, а три века. Население преимущественно мужицкое, а земледельцу и всюду-то в мире не до политики, только не мешай ему хозяйствовать на земле. Нужны были огромные, непредставимые обычному уму ошибки правителя, чтобы в подобной стране произошла революция. Он был благородным человеком, но очень виноват перед Россией...

Разговор замер. Прошло 13 лет. Я по-прежнему молчал, хотя продолжал думать о судьбе и гибели последнего царя. Наверно, считал бы правильным для себя молчать и дальше, если бы в новой, перестраивающейся России не возникла — уже без меня — дискуссия об убийстве Романовых летом 1918 года на Урале.

ПИСАТЕЛЬ АСТАФЬЕВ И МАТЕМАТИК ШАФАРЕВИЧ

Предвидение Бориса Бруцкуса сбылось: прошли десятилетия и трагедия Романовых вернулась в Россию, став важным элементом ее возрождающегося общественного сознания.

Лишь в 1986 году началась реальная перестройка, а уже к началу следующего, 1987-го, пришли в Израиль такие вести:

«Две главные сенсации осеннего сезона в Москве — это фильм грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе «Покаяние» и переписка Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым. Она разлетелась по Москве в десятках, а то и сотнях машинописных экземпляров, старожилы не упомнят такого...»

Вслед за Москвой она облетела и всю эмигрантскую русскоязычную прессу: не было печатного органа, который ее не опубликовал бы, на худой конец, не посвятил ей статью.

Натан Эйдельман представился адресату: «Историк, литератор, еврей, москвич, специалист по русской истории XVIII — XIX вв.». Был он лучшим мастером исторической публицистики в России.

Его корреспондент, Виктор Астафьев, как сказано в самиздатском отклике на их переписку, «в рекомендациях не нуждается... Его книги выходят часто и на прилавках не лежат. Пожалуй, его можно назвать одним из самых читаемых и почитаемых у нас современных писателей. Что особенно интересно — популярен Астафьев у весьма им не любимых (скажу так, в общем-то, мягко скажу) столичных интеллигентов и евреев».

Началась переписка с того, что, восхищенный достоинствами астафьевской прозы («лучшие за многие десятилетия описания природы... В «Правде» он сказал о войне, как никто не говорит. Главное же — писатель честен, не циничен, печален, его боль за Россию настоящая и сильная»), Натан Эйдельман счел нужным высказать, что прежде всего он считает опасным на духовном пути писателя:

«Не скрывает Астафьев и наиболее ненавистных, тех, кого прямо или косвенно считает виноватыми. Это интеллигенты — дармоеды, «туристы», кто орет «по-бусурмански», москвичи, восклицающие: «Вот когда я был в Баден-Бадене». Наконец, иностранцы... Итак, интеллигенты, москвичи, туристы, толстые Гоги, Гоги Герцевы, косомордые, еврейчата, наконец, дамы и господа из литфондовских домов. На них обрушивается ливень злобы, презрения, отрицания». И далее историк напоминает писателю по «главный закон российской мысли и словесности»:

«...размышляя о плохом, ужасном, прежде всего, до всех сторонних объяснений, винить себя, брать на себя; помнить, что нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри».

В ответ быстро получил письмо:

«Натан Яковлевич!

...На ваше черное, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского высокоинтеллектуального высокомерия (вашего привычного уже «трунения»), не ответу злом, хотя и мог бы...

Более всего в вашем письме поразило скопище зла... Хорошо хоть фамилией своей подписываетесь, не предаете своего отца... Пожелаю вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего царя, стихи которой были вложены в Евангелие: «Господь! Прости нашим врагам. Господь! Прими и их в объятия». И она, и сестры, и братец, обезножевший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юрковский.

Так что в минуты утишения души стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юрковского и иже с ним, маялись по велению Высшего Судии, а не по развязности одного Ежова.

Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти, и мы все еще *народ Большой*, и нас еще мало убить, надо и повалить».

Эйдельман откликнулся:

«Виктор Петрович, желая оскорбить — удручили. В диких снах не мог вообразить в одном из властителей дум столь примитивного, животного шовинизма, столь элементарного невежества. Дело не в том, что расстрелом царской семьи (давно установлено, что большая часть исполнителей была екатеринбургские рабочие) руководил не сионист Юрковский, а большевик Юровский. Сионисты преследовали, как Вам, очевидно, неизвестно, совсем иные цели — создание еврейского государства в Палестине... Дело даже не в логике «Майн кампф» о наследственном национальном грехе, хотя, если мой отец сидел за «грех Юрковского», тогда ваши личные беды, выходит, плата за раздел Польши, унижение «инородцев», еврейские погромы и прочее... Главное: найти в моем письме много зла можно было лишь в цитатах. Ваших цитатах, Виктор Петрович».

Прочитав эту переписку, я парадоксальным образом сочувствовал писателю, а не историку — парадоксальным, ибо по внутренней сути я близок именно к Эйдельману, которого как автора и любил, и ценил. Его главный просчет, по моей оценке, состоял в том, что хотя Эйдельман декларировал свое еврейское происхождение («Хорошо хоть фамилией своей подписываетесь, не предаете отца своего», — отметил Астафьев), но воспринимал этот факт как анкетный, а реально ощущал себя обычным русским литератором, не понимая искренно, что Астафьев

его таким не считал и, главное, имел право не считать! Ибо хотя верно, что очень многое в нашей судьбе зависит от личного выбора, но — не все ведь: в каждом поколении мы завершающее звено в той бесконечной цепи времени, которую однажды в пасхальную ночь увидел мысленным взором герой чеховского рассказа «Студент». Воля наших предков к жизни, их инстинкт к продолжению себя в потомстве воплотились и в Эйдельмане, и во мне в специфическом наборе неразрушимых генов — невероятно трудно эту крепость наследственности как-то взорвать!

Несовпадение национальных ментальностей отразилось в их переписке, в частности, по вопросу, которым я здесь занимаюсь: о гибели царской семьи. «Давно установлено, что большая часть исполнителей была екатеринбургские рабочие... Расстрелом царской семьи руководил не сионист Юрковский, а большевик Юровский» — и далее эйдельмановское («привычное уже вам трунение»), мол, якобы неизвестно Астафьеву, кто такие сионисты... Знает он все, отлично знает, но термином «сионист» прикрывал неприличное в те годы для употребления в СССР, казавшееся оскорбительным для его адресата слово — «еврей». Вы, мол, евреи, расстреляли царя и девушек, и обезножевшего мальчика — а они, погибшие, и мы, христиане, вас простили!

Сами видите, опасения Бруцкуса насчет нового «кровавого навета» начали оправдываться, если подобную идею разделял один из тех, кого историк Эйдельман назвал «властителем дум».

Тогда-то мне и захотелось задать Эйдельману вопрос: кем и когда, Натан Яковлевич, было «давно установлено, что большая часть исполнителей» оказались не латышами и евреями, а екатеринбургскими рабочими? Кто это, собственно, знал, кроме вас? Я, например, человек, всю жизнь изучавший русскую историю, впервые прочитал об этом в вашем письме к Астафьеву. Еще более усилился мой интерес примерно через два года — после прочтения в тель-авивском журнале «22» работы крупнейшего современного математика и видного в прошлом диссидента Игоря Шафаревича «Русофобия». Излагая в ней свою концепцию философии истории, он, правда, оговорил, что «мысль, что «революцию делали одни евреи», — бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее проще было опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» русскую революцию, хотя бы в виде ее руководящего меньшинства»... Но одновременно математик отметил «большую концентрацию еврейских имен в самые болезненные моменты, среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, исторических корней», и, доказывая, привел несколько примеров, главным из коих является следующий:

«Особенно ярко эта черта выступает в связи с расстрелом

Николая II и его семьи... Николай II был расстрелян именно *как царь*, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбард), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено двустихие из Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это».

Оставляя оценку гипотез Шафаревича «на потом», отмечу лишь, что «Русофобия» можно сравнить с рукописью по математике, где в каждой главке есть любопытные и возбуждающие воображение задачи, но постоянно встречаются ошибки в арифметических вычислениях. Переводя это сравнение на язык историка, скажу, что автором «Русофобии» называются не те фамилии, должности, даты, действия — не говоря о более деликатных материях, вроде толкования человеческих мотивов в ходе исторического процесса. Например, Шафаревич не чувствует, что в душах «представителей незначительного этнического меньшинства», насчитывавшего тогда примерно шесть с половиной миллионов человек, российский император занимал место такого же законного и традиционного их светского повелителя, как для своих православных подданных. Продолжая его собственную историческую аналогию, представьте сегодняшнего французского мыслителя, отрицающего право гугенотов или горожан Страсбурга принимать участие в суде Конвента 1793 года!

Надеюсь, теперь читатель почувствует (к чему я и вел его сюжетами предыдущих главок), почему мной была сразу заказана машинописная рукопись Бориса Бруцкуса из университетского архива. Ведь он был современником роковых событий 1918 года! А прочитав его сочинение, я уже взялся за собственное расследование — изучение того, что же подлинно происходило внутри и вокруг Дома особого назначения, за историю не только самого преступления, но и следствия по данному делу.

Не буду строить повествование по законам детектива, интригуя читателя «загадкой архивной рукописи» до финала. Начну, наоборот, с ошеломившего меня ее основного вывода.

Изучив все доступные к середине 20-х годов источники и исследования, особенно главные — два тома «Убийства царской семьи на Урале» колчаковского министра генерала Михаила Дитерихса, книгу Роберта Вилтона «The Last days of the Romanovs», книгу следователя по этому же делу Николая Соколова «Убий-

ство царской семьи», Бруцкус пришел к неопровержимому для себя заключению: версия цареубийства, разработанная в военно-юридических кругах колчаковского правительства, оказалась сфабрикованной фальшивкой, служившей идеологическим целям определенной общественной группы. Она дала возможность укрыться от суда истории важнейшим организаторам преступления, обвинив в убийстве непричастный к нему народ. Еврейский народ.

Это настолько противоречило тогдашнему моему представлению об общественно-политических силах российского белого движения, что, например, просто опубликовать рукопись Бруцкуса я не решался. Но и пренебречь его гипотезой тоже казалось невозможным: слишком очевидными выглядели благородство его позиции, безусловная защита жертв убийства, логика доказательства, серьезность подобранных фактов. И пришлось засесть за долгую работу, проверяя каждую строку его рукописи источниками, исследованиями, открытиями, которые накопились в исторической науке за последние 60 лет.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Проверка фактов и гипотетических построений Бруцкуса облегчалась в 1989 — 1990 годах внезапным стечением поразительно благоприятных для моей работы обстоятельств. Признаюсь, такое более чем своевременное везение вдохновляло, а иногда пугало!

Например, незадолго до начала моей работы опубликовал самое серьезное на Западе исследование по этой же теме профессор Гарвардского университета (США) Ричард Пайпс.

Здесь, думается, уместно отвлечься от сюжета и сказать несколько слов о моем отношении к трудам этого историка, который видится сегодня лучшим знатоком общей истории России.

Отсюда вовсе не следует, что я согласен с каждой его концепцией или со всеми доказательствами. Всеобъемлющая правда в науке принципиально невозможна: «На исчерпывающее знание претендуют только дураки, имя же им легион» (Ф. А. Хайек). Наука невозможна без поиска, поиск — без ошибок. Кроме того, историческую истину принципиально невозможно изложить во всей полноте, даже если автор многое понял: исторические связи явлений принципиально бесконечны. Все вышесказанное относится к работам Пайпса: в них встречаются и ошибки, и неполнота изложения. Ценю же я его за честный поиск, за умение ощутить и выразить потаенную социально-психологическую атмосферу — такой инстинктивный дар, моему, и составляет природу таланта истинного историка.

...Возможно, мои комплименты частично вызваны близостью к выводам Пайпса результатов собственного, независимого от него исследования. Как литератор, занимавшийся в СССР исторической прозой и публицистикой («народничество» и «народовольчество»), я не мог не думать об общих закономерностях российской истории — особенно когда оказался в тех же самых камерах, где за сто лет до меня как раз и сидели персонажи написанных мной повестей (следизолятор ЛенУКГБ был расположен в знаменитом ДПЗ — Доме предварительного заключения, построенном для участников «хождения в народ»).

В те годы я Пайпса не только не читал — фамилии такой не слышал. Поэтому концепцию «двухъярусного развития» России сочинял сам, обдумывая доступные мне в Союзе первоисточники.

Суть ее сводилась к следующему: история империи развивалась постоянно как бы на двух уровнях. Центральным, самым

заметным потоком оказалась эволюция от «литургического» (очень понравившееся мне определение П. Струве) к правовому европейскому государству. Высшей точкой на этом пути была Думский период (1906 — 1917 гг.). Неустойчивость же имперской государственной машины на скользком, чреватом кризисами «пути России в Европу», завершившемся в 1917 году сбросом империи в исторический кювет, являлась следствием двойной системы российского правопорядка и общественной морали. *Двойственности* (не путать с двуличием) сложившейся в России системы власти.

Пайпса оппоненты называли «руссофобом», поскольку он считал империю Романовых родительницей тоталитарного государства. Из этого произвольно делался вывод, якобы историк считал русских носителями особой, не то рабской, не то рабовладельческой психологии. Но Пайпс не связывал возникновение тоталитаризма с национальным характером русских: тогда ему пришлось бы объяснять аналогичные феномены национальными характерами немцев, итальянцев, японцев, китайцев, хорватов, вьетнамцев... Не о специфическом характере народа шла речь (тем более в многонациональной и этнически перемешанной империи), а об особенностях исторически сложившегося государственного устройства. Образно выражаясь, историк писал не портрет русского народа, а анамнез (историю болезни) русского государства. Ни красота, ни ум и талант, ни добрые намерения пациента не интересуют врача у постели больного: он их не отрицает, это, однако, предмет другой и не имеющей отношения к обсуждаемой теме беседы.

Впрочем, многие русские патриоты согласны сегодня проклинать свое отечество при неперменном условии: иностранец не должен их чувств разделять. Увы, на мой взгляд, пока никто лучше Пайпса не вычислил причину русских государственных болезней.

Повторяю, не нужно убеждать Пайпса — и меня тоже, что Россия с 60-х годов XIX века стремительно развивалась по направлению к правовому государству: мы это знаем. Но одновременное существование двойной юриспруденции — одной для защиты государственного порядка, другой для охраны прав подданных (госпреступниками ведало МВД, «бытовиками» Министерство юстиции), как и двойной системы административно-управления (обычной, правительственной, и «чрезвычайной» и «усиленной охраны», с генерал-губернатором во главе), как и двойных приемов дипломатии (для легитимных и «нелегитимных» правителей) и т. д. — вся эта двойственность правопорядка сделала европейски воспитанную и в то же самое время военно-феодалную элиту империи беспомощной, лишенной морально-политической опоры в неожиданно складывавшихся исторических ситуациях. «Посмешищем», по выражению Пайпса.

Нерешительность, слабость воли, которую вслед за его современниками многие монархисты приписывали Николаю II, бы-

ли следствием не его личной мягкости — мы увидим далее, что когда царю пришлось испытать свою волю в противостоянии режиму в тюрьме, он поразил комиссаров мужеством. Нет, его колебания объяснялись постоянной необходимостью выбирать решение в условиях недостаточной информации (черта, в принципе присущая ментальности любого жителя Запада). Выбирать между традиционной, освященной обычаями, законами и навыками «твердой властью», богоданным наследием с его жандармами и городовыми, Византией и Ордой за плечами — и новыми, возникавшими словно бы ниоткуда стремлениями общества и народа. Стремлениями, подозрительными в глазах начальства, как все идеологически новое, но удивительным образом приводившими к расцвету, к усилению могущества и богатства великой империи!

Что выбрать: старое, привычное, близкое душе, законом и традицией закрепленное — или сомнительные новации, которые привели к взрывообразному усилению мощи страны?

Уинстон Черчилль писал о Николае II:

«Бремя всех последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят возможности человеческого разума, где все выглядит неисповедимым, искать ответы приходилось ему. Стрелкой компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за них честь?.. Несмотря на ошибки, большие и страшные, тот строй, который в нем воплотился, которым он руководил, которому своими личными свойствами придал жизненную силу, — к началу революции уже выиграл для России войну».

Позднее, рассуждая о причинах поражения русской монархии, я объясню подробно, почему концепция «двухъярусного строя» кажется мне столь плодотворной. Здесь лишь отмечу, что новая работа Пайпса об убийстве царской семьи написана была на обычном уровне его таланта: она изобилует интересными, серьезно обоснованными гипотезами по самым темным и сложным эпизодам екатеринбургского преступления и снабжена превосходной библиографией по предмету, что сэкономило мне в моих собственных поисках массу сил и времени.

Почти одновременно с исследованием Пайпса был впервые опубликован сборник документов по делу — 277 избранных следственных показаний, постановлений, экспертиз и справок.

...В 1918 году урало-сибирские юристы изготовляли все следственные акты по делу об убийстве царской семьи в трех экземплярах. После отступления белых войск из России оригинал и обе копии были вывезены следователем Николаем Соколовым в Харбин (Китай), но и здесь бастовали железнодорожники, в округе бродили китайские бандиты — «хунхузы», готовясь ограбить город. Тогда на совещании генералов Дитерихса и Лох-

вицкого, Николая Соколова и Роберта Вилтона было решено переправить все материалы в Европу. По просьбе Дитерихса основной, первый экземпляр был вывезен в Париж французским генералом Жаненом. Второй экземпляр позднее попал в Берлин с Соколовым. Третий очутился с Вилтоном в Лондоне.

Дальнейшее напоминает детектив. Берлинскую квартиру Соколова кто-то ограбил, утащил бумаги (Павел Бульгин, автор «The Murder of the Romanovs», уверял что это «коммунистические агенты» переправили их в Москву через Прагу). Соколов продолжал работать, опираясь на основной парижский экземпляр: по приказу главы императорской фамилии великого князя Николая Николаевича этот оригинал дела хранился у главы Совета русских послов Михаила Гирса. «Много скандалил с Гирсом, — писал Соколов в личном письме, — кое-как удалось достичь прикосновенности к делу. Изъял все главные документы, на коих основан самый подлинник» (видимо, имелось в виду — скопировал их). По сообщению историка Н. Росса, собранные для этой работы материалы хранятся сегодня у какого-то эмигранта «в одной из европейских стран» — все, что пока известно публике о берлинском экземпляре следственного дела.

«Что касается парижских оригиналов дела и приложенных к ним вещественных доказательств, их дальнейшая судьба неясна. По некоторым сведениям, письменные материалы хранились до второй мировой войны в сейфе одного из парижских банков. Во время оккупации немцами Парижа сейф был открыт по приказанию немецкой полиции, и с тех пор след изъятых документов потерян» (Н. Росс). Если они попали из Парижа в здание РСХА (имперского Управления государственной безопасности) в Берлине, то оттуда, скорее всего, перекочевали восточнее, и тогда экземпляр, по слухам, ставший доступным в 1990 году для исследователей в Москве, возможно, и есть самый оригинал дела.

Но на Западе сохранилась еще одна, лондонская копия — Роберта Вилтона. В 1937 году, когда спецгруппы Ежова занимались более острыми, чем похищение старых бумаг, акциями, ее продали с аукциона наследники английского журналиста. После войны некое частное лицо, покупатель, пожертвовало покупку Гарвардскому университету. Там она и хранится по соседству с приобретенным фондом «Льва революции» — Троцкого.

Над делом в Гарвардском архиве многие поработали, но для публики его не издавали: для американцев это был эпизод чуждой и далекой от их интересов истории. Толчком к публикации послужило, видимо, обнаружение еще одной, ранее не зафиксированной копии со следственных актов — даже более полной, чем гарвардская.

...Отступая на восток, следователь попал в Забайкалье. Тамошний хозяин, казачий атаман Семенов и самого монархиста Соколова посчитал все-таки «революционистом» — как-никак тот был «законником», хотел сажать того, кого сам считал пре-

ступником, а не того, кого администратор-атаман видел своим врагом. Соколов атамана побаивался. Генерал Дитерихс взял у следователя экземпляры дела в штабной салон-вагон и вывез их в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Приехавший туда Соколов получил бумаги в сохранности, но через два года выяснилось: генерал не упустил появившейся возможности и в дороге приказал снять для себя четвертую копию. Пользуясь ею, он выпустил во Владивостоке, где в 1922 году стал Правителем и Воеводой, два тома «Убийства царской семьи на Урале».

Перед смертью в далеком Шанхае (1937) Дитерихс распорядился отправить свой экземпляр дела в Париж, в распоряжение Российского общевойскового союза (РОВСа), главной эмигрантской организации. Но тут как раз стало известно, что агенты Ежова выкрали в Париже не то что какие-то бумаги, а самого председателя РОВСа Е. К. Миллера (видимо, чтобы посадить на его место какого-то из завербованных ими белых генералов). Дитерихс изменил завещательное распоряжение, материалы остались в его семье, а потом, как писал тот же Н. Росс, они «были переданы на хранение в надежное место в одну из западных стран». Учитывая приключения других копий, такую осторожность наследников генерала нужно считать обоснованной.

Вот эту дитериховскую копию таинственные владельцы и предоставили в 80-х годах для публикации в «Посев» (ФРГ), издательство Народно-трудового союза российских солидаристов.

Гарвардский экземпляр оказался лучшего качества, чем поспешно снимавшаяся в вагоне копия, но зато китайский вариант дела включал целый том допросов, недостававших в университетском архиве (за июль — август 1919 года). В распоряжении издательства оказалось в итоге восемь томов документов (а еще шесть, правда менее важных, составленных Соколовым уже в эмиграции, пока не найдены). Но издать даже восемь томов оказалось для «Посева» неподъемно, и историк Н. Росс отобрал из них в один том 277 документов, снабдив их подробным указателем и серьезным комментарием.

Таким образом, к началу работы у меня в руках оказались изданный впервые сборник важнейших следственных документов плюс исследование лучшего западного историка по моей теме. Третьим источником послужило открытие гарвардского историка Юрия Фельштинского — найденные им в архиве Троцкого дневниковые записи от 9 и 10 апреля 1935 года, посвященные самому потаенному, кремлевскому сюжету цареубийства.

Опираясь на эти и другие источники и исследования, я занялся проверкой доводов и выводов рукописи Бруцкуса. Труд мой был доведен до конца, когда вдруг выяснилось, что его предстоит переписать заново. Советский писатель Гелий Рябов обнаружил могилу царской семьи!

Почему сенсационное, но все же практическое, полевое открытие вынудило заново переработать текст?

Дело в том, что судьба останков семьи и слуг Романовых начиная с 20-х годов была связана с вопросом о профессиональной репутации юриста Соколова, с оценкой его способности выявлять истину по делу. То есть с проблемой, которой я стал заниматься в конце 80-х годов.

Следователь Соколов выглядел в моих глазах необыкновенно везучим персонажем — столь же везучим, как главный архитектор убийства В. И. Ленина. Десятилетиями очевидная каждому центральная роль В. И. Ленина, которую «не заметил» следователь Соколов, оставалась в небрежении и у всех остальных знатоков екатеринбургского сюжета. Параллельно с такой парадоксальной ситуацией росла репутация «исключительно добросовестного следователя», чьи выводы пересматривать нежелательно. Любопытно, что при его жизни ни мать убитого императора, ни глава уцелевших осколков династии, ни ближайшая подруга покойной императрицы — никто из них демонстративно не принимал этого Соколова у себя в домах, и о причине бойкота можно судить хотя бы по интервью, которое хранитель оригинала дела посол М. Н. Гирс дал в 1929 году парижскому «Пти журнал»:

Вопрос: Правда ли, что останки царской семьи находятся в сейфе и, хотя прошло 10 лет, все еще не преданы земле?

Ответ: Я не считаю себя вправе дать точный ответ на этот вопрос. Мне действительно поручено хранение многих документов. Я считаю, что они являются частью более обширного следственного материала по делу о гибели императорской семьи. Это следствие еще не закончено. К материалам приложены вещественные доказательства. Что касается человеческих останков, то я вполне допускаю, что это останки императорской семьи, но лично не могу этого утверждать. Никаких актов, доказательств, бесспорно устанавливающих их происхождение, нет... Повторяю еще раз... я испытываю по отношению к этим предметам благоговение, но не взял бы на себя ответственность положительно утверждать их аутентичность.

Вопрос: Следователь Соколов... кажется, убедительно и очевидно доказал, что речь идет об останках семьи Романовых?

Ответ: Это мнение следователя Соколова. Оно очень авторитетно, но все-таки это только его мнение.

Вопрос: Верно ли, что великий князь Николай Николаевич перед смертью предписал вам скрыть документы Соколова и не предавать земле реликвии, хранить которые вам поручил?

Ответ: Великий князь Николай Николаевич был большим патриотом, большим другом Франции и рабом своего долга. С его точки зрения, все доверенное мне имущество имеет государственную важность... Все материалы должны быть изучены заново, но только тогда, когда следствие, прерванное в 1919 году, будет возобновлено в воскресшем русском государстве.

Из дипломатически сформулированных ответов можно по-

нять, почему родственники и друзья погибшей августейшей семьи столь сдержанно относились к выводам юриста, расследовавшего царубийство. Они просто не доверяли — либо профессиональным дарованиям его, либо человеческой щепетильности. Одно дело — сочинение им для публички версии жидомасонского заговора, а совсем другое — на основании домыслов некоего мифомана хоронить неизвестно чьи кости в семейном склепе Романовых в Каннах! Родственники предпочитали ждать нового следствия, и через 60 лет выяснилось, что они были правы: если Соколов нашел чьи-то останки, то не Романовых. Да человеческие ли они были вообще?!

(Вот как сегодняшние монархисты воспринимают бывшее противостояние старейшин императорской фамилии и Соколова:

«По прибытии останков царской семьи во Францию Жанен обратился к вел. кн. Николаю Николаевичу с предложением взять на себя их хранение, что, казалось бы, последнему и следовало сделать как старшему в роде... Но он отказался. Этот совершенно непонятный отказ был связан с еще более непонятным и загадочным указанием перевезать останки царской семьи... «Совету послов», который возглавлялся бывшим послом М. Гирсом и состоял из специфических личностей вроде Маклакова, Бахметьева и др... Какое отношение имели все эти космополиты к памяти и останкам ненавистной им царской семьи? На каком основании великий князь передал их заведомо исконным врагам Национальной России?!» — из статьи С. Бушилова «Где останки царской семьи?» в газете «Наша страна», Буэнос-Айрес.)

Серьезный промах Соколова в важнейшем пункте, то есть в определении места погребения, которому он без преувеличения уделил главное внимание в процессе своего следствия, неизбежно ставил под сомнение и все остальные его выводы. Сторонники Соколова в монархической эмигрантской среде это понимали: не случайно открытие Гелия Рябова вместо естественной радости вызвало в монархических кругах брюзжание, скепсис и многочисленные требования «проверок».

...Но я, кажется, пока не объяснил, почему публикации Гелия Рябова, открывшего неизвестную царскую могилу, а вслед за ним отрывки из книги драматурга Эд. Радзинского, опубликованного в «Огоньке» несколько важнейших новых источников по истории царубийства, заставили меня заново переработать мою рукопись.

Опираясь на следственные документы, я составил собственную гипотезу о том, как именно протекало преступление и кто в нем участвовал. Она не совпадала ни с версией Соколова, ни с опровержением ее у Бруцкуса. Неожиданно в печати появились новые документы, которые ее полностью подтвердили. Но согласитесь, странным казалось теперь опубликовать в качестве гипотетических такие сюжеты, что были уже подтверждены

независимыми источниками. Мне, однако, жалко было вот так взять и выбросить из текста все свои «вычисления истины», тем более что множество эпизодов, имен, фактов пока еще не были достоверно установлены даже с помощью новых публикаций. А вдруг где-нибудь хранятся, в провинциальных или частных архивах, совсем новые документы, могущие подтвердить или, наоборот, опровергнуть умственные выкладки, сочинявшиеся в далекой от Екатеринбурга и Москвы иерусалимской квартире?

И я решил сделать именно то, что читатель найдет ниже: сначала показать ему, как по проговоркам на допросах, по отколкам шифровок вычислялись автором этой книги скрытые от обычного взора детали потаенного преступления, а потом цитировать подтверждающие мои предположения новые документы.

Закончив это длинное предуведомление, познакомившее читателя с исторической борьбой вокруг давнего преступления, с автором книги, его союзниками и оппонентами, с мотивами его действий, приступаю далее непосредственно к сюжету исследования.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛЕДСТВИЕ

*А судьи кто? За гревностишо лет
К свободной жизни их вражда непримирима.
Сужденья черпают из забытых газет
Времен
колчаковских
и покоренья Крыма*

М. Булгаков. Багровый остров

СТАРТ И КУЛЬМИНАЦИЯ: СЛЕДОВАТЕЛЬ НАМЕТКИН И СУДЬЯ СЕРГЕЕВ

Мифы окружают не только само преступление, но и следствие.

Вот, например, как описал следствие профессор Пайпс, которого я сам называл лучшим знатоком общей истории России:

«Первые несколько месяцев были упущены, так как следователи не прилагали никаких серьезных усилий в расследовании событий. В январе 1919 г. адмирал Колчак, объявивший себя к тому времени Верховным правителем России, передал руководство следствием генералу М. К. Дитерихсу. Последний был некомпетентен в делах судопроизводства, и в феврале на его место был назначен адвокат из Сибири Николай Соколов. Следующие два года Соколов полностью посвятил себя работе, без устали допрашивая свидетелей и выискивая любые вещественные доказательства и всякого рода сведения, могущие пролить свет на происшедшие события».

Здесь перепутано все, что только можно перепутать!

Разумеется, Колчак не передал ведение следствия Дитерихсу — именно потому, что тот являлся некомпетентным в делах судопроизводства. Следствием занимались юристы. Генералу уже поручили то, что называется «политическим курированием».

Николай Соколов заменил не генерала, а выпихнул из дела предыдущего юриста-следователя, показавшегося тогда неудобным для «политических инстанций», — ситуация в принципе хорошо знакомая советским людям.

Кстати, был он в прошлом вовсе не «адвокатом из Сибири», а, напротив, следователем по особо важным делам из европейской части страны (из Пензы).

Занимался следствием не «следующие два года», а неполный год в России (с февраля и до конца 1919 года, когда армию Колчака практически выгнали из России), а за границей опять-таки не два года, а до самой смерти, приключившейся 5 лет спустя от разрыва сердца во Франции (23 ноября 1924 года).

Меня не следует подозревать в придирках по мелочам: я бы не упоминал о них вовсе, если бы не ошибка, сделанная Пайпсом в начальной фразе цитаты, — об «упущенном следователями времени», о том, что первые следователи не прилагали серьезных усилий в противовес старательному Соколову.

Против этой легенды, лишь изложенной, но отнюдь не сочиненной Пайпсом, выступал еще в 20-х годах Борис Бруцкус.

Он единственный защищал честь юристов, заплативших за верность правосудию своими жизнями.

Итак, в ночь с 16 на 17 июля семья Романовых была расстреляна. Через пять дней на городском митинге объявил о казни царя областной военный комиссар Филипп (Исаак? Исай? Шай?) Голощекин. Екатеринбургская публика «сообщение о расстреле Романова встретила бурным выражением восторга».

Еще через три дня, утром 25 июля, в город ворвались легионеры-чехи и войска эсеро-кадето-меньшевистского правительства. (Легион был сформирован еще при царе из пленных и после Брестского мира просил разрешения эвакуироваться во Францию, на помощь Антанте. Эшелоны с чешскими военнослужащими растянулись по Великой Сибирской дороге к владивостокскому порту через всю Россию. По требованию Германии Совнарком вынужден был приступить к их разоружению, чехи восстали и превратились в кристалл, вокруг которого немедленно narосли антибольшевистские армии в восточной половине империи.)

Если верить их командованию, наступление было ускорено, чтобы освободить Николая II. «Но ворвавшиеся в Екатеринбург чехословацкие и русские отряды скоро поняли, что опоздали» (Н. Росс).

Собранная этим историком информация выпукло характеризует уровень мышления и мораль множества белых офицеров.

Атаку на город они повели в лоб, не озаботившись созданием подпольной группы в самом Екатеринбурге. Не нужно родиться великим мудрецом, чтоб догадаться: если красных прижмут настолько, что они не сумеют вывезти Романовых из города, пленников просто убьют. Имелась ли у белых физическая возможность для создания особой группы в тылу противника? По случайности в эти дни в Екатеринбурге находилась эвакуированная туда от немцев Академия Генерального штаба. Направленный из Петрограда подпольной организацией гвардейский капитан Малиновский сумел завербовать пятерых ее слушателей-офицеров, потом еще семерых. Поставленной ему от генерала Шульгина задачей являлся сбор информации и подготовка, по его выражению, «увоза» семьи. Малиновский наладил контакты с кем-то в охране, отправлял информацию в столицу, но ни разу не получил ответа, и ни копейки никто не отправил в помощь его группе. «Что же можно было сделать без денег? — показывал он потом Соколову. — Стали мы делать, что могли. Уделяли из своих порций сахар... Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую удалось достать... Все эти вещи дошли до назначения... Так ничего и не вышло с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем ином не выразилась».

За два дня до падения города он с 37 коллегами ушел на встречу чехам. Между тем 38 опытных офицеров гвардии могло

вполне хватить, чтобы справиться с охраной ДОНа: все ее смелые, вместе взятые, насчитывали 75 человек, которых стрелять научили в процессе прохождения караульной службы в тюрьме.

Что касается темпа лобового наступления белых, то большевики успели сами эвакуироваться, семьи вывели и архивы и расстреляли в местной тюрьме всех, кого пожелали...

Ворвавшись в город, монархисты прибежали в дом Ипатьева, побродили по опустевшим комнатам убитой и ограбленной семьи и разобрали находившиеся там мелочи на сувениры. При всем знании беспредельной жестокости красных воинов (читал же я Бабеля) не могу не заметить: в аналогичной ситуации красные заслали бы агентов для удара изнутри по тюрьме; иначе продумали бы план наступления, предварительно перерезав коммуникации отступления противника на Москву и Пермь; в случае убийства Ленина не бродили бы по месту преступления в поисках памятных о таком событии вещей. Вышесказанное помогает понять некоторые причины победы красных, а не белых в гражданской войне.

Лишь к вечеру 25 июля поставленный комендантом караул прекратил поток «посетителей» в Ипатьевский дом.

Хотя Уралсовет еще за трое суток до падения города официально уведомил население о казни царя, но прошло несколько дней, пока, по выражению свидетеля-офицера, у его коллег не возникли «сомнения в благополучии Августейшей семьи». Некий поручик, скрывающийся при красных в окрестностях, сообщил коменданту: возле деревни Коптяки, в урочище «Четыре брата», мужиками найдены три топаза, пряжка от пояса с гербом, пряжки от жилетов и подвязок, мелкие вещицы, а также крест, украшенный малыми бриллиантами и изумрудами, — все сильно обгоревшее.

Офицеры разыскали в городе следователя Алексея Наметкина и приказали начать расследование. (Почему Наметкина? «Он носил звание следователь по важнейшим делам, а разве это дело не важнейшее?» Между тем в российской юриспруденции термин «важнейшие дела» употреблялся со сравнительным оттенком, т. е. в смысле «более важные дела» по сравнению с совсем уж простыми. Делами, так сказать, первостепенными занимался «следователь по особо важным делам».)

Наметкин объяснил, что по закону может начать дело лишь по предписанию прокурора. Прокурора поискали, не нашли и потребовали, чтобы следователь вел дело по приказу военных властей: «А то нас тут 12 человек, и мы особенно просить не станем». Он понял «толстый намек» и послушно поехал на место находки драгоценностей, за 18 километров к северу от города.

(К слову, городской прокурор за трое суток до этого дня, еще 27 июля, успел допросить первого свидетеля по делу.)

Прибыв на место, обнаружили недавние кострища и приступили к поискам следов преступления. Нашли большой брилли-

ант, осколки жемчугов и изумруда, куски обгорелой одежды, припахивавшие керосином... Стены ближайшего «сухого колодца» были «избиты» осколками ручной гранаты. Следовательно, как пожаловались офицеры его преемнику, вовсе не искал ничего, а лишь «что-то писал в книжечку» (неужели они искренно не понимали, что все найденное полагается неукоснительно заносить в протокол?)

Раздосадованные, они потом сами, уже без него, приступили к допросам окрестных крестьян. Без успеха.

Алексей же Наметкин, вернувшись в город, поехал к прокурору за предписанием начать дело. Он-то понимал, каким непростым оно будет, какие обширные полномочия понадобятся. Назавтра изъял все собранные вещественные доказательства из военной комендатуры, еще через день допросил первую свидетельницу — крестьянку, давшую описание грузовика с трупами и лиц, ехавших в нем, потом допросил еще двух свидетелей из Коптяков. Пять дней осматривалось и описывалось место убийства — Дом особого назначения. Там Наметкин выявил первые фамилии лиц, предположительно участвовавших в преступлении. На обоях обнаружил надпись: «Комендант дома особо важного А. Авдеев» и рядом химическим карандашом: «Шура». На внешней стене уборной надпись «Сидоров», на стене в комендантской комнате список номеров телефонов: «военный комиссар Анучин», «председатель Чудскаев», «комиссар Жилинский», адрес квартиры комиссара Голощекина, рецепт, выписанный на фамилию «Мопкин», адрес на конверте: «Дом особого назначения, и. д. коменданта Т. Никулину» и т. д.

Все действия Наметкина, обозначенные в протоколах (одно описание места преступления, сделанное им, занимает в сборнике Н. Росса 15 книжных страниц), перечислены мною умышленно: допрошено трое свидетелей, осмотрены и описаны предполагаемое место совершения преступления и предполагаемое место уничтожения трупов, выявлены фамилии лиц, включенных потом в перечень разыскиваемых преступников или свидетелей. Заняли эти действия *ровно неделю*:

«Настоящим уведомляю Вас, что в заседании общего собрания от 25 июля (7 августа н. ст.) с. г. постановлено производство предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Государя императора Николая II возложить на члена суда И. А. Сергеева, освободив вас от производства по настоящему делу.

И. д. председателя суда (подпись неразборчива).

Сдал на 26 пронумерованных полулистах.

И. о. следователя Наметкин».

Что произошло?

Вот как описывает ситуацию Бруцкус:

«Справедливость, разум и закон предписывают следователю собрать достоверный фактический материал и, основываясь на нем, восстановить картину преступления. Обратный образ дей-

ствий, т. е. указание желательных, но ничем еще не уличенных преступников с заданием группировать и подготовить материал против заранее определенных лиц... с незапамятных времен известен тайным судилищам. Пользуются им и теперь в деспотиях, действующих голым насилием. Какой же метод был использован правительством Колчака в лице Дитерихса?.. Через неделю, 7 августа, ведение следствия было отнято у Наметкина... О причинах столь резкой меры Дитерихс наивно проговаривается: Наметкин не хотел вести следствие в национальном духе, он настаивал на том, что намерен подчиняться требованиям закона. Что значит — в национальном духе? Объяснение этим словам можно найти в первых же страницах книги Дитерихса... требование русского национального духа, — продолжает Бруцкус, — состояло в том, чтобы в убийстве были обвинены евреи, и генерал Дитерихс, не считаясь ни с какими фактами, во вступительных словах своей книги прямолинейно заявляет: «Русский народ участия в этом убийстве не принимал». Дополнительно генерал разъясняет, что евреи руководствовались намерением уничтожить православную церковь — не христианство, а именно православие, о котором особо печется генерал с такой православной фамилией... В таких идеях обязывался вести дело следователь Наметкин, ссылавшийся на закон, должен был уйти».

Доказывая, что причина увольнения Наметкина была именно такой, Бруцкус процитировал Соколова: «Поведение Наметкина вызвало сильное негодование в обществе. В чистоту его беспредельного уважения к закону не верили. Одни обвиняли его в трусости перед большевиками, другие шли в своих подозрениях еще дальше». («Эти ссылки на безымянных «одних» и «других», этот клеветнический донос на сочувствие Наметкина большевикам делает не полуграмотный агент провинциальной жандармерии, а человек с университетским образованием!» — Б. Бруцкус.)

Сменил Наметкина екатеринбургский судья Иван Сергеев, ведший дело полгода, до февраля 1919-го. Он сначала завершил осмотр места преступления и обнаружил в дымоходе два документа, которые в момент сжигания архива ДОНа были втянуты воздушной струей вверх и уцелели. На одном значилось: «20 июля 1918 года получил Медведев от коменданта Дома Юровского десять тысяч восемьсот рублей (10800). Получил — Медведев». Другой был еще важнее: расписание смен охраны с обозначением всех фамилий сотрудников тюрьмы, дежурств, постов. Плюс еще были найдены новые росписи охранников на стенах и, наконец, надпись латинскими буквами на стене той комнаты, где, по предположению следователя, произошло убийство:

Belsdtzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

Надпись была идентифицирована как заключительное

двустипшие из стихотворения Генриха Гейне «Валтасар» (в стихотворном переводе на русский оно звучало так:

В ту ночь, еще не взошла заря,
Рабы зарезали царя.)

Сергееву довелось допросить почти всех важнейших свидетелей, давших решающие показания по той части преступления, которая касалась непосредственно Екатеринбурга: комиссара Саковича, красноармейца Летемина, камердинера Чемодурова, начальника охраны ДОНа Медведева... Им были подготовлены важнейшие экспертизы, в частности, произведена выемка частей стен и пола со следами пулевых попаданий и штыковых ударов. Вряд ли кто-нибудь сочтет такую работу незначительной.

Однако судьбу Сергеева генерал Дитерихс, курировавший следствие по политической линии, невзлюбил еще пуще, чем Наметкина: «Он тоже оказался не свободен от бациллы законности» (Б. Бруцкус).

Довольно быстро удалось генералу установить, что «хотя Сергеев не сочувствует изуверской политике и поступкам Бронштейна, Янкеля Свердлова и Исаака Голощекина, евреев Сафарова, Войкова и их единомышленников, но Сергеев сторонник евреев, Керенских, более умеренных, не таких кровожадных».

Поняв это, Дитерихс занялся генеалогией неприятного екатеринбургского судьбы и крещендо установил (на страницах своей книги), что Сергеев — сын крещеного еврея, крещеный еврей, просто еврей, наконец, еврей, втайне сочувствовавший врагу. Руководя следствием по раскрытию «преступления, инспирированного по замыслу и особенному руководству евреев», такой Сергеев непременно должен был заниматься вредительством... Он и занимался — раскрытая генералом схема ничем не отличалась от позднейшей кулацко-специалистской модели начала 30-х годов. Сергеев, например, дал объявление в газетах, прося лиц, что-либо знавших об обстоятельствах преступления, являться в местные прокуратуры и приносить свидетельские показания. Акция провалилась, Сергеев признал: люди боялись свидетельствовать в ходе гражданской войны — не поплотятся ли за опасные показания, попав потом в руки возможных победителей? Генерал же разгадал замысел криптоеврея: «Сергеев сделал это (публикацию в газете. — М. Х.), чтобы предупредить через печать Янкеля Юровского, Исаака Голощекина и Янкеля Свердлова, чтобы они приняли меры, т. к. следствие началось».

Последний эпизод, видимо вконец расцелкавший сосуд терпимости господина генерала по отношению к еврейскому вредителю Ивану Сергееву, изложен был в книге его убежденного единомышленника англичанина Роберта Вилтона.

...Обеспокоенная докладами, поступавшими в Лондон от Нок-

са, фактического посла Великобритании при правительстве Колчака, лондонская еврейская община послала в Омск секретаря Объединенного комитета по иностранным делам Еврейского совета представителей («Board of deputies») и Англо-еврейской ассоциации. Он встретился для беседы с министром юстиции белого правительства Старинкевичем, и тот, не удовлетворившись устной беседой, снабдил лондонского собеседника письменным заявлением для печати:

«На основании данных предварительного расследования, о котором мне еженедельно докладывает Генеральный прокурор, я могу удостоверить, что среди лиц, виновных... в убийстве императора Николая II, нет ни одного человека еврейского происхождения».

«Я спросил его, — рассказывал лондонский делегат, — как он объясняет тот факт, что генерал Нокс послал британскому военному министерству отчет с противоположными утверждениями. Г. Старинкевич ответил... что русские военные круги с самого начала рьяно утверждали, что убийство царской семьи — дело рук евреев и что следствие должно установить этот факт. Они начали свое собственное расследование и настаивали, чтобы вообще все следствие перешло к ним. Ему, министру юстиции, пришлось столкнуться с большими трудностями, чтобы добиться проведения следствия нормальными юридическими органами. Но и это расследование постоянно страдало от вмешательства военных. Так, когда первый следователь Сергеев не смог найти никаких следов участия евреев в преступлении, эти военные круги яростно выступали против него, инсинуируя, что сам г. Сергеев является евреем. Эта кампания стала настолько агрессивной и настойчивой, что министру юстиции пришлось освободить Сергеева и назначить другого следователя. Новый следователь тоже не смог обнаружить следов еврейского участия в убийстве царской семьи».

Старинкевич ошибался: не для того военные настаивали на замене судьи Сергеева, чтобы его преемник не нашел в деле жидо-масонскую интригу. Просто для того, чтоб ее обнаружить, требовалось заменить и самого господина министра: в момент, когда Вилтон цитировал его письмо, он получил возможность называть Старинкевича: «Уже бывший министр».

Будем справедливы: Николай Соколов ни словом в своей книге не намекал на «еврейское происхождение» Ивана Сергеева. Для обоснования своего внезапного назначения на чужое место он выдвинул другие, якобы профессиональные аргументы. Первое: имелось у начальства для замены судьи «стратегические соображения». «В чем состояла стратегия, которая мешает Сергееву и не мешает Соколову, того и величайший полководец объяснить бы не мог!» — воскликнул по этому поводу Бруцкус, но я, хотя не полководец, «тайну стратегии» разгадал: Сергеев был судьей местным, екатеринбургским, ордер ему

подписали городской прокурор Остроумов и председатель горсуда Казем-бек. Соколов же считался юристом из центра, и ордер на ведение дела подписал ему сам Верховный правитель России адмирал Колчак! Дело отныне числилось не местным, екатеринбургским, а государственного значения... Второе соколовское объяснение состояло в том, что Сергеев как член суда был прикован к Екатеринбург и не мог выезжать из города на места, связанные с расследованием. Бруцкус съехидничал: «Члену суда в качестве следователя присваиваются все права следователя, и ничем ровно не прикован он к своему суду». Изучая дело, убеждаешься в этом несомненно: одно из важнейших преимуществ Сергеева перед Соколовым как раз в том и состояло, что судья успевал выезжать на места событий (в Алапаевск, например), тогда как Соколов часто туда опаздывал — и упускал при этом важнейшие следственные нити (конкретно об этом будет сказано при анализе соответствующих эпизодов дела).

Подозрение в скрытом еврействе против человека по имени Иван Сергеев, к тому же судьи царских времен, возникло у генерала и круга его единомышленников потому, что они были недовольны не только итогами его работы (это само собой разумеется), но и ее, так сказать, способом, ее методологией. С итогами как раз они могли что-то сделать, на самом деле, увы, Сергеев после того, как его подержали у генерала «на ковре», немного уступил, и в протоколах появились, по Бруцкусу, «экскурсии в область национального духа». Но все-таки Сергеева военные выгнали (в скобках: к большому ущербу для следствия, хотя бы потому, что Соколову после него требовалось немало времени для вхождения в курс длившегося уже семь месяцев дела. У преемника же Сергеева на все про все оставалось лишь четыре с небольшим месяца: в июле 1919 г. Екатеринбург попал в руки красных).

И тут мы замечаем, что, помимо «керенского иудаизма», обвинял Дитерихс Сергеева еще в инертном ведении следствия. Не было у него, пишет генерал, умения сбить неожиданным вопросом обвиняемого с его версии, ошеломить и, как выражались позднее, «расколоть». Просто слушал судья показания и записывал аккуратно, включая все ошибки допрашиваемого.

Как ни удивительно, я вынужден взять под защиту генерала. Доля правды в инвективах Дитерихса в адрес Сергеева имела — и немалая доля.

Сергеев был воспитанником старой юридической школы и вел следствие, как принято было в русском дореволюционном правосудии: собирал и сопоставлял факты, отсеивал лишнее и сомнительное, выявлял в них противоречия и снова сопоставлял улики и показания. Между тем преступления, которые ему поручили расследовать — екатеринбургское, пермское и алапаевское (все случаи убийств Романовых на Урале), — оказались

не просто трудными, но трудными специфически, ибо совершали их не рядовые уголовники, а тайная спецслужба нового государства. Подозреваемые в преступлениях фигуранты заранее предвидели возможный ход расследования и сочиняли для юристов противной стороны нужную им легенду, например, «приговор Уральского Совета». А Иван Сергеев не мог поверить, что, скажем, «Сообщение ЦИКа Советов», т. е. президентского органа, предназначалось, в частности, именно для того, чтобы его, юриста, дезориентировать в ходе следствия.

Наоборот, генерал Дитерихс, следователь Соколов, корреспондент Вильтон и иже с ними убеждены были, что следствие проводится для единственной цели: подтвердить фактами заранее ясную им концепцию тайного заговора, погубившего Романовых. В деталях, правда, единомышленники расходились. Дитерихс провидел мысленно германо-еврейский комплот, а Соколов — жидо-масонский. Чтобы читатель, уловивший пробивающуюся неволью, сквозь внутренние запреты, мою иронию, не заподозрил автора в проеврейской предвзятости, процитирую для объективности других историков, в принципе как раз благожелательно относящихся к лицам, сплотившимся тогда вокруг Дитерихса. Например, Н. Росс так оценивает сочинение Вильтона, бывшего не только корреспондентом, но и помощником Соколова (он ведал фоточастью на следствии):

«Книга содержит уникальные подробности, но ее, к сожалению, очень портят назойливые антинемецкие и антиеврейские рассуждения автора».

Про книгу самого Соколова сказано более обтекаемо:

«...труд его лишен строгого построения, и не всегда в нем достаточно точно воспроизведены следственные документы (очень важное и верное замечание! — М. Х.). Опущены в книге те документы, которые не подтверждают его точку зрения на дело. Увлечшись своей концепцией, Соколов часто уводит читателей в зыбкую область широких и мало обоснованных предположений...» — тут историк цитирует одно из таких предположений следователя, сформулированное им, правда, не в книге, а в частном письме:

«Вопрос о жизни и смерти членов дома Романовых был, конечно, решен задолго (sic!) до смерти тех, кто погиб на территории России».

А вот что сказано про труд Дитерихса:

«...сильно грешит бесконечными отступлениями от чисто юридической стороны дела».

(Имеются в виду теоретические размышления генерала о природе и целях германо-еврейской нечистой силы.)

Р. Пайпс уделил данному аспекту подстрочное примечание:

«Когда благодаря усилиям специальной следственной комиссии, сформированной адмиралом Колчаком, стали известны подробности екатеринбургской трагедии, появилось неимоверное

количество гнусной антисемитской литературы. Она исходила от некоторых русских публицистов и историков и нашла себе отклик на Западе. Заметная часть авторов сваливала всю вину за гибель семьи на евреев, истолковывая убийство как одно из звеньев «всемирного еврейского заговора». В некоторых записках англичанина Вилтона и в еще большей степени его русского единомышленника генерала Дитерихса юдофобия достигла патологических масштабов... Настолько сильно было желание авторов свалить всю вину на евреев, что они невольно закрывали глаза на тот факт, что евреи, еврей-вероотступники, вместе с латышами, венграми, австрийцами и русскими являлись только исполнителями приговора, вынесенного Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным, русским».

Здесь нужно возразить, что упомянутые авторы вовсе не закрывали глаза, тем более невольно, а несомненно сознательно дезавуировали участие Ленина в преступлении — в единстве с большевистскими специалистами по дезинформации. Краткость и сдержанность Пайпса я объясняю тем, что в качестве гарвардского профессора он имел постоянный доступ к следственным документам и противоречие юдофобской версии с подлинными материалами дела выглядело в его глазах настолько очевидным, что прямая полемика с клеветниками унижала бы его в собственных глазах как ученого.

Теперь, когда читатель видит, что я не одинок, считая Дитерихса и К^о патологическими мифоманами, должно отметить, что в процессе работ у них по сравнению с добросовестными Наметкинским и Сергеевым имелось, так сказать, негативное достоинство, которое позволило инстинктом угадать то, чего, скажем, Сергеев не увидел. Назовем это достоинство лютой, беспредельной или, как сказали бы в ту эпоху, классовой ненавистью к врагу: она способствовала, как ни парадоксально, зоркости их взгляда («ненависть тоже может быть методом гнозиса» — Н. Бердяев).

Ненависть заставляла их не доверять очевидным уликам, искать злокозненные ходы замаскированных, незримых врагов. И, вопреки законам логики, именно они, мистики-сочинители, оказались правы перед реалистами юриспруденции! Там, где Сергеев успешно находил в районе преступления живых, обыкновенных преступников, его «куратор» прозревал интригу подземных германо-еврейских сил, он сменил следователя на своего единомышленника, и тому действительно удалось нащупать пружину организованного издательства, из Кремля, политического убийства, тайна которого скрывалась в телеграфных лентах, закодированных привычными к эмигрантским подвохам и подсечкам конспираторами.

Конечно, большого успеха мифоман-следователь все-таки добиться не мог: его профессиональное зрение было затемнено бельмами юдофобских предрассудков («Требовалось, чтобы

следствие обязательно пришло к заключению, что в екатеринбургском убийстве виновны евреи, даже не большевики-евреи, а просто евреи, что виновен еврейский народ» — Б. Бруцкус). Опять смущает, что современный читатель, духовно удаленный от исторических реалий эпохи, решит, мол, старинный еврей-профессор, а вслед за ним современный еврей-автор, шокированные юдофобскими репликами солдафона Дитерихса, преувеличили реальное его влияние на ход и выводы следствия. Неужели выпускник Академии Генштаба, дослужившийся при Керенском до начальника штаба Ставки, выпустивший в свет двухтомную книгу, собственноручно написанную, — неужели такой человек мог сознательно вынуждать следователя к фабрикации дела, буквально судьбоносного в его понимании?! Слово было соперником А. Вышинского (решусь, однако, напомнить, что и Вышинский — образованный и талантливый «юрист старой школы»).

Но тот, кто взял на себя труд прочесть книги Дитерихса, Соколова, Вилтона и подумать над ними, знает:

Дитерихс способен совершить то, в чем его обвинил Бруцкус.

В объяснение и даже какое-то оправдание его поведения хочу напомнить, что четвертью века раньше в Париже, столице Европы и цивилизованного человечества, офицеры-кавалеры Легиона чести обвинили не большевистских комиссаров-евреев, а своего коллегу-генштабиста, но тоже еврея, что он иностранный шпион, а когда выяснилось, что это ошибка, что капитан Дрейфус невиновен, господа из французского генштаба сострапали против него поддельные улики, фальшивые документы... В качестве модели это их поведение помогает понять фантастическую, но в принципе точно такую же логику поведения Дитерихса и Соколова. Если бы французские офицеры просто клеветали на неприятного коллегу, они выглядели бы рядовыми интриганями, каких испокон веку было много в любой военной среде — и вовсе не обязательно по отношению к евреям. Но в том заключалась логика «антидрейфусаров», что они-то всем сердцем были убеждены: Дрейфус несомненно шпион и не может им не быть, ибо принадлежит по крови к племени, каждый член которого есть потенциальный предатель. Фабрикация улик против *такого* человека не выглядела в их глазах бесчестным делом. Бесчестно — опорочить невинного, а разоблачить еврей-преступника с помощью поддельных документов есть, на языке военных, операция и маневр. (Кстати, у Дитерихса Наметкин и Сергеев отделались отстранением от должности, а вот полковник Пикар, раскрывший настоящего шпиона в деле мнимого изменника Дрейфуса, попал за это во французскую тюрьму.)

С другой стороны, Сергеев — не исключая — и рад был бы по человеческой слабости угодить военным властям в военное время. Да беда, евреи не попадались в сети. Кого ни найдет, ни допросит, все идут русские православные фамилии. Тут нужно

оговорить, что наличие еврейских палачей среди тогдашних чекистов мною вовсе не умалется, имя же им было легион... Если бы царскую семью убивали где-нибудь на Украине или в Крыму, то, можно полагать, Сергеев без труда справился бы с генеральским заданием, выполнил политустановку куратора и не потревожил свою совесть. Беда следствия в том, что место убийства — Урал — находилось практически в противоположном от «зоны оседлости» углу России, не было там и культурных центров, мест обычной инфильтрации евреев, добившихся права свободного проживания в пределах империи. (80-тысячный Екатеринбург административно считался уездным городом.) В таких условиях Сергеев старался не сбивать неожиданными вопросами свидетелей. Пока что они охотно подтверждали участие в убийстве хотя бы тех редких евреев-фигурантов, что следствию удавалось зацепить: скажем, свидетель Павел Медведев рассказал Сергееву, мол, царя убил комендант, еврей Юровский и он же добил из кольта наследника. А начин-ка выдавать из него все, что знает, — вдруг Павел выведет Юровского из-под удара (потому что есть показание другого свидетеля, Филиппа Проскуракова, мол, «Пашка Медведев мне сам рассказывал: он выпустил несколько пуль в царя»). Вдруг сознается и разрушит даже те сомнительные достижения, которые удалось подсобрать...

Но, честно признаюсь, я лично думаю, что причина сергеевской инертности была в ином.

Сергеев был, повторюсь, юристом старого доброго времени, добывавшим истину не побоями и пытками, а очными ставками да тюремной маетой, когда узнику хотелось поскорее до суда добраться и начать отбывать отмеренное наказание... А шла жестокая гражданская война. Узников перестали беречь для следствия в камерах предварительного заключения. По обе стороны фронта свидетели нужны были, чтобы давать «нужные показания», а если показания оказывались не нужные, то и свидетели не нужны, а если не нужны, так не выпускать же их на волю, арестован — значит, осужден. (Многие колчаковцы завидовали силе и решительности чекистов, они верили, что власть в России достанется тому, кто покончит по-ленински с законнически-демократическими играми. Только, разумеется, во имя иной, ихней, правильной идеологии.) Тюрьмы того времени превратились в могильники для узников — по обе стороны фронта: кто выживал после приговора, тот умирал в камере от тифа или испанки. (А. Амфитеатров рассказал типичную историю 19-летней красавицы, внучки знаменитого правого журналиста и издателя Суворина. Служившая где-то машинисткой, она хранила иностранный журнал мод, найденный у нее при «профилактическом» обыске. Другой юнице такая мелочь сошла бы с рук, но внучку Суворина чекисты не решились отпустить без репрессии. Дали ей ничтожное по их меркам наказание, полгода тюрьмы, — и девушка умерла в тюрьме от тифа.)

То же происходило с заключенными «Особой следственной комиссии по делу об убийстве Августейшей семьи» — полгода, максимум год, и самые крепкие и молодые свидетели уходили от Сергеева и Соколова туда, откуда никакая юстиция их уже не могла вызвать для допросов...

Истина требует признать, что претензии Пайпса к первому периоду следствия имеют некоторые основания, только историк ошибочно связал порок тогдашней работы с именем следователей.

Как известно, следователи не обыскивают, не выслеживают, не задерживают — для этих акций служит оперативная часть. Контрразведка у белых именовалась тогда красиво — Военно-политическим контролем (ВПК, не путать с ВЧК), и в этом ВПК на видных ролях подвизался надворный советник Кирста, бывший начальник екатеринбургского угрозыска, господин со сценическим талантом. Он решил (со своей точки зрения, разумно), что люди, заранее знавшие, что императора убили евреи, обязаны в конце следствия узнать, что трагедия завершилась как трагикомедия и император (или нет, погодите, будет лучше, если это окажется наследник, им легче управлять) остался жив. А несомненные следы убийства в доме Ипатьева рассказывают нам о гибели прислуги (ну кому жаль прислугу-то? Пусть жертвует собой за батюшку-царя). Под эту версию Кирсте отпустили немалые средства на развертывание оперсети в тылу врага, чтобы искать Романовых (на подозрении был город Ирбит). Кто же при таких-то перспективах хотел выделять людские и финансовые средства пессимисту Сергееву, уныло и бестактно уверявшему начальников, что Романовы на Урале убиты все до единого, а евреи оказались ни при чем...

Уходя с должности, судья набрался духу и написал в отчете на имя крайне недовольного им Колчака: «...действиями представителей власти причинялся серьезный ущерб интересам дела, истреблялись свидетели, от которых можно было ждать полезных сведений, захватывались вещи и документы и т. д.».

Брудкус подозревал белую контрразведку даже в худшем делении: что она, натываясь на свидетеля, давшего ей «не те» показания, его истребляла (в частности, того, кто мог опровергнуть версию «еврейского заговора»). В деле нет никаких оснований для столь ужасного вывода. Все, как обычно в жизни, выглядит проще: «Кирста... действовал сумбурно и был малоразборчив в денежных делах... был отчислен от должности... за незаконные поступки, но освобожден... и вел расследование по убийству царской семьи тайно от судебного следствия». (Вот кто, оказывается, занимался той тайной следственной работой, о коей Старинкевич рассказывал секретарю Еврейского комитета.) Так что претензии Пайпса следует отнести к упущениям в работе не следователей, а Военно-политического контроля, которые пришлось восполнять многочисленным историкам дела.

«ЗАВЕРШИТЕЛИ» МИХАИЛ ДИТЕРИХС И НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

В солженицынском «Красном колесе» беседуют бежавший с позиций Саша Ленартович и alter ego автора, полковник Воротынцев, «которого на главное возвращал Саша:

— Сейчас вы заставляете нести труп (убитого командира. — М. Х.), а потом прикажете нести этого поручика, наверняка черносотенца.

Саша рассчитывал: полковник рассердится. Нет. Так же отрывисто и даже как будто думая о другом:

— И прикажу. Партийные разногласия, прапорщик, это рябь на воде.

— Партийные — рябь? — поразился, споткнулся Саша. — А тогда что ж национальные? А мы из-за них воюем. А какие же разногласия существенны тогда?

— Между порядочностью и непорядочностью, прапорщик, — еще отрывистой отдал Воротынцев».

Понимаю условность, ненаучность деления людей по воротынцевскому признаку «порядочности», понимаю серьезность возражений, которые историософы и просто историки могут за это на меня обрушить. Понимаю и принимаю. Тем не менее позицию по отношению к действующим лицам моих собственных исторических сюжетов буду выстраивать на основании этого «воротынцевского понимания» главного разногласия той эпохи.

Рубеж между врагами, следовательно, пройдет в моем сочинении не между красными и белыми или зелеными и розовыми: безусловно порядочными предстанут погибшие Романовы со своими слугами и комиссар Временного правительства Василий Панкратов, и рабочий-большевик Анатолий Якимов (кого «кликали Ленькой»); военный министр правительства Колчака генерал Дитерихс и его следователь Николай Соколов, главные авторы следственной версии цареубийства, будут изображены людьми непорядочными...

То, что они при этом составители сюжетов в духе «Протоколов сионских мудрецов», не ободряет, а, наоборот, сдерживает автора данного вывода. Ибо, естественно, заставляет меня сомневаться в собственной объективности по такому щекотливому вопросу. (Хотя вот Николай II и Александра Федоровна — они же верили в истинность «Протоколов», были религиозными антисемитами, но ничего, кроме жалости и сочувствия, не испытываю, прикасаясь к их несчастной судьбе.) Поэтому попытаюсь

доказать тезис о непорядочности вышеназванных колчаковских персонажей, умышленно не задевая ни «еврейской темы», ни убийства Романовых.

Начну с генерала, носившего титул Правителя и Воеводы на Дальнем Востоке. («Разгромили атаманов, разогнали воеводу», — пелось тогда в песне про Семенова и Дитерихса, сочиненной поэтом-партизаном Петром Парфеновым. Почему-то вспомнился по аналогии диковинный чин — «генералиссимус».)

Доказательство его личной непорядочности начну с напоминания, как без согласия Соколова генерал тайно снял для себя копию с доверенного ему на хранение дела и, пользуясь ею, выпустил первое документированное сочинение по «сверхмодной теме», опередив более педантичного в писаниях следователя. В наших профессиональных кругах любителей доверенных им чужих материалов именуют литературными пиратами.

Далее. Про сочувствие судьи Сергеева «евреям Керенским» и соответственно про недобросовестное ведение следствия генерал писал и печатал, когда уже точно знал: Иван Сергеев был расстрелян большевиками (возможно, тем же Юровским).

Особенное возмущение охватывает, когда из книги Касвинова, инспирированной органами, узнаешь что же именно коллеги Юровского вменяли в вину судье Сергееву в 1920 году. Судья в начале следствия составил списки лиц, разыскиваемых по возбужденному прокуратурой делу, и разослал их во все белые соединения, отделы контрразведки и угрозыски. Согласно Касвинову, люди, задержанные по этим спискам, все потом были расстреляны. В ЧК обвинили судью Сергеева в истреблении свидетелей... Касвинов пишет, что так, например, был расстрелян красноармеец Летемин, в ночь убийства спавший дома и просто пересказавший следователю про преступление то, что услышал на следующий день от стоявших в карауле ДОНа товарищей. Мне неизвестно, был ли Летемин расстрелян в действительности (Касвинову, как и его заказчикам, доверять нельзя ни в чем), но если это правда — Сергеев вовсе не мог быть обвинен в его гибели. В протоколе допроса, составленном судьей, определенно сказано, что Летемин был допрошен им не как обвиняемый, а свидетелем. Но даже чекистские следователи не убивали важных свидетелей, пока следствие не считалось законченным (т. е. когда в свидетеле больше не было нужды).

Я умышленно излагаю историю Летемина в терминах нравов его жестокого времени, чтобы читатель убедился: даже при самых страшных допусках эпохи Летемина, да и других свидетелей, упомянутых Касвиновым, — горничных гостиницы, где жили чекисты, шоферов, этапировавших машины с семьей, обслугу ДОНа и проч., — их уничтожали вовсе не по приказу Сергеева. Если это действительно белыми было сделано (снова и снова повторяю «если», ибо касвиновской команде солгать,

что два пальца обмочить), то по приказу Соколова, когда ему пришлось отступить с армией и исчезла возможность пользоваться для содержания свидетелей тюрьмами. Если же такое решение приняли без него, что тоже возможно, — значит, по приказу военной контрразведки. Она выполняла по данному делу решения Дитерихса. (По тому, с какой свирепой злобой помянуты исчезнувшие свидетели в книгах Дитерихса и Соколова, допускаю, что Касвинов в виде исключения написал часть правды.)

Сохранилось немало объективных свидетельств того, как работали белые контрразведчики. «Когда история даст нам в будущем возможность познакомиться с подлинными фактами сибирской ситуации, — писал в совершенно секретном докладе в Белый дом глава американской военной разведки в Сибири подполковник Роберт Эйхельбергер, — я уверен, число людских потерь, вызванных появлением омских чиновников в Омске или Екатеринбурге и приходом большевиков в Казань и Уфу, сравнимо». Т. е., вовсе не идеализируя красных палачей, американец одновременно предполагал, что белые не слишком им уступали. (Согласно советской энциклопедии, в Пермской губернии, уездным городом которой считался Екатеринбург, было расстреляно за год колчаковского правления 25 000 человек — вполне сопоставимое с красным террором тех времен число.)

Можно предполагать, что судья Сергеев заплатил жизнью за бессмысленную жестокость того самого человека, который позже опорочил его память в своей книге.

* * *

В отличие от Дитерихса, репутация другого упомянутого в названии этой главы господина, Николая Соколова, и сегодня котируется достаточно высоко. По-моему, лишь Бруцкус, и то в неопубликованном сочинении, содрал с него маску добросовестного юриста — потому характеристику следователя начну с эпизодов, отмеченных Бруцкусом еще в 20-х годах, но тоже, как мы условились выше, не касающихся «еврейской темы».

Первое. Дворцовый камердинер Алексей Волков рассказал Соколову о посещении Царского Села военным министром Временного правительства Александром Гучковым:

«Зачем тогда приезжал к императрице Гучков, я не знаю... Когда он шел назад, один из офицеров, приехавших с ним, основательно пьяный, обратился ко мне... и злобно крикнул: «Мы враги ваши, вы враги наши, вы все здесь продажные». Гучков шел впереди, на расстоянии всего нескольких шагов, он не мог не слышать этих слов».

Бруцкус обвиняет Соколова, что, процитировав это показание в книге, Соколов действовал как злобный антигучковский памфлетист (монархисты ненавидели своего единомышленника

Гучкова, потому что он интриговал против данного монарха — Николая II). Невозможно поверить, восклицает Бруцкус, чтобы такой человек, как Гучков, взял с собой — куда? во дворец! — пьяного офицера! Увы, если мерить исторических персонажей зыбким эталоном порядочности, как мы условились выше, то признаем, что политик Гучков не раз балансировал как раз на краю обрыва. И возможно, взял с собой во дворец в революционные дни преданного, хотя и распущенного офицера и предпочел «политично» не заметить его хамства... Но в чем Бруцкус безусловно прав: в любом случае, допрашивая самого Гучкова — а Соколов провел его допрос в эмиграции, в Париже, — следователь обязан был перепроверить показание камердинера. Но он этого не сделал.

«Я допрашивал Гучкова по узкоспециальному вопросу и думал допросить его еще раз. Но его дальнейшее отношение к делу дало мне основание думать, что он не желал более свидетельствовать, — писал Соколов. — Поэтому, освещая его посещения Царского данными следствия, я как судья отнюдь не настаиваю, что они вполне соответствуют истине».

Тут-то Бруцкус и взорвался (допускаю, что политически он был близок к Гучкову):

«Прием, пущенный в ход Соколовым против Гучкова, является для фальсификатора... классическим, чтобы... показание недостоверное, ничем не доказанное... положить в основание вывода — иногда, впрочем, в случаях особо скандальных, с лицемерной оговоркой, что, мол, я, Соколов, как судья оставляю за собой право усомниться... Свой классический прием Соколов применяет во всех направлениях: и для установления небывалых событий, и для создания нужной ему обстановки, и для опорочения неудобных людей. Об известном банковском деятеле Ярошинском Соколов записывает: «Поручик Логинов показывает, что Ярошинский был агентом немцев, имел в войну от них громадные денежные суммы и на них вел по директивам врага борьбу с Россией». Никаких, самых отдаленных намеков на достоверность слов Логинова не приводится... но обвинение брошено, и Соколов по своей системе шлет вослед: «Как судья я по совести должен заявить, что роль Ярошинского осталась для меня темной».

«Не перечислить всех, кого Соколов забросал грязью этим излюбленным приемом», — завершает Бруцкус.

Данный пункт нуждается в комментариях.

В следственное дело и соответственно в книгу Соколова президент пяти столичных банков Карл Ярошинский попал потому, что во время ссылки Николая II пожертвовал на освобождение бывшего государя, по собственному признанию, примерно 175 000 рублей. Деньги эти он отдал в руки своей старой клиентке Анне Танеевой-Вырубовой, фрейлине императрицы, которая, в свою очередь, переслала их в Тобольскую губернию

(тогдашнее место ссылки Романовых) для жившего там офицера Бориса Соловьева, зятя Распутина, якобы готовившего побег семьи. Но, согласно версии мифомана-следователя, каждое лицо, причастное к екатеринбургскому делу, неизбежно работало для какой-нибудь спецслужбы или группы заговорщиков («сионских мудрецов», например). Распутин, Вырубова, а за ними и зять Распутина и соответственно банкир, дававший им деньги, — все зачислялись Соколовым по ведомству германской разведки. Упоминание имени Ярошинского в книге как лица, получившего кайзеровское золото для подрыва и ослабления императорской власти, не случайно, а явилось символической компенсацией банкиру за то, что он не забыл бывших благодетелей (в отличие от очень многих их подданных) и бескорыстно пожертвовал на их освобождение то, чем был богат — деньги. И становится понятен источник почти истерического негодования Бруцкуса против следователя.

Свое назначение Соколов получил в сложный для военно-политических кругов момент. Вспомните докладную записку Сергеева, направленную в адрес Колчака... Кстати, генерал Дитерихс так оправдался от обвинений смущаемого следователя в том, что, мол, его, генеральские, подчиненные убивают нужных свидетелей и тем мешают устанавливать истину по делу и что они же похищают в свою пользу ценные улики:

«В том и заключался дьявольский расчет евреев: поручить дело большевикам, так как их будут расстреливать на месте, без допросов».

(Только не возражайте ему мысленно: а почему, ваше превосходительство, расстреливать большевиков положено без допросов? Я не преувеличиваю: эта цитата из 1-го тома его книги, стр. 233.)

На Соколова обратил в это время генеральское внимание гарнизонный начальник князь Голицын: он был земляком юриста, тоже пензяком. Николай Соколов переоделся крестьянином и пешком прошел тысячи верст от центра страны до Сибири, чтобы примкнуть к единомышленникам-белым. Генерал решил приглядеться к рекомендованному князем человеку, и Соколов показался ему лицом, соответствующим делу государственной важности. Дитерихс, кстати, объясняет, чем купил его генеральское сердце этот незнакомый пензяк. Более остального, видимо, ругательствами в адрес бывшего премьер-министра Керенского, коего следователь именовал в беседах с ним «Аропкой» и «Арошкой».

...Объясню моему современнику позабытый исторический сюжет.

«Временный» премьер Александр Керенский некогда являлся любимейшим объектом поношения для правомонархических кругов, потому ему как бы уж и полагалось принадлежать к обрезанному племени. Но иудаизировать Александра Федоровича было трудненько даже единомышленникам Дитерихса. Как

назло, он происходил из старинного священнического, т. е. особо чистокровного русского рода, притом из настоящей глубинки — родился в городке Керенске, при впадении речушки Керенки в реку Вад, в той же Пензенской губернии, что и Соколов. (При большевиках город переименовали по имени более крупной реки — в Вадинск.) Отец будущего премьера был лицом светским, директором гимназии, но тоже в глубинном российском Симбирске. Дослужился папаша Керенский до чина статского генерала и соответственно до звания потомственного российского дворянина.

А все-таки сынок-то его оказался евреем. Во-первых, у него были волосы темные. Во-вторых, умел красиво говорить. Посудите сами, разве коренной русский человек умеет красиво говорить? Его матерью была вовсе не г-жа Керенская, она его приемная мамаша, а настоящей являлась знаменитая террористка-цареубийца Геся Гельман, из квартиры которой 1 марта 1881 года народовольцы вышли на «акт». Во время суда Геся оказалась беременной, поэтому ее не казнили, и она умерла позже, от послеродовой горячки в крепости. А ребеночка-то куда дели? Вопрос с Гесиным ребенком давно мучил романтическое российское сознание, и в 1917 году, 36 лет спустя, ответ на него таки нашли: власти отдали его на воспитание дворянину Керенскому... Да-да, господа, иначе откуда у этого провинциала такой дар зубы православному народу заговаривать? Бруцкус был уверен, что Соколов, человек с университетским образованием, в такую байку заведомо не верил, просто подыгрывал солдафону, называя Александра Федоровича «Аронкой»... Посему он обозвал следователя не только прохвостом, но и низким подхалимом.

И все-таки...

Все-таки даже Бруцкус признает большую в конечном итоге ценность следственного материала Соколова. Как ни парадоксально, он приписал ее бездарности и крайнему цинизму следователя: «...у него были злые враги, испортившие всю работу. Враги эти — страстное озлобление против евреев, ни на секунду не забываемая цель, что все надо валить на еврейский народ, не очень высокие умственные способности и безоглядное тяготение к лжи... Но для дела, за которое Соколов взялся, у него не было достаточно талантов: он терзал правду по-медвежьки, тяжело и неуклюже, и скверная работа его ярко выступает наружу, удивляя своей грубостью»... И далее: «Он подмигивает читателю, мол, я и сам все понимаю, но, дескать, в интересах национального дела так надо». То есть, черпая главный материал для опровержения следственных выводов Соколова из его же собственной книги, Бруцкус приписал этот парадокс победе стихийного реализма юриста-профессионала над романтическими придумками слабого враля.

Примерно так и Энгельс убеждал нас, что Бальзак был великим реалистом вопреки своим аристократическим предрассудкам...

Понимая вполне чувства Бруцкуса, для которого следователь помимо национального обидчика был еще и оскорбителем лично знакомых и уважаемых людей (наподобие Гучкова или Ярошинского), не будем с профессором и вполне солидарны. В конечном итоге достоинством следовательской работы Соколова явилось как раз то, что он заносил в протоколы все: чушь и idiotскую информацию даже тех свидетелей, которым он, по собственному признанию, вовсе не верил. Разумеется, оклеветанные современники чувствовали себя тяжело после публикаций подобных опусов, зато для нас, историков, следователь сохранил аромат революционной эпохи — с ее циничной открытостью и наивной демагогией, с благородством ее идеалов и распущенностью социальных низов, со всеобщей причастностью к идеологии и низким, мифологическим ее уровнем. Словом, тот аромат, что донесли до потомков И. Бабель, А. Веселый, автор «Тихого Дона»...

Вот конкретный пример его работы: Наметкин и Сергеев уклонились от внесения в протокол похабных надписей с места преступления или рисунков, которые охранники-жеребчики набрасывали во время дежурств на стенах Ипатьевского дома. Они справедливо полагали, что мат и сексуальные позиции с подписью «Царица и Распутин» ничем не обогатят историка, в будущем поинтересующегося итогами их работы. А «природный охотник», «самолюбивый фанатик своей профессии» (Дитерихс), словом, Николай Соколов внес в протоколы и похабел, и оскорбления — «свидетельства предсмертного мученичества пленников», как назвал их Бруцкус. Фактов следователь дал историкам предостаточно, чтобы воссоздать картину преступления, а его выводы и предложения, что ж, они тоже стали свидетельствами времени, приметами «великой эпохи», когда началось выдвижение к власти Ленина и Муссолини, Сталина и Гитлера, Ракоши и Зейсс-Инкварта и легиона им подобных почти по всей Европе.

К слову — одновременно приметами эпохи, когда не нашлось в Европе издателя для брошюры Бруцкуса...

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О СЕБЕ

Чтение «Убийства царской семьи» Николая Соколова явилось нравственным потрясением в моей жизни.

Сначала представьте отрока или юношу, воспитанного на таком вот идеале:

Юноше,
обдумывающему житье,
мечтающему —
сделать бы жизнь
с кого,
Скажу, не задумываясь:
делай ее
с товарища Дзержинского.

А до Дзержинского, в детстве, героями значились Ворошилов с Буденным... В войну, правда, появились новые идолы. Но уже в те, то есть в подростковые годы, когда массовый героизм народа стал приметой эпохи, и тогда мы не понимали, почему в образец нам ставят летчика, таранившего германский самолет, как будто взаимное уничтожение пилотов нашего и немецкого есть заведомо выгодная для России сделка. Или почему солдату разумно лечь грудью на амбразуру огневой точки противника и заткнуть своим телом пулеметное дуло. Разве не проще бросить туда гранату?

Послевоенные герои тоже выглядели сомнительно... Не хочу преувеличивать проницательность своего поколения. Но жизнь десятилетиями складывалась так, что сетка моральных координат общества натягивалась на опорные идеалы, вызывавшие у молодежи одни сомнения. Подчеркиваю, у любой молодежи, вне связи с ее конкретными политическими убеждениями (я сам до 1958 года, до дела Бориса Пастернака, был вполне правым комсомольцем).

Одно время на роль образцовых героев претендовали в нашем сознании коммунисты-оппозиционеры, погибшие в чистках, но товарищ Сталин и его сподвижники успели все-таки о них многое народу порассказать... Постепенно, незаметно в сознании многих из нас на «высшие точки» вырвались рыцари белого движения (песни ведь запела молодежь о «поручике Голицыне и корнете Оболенском»), а для кое-кого, как стало известно позже, штандартенфюреры СС.

Кульб белых начался, по-моему, с фильма «Перед судом истории», где бывший лидер правых националистов в Государст-

венной думе Василий Шульгин с любовью вспоминал своего государя на фоне декораций того самого вагона, где он выпросил у царя отречение от престола. Потом, поглядев на табличку у Таврического дворца «Областная партийная школа», Шульгин с грустью проговорил: «Здесь заседал единственный в нашей истории парламент», — и мы в зале вдруг осознали: братцы, да ведь в России парламент был, как же мы про это ничего, ровно ничего не знаем...

Потом появились из каких-то тайных запасников старшего поколения изданные еще в 20-х годах мемуары возглавителей белого движения (мне деникинские «Очерки истории русской смуты» дал покойный «крестный» в кинематографе Юрий Герман). Так что к началу работы над этой вот книгой я, как многие люди моего поколения, придерживался стандартного российского мировоззренческого набора аксиом: российские народы были в революцию сбиты с толку демагогами, обещавшими им рай на земле и во человецех благоволение, кроме того, они традиционно были приучены к патерналистско-авторитарному правлению, свободу же отстаивали в этой стране лишь немногочисленные паладин-идеалисты (а таких везде мало, не только в России). И вот, приближаясь к седьмому десятку лет, я стал читать книги уже не вождей белого движения, а его, говоря по-щедрински, Сил, т. е. тех, кто составлял стеновой скелет администрации, людей вроде Дитерихса или, на более низком уровне, Соколова. Они поразительно напомнили своих антиподов по мою, советскую сторону жизни, тех, кого я так часто наблюдал у нас, там...

гляди,
это и есть
та самая
Хамская
Рожа,
которая решает,
как тебе жить

(Иван Ахметьев, московский поэт 80-х годов.)

После *такого* чтения я уже не удивлялся, встречая, например, докладную записку офицеров врангелевского штаба, адресованную на имя главковерха, с секретным анализом для самого узкого круга *своих* людей:

«...первые наши успехи с середины 1919 года показали воочию, как ждал и ждет русский народ освобождения от насилия и произвола; как он хочет спокойной трудовой жизни, как жаждет порядка и права. Всем памятны встречи добровольцев в Харькове, Киеве, Курске и Воронеже, когда измученное население пело «Христос воскрес», стояло на коленях и целовало избавителей-добровольцев.

Но вместо порядка мы принесли те же насилия, грабежи и издевательства.

Вместо чрезвычайцаек — порки шомполами, расстрелы и т. п.

Великое дело освобождения исстрадавшейся родины было осквернено. Нам не верили. Нас боялись...

Подд. подписал Генерального штаба Генерал-Майор Махров».

Повторяю, меня отвратили от идеализации белых их собственные печатные изделия. В первую очередь Дитерихса и Соколова.

В памяти моей все отчетливее вставала схема другой войны, свидетелем которой я был. Когда России тоже дали на выбор решать, кого она будет больше любить, Сталина или Гитлера.

«Тяжело признавать, — писал мой современник Андрей Амальрик, — но именно Сталин в те годы стал символом национального сопротивления благодаря безумной политике нещев».

Неизбежно приходила мысль, что россиянам и в первый раз история предлагала тот же самый выбор. Только демократические силы и самой страны, и Европы в тот раз находились в союзе с протонацистами, подобно тому, как через четверть века они же плечом прислонились по другую сторону — к коммунистам.

Социальные науки, в том числе и исторические, всегда изучаются одним из членов самого общества, т. е. точка зрения исследователя находится не вне, а внутри изучаемой среды. Это, в свою очередь, делает для него невозможным совершенно объективный подход к исследуемым феноменам. Единственно приемлемый выход для того, кто все-таки хочет найти истину, а не занимается пропагандой идеологии (я не в укор говорю, пропаганда тоже нужное дело, но она — из другого круга явлений), — это развернуть перед читателем максимально широкую картину фактов и феноменов, которые подготовили его точку зрения на исследуемое событие. В данном сюжете, значит, на екатеринбургское убийство. К созданию такой широкой картины я, вопреки вполне осознаваемым композиционным трудностям, и приступаю, посвятив ей всю следующую часть этой книги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**РЕВОЛЮЦИЯ
И КОНТРЕВОЛЮЦИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ УПРЯЖКЕ**

Тогда пришла неправда на Русскую землю. Главный бедой, корнем будущего зла, была утрата веры в цену собственного мнения. Всобрази, что время, когда следовали внушениям нравственного чутья, миновало, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями. Стало расти владычество фразы, сначала монархической, потом — революционной.

Б. Пастернак. Доктор Живаго

Глава 9

МИФОЛОГИЯ ОТСТАЛОСТИ

Большая часть мифов была придумана и унаследована Россией с дореволюционных времен.

Мой покойный друг, ленинградский историк Вадим Вилинбахов (его прадед служил помощником государственного секретаря в эпоху Александра III) поделился своим «потаенным» открытием: хотя всем известно, что святой Александр Невский победил на Неве шведского правителя ярла Биргера и лично поразил того копьем в лицо, а через два года он же разгромил на льду Чудского озера войско Ливонского ордена и убил гротмейстера крестоносцев, что замечательно изобразил в знаменитом кинофильме Сергей Эйзенштейн, но почему-то ни в шведских источниках, ни в рыцарских хрониках об этих ужасных поражениях от славных русичей нет ни слова. Зато известно, что Биргер и гротмейстер благополучно правили в своих замках именно тогда, когда их якобы истреблял наш великий и святой Александр.

Особенно Вадим горячился, доказывая, что в русской летописи (Лаврентьевской) сражения Александра Ярославича никак особо не отмечены в ряду обыденных пограничных схваток, и, например, о победе отца Александра Невского, князя Ярослава, над рыцарями Ливонского ордена сообщалось в летописи куда внушительнее.

— Значит, не было сражения, остановившего натиск рыцарей?

— Почему? Битва, гибель гротмейстера, приостановка походов ливонцев на Русь — все было. Только не при Александре.

— ?

— Битва произошла четверть века спустя, в 1268 году. Сражение новгородцев с орденом при Раквере. Роман Дмитрия Балашова читал?

(Я о битве при Раквере тогда не то что не читал — не слышал.)

— А почему...

— А потому, что Ивану Грозному, повелевшему во время его войны с Ливонией канонизировать Александра, не нужна была память в народе о новгородской дружине, спасшей Северную Русь. И Петру, заложившему Лавру на месте битвы на Неве, тоже не нужен был в истории Руси вольный Новгород, победитель шведов.

— Но все же, почему избрали на эту роль Александра, а не князя, скажем, который командовал новгородцами при Раквере?

— Да кто, по-твоему, основал династию великих князей московских?! — уже рассердился на мою тупость Вадим.

Сей миф, очень популярный благодаря фильму великого режиссера (сочинившего, к слову сказать, не менее популярный миф и о «штурме Зимнего дворца в октябре 1917 года»), изложен здесь в силу его особой наглядности — для доказательства, как именно мифология окутывает русскую историю в самых неожиданных пунктах, и к этому читателю надо быть постоянно готовым. А конкретно, то есть в рамках избранной темы, меня интересуют два парных русских мифа: миф об извечной российской отсталости и параллельный миф о российском дореволюционном процветании. Миф о вечном петербургско-московском империализме-мессианизме и столь же достоверный миф о полной российской невинности в совершившейся европейской катастрофе.

Про российскую дореволюционную отсталость люди моего поколения знали всюду и всегда. Вот как в 1956 году писал об этой стране прекрасный американский эссеист и историк, «пришедший русский побег к столу американской культуры», т. е. введший в литературу США своего друга Владимира Набокова (значит, было где ему добыть информацию), Эдмунд Вильсон:

«Свинская отсталая страна, полная обожравшихся помещиков и пышных фруктовых садов, жалких рабов и маньяков-господ. Старые дворянские гнезда Тургенева с их путаницей родственных отношений и стадами угнетаемых рабов... Ленин, конечно, объявил всему этому войну».

В картине легко угадываются не только Гоголь с Тургеневым, но Достоевский, Чехов (Гаев с Фирсом)... Ошибка Вильсона состояла не в сознательном извращении фактов — все перечисленное существовало в реальности, он узнал о нем из русской литературы, — но в его представлении о России как о застойном обществе, неподвижном от Ивана Грозного до Николая «Кровавого». Между тем в России потому и сумела появиться ее великая обличительная литература, что стремительными темпами в XIX — XX веках выросло гражданское общество, рождавшее и потреблявшее именно такую литературу. Это была страна постоянного внутреннего беспокойства, медленно и трудно решаемых национальных задач (модернизации и вестернизации), великих, хотя стесненных сил, современного городского капитала, страна опытной внешней политики, искусной государственной машины. «Страна с искаженной жизнью, но уже давно знающая, что это искажение не заслужено ею и что для нее возможна жизнь в силе, свободе и счастье» (Н. Берковский).

Пример с Вильсоном прошу не воспринимать как привычную для россиян насмешку над близоруким иностранцем, который «умом Россию не поймет» и пьет чай под кустом развесистой клюквы. Потому что я сам, наряду с миллионами современников,

с уважительным вниманием изучал труды вождя моего народа, который объяснил нам, что царскую Россию всегда били. Били татарские ханы, били турецкие беки, били польские паны, били шведские феодалы. «Били за отсталость». Хотя все мы уже в четвертом классе знали, что в истории все было наоборот и вышеперечисленные оказались Россией разбитыми, но вождя читали, ему верили, отказываясь собственными глазами и мозгами анализировать что бы то ни было, происходившее на месте действия.

Так что нет у россиян права иронизировать над туристом Вильсоном, предположившим в Ленинграде 1935 года, что мрачный вид обитателей города объясняется крепостническим прошлым их родителей. Я, во всяком случае, урожденный ленинградец, не чувствую за собой права на иронию, ибо услышал о «кировском потоке» только в 60-х годах, при чтении «Ракового корпуса». Насколько вильсоновское, общепризнанное, представление о России было далеким от истинной картины, к примеру, начала XX века — можно увидеть по таким цифрам. За 20 довоенных лет царствования Николая II сборы зерна выросли в империи на 78%, добыча угля, тогдашнего «хлеба промышленности», — на 300, нефти — на 65, меди — на 275, выплавка чугуна и стали — на 275, выработка текстиля — на 388, а сахара — на 245. Золотой запас вырос в 2,5 раза.

Для кого проценты не доказательны (для выученных на советской статистике), приведу данные из советской книжки, вовсе не склонной преувеличивать дореволюционные достижения (Ананьич Р. Россия и международный капитал. Л., «Наука», 1970): по металлургии и машиностроению — четвертое место в мире, по нефти — второе, по углю — пятое, по длине железных дорог — второе... Важнейшие промышленные показатели той эпохи.

В чем причины разрыва между традиционным представлением о России и реальными цифрами ее же хозяйственного развития? Одна из них (не единственная) — в быстроте развития, которое с запозданием осознавалось мировой и отечественной общественной мыслью. Ибо Россия действительно — это не легенда — была очень отсталой от Запада страной. Как весь остальной мир. Но вот в 60-х годах XIX века начался почти одновременный исторический рывок четырех молодых держав вслед европейским империям: Германии, наконец-то объединенной канцлером Бисмарком, США, покончившими с рабством на Юге, Японии, осуществившей революцию Мейдзи, и России эпохи великих реформ. Наивысшего темпа погоня великой четверки за лидерами хозяйственного прогресса достигла в предвоенное десятилетие (для России — после ее первой революции).

Царь октроировал (даровал) фактическую конституцию (Манифест об усовершенствовании государственного порядка) после следующего доклада статс-секретаря Сергея Витте:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств... или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения несомненно лежат глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы».

Сразу зарегистрировалось 16 общеимперских партий. Был избран, хотя на непрямой, «цензовой», как тогда говорили, основной парламент, Государственная дума. Николай уступил этим нововведениям помимо своей воли и сердца — он не доверял «анархическим», «противогосударственным», «нежизненным» конституционным порядкам. Распустив две первые Думы, он и для третьей заранее подготовил указ о роспуске, который лежал в кабинете министра подписанным, но не датированным.

Указ, однако, и не был датирован: на дарование свобод народы России ответили грандиозным ростом сил и мощи страны.

В 1913 году редактор парижского «Economiste Europeen» Э. Терри по поручению французских министров провел обследование русской экономики. (Францию интересовало реальное состояние главного ее союзника в Европе и главного должника ее банкиров.) Вот несколько цифр из его отчета, интересных для нас потому, что они отражают развитие за послереволюционную «пятерку» (1907 — 1912 гг.): производство пшеницы выросло за 5 лет на 37,5%, кукурузы — на 45%, ячменя — на 62%, машиностроение — почти в полтора раза, угледобыча — почти на 80%. В целом рост посевов и поголовья скота опережал прирост населения вдвое, а выручка от экспорта масла вдвое превышала стоимость золотодобычи в империи. Особенно бурно развивались Украина и Сибирь: за первые 15 лет века население нынешней Целиноградской (тогда Акмолинской) области выросло в 15 раз. А за предвоенное десятилетие Алтайский край в пять раз повысил товарную продажу хлеба (с 10,5 до 50 млн. пудов. Я когда-то был комсомольцем-целинником, поэтому цифры отобрал в эту книгу исходя из лично-сентиментальных соображений.)

Число крестьянских кооперативов выросло с 286 в 1900 году до 10 350 в 1915-м, среди них было 2700 маслодельных. К слову: были ассигнованы Думой 37 миллионов рублей на строительство Днепрогэса, утвержден проект Волховстроя, фирма «Копикуз» готовила строительство Кузбасского металлургического центра.

Отдельно — о военной мощи империи.

До сих пор бытует в СССР мнение, якобы легкомысленный (даже если он не был предателем) министр Владимир Сухомлинов плохо подготовил армию к войне. Вспомним, однако, что ей приходилось в то десятилетие сражаться с лучшими, по об-

щему мнению, армиями XX века: сначала с японской, потом с германской, против которых один на один вообще никто не мог в мире выстоять. Так вот, мнение о русской армии начальника германского генштаба Мольтке-младшего, изложенное для статс-секретаря (министра иностранных дел) фон Ягова 24.2.1914 года, было таково:

«Боевая готовность России со времен русско-японской войны сделали совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда ранее не достигавшейся высоте. Следует отметить, что некоторыми чертами она превосходит боевую готовность других народов, включая Германию».

«Если дела европейских наций с 1912 года по 1950 будут идти так же, как шли они с 1900 по 1912, то к середине века Россия станет гоепожой Европы в политическом, экономическом и финансовом отношении» — таков был вывод Эдмона Терри.

Мне бы не хотелось, однако, чтобы вильсоновский миф о свинской стране помещиков заменили сегодня не менее вредным, но более современным мифом о российском изобилии, когда сами вволю жили и всю Европу кормили (что-то в этом роде заявил председатель Верховного Совета РСФСР после своего избрания). Так тоже никогда не было: наверно, могло бы стать, но до этого империя не успела дожить. Ибо верно, что хлебный экспорт России заполнял иногда до 40% мирового рынка, но ведь недаром же звали его в те годы «голодным экспортом»: чистый выход зерна с русских полей составлял до начала столыпинских реформ (после вычета затрат на семена) 3,7 центнера с га, а во Франции и Германии уже брали по десять на круг. И недаром министр финансов Иван Вышнеградский в 80-х годах призывал: «Голодать будем, но вывезем», — хлеб обеспечивал до 30% русского экспорта, а продукты сельского хозяйства доводили этот процент до 94! Страна остро нуждалась в капиталах для создания современной промышленности и от своих ртов отнимала необходимое, чтобы было на что ей расти. Как говорят в США, бесплатных обедов не бывает, и за беспрецедентный взлет мощи империи кто-то должен был платить. Во всем мире, не только в России, платило эту цену прежде всего самое многочисленное сословие — крестьянское: так возникла промышленность и в Германии, и в Японии. То же произошло в России: крестьянство, основная масса населения, жило скудно, экономило на еде и на прочем (недаром в 1930 году, во время насильственной коллективизации, когда разоряемые крестьяне резали скот, лишь бы не отдавать его в колхозы, один из проводников проекта, будущий нарком (министр) земледелия Чернов горько шутил, что мужики впервые в жизни вволю наедятся мяса). Крестьянство центральных и северных областей России вообще не могло прокормиться с наделов, как бы старательно ни работало: об этом свидетельствует философ Федор Степун, который в годы гражданской войны четыре сезона крестьянствовал на выделенной ему

усадьбе в Подмоскowie. А экономист Александр Чайнов подсчитал, что в бедной Вятской губернии примерно две трети денежных доходов крестьян уходило на прикупку продовольствия.

Без понимания мифологичности сегодняшних воздыханий о благодетельной жизни «до» невозможно разобратъся в том общественном конфликте, что возник в России «после», в первые десятилетия нашего века. Крестьяне видели, что, много и тяжело работая, они постоянно недоедают, а владельцы крупных имений продают хлеб и в города, и даже за границу и получают огромные по мужицким представлениям прибыли. Постепенно, однако, мужицкие хозяйства крепили, это мирило с привычными нехватками: жизнь год от году становилась лучше и богаче. Но когда наработанное десятилетиями народных трудов стало уходить в бесплодную прорву войны, вот тогда убеждение хлеборобов в неправильности общественного устройства, при котором собственный народ недоедает, считает спички при свече лучины, а в это время страна занимает первое место в мире по продаже хлеба, оно и подняло массы на революцию. Ведь США продавали тогда на экспорт хлеба меньше, чем Россия, это правда, но правда и то, что в России на душу населения собирали по 3,58 центнера зерна, а в странах, где у русских хлеб прикупали, брали по 3,9, а в Америке, которая хлеб не прикупала, а продавала, собирали на душу прилично за тонну.

(Когда же произошла революция и крестьяне устроили «порядок по совести», то помещиков не стало, но не стало и хлебного экспорта: мужики выращивали зерна не меньше, чем до революции, но, естественно, съедали почти все сами. Поэтому вовсе не из чистого злодейства большевики, перед которыми стояли те же задачи государственно-индустриального развития, что и перед Вышнеградским, решили восстановить помещичьи острова в крестьянском море, назвав их колхозами и совхозами. Уничтоженные мужиками в процессе революции, искусственно вынутые из хозяйственного механизма страны усадьбы «культурных хозяев», как звали до революции помещиков, сумевших выстоять на земле после отмены крепостного права, потребовали себе эквивалента в новых условиях: иначе страна не могла бы модернизироваться, следовательно, выжить. Ну, а товарищ Сталин упростил действительно сложную ситуацию и всю Россию сделал единой «культурной» усадьбой, вернув мужиков к привычному голодному пайку, похуже дореволюционного. Все это упоминается вскользь, с целью напомнить, что в основе революционных конфликтов 1917 — 1930-х годов лежали серьезные хозяйственные причины, и вовсе не дурость, дикость, злодейство диктовали поведение масс, как это видится иногда современному взгляду, знакомому с последствиями, а не с побудительными мотивами событий.)

Теперь яснее видны «поля сражений» в душе Николая II, о которых писал Черчилль. Царь воспринимал Россию как боль-

шую семью, а народ как детей: иногда бывают непослушными, неблагодарными, но нельзя о них не заботиться, спасая их от них же — и для их же блага, и всегда прощая...

Однажды он приказал министру финансов перебросить бюджетные средства с капиталовложений в хозяйство на помощь малоимущим, а когда премьер (В. Коковцов) сказал государю, что в конечном итоге такая экономическая политика ударит как раз по беднякам, он через некоторое время лишился поста (но не только за возражения монарху), ибо Хозяин земли русской считал долгом заботу о народе.

Или — с начала войны император декретировал «сухой закон»: кто же, кроме него, подумает об охране здоровья народного в пору ожидаемых гибелей, когда «питье с горя» разольется по стране? (Но как все романтики, он упустил из виду сложность реальной жизни: водка была не только отравой, но и сильнейшим традиционным средством для снятия непосильных напряжений. Возможно, этот запрет способствовал нарастанию революционного протеста солдат и матросов, ежедневно ожидавших смерти.)

Словом, «при наличии малейшего беспристрастия, — как сказал либеральный писатель Георгий Адамович, — человек любых политических взглядов, даже самых враждебных, должен был признать, что государь всей душой желал добра России и по мере сил и разума старался служить ей как можно успешнее».

Но как честный по натуре и убеждениям человек, он не мог не осознавать, что уступка, сделанная в минуту отчаяния, вызванного поражением в японской войне и успехами анархии, по совету людей, которым он не доверял, приведшая к сотрудничеству с людьми, которых не любил, этот манифест, даровавший народам России гражданские права, вопреки его родительским опасениям, привел руководимую им страну не к развалу, а к расцвету. И робко, смущаясь в душе, царь жаждал примирения с обществом, т. е. с Думой, с ее признанными лидерами, — разумеется, на таких условиях, когда они сами свободно придут к выводу, что он — природный лидер империи.

МИФОЛОГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Другой миф связан с представлением о российском империализме — предшественнике коммунистической экспансии.

Согласно ему, лозунг всемирного Союза социалистических республик стал в XX веке своеобразной модификацией формулы монаха Псковского монастыря XV века Филофея: «Москва — третий Рим, а четвертому Риму не бывать».

Наверно, читателю непросто поверить, что основоположник учения, определившего якобы внешнеполитическую линию России на протяжении пяти веков, от казанских походов Ивана Грозного и до афганских Леонида Брежнева, изложил его в 15 строчках: в адресе (даже не в тексте) послания Василию III о необходимости искоренять в «святом великом княжестве»... гомосексуализм («Об искоренении блуда содомского»):

«Тебе, светлейшему и высокостолнейшему великому князю... иже вместо Римския и Константинопольския просиявшаия. Старого убо Рима церкви падеся неверием аполинариевой ереси, второго Рима, Константинова града, церкви агаряне секирами и омкордами рассекоши двери, сия же ныне третьего, нового Рима державного твоего царствия святыя соборная апостольския церкви, иже в концех вселенной православной христианской веры во всей поднебесной паче солнца светится. И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко все царства православныя христианской веры снидошеся в твое единое царство. Един ты во всей поднебесной христианам царь».

Как ни парадоксально звучит, но в конкретной политической и дипломатической практике своего времени мессианизм Филофея был... формулой российского изоляционизма.

«Москва — третий Рим» означало, что московский князь не нуждается во внешнеполитических санкциях, ратификациях и союзах для утверждения его суверенных прав в «европейском клубе». Ergo, царь Всея Руси будет заниматься наследственными делами Рюриковичей (например, захватом Украины и Белоруссии) и не станет вмешиваться в вековые османо-европейские конфликты.

Разумеется, империализм составлял стержневую линию всей русской внешней политики, но не более, чем британской, французской, испанской, даже польской и шведской... («Русский народ и русские политики были ни более воинственны, ни менее миролюбивы, чем политики других государств», — формулировал в 1951 году социалистические эмигранты-публицисты С. Шварц, Р. Абрамович, Б. Николаевский свой ответ на утверж-

дение, что «Сталин есть продолжатель традиционной русской политики...»)

Спецификой российской имперской стратегии и тактики, в отличие от других великих держав, можно считать, пожалуй, лишь два любопытных обстоятельства. Первое — боязнь заморских завоеваний (Аляска и Гавайи были мирно уступлены Штатам; Курилы отдали Японии в обмен на прибрежный Сахалин; удачливого конкистадора Ашинова отозвали из православной Эфиопии и т. д.).

Второе обстоятельство гораздо важнее и имело прямое отношение к сюжету этой книги. Хотя, повторяю, российский империализм в целом продублировал общеевропейскую модель, но в его идеологии, в его духовном импульсе имелась некая составляющая, которая действительно позволяла политологам и историкам считать старца Филофея пророком имперской философии.

Сформулировать романтический островок, мистическое Эльдорадо в целом весьма прагматичной русской политики можно так:

«Рано ли, поздно ли, а Константинополь будет наш».

Русское Эльдорадо звалось Константинополем, Царьградом, а по-современному — Истанбулом, столицей Османской империи.

Когда Филофей определил великого московского князя единым царем всех христиан, то не следует понимать подобное титулование в сегодняшнем, модернизированном смысле: Филофей имел в виду не власть над еретиками христианства, папистами или там схизматиками-протестантами, но над «истинными», православными христианами. С него действительно началась та духовная русская традиция, которая видела смысл существования этого народа в сохранении православия на Земле и воссоздании в кульминационном моменте истории второй Византии (которая, как известно, себя не называла ни Византией, ни империей греков, но гордилась званием Новой Римской империи с «ромеями», т. е. римлянами, во главе), Великого Общеправославного царства.

Подобно тому, как идея священной Римской империи германской нации тысячелетия владела немецким сознанием, так витал и над русским сознанием миф Воскресшей Византии.

Претензия московских царей занять бывший престол Комнинов и Палеологов выглядела, однако, дерзостным мечтанием со стороны всего лишь стольников былого константинопольского двора (именно такой невысокий придворный титул — «стольник» — носил великий князь киевский в славном Царьграде). Хотя Романовы, наследники дома Рюрика, остались с XV века единственными суверенами православного региона, но только коронация одного из них в соборе Святой Софии на берегах Босфора могла бы сделать его легитимным повелителем право-

славных христиан, наподобие папы римского в католичестве и султана-халифа, владыки правоверных.

Сначала, чтобы достичь константинопольского «Золотого стола», петербургские императоры нападали на Блистательную Порту с запада, со стороны Средиземноморья. Потом двинули армию по кратчайшему направлению, через Болгарию. Одержав с огромным трудом военную победу, потерпели и там, и тут политическое поражение: оба воссозданных с русской помощью южнославянских княжества, Сербия на западе Балкан и Болгария на востоке, не горели страстью возложить свои народы на алтарь битвы за реставрацию Византии. Раздраженные змешательством в их дела благодетелей-освободителей, правители новых государств переориентировали внешнеполитические связи в направлении другого старшего партнера в регионе — империи Габсбургов.

Более того, монарх восстановленной Болгарии сам начал претендовать на константинопольский трон и в XX веке едва не ворвался со своей армией в Истанбул, к неопишному ужасу петербургских правителей.

Александр III угрюмо пошутил по поводу русских успехов в славянском мире: «Я пью за нашего единственного союзника, Николу Черногорского». (Черногория была самым крохотным из балканских государств.)

Нужно оговорить: фактором, устремлявшим Россию на Балканы и к проливам, во всяком случае, в XIX — XX веках, не были ее хозяйственные или военно-стратегические интересы, а только религиозно-идеологические. Но это единственное романтическое добавление к вполне реалистической внешней политике: «Рано ли, поздно ли, а наш будет Константинополь» — вот оно-то, безмерно раздутое в обществе группой иррационально мыслящих панславистов, оказалось тем капсулем, который воспламенил балканский пороховой погреб под Европой и уничтожил континент традиционных монархий. В их числе — монархию Николая Романова.

ДВУХЪЯРУСНАЯ СТРУКТУРА

Как ни возмущались «русские патриоты» трудами Ричарда Пайпса, они не в силах оспорить факты, приводимые в его сочинениях, а именно: в кодексе законов империи даже простое укрывание лица, виновного в злоумышлении против царя или замыслившего ограничить права самодержца, каралось более серьезно, чем убийство собственной матери («сравните параграфы Свода законов № 243 и № 1449»), или что еще в России был писан закон, напоминавший по формулировке ленинскую 58/10 или андроповскую «семидесятку». («Произнесение речи или написание статьи, оспаривающей или подвергающей сомнению неприкосновенность прав или привилегий Верховной власти» — это каралось наравне с изнасилованием, «сравни № 252 и № 1525»).

Конечно, в юридической практике необычайно редко встречалось использование этих статей (мне, например, известен единственный случай — при осуждении Михаила Новорусского на процессе по делу 1 марта 1887 года). Обычно о таком юридическом инструментарии никто не вспоминал, это правда. Но правда и то, что существование бездействовавших законов в самом узле устоев гражданских прав являлось злом, развращавшим российское общество.

Право МВД использовать или не использовать по своему произволу законы государства постепенно приводило к деморализации обеих борющихся общественных сил — как политической полиции, так и революционеров. «Нигилистов» полиция воспитывала в атмосфере «чрезвычайных» и «временных» постановлений: «Это была единственная конституция, которую они знали. Их представление, каким должно быть правительство, явилось зеркальным отражением царского режима: прозванное им «крамолой» они нарекли «контрреволюцией» (Р. Пайпс).

(Самая мягкость, с которой обращались с ними многие судьи, приучала к мысли: «Народ и общество за нас, и власти это знают», а законы в государстве есть не ограничители произвола властей, а нечто вроде красных флажков при охоте на волков, пугающих объект охоты, но на самом деле вовсе не страшных и по окончании отстрела небрежно бросаемых охотниками на днища сумок.)

В следственных кабинетах приучали интеллигентов к непорядочности: хочешь выиграть партию, где ставкой будет твоя жизнь на воле, позабудь о морали, потом об уважении к закону

(«закон — это мы»), соответственно и к государству, источнику всех законов, в этом заключается твой шанс! Не хочешь гибнуть — губи других. Не хочешь лгать и обманывать — открывай и предавай. Твой выбор...

Особенно острые конфликты возникали в судах, которые эти идеологически (то есть в согласии с заранее избранными логически-словесными схемами) воспитанные молодые подсудимые первоначально воспринимали как некую третейскую и независимую инстанцию в споре между ними и властями. Когда же они убеждались, что действительность редко совпадала с книжками кавалера де Монтескье, то впадали в необузданный нигилизм.

«Подсудимые считали, что они одни тут порядочные люди, суд же, прокуратура и прочие — жулье, сброд, с которыми им по воле судьбы приходится разговаривать»... «Это не суд, а нечто худшее, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует телом, а здесь сенаторы (члены Верховного суда. — М. Х.) из подлости, холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью», — вспоминались мне цитаты из речей на «юбилейных» процессах, когда я сам сидел на той же скамье или в том же кабинете (процессам исполнилось как раз 100 лет). «Господа судьбы, если вы меня взяли, то держите крепче, не выпускайте, потому если выпустите — я уже буду знать, что делать» (слова рабочего Ковалева, неграмотного).

Кстати, я заметил, что, когда судьбы прошлого века пытались серьезно разобраться в ситуации политического преступления, это нередко предотвращало будущие правонарушения. Верховный уголовный суд с исключительным беспристрастием разобрался в деле террористической группы «Ад», и хотя вынес несколько очень тяжелых приговоров (один, Каракозову, смертный), ни один из подсудимых более никогда не занимался революционными делами. На процессе «нечаевцев» тоже были крайне тяжелые приговоры (ведь их заговор закончился убийством) — но ни один из участников кружка не состоялся потом в подпольных организациях. Еще пример: Веру Засулич присяжные, возмущенные безнаказанными должностными преступлениями жертвы ее террористического акта, столичного градоначальника, взяли и оправдали. Ошибку присяжных вспоминают сегодня часто, но почти никогда о том, что оправданная подсудимая стала противницей революционного террора, сначала в народническом движении, потом в социал-демократии.

Так вот, когда революционное движение стало массовым, люди, сидевшие в это время напротив следователей в их кабинетах, не могли не принять правил игры, которые им здесь навязывали: что произвол МВД и его пренебрежение к писаному закону и есть та практика государственной работы, которой не знают оторванные от жизни интеллигенты. Когда, волею революции пересев в те кресла, которые раньше занимали их пра-

вительственные оппоненты, они натыкались на неодолимое сопротивление косной историко-общественной материи, на память белым борцам неизбежно приходили навыки и приемы, усвоенные когда-то в этих же следственных кабинетах. Именно это и хотел сказать Пайпс о преемственности развития России от монархической к советской: речь шла об опухолевых заболеваниях общественного организма, который уже начал было отторгать болевшие клетки, но внезапно обострившаяся вспышка (война) привела к злокачественному перерождению государственных тканей.

«Исторический опыт показывает, что чем упорнее не хотят допустить никаких изменений правящие круги, тем более крайние формы принимает борьба против них. Власти в значительной мере сами формируют стиль оппозиции. И если говорить о том, кто виноват в послереволюционных ужасах, через которые прошла и все еще идет Россия, я склонен обвинять в первую очередь Николая II, а уже во вторую — Ленина. Называю эти имена в собирательном смысле — как выражение того, что они олицетворяли» (Андрей Амальрик).

Ленин проницательно заметил, что революционная ситуация возникает, когда низы не хотят жить по-старому, но и верхи уже не могут по-старому управлять. В начале второй декады XX века русские низы не желали жить по-старому в условиях подлинного расцвета страны, который ощущался буквально во всех отраслях (парадоксально, но это чувство расцвета отразилось в постоянной на протяжении полувека мании большевиков сравнивать все их достижения с 1913 годом).

Но и верхи не могли больше управлять по-старому, ибо «двухъярусность», противоречие обычных и чрезвычайных, писанных и принятых на практике приемов управления империей делала всю ситуацию крайне нестабильной. К рычагам власти протягивались руки не только левых, о которых мы говорили выше, но и их антиподов, правых губителей империи.

Чтобы взорвать свою страну, им потребовалась война.

БАЛКАНСКИЙ КАПСЮЛЬ

Синдром «двухъярусности» поразил не только внутренние, но и внешнеполитические государственные структуры России.

На одном ярусе находились ее отношения с цивилизованными странами Европы, где с блеском и успехом испытывались средства конвенциональной дипломатии: пакты, протесты, конгрессы, конвенции... На другом, в частности в балканских «пастушьих княжествах», высшие дипломаты петербургского МИДа позволяли себе использовать то, что в наши дни зовут «организацией и покровительством международного террора».

«Это, конечно... самое отвратительное явление во внешней политике России, ставшая привычкой традиция прибегать в этих малоцивилизованных странах к орудию насильственного устранения почти всех, кто стеснителен для русской политики на Балканах. Убийство последнего короля Сербии (Александра Обреновича. — М. Х.), убийство Стамбулова (премьера Болгарии — М. Х.), свержение Александра Болгарского, который также был бы предан смерти, если б не отрекся, — все эти факты принадлежат к одной страшной цепи событий», — комментировала «Дейли кроникл».

В XIX веке Россия, по выражению британского премьер-министра лорда Солсбери, «всегда ставила на Балканах не на ту лошадь». Вольты императорской политики в Болгарии, например, завершились тем, что русский посол в Софии Гартвиг попытался остановить эволюцию к союзу с Веной того правительства, при котором он был аккредитован, серией политических убийств, и к списку «Дейли кроникл» можно добавить фамилии из расшифрованных после революции бумаг петербургского МИДа: министра финансов (Велчева) и посла Болгарии в Константинополе (Волковича), а также неудачные покушения на министра иностранных дел (Начевича) и правителя Рущукского округа (Мантева).

Террор не помог. И шефы Гартвига в МИДе переориентировали фокус внимания царской дипломатии на Сербское королевство.

Цари давно «соизволяли обнадежить сербский народ» (цитата из декларации Александра I), с XV века находившегося под властью османов. Но то Наполеон на Русь шел и мешал, то Меттерних выражал Петербургу влиятельное недовольство («Сербия должна быть либо османской, либо австрийской», — формулировал канцлер). И в Петербурге решили договориться

с Веной по-доброму: взамен за право России основать в ходе войны новое, Болгарское княжество, австрийцы «бесплатно» получили разрешение оккупировать южнославянские области, исторически считавшиеся уделом сербских князей, Боснию и Герцеговину.

И ползлелся тогда Белград за победоносными Габсбургами...

Но в 1903 году в Сербии произошел государственный переворот. Группа заговорщиков ворвалась в королевский дворец и убила короля и королеву из династии Обреновичей. Прозападную, либерально-реформистскую партию «напередяков» сменила в правительстве радикальная партия: ее вожди вербовались из анархистских, марксистских, народнических кругов. В частности, премьер-диктатор Никола Пашич считался разочаровавшимся в сербском социализме учеником князя-анархиста Петра Кропоткина.

Панславянские министры правили в единодушии с новой королевской династией Карагеоргиевичей. Ситуация на Балканах начала угрожать европейскому миру, длившемуся на континенте уже свыше трех десятилетий. Ибо новые правители Белграда переориентировали свои внешнеполитические векторы с Вены в сторону Петербурга и Парижа.

Почему?

Великого соседа сербов, охватившего их королевство со всех сторон, империю Габсбургов, прозвали в те годы «лоскутной монархией». Нам придется рассказать о ее национальной специфике, потому что это в какой-то мере объяснит национальный состав команды палачей в полуподвале дома Ипатьева, да и тех войск, что стремились освободить царя из заключения.

С 1867 года Австрийскую империю, чей господствующий этнос был выброшен бисмарковским «жезлом и кровью» из состава германской нации, переформировали в Австро-Венгерскую унию. В ее австрийской части примерно 9 миллионов германцев правили 15 миллионами славян и миллионом итальянцев и румын. В Венгерском королевстве 8 миллионов мадьяр господствовали на 11 миллионами разных нацменьшинств.

Правители Вены с опасением наблюдали за беспрецедентным увеличением мощи Романовых в XX веке, ибо именно Россия традиционно субсидировала и ободряла славянскую оппозицию на территориях, подвластных Габсбургам. Министры Франца-Иосифа II как бы примирились с тем, что Константинополь уйдет в руки православных при дележе мусульманской Блистательной Порты, но в таком случае им вроде бы тоже полагалась «компенсация» на Эгейском побережье, а именно: главный порт бывшей Византии, знаменитые Салоники (по-русски Солунь). А так как единственно возможные дороги через горные хребты от Австрии шли к Эгейскому морю по долинам сербских рек, то Сербия само собой включалась Веной в сферу ее «государственных интересов».

Первым шагом на пути реализации этих планов стала официальная аннексия Австро-Венгрией давно уже оккупированных ею Боснии и Герцеговины. С 1909 года, когда эта аннексия была прокламирована, все политики Сербского королевства считали, что захват ядра их народа Габсбургами — вопрос времени.

Если слабые народы попадают под иго могущественных Сил, их сопротивление выстраивается по одной примерно схеме: распространяются мифы о духовной изнеженности цивилизованных колонизаторов («а мы бедные и неизбалованные, зато годны к борьбе»); потом следуют безумно непрактичные упования на далеких и идеализируемых покровителей; третья стадия — развязывается террор против местных представителей чужой власти. В частности, в Сербии любили помечтать о «гнилости презренных австрияков», о великодушии «братской России», которая, мол, их не выдаст, — и, наконец, убивали высших чиновников австрийской администрации в Боснии и Герцеговине.

Международный террор значительно облегчался в регионе национальными традициями, ибо «убить человека в этой земле почитается весьма малым грехом», как философично заметил один царский дипломат (Родофиникин): за полвека конституция Сербии менялась раз десять и царствовавший монарх взошел на трон с помощью группы цареубийц.

Организация международного террора была законспирирована настолько первоклассно, что австрийцы даже накануне войны не знали не то что о деятельности — о самом ее существовании.

Президентом с 1913 года был избран начальник армейской контрразведки Драгутин Димитриевич (подпольная кличка «Апис»).

«Его облик напоминал портреты героев итальянского и германского национально-революционного движения 1848 года, — вспоминал журналист Виктор Серж (псевдоним россиянина Кибальчича). — Красивая наружность, талант вождя, оратора, заговорщика, террориста, умение руководить людьми и внушать любовь женщинам своеобразно сочетались в этом человеке... Получив три пули в грудь, он все же ворвался во дворец короля Александра: его признали вождем заговорщики-генералы, хотя «Апису» было 27 лет и он носил мундир поручика. Организация заговорщиков («Завереница»)... под его руководством влилась в 1911 году в «Черную руку».

Другой современник писал: «...Он обладал качествами, которые очаровывают людей. Его доводы были исчерпывающими и убедительными. Он умел повернуть дело так, что самые ужасные деяния казались мелочью, а самые опасные планы невинными и безвредными... Будучи крайне честолобивым, он любил тайную деятельность, но любил также, чтоб люди знали, что он

занят тайной работой и все держит в руках. Сомнения насчет возможного и невозможного, о потенциальной связи между властью и ответственностью никогда не смущали его. Он видел лишь одну цель перед глазами и шел прямо к ней, не обращая внимания на последствия».

В организацию террористов, согласно опубликованным сейчас спискам, входили военный министр, начальник генштаба, министры внутренних дел и юстиции, генеральный директор МИДа, почти все генералы и штаб-офицеры, в контакте с ней находились принц-регент (при престарелом короле-отце) и министр иностранных дел.

«Сильный человек Сербии», премьер Пашич через своего агента в руководстве тайной организации был осведомлен о ее важнейших делах и замыслах.

Сначала заговорщики сменили порядок престолонаследия в Сербии: когда наследник престола задумал убрать еще одно препятствие на пути к объединению южных славян, черногорского короля Николу, опытные цареубийцы Димитриевича вместо выполнения задания уведомили окольным путем о замысле своего принца самого Николая II. Оскорбленный тем, что династия, находящаяся под его патронажем, занимается цареубийствами, Николай дипломатическим давлением добился отречения наследника от его прав, и преемником короля, а с 1914 года регентом был объявлен второй принц, Александр, связанный с террористами.

Потом была сделана попытка убить болгарского царя Фердинанда, верного союзника Австрии: деньги на «акт» дали в русском посольстве в Белграде. Покушение провалилось.

Но главной мишенью «делателя королей XX века» Димитриевича должен был стать наследник короны австрийских императоров и венгерской короны святого Стефана, внучатый племянник Франца-Иосифа II Габсбурга, эрцгерцог Франц-Фердинанд.

УБИЙСТВО ЭРЦГЕРЦОГА

Франц-Фердинанд, глава католической «партии» при венском дворе, слыл среди Габсбургов... «славянофилом № 1».

Находясь в шаге от трона (дед, Франц-Иосиф, царствовал 66-й год), он мистически прорицал: «Я никогда не буду царствовать. Что-то плохое случится со мной, когда император будет на смертном одре».

Отправляясь на маневры в Боснию летом 1914 года, он на глазах придворных демонстративно «вручил себя Провидению Божьему», а тайно застраховал жизнь на громадную сумму в нейтральных нидерландских банках.

Но если понимал опасность, зачем вообще поехал в Боснию — зверинец заговорщиков?

Франц-Фердинанд женился по любви, морганатическим браком. В жилах его супруги текла, говорят, славянская кровь. Это значило, что его дети никогда не будут царствовать: венский и будапештский парламенты утвердили его вынужденный отказ от прав наследников на вечные времена. Но обожавший жену и детей, престолонаследник придумал легитимный выход: если из дуалистической империи создать Тройственную монархию, Австро-Венгро-Славянскую, то в такой комбинации кто-то из его детей мог бы получить не затронутую старым законодательством новую, славянскую корону под скипетром императора-отца.

Вот почему он не только не хотел избежать посещения славянских земель империи, но и не желал отгородиться от тамошнего населения стеной чрезвычайной охраны. (Уже после первого взрыва в Сараево отказал полицмейстеру в просьбе удалить публику с улиц: «Я хочу, чтоб меня видел народ. Разве я не для этого сюда приехал?»)

...Его ожидали в столице Боснии боевики «Черной руки».

Это название организация получила по своей печати: мускулистая рука держала знамя с черепом и скрещенными костями, ножом, бомбой и ядом. Точь-в-точь как в «Бесах» Достоевского, она состояла из пятерок, члены которых никого, кроме своей пятерки, не знали в организации, и

точь-в-точь как в «Катехизисе революционера» Нечаева-Енишерловского, члены-управители обладали тотальной властью над жизнью и судьбой любого члена организации.

«Самые ужасные пытки не извиняют измены, наказываемой смертью» (№ 14 устава); «всякий вступающий не может выйти из организации» (№ 31). А вот присяга: «Я, становясь членом организации «Объединение или смерть» (так официально называлась «Черная рука»), клянусь солнцем, согревающим меня, землей, питающей меня, кровью моих предков, честью и жизнью, что принесу для организации любые жертвы... Пусть Бог меня осудит, если я нарушу или не выполню...»

Правда, в отличие от русских «нечаевцев», сербские заговорщики-убийцы были, как видно из их терминологии и состава руководителей, «правыми», с «корнями и славянской почвой», но правозэкстремисты-сербы и левозэкстремисты-русские как бы обрамили трагедию мировой войны двумя царевбийствами.

Из неожиданного признания ведущего сербского политика уже в 20-х годах стало известно, что кабинет министров Белграда был в курсе подготовки покушения на Франца-Фердинанда. Исследователь сараевского дела, профессор Николай Полетика, полагает, что в подобной ситуации не принять никаких мер (самое простое: послали бы сербы в Вену предупреждение о заговоре и тем сняли с себя ответственность при любом исходе «акта») эти министры могли в одном-единственном случае: если были убеждены, что действия убийц санкционированы русским послом.

Послом в Белграде с 1909 года состоял Николай Гартвиг, тот, что три десятилетия назад намечал и финансировал убийства болгарских сановников.

Этот человек, игравший ключевую роль в балканской игре России, был характерной фигурой того двухъярусного правопорядка, который, вопреки субъективным намерениям его сторонников, погубил в XX веке империю и династию.

Гартвиг считался фанатиком панславянской концепции и полагал, что ее невозможно провести в жизнь без ликвидации противостоящей на Балканах австро-венгерской мощи. Уничтожение дунайской империи («Заговорщика в Европе») стало его идефикс.

В петербургском МИДе шла в те годы борьба между двумя ориентациями — на Болгарию как главного союзника в регионе или на Сербию. Николай II и его министр Сазонов стояли за первую, Гартвиг — за вторую. «Во всех представлениях и

письмах он защищал перед Николаем и Сазоновым сербские интересы лучше и способнее, чем сербские дипломаты», — признавал один из белградских политиков, а как он это делал, описал Н. Полетика:

«Веда политическую линию, резко противоречившую директивам Петербурга, Гартвиг искусно саботировал их, уверяя Сазонова, что этим директивам противодействует сербское правительство и династия».

А вот мнение о нем другого специалиста-историка:

«Осторожной, прагматической политике двора и министерства он противопоставил безответственную, иррациональную концепцию, которая создавала большие затруднения правительству и компрометировала его» (проф. Барбара Джелавич, США).

«Гартвиг был абсолютным господином в нашей внешней и отчасти даже внутренней политике», — писал тот же сербский политик (его псевдоним «Марко»), но все-таки я, вопреки мнению проф. Н. Полетики, не убежден, что он действительно благословил исполнителей сараевского убийства. Однако своей экстремистской позицией посол дал сербам повод думать, что за намерениями Димитриевича скрывался замысел царского кабинета. Так не им же, сербам, стоять поперек трассы, если великая держава все-таки решила пойти на риск страшного конфликта во имя общеславянских интересов.

Плюс — белградские министры знали: через одного из своих помощников, Раде Малобичечева, «Апис» находится в постоянном контакте с русским атташе полковником Виктором Артамоновым.

...Через три года (в 1917-м) в ходе сеператных переговоров Антанты с Австро-Венгрией австрийцы в обмен на возвращение сербам оккупированных Боснии и Герцеговины потребуют от партнеров ликвидации «Черной руки»: «В переговорах о мире 1916 — 1917 года Австрия потребовала и получила голову «Аписа», — комментировали газеты. «Апис» (вместе с Раде) будет расстрелян по обвинению в покушении на жизнь сербского принца-регента Александра. («По-моему, он слишком много знал о тайнах сараевского убийства, а много знать иногда бывает опасно», — прокомментировал Н. Полетика.)

Имеются, по крайней мере, два показания командиров «Черной руки» о поведении русских дипломатов накануне кризиса. Вот одно из них: «Апис в своей повседневной работе сотрудничал с русским военным атташе... От Артамонова он узнал, что Франц-Фердинанд будет на маневрах в Боснии...

Так как гипотеза немедленной войны казалась ему возможной, Апис счел долгом посоветоваться с Артамоновым: он посвятил последнего в ход приготовлений к заговору. Русский военный атташе на несколько дней отложил ответ. Текстуально он гласил: «*Marchez, si l'on vous attaque, vous ne segez pas seuls*» («Действуйте, если вас атакуют, вы не останетесь одни»). Промежуток между вопросом и ответом показывает, что Артамонов связывался с начальством. С кем? Конечно, с Гартвигом. Гартвиг знал все: таково было убеждение «Аписа». Возможно, и Петербург, где у Гартвига были личные друзья. Сазонов? Мы не будем утверждать этого. Политика посла не совпадала во всех деталях с политикой министра (полковник Симиц). Австрийские исследователи сорок лет спустя в числе единомышленников Гартвига в Петербурге называли великого князя Николая Николаевича и генералов Брусилова и Самсонова. Здесь наглядно проявилась та двухъярусность российской политики, что упоминалась выше: посол и его личные друзья в верхах двора и армии водили за нос министра и даже государя, в интересах которого они, как им самим казалось, действовали. Политики-партизаны втащили свое правительство в мировую войну, поводом для которой послужило фактическое цареубийство, совершенное их же, монархистов, партнерами и союзниками.

Но, может быть, это была не «камарильная», а просто тайная политика царя? Ведь Николай II тоже был иррациональным мистиком. Может, это он сам и решил, что настал срок исполнить Божественное предначертание — сокрушить Австрию на путях к святому граду Константинополю?.. Невозможно отрицать: по характеру и убеждениям Николай и его супруга несомненно были политиками-мистиками. Но с принципиальным ограничением — они были порядочными людьми.

Поясню это утверждение примером в русле нашего сюжета. Однажды Николай спросил министра Витте, нельзя ли сделать так, чтобы театральный критик Кутель смягчил в рецензиях тон относительно балетного искусства Матильды Кшесинской, «а то Сергей Михайлович обижается» (бывшая царская метресса была в это время связана с его дядей). Министр ответил, что исполнить высочайшую волю трудно, потому что «Кутеля заслал к нам Альянс-Израэли из Парижа» с особым заданием: порочить все, что нравится монарху на сцене. Но он, Витте, справится. (Кутель, изложивший «приключение» с юморком, пояснил, что справиться-то было несложно: сам он не писал о балете, так как в этом виде театра ничего не

понимал, а тот, кто понимал и писал, был более чем доступен аргументам заинтересованного лица, именуемого «министр финансов Российской империи».) Так что мироощущение царя вполне нам ясно — и по уровню, и по вектору. О том, как членов императорской фамилии Романовых воспитывали с детства, ярко рассказал в «Книге воспоминаний» (1933 год) другой дядя царя, авиатор и кораблестроитель великий князь Александр Михайлович: «...Мой духовный актив был отягощен странным избытком ненависти... Не моя была вина, что я ненавидел евреев, поляков, шведов, немцев, англичан и французов. Я осуждаю православную церковь и доктрину официального патриотизма, которая вбивалась в мою голову 12 лет учения, — за мою неспособность относиться дружелюбно ко всем этим национальностям, не причинившим мне лично никакого вреда... Мои враги были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в сердце огонь «священной ненависти» против всех и вся... Мой законоучитель ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил мое детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную проповедь с нетерпением отвергались: «Да, Христос заповедал нам любить наших врагов, — говаривал отец Георгий Титов, — но это не должно менять наши взгляды в отношении евреев».

...Услышав, как в Киеве на Пасху зарезали христианского мальчика, но еврей-богоубийцы подкупили провинциальную полицию и, замаяв дело, спасли убийцу Бейлиса от суда, неподкупный царь, воспитанный такими вот священниками Титовыми, распорядился продолжить следствие и довести дело до процесса. Но, узнав, что суд оправдал Бейлиса, тот же царь не стал мешать отправлению правосудия — это ведь тоже правда. Присяжные признали еврея невиновным? Значит, он был невиновен. (Обвинителей наградили за верность и исполнительность.) Или, получив от придворных «Протоколы сионских мудрецов», он им сразу и безусловно поверил. (Так эта книга и оказалась в личной библиотеке Романовых.) Но премьер и министр внутренних дел Столыпин заподозрил неладное. Лучше императора понимая нравы двора, он попросил разрешения проверить авторство книги. Его следователи установили, что изготовлены «Протоколы» в одном из их отделов, заге (заграничной агентуры); Столыпин доложил об этом императору, и — это тоже, повторяю, правда — царь рекомендовал не распространять «Протоколы» (по-

чему они и оказались так мало известны до революции):

«Чистое дело, — сказал, — нельзя делать грязным способом».

Вот почему невозможно представить, чтобы человек с таким мистико-романтическим складом характера одобрил — даже как часть стратегически полезного плана — убийство наследника венского трона. Но империалистические и славянофильские клише его мировоззрения оказались благодатной опорой для камарильи, использовавшей его «верность православному наследию и славянству»: ибо царскими руками она развязала последние узлы, преграждавшие Европе сползание в мировую войну.

* * *

Июнь 1914 года. Признает или не признает Албания своего нового князя? Чем кончатся забастовки в Петербурге? Новость первых газетных полос: в столице Боснии убит прибывший туда на маневры эрцгерцог Франц-Фердинанд. Кем? 28 июня? В Видовдан (день святого Вита)? Сомнений нет. Сербом. В этот день в 1389 году на Косовом поле была уничтожена армия сербского княжества во главе с князем. В тот же вечер юный Милош Обилич поразил во вражьем стане кинжалом победителя — повелителя правоверных султана Мурада. День трагедии — и день надежды нации на грядущее возрождение Сербии.

...Покушение протекало так. Колонна из четырех машин ехала по набережной Босны, приветствуемая криками «Живьо!», овациями толпы, букетами цветов. Тронутый неожиданно теплой встречей, Франц-Фердинанд приказал ехать помедленней.

В 10.25 в его открытый автомобиль упал букет, из которого повалил дым. Эрцгерцог успел выбросить предмет из машины: бомба взорвалась под колесами следующего в строю автомобиля. Взрывом ранило примерно 20 человек, в основном зрителей. Высоких гостей отправили в ратушу на запасной машине, а террориста поймали. Сначала лейтенант, кинувшийся его захватить, был задержан полицейским: «Не вмешивайтесь в наши дела!» — и покушавшийся успел прыгнуть в реку. Полиция стояла, оцепенело глядя на беглеца, но некий храбрый парикмахер нырнул за ним следом... После схватки в реке парня

задержали и повели в полицию. Там он назвался — Габринович, и на вопрос, серб ли он, ответил: «Да, я сербгерой».

В ратуше эрцгерцог резко бросил мэру: «Мы приезжаем как гости, а в нас бросают бомбы. Это гнусно!» Местное начальство просило высокого гостя прервать поездку, но он захотел навестить раненых в госпитале. Уступил в одном — позволил сопровождать себя жене. В дороге автомобиль попал в «пробку», явно заранее подготовленную, и в пассажиров стали стрелять. Эрцгерцогиня, обняв, закрыла собой мужа, поэтому первая пуля поразила ее. Вторая попала во Франца-Фердинанда, он успел только сказать: «Софи, живи ради наших детей». Эрцгерцог был ранен в сонную артерию, жена в главную вену в животе, оба умерли, не приходя в сознание.

На месте покушения студент Пузич схватил стрелявшего за шиворот, толпа начала бить того чем попало. Вдруг Пузич заметил валяющуюся на тротуаре адскую машину (видимо, по первоначальному плану предполагалось бросить ее в автомобиль). «Неслыханная паника овладела мной и всеми при виде новой опасности. Одни бежали прочь, другие стояли, точно оцепенелые. ...Какая-то барышня упала на землю, и толпа растоптала ее ногами».

Это была первая жертва на многомиллионной испуительной тризне, которую безумные европейские правители устроили потом по Францу-Фердинанду и его жене.

(Происшедшие после покушения неожиданно открыло миру: за века раздельного существования в разных культурах, верах, государствах некогда единая сербская нация успела распасться на новые этнические группы. Едва весть о гибели эрцгерцога распространилась по Сараево, как хорваты (сербь-католики) и босняки (в большинстве сербы-мусульмане) начали погром православных соседей — сербов... «Долой сербов! Покончить с убийцами! Рука Белграда!» — вот лозунги погромщиков.

В июньские дни 1914 года южным славянам приоткрылось на миг их горькое будущее: через 20 лет (1934) сепаратист убьет короля-сербя, короля-объединителя, бывшего одним из негласных вдохновителей сараевского преступления; потом бывший ефрейтор австро-венгерской императорской армии хорват Йосип Броз-Тито свергнет наследника сербских Карагеоргиевичей с трона; а еще через десятилетия конфликты между «коренными»

сербами и славянами из бывшей Австро-Венгрии начнут раздирать на части нынешнюю Югославскую федерацию.)

Но это — через десятилетия. А пока, летом 1914-го, все в Европе еще ждали: начнется ли из-за Сараево европейская война? Что в XX веке европейская война не может не стать мировой, об этом люди не думали вовсе.

КТО НАЧАЛ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Начало войны после сараевских выстрелов не являлось объективно неизбежным, как пытались *post factum* доказывать австро-германские политики, разрушившие свои империи. Наполеон III не воевал с Пьемонтом после бомбы Орсини, Французская республика не объявляла войну Италии после убийства итальянцем-террористом президента Карно. Война возникла потому, что правители Европы давно желали испытать годность планов, хранившихся в сейфах генштабов.

Однако и сегодня, три четверти века спустя, ходят слухи о заговорщиках, развязавших войну, — о масонах ли, мечтавших искоренить европейские троны (масонами были, к слову, Георг Английский, Карл Шведский, Петр III и Павел I в России), о «гешефтмахерских силах», погревших руки на крови народов, об оккультных токах, вырвавшихся из тибетских пещер и поразивших мир безумием. Разумеется, и о евреях, замысливших по плану сионских мудрецов разрушить органический европейский мир, дабы основать Всемирное Братство Социалистов.

Как рождались эти фантастические версии для объяснения причин вполне земной войны?

Прежде всего, она в итоге оказалась никому не нужной, не выгодной. Проиграли все. Про Центральные державы и Порту объяснять не нужно, но страны Антанты тоже были морально сломенны.

Вот что помнил российский эмигрант В. Варшавский:

«Во французском общественном мнении в начале второй мировой войны не было и тени воодушевления 1914 года. Теперь все знали, что война, даже победная, не несет ничего, кроме разорения, страданий и смерти». (То же относится к Великобритании, отсюда восторги ее граждан после возвращения Невилля Чемберлена из Мюнхена.)

А Россия?

Николай II лично не любил кровопролития: он был инициатором первого в мировой истории международного соглашения об ограничении вооружений (Гаагской конвенции). Когда летом 1914 года Вильгельм II решал в своем кабинете — быть или не быть войне, то, смутно чувствуя, чем может обернуться для его страны «превышение пределов возможного в государственной экспансионистской политике» (какой лексикон!), он надеялся выиграть партию без выстрела, используя умеренность кузена, «мирного и сдержанного императора Николая». Лишь бы тот не подвергся влиянию своего посла в Париже Извольского и

президента Франции Пуанкаре, считавшихся поджигателями войны.

Увы, Вильгельм неправильно понимал характер своего кузена.

«Преодолевая сопротивление в своем ближайшем окружении, в сложной международной обстановке, Николай II на рубеже XX века был главным носителем идеи имперского величия России», — писал официальный его биограф Сергей Ольденбург. В переводе на житейский язык это означало: вопреки личной склонности к миру, повинувшись воспитанной в нем все теми же педагогами и священниками «идеологии», царь свергнул Россию в две войны — японскую и германскую.

Второе, что следует из цитаты: даже в его правительстве никто, кроме нескольких авантюристов, этих войн не желал. Тем более не нужны они были русскому народу. Если судить о жизни нации по ее выражению в культуре, где богатство народного духа находит единственно общезначимое выражение, нельзя не видеть, что именно к началу XX века русские становились нацией с оригинальными стремлениями и идеалами. Богатая, освобождающая себя жизнь творилась в этой стране, невзирая на преграды, на социальные формы, на тяжкую историческую традицию. В центре русской культуры стояли проблемы субъективные, человеческие, она в это время впервые в истории стала оказывать влияние на весь мировой дух — Толстым и Чеховым, Горьким и Чайковским, Мусорогим и Кандиным. Апофеоз русской культуры был феноменом, охватившим все области художественной, философской, научной жизни. Завоевание Кореи или Константинополя не входило в духовные заботы молодого народа (чего нельзя, увы, сказать о его государе).

Внешне это подспудное стремление к жизненно необходимому миру реализовывалось в том, что все подлинно выдающиеся министры царя неизменно выступали против войн:

«Война с Японией была бы для нас великим бедствием» (Вите, накануне отставки в 1903 году); «Война с Германией кончится катастрофой для династии» (его преемник на посту министра финансов, потом и премьер, Коковцов — накануне отставки в 1913 году); «Всеобщая европейская война смертельно опасна и для Германии и для России, независимо от того, кто ее выиграет... В случае поражения социальная революция в крайней форме неизбежна» (П. Дурново, министр внутренних дел 1905 — 1906 гг.).

Но если никто не был жизненно заинтересован в войне (сербы, маленький народ, создавший в результате победы обширное Югославское королевство, потеряли убитыми только на полях боев почти 700 тысяч мужчин, цвет нации), то по чьей же воле (вине) началась эта безумная бойня (у одних только армян в

ходе депортации турки и курды вырезали свыше миллиона жертв)?

Полная, казалось, бессмысленность жуткого истребления людей, решенного по воле вроде бы добропорядочных монархов и президентов (ни Вильгельм, ни Франц-Иосиф, ни Николай, ни Ллойд-Джордж извергами не были), она-то и вынуждала историков и идеологов искать тайну возникновения войны в интригах невидимых, иррационально-подземных...

Непоправимые ошибки «органически ориентированных» партий и правителей вдохнули после войны новую жизнь в два старых, давно существовавших на периферии европейского сознания мифа.

В левый, марксистский миф — о коварных капиталистических акулах, ради максимальных прибылей толкавших подкупленных ими политиков на империалистическую войну.

В правый, «национальный» миф — о сионских мудрецах-евреях, замысливших преступление, чтобы «Израиль стал королем» в Европе.

Внешне оба мифа имели убедительное обоснование в глазах самых широких кругов — потому хотя бы, что только капиталисты и евреи казались выигравшими от итогов войны. Ведь принято «искать того, кому выгодно преступление».

Капиталисты, как бывает всегда в минуту больших государственных расходов, положили немалую их толику в свои сейфы, а евреи, бывшие до войны дискриминируемым или, во всяком случае, маргинальным этносом, после поражения империй выдвинулись на первый план в европейской общественной жизни.

Еврей стал самым авторитетным министром германского правительства (Вальтер фон Ратенау), евреи возглавили правительства революционной Баварии (Эйснер, Левинэ), еврей фактически управлял революционной Венгрией (Бела Кун), наконец, после войны еврей-социалист возглавил правительства самой влиятельной державы тогдашнего Европейского континента, Франции (Леон Блюм). Как же не поверить, что именно они и организовали войну, — ведь повсюду власть захватили (про Россию — что уж говорить!).

...Я задумался об этом, читая книгу несомненно честного и умного человека, американца Генри Форда. Он в те же годы размышлял о причинах неожиданного возвышения еврейства в XX веке. (Ему, промышленнику, казалось, что еврей-банкиры эксплуатируют его труд организатора индустрии — как, наверно, его же рабочим тогда казалось, что Форд высасывает из них все соки: идея, что кто-то на ком-то паразитирует в процессе буржуазного кругооборота капитала, владела умами эпохи, что левыми, что правыми.) Пока Форд занимался описанием увиденного собственными глазами, проанализированного практичным англосаксонским умом, читать его занимательно. Но стоило автору перейти к роли «международного еврейства» (так назы-

валась книга) в далекой от его взоров Европе, как вылезла на свет «информация», переданная доверчивому богатому американцу обезумевшими мифоманами из России и Германии.

Не думайте, что мы почему-то удалились в сторону от нашего главного сюжета. Книгу Г. Форда пришлось читать потому, что в одном источнике указывалось: какое-то время Форд финансировал заграничный этап следствия Соколова. Возникло предположение, что именно из уст русского юриста американец-«спонсор» добыл свои сведения о «международном еврействе» в России.

Вот несколько наугад взятых образцов российской информации, поступавшей в 1920 г. от, скажем, некоего лица к Генри Форду:

«...двое главных виновников большевизма, Керенский и Ленин, не были евреями? Оспаривать среди сотен имен еврейское происхождение только двоих, конечно, прием неудачный, а помимо сего отсутствие еврейской крови в Керенском является делом далеко не доказанным».

«Но вот Ленин, говорят еврейские защитники, глава и мозг всего — Ленин не еврей! Может быть (sic! Типичный оборот, присущий «объективному» Соколову. — М. Х.). Но зачем он выпускал не раз свои прокламации на еврейском языке? Зачем окружил себя евреями? Почему он отменил христианское воскресенье и ввел еврейскую субботу? Объяснение этого может быть в том, что женат на еврейке». (О том, какую роль в расследовании Соколова играло окончание фамилий на «ский» типа «Крупский», будет сказано ниже в тексте. Что касается введения в России «субботы вместо воскресенья», можно думать, что имелась в виду шестидневка. Автор информации — Соколов? — как-то не сообразил, что субботы, как и воскресенье, чередуются через семь дней: он помнил про шесть дней недели.)

«Большевистское правительство в том виде, в каком оно было поздним летом 1920 года (прибытие Соколова в Европу?)... представляло собой полное господство евреев. Это положение с тех пор весьма мало изменилось. Чтобы показать соотношение сил, мы дадим несколько примеров... Большевизм есть международная программа «Протоколов».

Далее в тексте следует таблица, которую и сегодня, семь десятилетий спустя, цитирует в советском журнале «Молодая гвардия» некий доктор исторических наук: патриоту оказался необходим американский промышленник-автомобилист, чтобы установить, кто же в его отечестве побывал министром.

Вот она:

	Число членов	Евреи	% евреев
Совет Народных Комиссаров	22	17	77
Военный комиссариат	43	33	76
Наркомат юстиции	21	20	95
...			
Видные журналисты	41	41	100

Откровенно говоря, я сам был поражен, когда узнал при проверке этих данных, что в составе Совнаркома во все годы гражданской войны (после ухода левых эсеров) был один министр-еврей — Лев Троцкий (потом прочитал в его до 1990 года неизвестной речи, что недопущение евреев в наркомы было сознательной политикой, предложенной в ЦК именно им, Троцким, вопреки Ленину, который не придавал этому вопросу никакого значения). В Реввоенсовете (военном комиссариате) при проверке обнаружили три-четыре еврея: Троцкий, Склянский, Розенгольц и лишь на некоторое время враг Троцкого — Драбкин; в коллегии Наркомата юстиции, как на грех, не найдено ни одного. Что касается видных журналистов, то информатор Форда обошелся в их перечне вовсе без потомственных дворян хороших фамилий — Бухарина, например, или Осинского (Оболенского), Пятакова, не говоря о Луначарском, Скворцове-Степанове и прочих...

Конечно же, «последний акт красного террора, убийство Николая II, его супруги, юных дочерей, больного сына, был совершен советскими комиссарами, которые почти все были евреями» — это если не сам Соколов ему сказал, то наверняка кто-то из сотрудников колчаковского юриста. В порядке анекдота упомяну, что «собственный идеал евреев не президент, а властитель, царь» (не только, чтоб республиканцу-спонсору угодить, но и для объяснения загадочного могущества евреев: еврейским царем объявляли... короля Великобритании Георга V. С помощью британского флота они полновластно распоряжались миром. (Кто не верит, пусть читает «Международное еврейство», десятикратно переизданное Геббельсом, а сегодня с уважением цитируемое в «Молодой гвардии».) Кроме того, пятиконечная звезда своими концами символизировала основы еврейского могущества: биржу, прессу, парламент, пролетариат и Палестину. Почему мне думается, что эту информацию поставил американцу кто-то из соколовообразных русских? Ну не мог же сам Форд не знать, что флаг его страны по предложению Вашингтона и Джефферсона усеян пятиконечными звездами (откуда эмблему для РККА и позаимствовал переимчивый полтэмигрант Троцкий).

Такого рода идеологические сорняки воскресли на европейской духовной почве после того, как общественные деятели и ученые континента начали в годы мира размышлять: кому же оказалось выгодно убить десятки миллионов их сограждан, чтобы в итоге разрушить собственные государства?

Так кому же это было на самом деле выгодно? Кто виноват, если не евреи? Масоны? Тибетские маги и тибетские токи?

Выдающийся мыслитель Георгий Федотов сделал классический для своего времени анализ:

«Колониальная экспансия была хозяйственной необходимостью. Все растущая индустрия требовала заокеанского сырья...

Наконец, победоносный капитализм, по природе своей неспособный удовлетвориться внутренними рынками, начинает погоно за внешними. Политическое господство становится формой, орудием и броней экономической эксплуатации... Конфликты, приведшие к войне, были двух порядков: национальные и империалистические. Национальной в старом смысле слова была борьба Франции с Германией из-за Эльзаса-Лотарингии, борьба немцев и славян на Дунае — внутри и вне Австро-Венгерской монархии. Империалистическая экспансия поссорила Германию с Англией и Россией...»

Трудно, конечно, возражать большому философу, когда он считает главным импульсом к войне экономические проблемы держав. (Меня и самого так учили по книге В. Ленина об империализме.) Но далее Федотов сам себе противоречит:

«На Версальской мирной конференции преобладали мотивы национальные, даже этнографические... старая романтическая мечта: для каждой народности свое государство... Вопрос о колониях, о переделе мира и его богатств стоял на втором плане».

Как же могли отойти в второй план те самые экономические интересы, из-за которых якобы начали войну?

Вовсе не кажется очевидным, что передел мира диктовался интересами промышленного развития держав. Быстрее всех развивались Штаты, у которых всех-то колоний были Филиппины и Куба. На старом континенте бесспорным чемпионом являлась Германия, про которую Федотов писал: «Для Германии не нашлось «места под солнцем» Африки или Азии достаточно рентабельного». Экономическим чемпионом Азии стала Япония, только начавшая (после победы над Россией) приступать к созданию колоний. Идея экономического империализма, толкнувшая страны мира на войну за передел сфер влияния и сырья, не подтверждается фактами, напротив, сама вытекает из теорий, в ту эпоху доминировавших в сознании мыслящей части общества.

По моему ощущению, истинные, глубинные причины первой мировой войны были те же, что через четверть века вызвали вторую мировую войну. Эти войны были как бы разделенными перерывом актами одной трагедии. Расовое безумие, как фильтрующий вирус, незаметно поразило в конце XIX — начале XX в. идеологию европейских народов.

Оно возникло впервые как реакция германцев начала XIX века на принесенные штыками Наполеона «западные идеи»: рационалистически ясную модель мира, представление о рожденном младенце как «*tabula rasa*», о взрослом человеке как о «мыслящей машине», на универсалистское, одинаковое для всех народов мировосприятие. Защищая перед лицом могучего вала военных победителей свою неповторимую индивидуальность, сумрачный германский гений ответил острому галльскому смыслу:

«Человеческое «Я» живет в органическом единстве с душой народа, которая *предшествует* отдельному человеку. Полноту жизни человек получает от нации, вне которой он — ничто».

Германские философы, классики мудрости для цивилизованного мира, впервые сформулировали понятие «органической жизни народа». «Что листья без дерева? — спрашивал, возможно, величайший из тогдашних мыслителей, Георг-Фридрих Гегель. — Ничего. В органической жизни счет идет только на деревья».

Но если силу и бытие индивид черпает в рамках нации, то отсюда вытекало: свобода и мораль личности коренится в ее биологической, расовой принадлежности к своей общине.

Германский романтизм сыграл огромную положительную роль в судьбах духа, помогая сохранить своеобразие и многообразие национально-культурных ликов в эпоху объединения мира. Но таилась в немецком феномене «почвы и крови» не распознанная сразу опасность.

Ибо в новой европейской философии не осталось места для личности как целокупной сосуда Божия, как мира, бесконечно ценного самого по себе, вне рамок любого коллектива. Согласно христианским идеалам, общепризнанным в Европе на протяжении полутора тысяч лет, именно свобода воли личности отделяла homo sapiens от высокоорганизованных, но неодушевленных коллективов вроде термитников или пчелиных роев.

Коллектив всегда сцепляет законы биологического отбора для выживания *вида*, а не для спасения чьей-то души. В том числе коллектив нации. И вид выживает за счет кого угодно — даже за счет своих. И уж тем более за счет чужих.

В Германии, родине «философии нации», такие идеи покорили большую часть мыслящей и государственной верхушки общества.

Например, политика Вильгельма II диктовалась всецело его личными расовыми убеждениями. Когда Россия воевала на Дальнем Востоке, он начертил на секретном докладе своего посла в Токио:

«*Tua res igitur!* Русские защищают интересы и преобладание белой расы против возрастающего влияния желтой. Поэтому наши симпатии должны быть на стороне России». (Хотя расовые чувства подкреплялись у него тем, что «маньчжурская война передала дирижерскую палочку в Европе в немецкие руки» — С. Витте.)

Но когда японцы заставили Россию отказаться от экспансии на Восток, «верный старый друг» Николая Вильгельм решил, что теперь у славянской расы вообще нет иного выхода, кроме как напасть на германскую расу. Тем более что славяно-чешский кинжал опасно врезался в тело германо-австрийского массива.

Вождь германской расы просто обязан был выбрать момент своей наивысшей готовности к неизбежному бою, пока против-

ник еще не достиг пика своих сил. (Перевооружение России предполагали завершить к 1917 году.)

Вильгельм выбрал войну в наборе возможных в его тогдашнем положении политико-дипломатических вариантов. Это ошибочное даже с империалистических позиций решение объяснимо тем, что расизм — философия, основанная на предубеждении, на предрассудке, — ослепляет своих приверженцев, лишает их прагматического видения. Кайзер, например, не понимал, что, если дело дойдет до войны, Великобритания обязательно выступит на стороне Антанты: об этом буквально вопили и насущные британские амбиции, и всегдашние, со времен Елизаветы I, традиции британской дипломатии на континенте. (В XIX веке можно припомнить антинаполеоновские коалиции, Крымскую войну, Берлинский конгресс.) Единственное объяснение слепоты кайзера: согласно его базовой философии, англосаксы должны как минимум не мешать своему *виду*, германской расе, выигрывать битву за жизнь.

Объективности ради напомним, что противоположная сторона была отравлена теми же расистскими видами, хотя в меньшей концентрации. И ее, как Вильгельма, расизм ослеплял, лишал трезвого понимания ситуации, верной оценки могучих сил Центральных держав. (Сербы верили, что одолеют австрийцев!)

На Европу впервые в ее истории обрушилась война, вызванная торжеством пока еще стыдливого, пока еще скрытого расизма.

ЛОЖЬ КАК ОРУДИЕ ПОБЕДЫ

«— Что может правительство делать, когда идет война? Направлять события? Вы отлично знаете, что не может, — объяснял герою романа «Семья Тибо» приятель-дипломат. — Направлять общественное мнение? Да, это, пожалуй, единственное, что оно может. Наша главная забота — соответствующее преподнесение фактов.

— Организованная ложь?

— Правда хороша в редких случаях. Враг должен быть всегда неправ...

— Лгать?

— ...Не только лгать, но хорошо лгать. По части спасительной лжи мы во Франции творили подлинные чудеса!»

Почему требовалось лгать? Всем ведь, не одним французам...

Идеологическая, расовая война обнажила фундаментальное противоречие христианства, основы европейской цивилизации, с формой мировоззрения, которую выработала Европа к XIX—XX векам, — с национализмом. В наше время, после краха Интернационала с его ГУЛАГом и политбюро, позабылось, что «Интернационалка»-то возникла не случайно, не по чьей-то («русской») дурости или чьему-то («еврейскому») замыслу, но как неудержимо пробившийся духовный росток на почве, которую для него предварительно удобрили 20 миллионами трупов и полили кровью воинов 33 стран, — во имя Национальных Идеалов каждой из них. Во имя Великой Германии, во имя освобождения Эльзас-Лотарингии, Креста на Святой Софии, освобождения славян, арабского возрождения...

Читателю трудно понять процесс событий, приведших к царевубийству и фальсификации следственных выводов, если он не почувствует, как все эти четыре года в сознании воюющих наций крепло убеждение: их «органические» монархи и президенты желают предательства Веры и служения Отцу Раздора и Лжи.

Когда аналогичное народное чувство коснулось православного монарха, чья легитимность исторически держалась на его авторитете Хранителя веры, — неудивительно, как писал поэт, что

мы,
как
недокуренный окуроч,
просто сплонули
их династью.

Настроение, например, тогдашних французов выразительно

зафиксировал религиозный мистик, обернувшийся тогда же секретарем французской секции III Интернационала и при этом сохранивший, вот что важно, верность религии и папе:

«Моим товарищам-католикам я старался показать антихристианский, антикатолический характер патриотического идолопоклонства, изобретенного буржуазией взамен религии. Родина всегда казалась мне подобием Медного Змия, исполнинского и варварского, который толпа раскаляет воплями в металле и без конца наполняет молодыми жизнями» (Пьер Паскаль).

В русском исполнении зарождение того же самого чувства изображалось в «Августе 1914-го» у Солженицына. Воротынецев раздумывает, как ему призвать солдат на смерть:

«...тогда — Богом? Имя Бога еще бы не тронуло их. Но самому Воротынецеву и кощунственно, и фальшиво невыносимо произнести сейчас заклинанием Божье имя — как будто Вседержителю очень было важно отстоять немецкий город Найдебург от немцев же. Да и каждому из солдат доступно было додуматься, что не избирательно же Бог за нас против немцев, зачем же их такими дураками ожидать».

В подобной идеологической ситуации пропагандистское балансирование гражданских властей воюющих стран держалось как раз на их умении реанимировать совесть своих войск и народов, по слову персонажа французского романа, «обманув их с подлинными чудесами». Кто искуснее умел или научился лгать, у того оказывались и шансы продержаться — иногда, как ему верилось, до полной победы.

Варианты же «фронтových» акций по обработке сознания не своих солдат, а войск противника сводились либо к раскрытию чужой лжи (но это оказалось малоуспешным ходом), либо, наоборот, к провоцированию их на такое «патриотическое» действие, которое на самом деле ослабляло их волю и дух врага. Первая мировая дала классические образцы политической игры по дезориентированию сознания противной стороны. Германские спецслужбы работали тогда лучше всех. Русские же гнали своему населению хуже всех, бездарнее всех.

Первая публичная схватка германских спецслужб и русских контрразведчиков произошла в начале 1915 года, в ходе так называемого мясоедовского дела, своеобразного пролога екатеринбургского царевубийства.

КАЗНЬ ПОЛКОВНИКА МЯСОЕДОВА

В первые годы войны русской армией управляли деспотичные мистики: Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич («человек с зайчиком в голове» — С. Вите) и патологически подозрительный начальник его штаба генерал Янушкевич. Одним из самых близких к ним людей стал лживый и лукавый мифоман, обер-квартирмейстер Западного фронта (т. е. начальник оперативного отдела и куратор разведки и контрразведки на одном из двух фронтов) Михаил Бонч-Бруевич.

Генштабы всех стран совершили в процессе подготовки к войне роковые ошибки: немцы переоценили потенцию внезапного удара через Бельгию, французы не предусмотрели бельгийского направления. Русские же неправильно рассчитали запас снарядов, исходя из бывшего их расхода на японском фронте. Оказалось, такого количества — мало. В феврале 1915 года Янушкевич горестно писал военному министру: «Мне так по ночам и чудится чей-то голос: продал, продал, проспал».

Когда начались первые поражения (уничтожение армии Самсонова в Восточной Пруссии, потом внезапный прорыв германцев к резиденции Ставки, к Варшаве), у троицы мистиков спонтанно и даже искренно возродилось в душах традиционное для России объяснение военных неудач. Измена! Не превосходство сил и опыта у противника, не свой просчет в чем-то, как у любых работающих людей, но — сознательное предательство, особенно со стороны иноземцев, иноверцев, инородцев... Найти бы — чье!

В 1812 году отступали до Москвы перед Наполеоном не потому, что это был величайший в мировой истории полководец с самой сильной в его жизни армией, но из-за измены проклятого немца-главнокомандующего Барклая-де-Толи.

Крымскую войну проиграли не потому, что самонадеянно и авантюрно ввязались в бой сразу со всей Европой, а из-за предательства канцлера Нессельроде. (Тогда он был немцем, а в наше время патриоты открыли у выдающегося дипломата более пикантных — еврейских — предков.)

Балканскую войну, правда, выиграли — но с большим трудом и потерями. Не потому, что противостоявший турецкий солдат всегда был одним из лучших в мире, нет, а из-за поставщиков-евреев, снабжавших нашу армию плохими сапогами и дурным продовольствием. (Как будто в какой-то иной армии мира, хоть в той же турецкой, поставщики подряд все не были ворами!)

Порт-Артур сдал японцам изменник-немец генерал Стессель, которого после плена посадили на родине в крепость: он, видите ли, в окружении, в безнадежном военном положении, после почти годичной осады, сдал врагу защищаемую позицию. Раз сдался, значит, военный преступник.

В 1914 году поиски очередного потребного обществу «изменника» начали с офицера не с иностранной, а с русской фамилией. Тем не менее иннокровие и в этом случае контрразведчики держали у себя «в уме».

• • •

Потомок старинного дворянского рода, кавалер 26 русских и иностранных орденов, ротмистр корпуса жандармов Сергей Мясоедов служил начальником погранпоста на границе с Пруссией, в Вержболово. С чего начались его несчастья, установить трудно: возможно, с выгодной женитьбы. Клара Самуиловна Гольдштейн принесла в дом приданое — 115 тысяч золотых рублей и большие связи в деловых кругах (ее дядя был крупным коммерсантом в Германии).

По этой ли, по другой ли причине, но пошли в жандармских кругах разговоры, что Мясоедов, мол, делает гешефты на контрабанде (с евреями?). Проверить поручили корнету Пономареву.

Пономарев сработал дело без особых хитростей: подкупил некоего господина по фамилии Юргенс, чтобы тот подбросил контрабандный товар в автомобиль начальника погранпоста. Но Мясоедов, неплохой профессионал, поймал Юргенса, избил палкой и заставил написать объяснение.

Тогда корнет попросил купца Шюлера подложить Мясоедову... динамит. Не бесплатно. Но тот предпочел послужить своему старому начальнику и написал ему доносца на юркого корнета. Мясоедов присовокупил его (и объяснение Юргенса) к рапорту по начальству и стал ждать резолюции.

Корнет решился на третью попытку: попробовал уличить ротмистра не в контрабанде уже, а в служебных упущениях. Его люди схватили у границы дюжину «революционистов» с динамитом, револьверами, прокламациями... В суде подпольщики-террористы, однако, произвели странное впечатление жуткой неграмотностью, и судьи пригласили экспертом пограничника Мясоедова. Сначала он в заседании упирался, ссылаясь на служебную тайну, но один из адвокатов, который в мемуарах рассказал об этой истории, Оскар Грузенберг, объявил, что, согласно законам империи, запрещается скрывать служебные тайны от судов по политическим делам (в закрытом заседании). Председатель суда подтвердил свидетелю объяснение адвоката, и, ободренный сравнительно недавней гласностью (дело было в 1909 году), Мясоедов показал:

— Игра простая: кой-кому из подсудимых агенты сдали тюки для тайного провоза, не говоря об их содержимом. А другим подбросили оружие и взрывчатку уже на обыске.

— Кто это сделал? Ваши люди?

— Мои таким не занимаются. Здесь работали люди Пономарева.

«Судьи сидели сконфуженные и оскорбленные. Процесс лежал в грязи. Всех тяготило ощущение физической брезгливости» (Оскар Грузенберг).

Но после такого нарушения служебной этики ротмистра выгнали из корпуса (по существу, мол, он прав, но обязан был дожидаться резолюции руководства на рапорт, а не распускать язык в судах). Занялся он «на покое» частным промыслом: совместно с родственниками жены, евреями, основал пароходную компанию по перевозке эмигрантов из зоны оседлости в США.

Вскоре подвернулся случай вернуться на службу государеву: жена на курорте подружилась с 23-летней красавицей Еленой Бутович, а та уже закружила голову и вышла замуж за совершенно очарованного ею 62-летнего военного министра Владимира Сухомлинова. Тому как раз нужны были люди в армии, в частности, для задуманной им особой службы при Генштабе: что-то вроде подотдела по борьбе с революционной пропагандой. Ее организатором-начальником и взяли опытного сыскного работника Мясоедова, причем с повышением его в подполковники.

Но МВД, оказывается, не прощает грехов служебной болтливости. (Кроме того, можно предполагать, что бывших сослуживцев и лично задевало: изгнанный ими офицер не только не пропал, но устроился на более престижное место, в армию, и с повышением, что в охранках делать было непросто.)

Тут в ходе одного из расследуемых дел в МВД выяснили, что какие-то связи с лицами, подозреваемыми в сотрудничестве с германской разведкой, поддерживает еврейский торговец Ланцер. Ланцер был знаком с евреем Кацелененбогеном. Кацелененбоген был знаком с Фрейбергом. А вот Фрейберг оказался одним из компаньонов Мясоедова по былой работе в пароходстве.

«Немецким агентом объявили не его и даже не его знакомого, и даже не знакомого его знакомого. Но страшное слово было произнесено — «шпион» (проф. Корнелий Шаццлло, советский исследователь «дела Мясоедова»).

Как использовать столь зыбкие данные?

Информацию передислоцировали лидеру октябристов (крупнейшей тогда парламентской фракции) Гучкову: знали ведь, что он находился в непримиримом конфликте с военным министром. Выше упоминалось, что Гучков, «фигура политическая», балансировал не раз на краю порядочности. К таким случаям полупадения относилась и его ссора с Сухомлиновым.

Октябрист-монархист позволил себе в борьбе с фаворитом Распутиным опубликовать гектографированным, «самиздатским» способом попавшую в его руки переписку царицы и ее дочерей со «старцем Григорием». Ничего компрометирующего там не было (Александра Федоровна признавала, что верит в оккультную силу Распутина), но царь приказал военному министру передать от его имени господину Гучкову, что тот подлец. (А как прикажете аттестовать дворянина, публикующего чужую переписку без ведома отправительниц и адресата?) С тех пор у Гучкова не оставалось шансов на правительственную карьеру при Николае II, и он возненавидел военного министра, не без удовольствия по поручению государя его оскорбившего.

Поэтому, получив сведения, что Сухомлинов принял на службу офицера с темными связями, он такого случая отомстить не упустил: через единомышленников, журналиста Суворина-сына, спровоцировал публикацию против Мясоедова двух статей, а потом и сам дал интервью, в котором не слишком загадочно обронил, что за время работы Мясоедова в военном министерстве «одна из соседних стран стала значительно осведомленнее в наших делах».

Мясоедов повел себя странно для разоблаченного шпиона: вызвал журналиста на дуэль, а когда тот отказался стать к барьеру, надавал ему «оскорблений по лицу». Следом был брошен вызов Гучкову. Дуэль состоялась: подслеповатый Мясоедов промахнулся, великолепный стрелок Гучков пустил пулю вверх. Эта дуэль — бесспорное свидетельство, что Гучков сам не верил в распускаемые им намеки: не в нравах ни его, ни дворянства российского было «давать удовлетворение» купленному шпиону.

Отдадим должное: Гучков публично потом извинился перед оскорбленным противником.

Дело расследовали три управления: МВД, военно-судное управление и контрразведка. У всех троих результат совпал — «невиновен». Из армии подполковника, однако, уволили, службу борьбы с революционной пропагандой в частях расформировали.

После начала войны Мясоедов попросился в действующую армию: «Знаю в совершенстве немецкий язык, прусские обычаи, Восточную Пруссию, в которой производил разведки... Хочу пожертвовать жизнью, чтобы детям оставить доброе имя».

Сухомлинов наложил резолюцию на его рапорт: «Лично я против него ничего не имею». (Напомним, что Мясоедов был оправдан тремя независимыми друг от друга инстанциями. Но эта единственная фраза послужила впоследствии основанием для вынесения военному министру приговора к пожизненной каторге в качестве «покровителя Мясоедова».)

Мясоедову присвоили чин полковника и послали в X армию начальником разведки, именно в ее полосе германские войска и осуществили прорыв к Варшаве.

Пока шли бои, через Швецию явился в Россию поручик — с повинной. Находясь в плену, сей офицер согласился стать немецким шпионом и получил от лейтенанта военной разведки два задания: договориться с комендантом Новогеоргиевской крепости о ее сдаче — раз и убить Верховного, великого князя, — два.

Каждое дело ценой в миллион рублей.

Помогать ему в русском тылу должен был многолетний германский агент... полковник-разведчик Сергей Мясоедов.

Не надо быть большим мыслителем, чтоб сообразить: никакой немецкий лейтенант случайному, ни в одном деле еще не проверенному агенту не назовет своего ключевого человека в разведке противника. Я даже не думаю, что тут была особо продуманная операция со стороны лейтенанта: он читал русские газеты, знал о скандале 1911 года, знал, что Мясоедов поступил в армию (об этом тоже писали в газетах), следовательно, сейчас работает в разведке противника. Почему не попробовать его скомпрометировать? Эти русские кляйнкопфы скушают все, что придумает искусная немецкая голова...

(Говорят, подписывая для НКВД «красную папку» о маршале Тухачевском, «шпионе» его генштаба, Адольф Гитлер заметил: «Совершенно невероятно, чтобы в это кто-либо поверил». Поверили.)

Опытные русские военюристы не использовали показаний поручика для возбуждения официального следствия: слишком ясен был их невероятный характер. Но за повод ухватились не в Петербурге, а в Варшаве, в штабе Западного фронта. «Дело Мясоедова поднято и ведено, главным образом, благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин», — писал прикомандированный к Ставке историк Михаил Лемке.

Генерал Бонч-Бруевич был фанатичным монархистом и искренно полагал, что монархический строй а priori обязан вести Россию от победы к победе, а если сего не происходит, виноваты, значит, шпионы или, в лучшем случае, изменники. Но на чистые, духовные мотивы его патриотических действий, как случается у мистиков, делающих карьеру, накладывались нормальные жизненные соображения. Недавно настоящего шпиона поймали в группе технических работников штаба фронта. Отвечали за этот промах обер-квартирмейстер и его помощник, контрразведчик Батюшин. Поэтому весьма кстати оказалось для обоих сообщение о возможном обнаружении более крупного шпиона, начальника разведки целой армии, принятого на службу не через них, а по приказу канцелярии военного министра. Все в Мясоедове гармонировало с образом вражеского агента: он был в протекже не их общего шефа, Верховного, а, напротив, его соперника в борьбе за пост генерала Сухомлинова (царь некоторое время колебался, кого из них назначить Верховным); Мясоедова не любили в Государственной думе, где военным

корифеем слышавший у барьера напротив него Гучков; наконец, не забудьте дурное отношение к изгнанному со службы жандарму и весьма влиятельном МВД... Где вы еще найдете столь годного исполнителя на роль обер-шпиона, обещавшего врагу внезапный прорыв под Варшавой, которую главнокомандующий чуть-чуть не прокакал? (Город спас контрударом талантливый генерал Михаил Алексеев.)

Не знаю, приходила ли уже тогда в головы генералов-мистиков мысль, что не только текущие неуспехи, но стратегический просчет с артиллерийским боезапасом перед войной тоже можно списать (помните: «Продад, продал, проспал»?) на того, кто в Петербурге покровительствовал Мясоедову? На министра. Идея перспективная.

Через сорок лет «бывший монархист» Бонч-Бруевич в мемуарах под названием «Вся власть Советам!» расскажет советскому читателю, что Мясоедова схватили с поличным в момент передачи из рук в руки германскому связнику (естественно, остзейскому барону) секретных документов. Не знаю, не знаю... В обвинительном заключении нет никаких упоминаний об этом таинственном связнике (которого ведь и судить должны были бы по закону вместе с Мясоедовым — по одному должны были пройти делу!). Зато говорится, что «через посредство *необнаруженных лиц* (курсив мой. — М. Х.) он довел до сведения германских властей данные о местонахождении одного корпуса». Военный суд постановил: «Не доказано. Вменили даже полковнику другой пункт: он «добыл под вымышленным предлогом необходимости для исполнения возложенного на него поручения... секретную справку о расположении войсковых частей армии». Не думайте, что словом «добыл» закодирован сюжет в духе ле Карре или братьев Вайнеров: начальник разведки официально обратился в штаб армии, попросив данные, необходимые ему для организации поисковых экспедиций в тыл противника, и получил бумагу за всеми подписями и печатями.

Мясоедов не признал ничего, кроме обвинения в мародерстве: он действительно тяпнул в немецком брошенном доме оленьи рога и гардины. («Начальство знало, — оправдывался, — и вообще все берут трофеи».)

Свидетелей было двое: один, следивший контрразведчик, «по совести не уверен в его измене». Другой, фронтовой офицер, напечатал потом в пражском «Архиве русской революции» статью, где сравнивал увиденное на том процессе с убийством купеческого сына Верещагина в «Войне и мире» Льва Толстого.

Приговор был таков:

В описательной части: «Виновен, заслуживает снисхождения».

В резолютивной: «Смертная казнь через повешение».

Мясоедов пытался осколками пенсне перерезать себе вены:

его спасли и повесили — до получения кассационной жалобы командующим фронтом. («Так торопились, что сначала повесили, а потом утвердили приговор» — проф. К. Шацкило)

В его виновности сомневались многие: полковник А. Самойло, начальник разведки, действовавшей против Австро-Венгрии, писал, что упреждение казни до кассации не было случайным. Комфронта не утвердил приговор «ввиду разногласия судей», но дело решила резолюция Николая Николаевича: «Все равно повесить!» (Был убежден в невиновности Мясоедова и крупнейший работник политического сыска России генерал А. Спиридович.)

После войны начальник немецкой разведки Вальтер фон Николаи писал: «Приговор... является судебной ошибкой. Мясоедов никогда не оказывал услуг Германии». Лейтенант, которому приписывалось авторство дела, заявил: «Я никогда в жизни не обменялся ни единым словом с полковником Мясоедовым и никогда не сносился с ним через третьих лиц». Укрывать Мясоедова уже не было надобности, его давно казнили.

Свержение правительства, которому он верно служил и которое его обрекло на виселицу, не помогло реабилитации Мясоедова. При Временном правительстве Мясоедова тоже оставили в шпионах: Гучков-то сделался военным министром. И при Совнаркоме числили в шпионах — ведь Михаил Бонч-Бруевич сделался первым начштаба Реввоенсовета. При Сталине объявили не изменником, а кадровым германским разведчиком: помогал другому агенту фон Николаи, Богрову, убить Столыпина, чтобы посадить в кресло российского премьера третьего немецкого шпиона, Сухомлинова.

Любопытно, что в 1942 году Сталин угрожал концом Мясоедова (он называл его Мясниковым)... Никите Хрущеву, когда тот как член Военного Совета фронта пропустил немцев к Дону.

Солженицын прав, считая покушение Богрова первым в цепи злодейских убийств, что завершились в ипатьевском полуподвале. Богров действительно был первым. Но промежуточным звеном в той же цепи явилась казнь Мясоедова.

Следующим звеном — убийство Распутина.

Чтобы понять, чем, кем, как звенья этих смертей сплетались в пролог истребления династии, нам придется предварительно сделать ход в сторону, к историческому сюжету, который можно назвать так: «Евреи, немцы и судьбы революции в России».

ЕВРЕИ, НЕМЦЫ И СУДЬБЫ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

В упомянутой во вступлении работе математика Игоря Шафаревича «Русофобия» постулируется следующая историческая схема возникновения и победы большевизма в России.

В XIX веке в этой стране начала действовать общность, которую, вслед за Опустом Кошеном, Шафаревич называет «малым народом». То был орден революционно настроенной интеллигенции, отвергавший органическое, естественное развитие своей нации и мечтавший о перестройке жизни на идеологических, т. е. умозрительных, а не прагматических основаниях. Революционная ситуация складывалась в стране объективно, в ходе национального развития. Но столь разрушительный для народного духа характер переворот в XX веке принял потому, что в его запале слилась энергия полураспада двух чуждых нации сил: стремительно левевшей денационализированной местной интеллигенции и массы молодых евреев, рвавшихся из традиционных местечковых гетто к новой жизни и по дороге туда не желавших ни чуждую им русскую органику, ни традиционные религиозно-нравственные ценности иноверческого для них, христианского мира.

В этой стройно изложенной и многими фактами обоснованной концепции есть уязвимые, с точки зрения историка, пункты.

Признаем, что энергия вырвавшихся из собственной органики и религии масс ассимилировавшихся евреев была колоссальной и направленной на разрушение окружавшего общества, русской патерналистской монархии и собственного еврейского кагала. Но — почему все-таки именно в России энергия молодого поколения евреев была использована экстремистскими кругами? И в конце концов, если ограничиться даже пределами Российской империи, почему большевизм победил как политическое течение как раз в собственно России, зато на Украине, в Литве, Бессарабии, Польше, где проживало подавляющее большинство *российских* евреев, возникли национальные государства, причем в том же 1918 году и вовсе не большевистского типа.

Другой вопрос: почему главные в мире центры самого левого, самого бескорневого, самого общественно активного еврейства, то есть США и Палестина, не превратились в большевистские оплоты, а стали, напротив, средоточием либерализма и демократии? А если мои вопросы к Шафаревичу покажутся кому-то очень уж широкими, то можно от судеб стран и народов перейти к отдельным людям. Например, спросить, почему народоволец,

т. е. террорист, Меир Дизенгоф, переехав из России в османскую Палестину, отнюдь не самое терпимое и цивилизованное место на Земле, вместо кровавой революционной работы занялся здесь основанием города Тель-Авива, музея, оперы.

Почему эсер Петр (Пинхас) Рутенберг, тот самый, что организовал убийство отца Георгия Гапона, стал в Палестине заниматься строительством электростанций?

Почему другой эсер, Моше Новомейский, горный инженер, снабжавший боевую организацию эсеров динамитом, в Палестине создавал химический комбинат на Мертвом море?

Что таилось в воздухе Российской империи, заставлявшее этих самых и никаких других еврейских разрушителей (тут я с Шафаревичем согласен) заниматься в других странах не террором, а созиданием — городов и заводов и легальных политических партий (социалистическую партию Чили создавал, в числе прочих, еврей-народовец Оржих; китайский Гоминьдан вместе с Сунь Ятсеном строил русский еврей-большевик Грузенберг), лингвистики (иврит воскресил бывший народовец Перельман), эпидемиологии (противочумную вакцину изобрел бывший народовец Хавкин).

Вопросы множатся. Почему чисто еврейский Бунд считался в социал-демократии как раз умеренной и неизменно антиленинской фракцией? Почему товарищ Сталин с присущим ему острым словом печатно объяснил после V, Лондонского съезда РСДРП, что для победы большевиков над меньшевиками надо было произвести в партии маленький еврейский погром?

Если же предположить, что вектор русско-еврейских отношений (русско-еврейской войны, как прозвал ее один из современных исследователей С. Семанов) менялся, то опять-таки стоит заметить, что с годами он менялся в сторону как раз не подрыва «органики» со стороны «малого народа», как кажется, глядя из будущего, задним числом осмысляющему историю Шафаревичу. Наоборот: надвигалась эпоха русско-еврейского замирения. Видимо, большую роль в эволюции сыграло дарование политических свобод, позволившее обсуждать конфликт публично и искать разумные решения в рамках законов империи; и практическая политика Столыпина, железной кистью обуздавшего политическое насилие, а вместе с ним и погромную стихию. (Премьер руководствовался правилом, что подданные государя делаются не по национально-религиозному признаку, а исключительно согласно лояльности стране и ее законам.) Наконец, оправдание Бейлиса тоже примиряло еврейскую молодежь с Россией.

Можно сослаться на мнение, например, профессора-украинца Н. Полетики, называвшего себя не просто историком, а «свидетелем истории»: он зафиксировал в памяти крупные жертвования еврейских дельцов на оборону и Красный Крест в 1914 году, выступления общепризнанных еврейских лидеров,

депутатов Государственной думы, в поддержку правительства Николая II и т. д. Куда важнее, однако, факт, замеченный им в среде тогдашних сверстников: еврейская молодежь на Украине охотно шла в действующую армию. Друзья юного Полетики объяснили: после победы их заслуги на фронте учтут и даруют равноправие.

Столыпинская линия вызвала доверие у поколения еврейской ассимилированной публики, как раз у «малого народа». (И здесь я должен возразить Солженищину, считающему, что русское общество вложило пистолет в руки Богрова: ведь этот террорист до покушения обратился во все подходящие подпольные партии с единственной просьбой: «взять на себя», формально одобрить «акт» после покушения — и не нашел никого. Даже эсеры и анархисты отказались в 1911 году одобрить убийство Столыпина.)

Конечно, Полетика был юдофилом и либералом, но и другой киевлянин, депутат Василий Шульгин, правый националист и «порядочный антисемит», как он сам себя определял, написал о поразившем его феномене: если еврейская масса во время японской войны была пораженной и открыто радовалась каждому неукладу русской армии, то к 1914 году настроение ее полярно изменилось. Шульгин определил его как «патриотическое». Он не выяснил причин, вряд ли даже понимал их, но запомнил. И вину за то, что потом, в ходе войны, евреи заняли позицию иную, возлагал на безумную политику властей, открывших, по его словам, «новый фронт», антиеврейский — в добавление к антигерманскому.

Нужно, однако, внести в его рассуждения существенную поправку: не властей вообще, но того их слоя, того «яруса», который еще до этого вызывал самую войну — и погубил Россию.

* * *

Организаторы мясоедовского процесса получили должности, чины (Бонч-Бруевич стал начальником штаба фронта, Батюшина сделали генералом), но успокаиваться на достигнутом не желали. Тем более что военная ситуация не позволяла. Казнь Мясоедова и последовавшее затем смещение Сухомлинова почему-то не предотвратили новых германских побед. В 1915 году началось самое мощное в ту войну наступление вермахта:

«Подползая, как огромный зверь, германская армия продвигала свои передовые части к русским окопам... Затем гигантский зверь подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Она занимала позиции, находившиеся вне досягаемости русской полевой артиллерии, и тяжелые орудия начинали осыпать русские окопы градом снарядов, пока ничего не оставалось ни от окопов, ни от их защитников. Затем зверь осторожно подтягивал лапы — пехотные части — и занимал

разрушенные позиции... Окончательно завладев им, зверь опять подтягивал хвост, и тяжелые орудия методически разрушали следующую оборонительную линию. Никакое препятствие не мешало немцам повторить этот прием наступления» (участник боев генерал Н. Головин).

Русская армия отступила на сотни километров, и этот отход справедливо считался ее большим успехом, достигнутым благодаря искусству генерала Алексева: удалось вырваться из вражеского кольца и сомкнуть фронт на новых рубежах. Но для объяснения *такого* отступления Ставке требовались тысячи новых «мясоедовых».

Начали с родственников и компаньонов полковника: посадили его еврейку-жену и всех еврейских сослуживцев по пароходу. Уже первое письмо начальника штаба Янушкевича о мясоедовском деле отдавало, по словам английского историка Г. Каткова, «помимо болезненной шпиономании, садизмом и антисемитизмом». А вскоре по его инициативе и с благословения Николая Николаевича, «деспота, мистика и фаталиста» (определение того же Г. Каткова), по всей линии трехтысячекилометрового фронта военные суды приступили к фабрикации еврее-шпионских дел.

Точно неизвестно, был ли процесс Мясоедова действительно рожден германской спецслужбой, но последующие шпионские антиеврейские трибуналы явились следствием сознательной германской операции. Политический отдел генштаба создал «Комитет по освобождению народов России», выпустил листовку «Евреи России, вставайте к оружию! Помогайте прогнать москалей из Польши, Литвы, Белоруссии, Волини, Подолии! Свобода грядет из Европы!». Немцам офицерам дали инструкцию возможно внимательней относиться к евреям, создавая выгодный контраст с русскими офицерами. (Десятилетия спустя многие евреи отказывались бежать от гитлеровских армий: «Немцы — люди цивилизованные, помним их с той войны. Хватит большевистской пропаганды!»)

Теперь вам нетрудно понять, какие же реактивные указания после этого рассылала русская Ставка в соединения и части: генералы, без улик, по одному подозрению, повесившие родовитого дворянина-офицера и посадившие в крепость заслуженного генерала-министра, как они могли рекомендовать подчиненным обращаться с евреями прифронтовых областей, неприлично одетыми и говорившими на языке врага (идиш воспринимался как вариант немецкого). Офицеры и казаки хватали любого «жида», осмелившегося взглянуть на проезжавшие по дорогам эскадроны или батареи, собирали тройку офицеров, обладавшую в полевых условиях правами трибунала, и — новая виселица воздвигалась над российской землей.

Вот история, рассказанная эпидемиологом, академиком Даниилом Заболотным об одном из лучших русских генералов:

«Однажды в присутствии генерала Б. (Брусилова. — М. Х.) я сказал, что хорошо бы иметь обезьян для некоторых моих опытов.

Генерал серьезно спросил:

— А жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов.

И не дождавшись моего ответа, послал офицера узнать: сколько имеется шпионов, обреченных на виселицу. Я стал доказывать Его Превосходительству, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, вытаращив глаза:

— Но ведь люди все-таки умнее обезьян, ведь если вы впрыснули человеку яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна не скажет.

Вернулся офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет евреев, все цыгане и румыны.

— И цыгане не годятся? Жаль».

Румын для опытов не предложил — словно знал заранее принципы освенцимского исследователя Менгеле... Этот отрывок интересен, ибо косвенно, без умысла, выявляет нам принцип военной юстиции того времени: генерал знал, что он повесит арестованных евреев не только до суда, но даже до их ареста.

Кампания трибуналов и повешений не остановила немецкое наступление так же, как не остановили его казни Мясоедова и смещение Сухомлинова. Для сокрушения врага Ставка придумала новый план: выдворение всего еврейского населения из прифронтовых областей. Параллельно с основным фронтом, действовавшим против самой сильной армии тогдашнего мира, немецкой, русская Ставка в момент поражения, требовавшего эскалации всех ее сил, открыла фронт против собственных подданных-евреев. Послало на них воинские части и все остальное, армии положенное.

Начался, по выражению нового военного министра, Поливанова, «эвакуационно-беженский период военных действий». Чтобы меня не заподозрили в предвзятом суждении красок, предоставляю слово министрам императорского кабинета (взято из секретных протоколов заседаний совета министров):

«...евреи, которых, вопреки неоднократным указаниям совета министров (вот она, «двухъярусность» власти. — М. Х.), поголовно гонят нагайками из прифронтовой полосы, обвиняя всех без разбора в шпионаже, сигнализации и пособничестве врагу. Конечно, вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенной... Евреи изгонялись поголовно, без различия пола и возраста... больные, увечные и даже беременные женщины. Совет министров неоднократно как в письменной форме, так и в порядке устных сношений обращал внимание Верховного Главнокомандующего и генерала Янушкевича на необходимость отказаться от огульного обвинения еврейской массы в измене... од-

нако Ставка оказалась глухой. Что творилось во время этих эвакуаций — неопишимо. Даже непримиримые антисемиты приходили к членам совета министров с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте... Обострились всевозможные кризисы — продовольственные, квартирные и прочие, появились заразные болезни... евреи озлоблены на всех и вся, а местные жители на непрошенных гостей, объявленных предателями».

Министры понимали мотивы такого поведения Ставки:

«...всесильный Янушкевич считает необязательным общегосударственные соображения: в его планы входит поддерживать в армии предубеждение против евреев вообще и выставлять их как виновников неудач на фронте... Не хочется этого говорить, но мы здесь в своей среде, и я не скрою подозрения, что для Янушкевича евреи едва ли не являются одним из алиби» (министр внутренних дел князь Николай Щербатов).

Выселяли не одних евреев. Вслед за ними решили выселить вообще все население оставляемых врагу территорий (Николай Николаевич начался книг про кутузовскую стратегию («выжженной земли»!). Как такое деяние производилось — про то историк С. Дубнов записал в дневнике следующее:

«6.VIII.1915. Посетил приют беженцев... измученные мужчины и женщины рассказывали о неизвестном чудовищном акте в посаде Заремба-Косцельна. Населению посада было приказано уйти в определенный срок, а когда к сроку несчастные не выбрались, казаки оцепили местечко и подожгли его со всех сторон. Поляков выпустили, а многие евреи, замкнутые в этом костре, погибли».

Насильственно выселяемые люди забивали воинские коммуникации, вытаптывали хлеба, грабили армейские тыловые склады (голодным терять нечего), поджигали леса, забывая или ленись в чужих местах заливать костры для готовки еды, разносили по тылам не только инфекции, но и дух недовольства.

Их несчастья рикошетом катализировали поражения армии: забитые коммуникации мешали снабжать ее боеприпасами и продовольствием.

Точное число беженцев никогда не было учтено: Комитет помощи оказал ее для 3300 тысяч, но сам признавал, что многие не регистрировались. По подсчетам современного нам исследователя, их было свыше семи с половиной миллионов человек.

Параллельно с этими «практическими» деяниями Ставка и примыкающие к ней круги вели пропагандистскую кампанию: то «Правительственный вестник» перепечатывал из фронтовой газеты Бонч-Бруевич, что евреи местечка Кужи (близ нынешнего Шяуляя) прятали у себя в подвалах немецких арнаблюдателей; то распускались слухи, что евреи в революционных целях «истребляют продовольственные припасы». При любой проверке эта пропаганда к позору авторов лопалась: выяснилось, напри-

мер, что из Кужей евреев выселили за день до появления русских войск, «истребление» же припасов фиксировали... в Красноярске. Все это отнюдь не выглядело комично в накаленной обстановке военного времени, как смотрится из будущего сегодня. В Красноярске, например, устроили... погром. Вся выселяемая прифронтовая зона вообще находилась в состоянии перманентного погрома, именуемого там «эксцессами военного времени»: дома «народа-шпиона» как бы само собой разрешалось грабить и разрушать, насилловать женщин и даже несовершеннолетних девочек (у себя в тылу! своих подданных!) и под предлогом поиска спрятанных немецких наблюдателей врываться в синагоги и вырезать, по давней казачьей традиции, стельки для сапог из пергаментных свитков с начертанным именем Божьим. (Зло рождает зло, и когда через 3 — 4 года большевикам понадобятся кадры для истребления вольного казачества, они предусмотрительно будут посылать на Дон родственников и друзей тех евреев, что пережили в 1915-м безнаказанные казачьи «подвиги».)

Особенно поразило евреев новое изобретение Янушкевича и Бонча: взятие евреев-заложников, которые жизнью отвечали за поведение своих соплеменников *во вражеском тылу*. (Вспомнят ли о своем нововведении в российскую жизнь господа-офицеры позже, в дни красного террора, когда евреи-обезьяны-чекисты будут их самих хватать заложниками?)

«Мы беспредельно опечалены — писали евреи командирующему Северным фронтом Куропаткину, — истребованием заложников... Карайте каждого из нас, кто окажется виновным, со всей строгостью военного времени, но не заставляйте подвергать ни в чем не повинных единоверцев опасности, грозящей заложникам со стороны врагов евреев». (Кажется, Куропаткин отменил распоряжение своего штаба Бонч-Бруевича.)

Итак, в 1915 году, когда русская армия потерпела одно из самых тяжелых поражений в своей истории, Ставка Главкомверха открыла дополнительный фронт против бывших союзников — евреев. Таков был уровень политического мышления этих людей: без того знания нам невозможно понять, как могла в одночасье рухнуть трехсотлетняя армия, опиравшаяся на столь мудрых генералов.

* * *

Но не только против евреев образовался в придачу к открытому, германскому, еще один «незримый фронт». Новый фронт открыли и против этноса немцев-протестантов.

27 — 29 мая 1915 года в Москве прошли «беспорядки, в которых патриотическое негодование сочеталось с революционными и погромными настроениями», фиксирует официальный историк Сергей Ольденбург: разграблено 475 фирм, 207 домов

и квартир. В ходе полицейской проверки выяснилось, что 113 пострадавших были действительно подданными Центральных держав, имевшими деловые интересы в Москве, 489 — русскими подданными, в имени которых толпа невзлюбила «звук чуждый», а девяносто были русскими купцами и торговцами с обычными русскими фамилиями.

Почему я назвал «открытием нового фронта» погром — разве власти несли ответственность за него, если не считать их нераспорядительность и халатность? Да. Относительно этого погрома сомнений у современников не было. В его организации все обвиняли московского генерал-губернатора Феликса Юсупова.

Его сын, знаменитый убийца Распутина, вспоминал: «Считая, что шпионаж и измена господствуют повсюду, мой отец принял драконовы меры, чтобы освободить Москву от этого оккультного господства врага». Министр земледелия Кривошеин сказал о Юсупове-отце:

«У него несомненно мания величия в опасной форме. Не будучи еще властелином московским, он договаривается с правительством, как с соседней державой».

Здесь мы снова наблюдаем двойственность правопорядка в России: генерал-губернатор использовал особые полномочия, данные ему законом и государем, чтобы нарушать государеву волю («Попробуйте его образумить», — писал Николай министру.)

В конце того же года уже сам царь утвердил принятый Государственной думой закон о ликвидации немецкого землевладения в России — один из самых позорных законодательных актов в истории дореволюционной России. Немцев, приглашенных в середине XVIII века освоить пустующие земли Поволжья и Новороссии, спустя полтора века обвинили в том, что германские князья умышленно тогда засылали их, чтобы превратить России, в немецкую колонию. Тем, кто предполагает преувеличение в моих утверждениях о расизме или протонацизме некоторых правых российских сил, рекомендую почитать стенограмму обсуждения этого закона в Думе.

«В России нет и не может быть места ни для чего немецкого, в том числе для немецкого языка. Справедливо ли гнать колонистов с русской земли? Ведь в свое время мы их сами вызывали, сами наделили этой землей, предоставили возможность сладко жить и благоденствовать, — говорил депутат князь Святополк-Мирский (не могу удержаться от вопроса: всерьез ли красноречивый князюшка думал, что крестьянский труд на целине, в отдаленных землях, есть «сладко жить и благоденствовать», *dolce vita* XVIII века). — Это делалось в надежде, что они принесут пользу стране, их приютившей. Колонисты же в отношении России встали в положение неблагодарного приемщика, сердце которого неспособно смягчить никакое благоденствие».

Жестокость колониистского сердца сводилась к тому, что они остались немцами по языку и протестантами по вере отцов своих.

Согласно закону от 13. XII. 1915 г., русские немцы-протестанты обязаны были в течение 10 месяцев продать свою землю и недвижимость. После истечения срока все непроданное конфисковывалось казной без возмещения ущерба. Затем готовилось постановление об их депортации в Сибирь: ее помешала тогда осуществить революция. Пришлось дожидаться Сталина, Берия и Серова.

* * *

Методологическая ошибка теории «малого народа» Игоря Шафаревича состоит, в частности, в том, что «малый народ» описывается математиком как единственное активное начало в процессе эволюции нации, а «большой народ» изображен лишь как объект приложения чужой силы. Между тем в реальной истории происходило их взаимодействие, и тот или иной исход реакции зависел не от одного, а от обоих составляющих компонентов.

Шафаревич прав, когда наблюдает стремительный выход евреев из гетто, ассимиляцию их в коренных обществах, сильнейший вектор их движения в сторону местного либерализма и социализма (социализм в еврейской ассимилированной среде является эквивалентом той национальной тенденции, которая получила распространение в мировоззрении коренных обществ). Их энергия повсюду, а не только в России, складывалась в одну составляющую с аналогично ориентированными группами аборигенов, и в результате возникла та движущая общество группа, что названа им «малым народом».

Но каков окажется результат деятельности «малого народа» — вот это в сильнейшей степени зависело от ответной реакции «органических сил».

...В конкретных условиях 1915 г. их ксенофобная реакция нанесла губительный удар духу борющейся страны. Чудес во лжи никто не сочинял, довольствовались примитивом юдофобии и шпиономании. Надеялись, что русские не французы и все скупают. Это ведь литературный герой, солженицынский Воротынецев считал, что нельзя солдат «совсем уже дураками ожидать», а его коллеги из генштабистов — те считали русаков доверчивыми лопухами. Но русский люд, может, не был слишком грамотным, но смекалки и сообразительности вовсе не был лишен. Например, прочитав в газете сообщение, что продовольственные затруднения в России вызваны еврейскими происками, приятель «свидетеля истории» Полетики откомментировал: «Разве хлеб и мясо в руках евреев?», намекая, что не евреи же крестьянствовали в России.

Распускаемые правыми экстремистами слухи о том, что «кругом шпионы, везде одни шпионы», находили отклик в измученном и не понимавшем ни целей, ни смысла войны в народе. Но что шпионы — это именно евреи, в такое народ не верил. Ни Ставке не верил, ни контрразведке. Слишком эти чужаки были удалены от инстанций, принимавших решения, от центров власти, от секретной информации, наконец. Их ведь даже в армию брали только рядовыми. Поражения такого размаха, как те, что постигали русскую армию, требовали для их объяснения изменников иного класса, чем портные и даже директора частных банков.

Науэскиваемое «слепыми поводырями слепых», население приступило к вынохиванию шпионов в Зимнем дворце и предателей в Царском Селе.

* * *

Еще о немцах. Погром 1915 года в Москве поэт и критик Владимир Ходасевич описывал так:

«Размахивая плащом, Маяковский вел по Тверской... орду громя хулиганов брать витрины немецких фирм».

Я потом упомянул этот мелкий факт, что согласен с Лениным: если художник действительно велик, то некоторые существенные стороны революции он должен отразить. А Маяковский бесспорно был великим поэтом, потому и отразил.

Его возглавление погромных антинемецких толп в 1915 году стало репетицией погромных — и тоже под «антинемецким знаменем» — толп февраля 1917-го. В 1915-м прошел погром «окультурных изменников» — немцев, в 1917-м — петроградский погром генералов-немцев (царицы-немки, министров-изменников).

Кто будет назначен во враги народа после них?

Что ж, в 1932 году крестьянин-большевик Мартемьян Рютин написал, что сталинские лозунги периода коллективизации о кулаках и оппортунистах выполняют «функцию, аналогичную почти той, какую выполняли крики о «жиде» и «внутренних врагах» для самодержавия.

Он был современником и свидетелем — и той, и другой эпох.

МОНАРХО-ЖИДО-МАСОНСКИЙ АЛЬЯНС

В августе 1915 г. подвели первые итоги военной деятельности:

2,5 миллиона убитых и раненых, 1,6 миллиона пленных, погибло почти все довоенное строевое офицерство — и каждый новый месяц вражеского наступления продолжал уносить почти полмиллиона жертв убитыми, ранеными, пленными.

Потери были Польша и юг Прибалтики.

Николай принял решение заменить Верховного: это выглядело общепринято и разумно. (Во Франции и Германии их поменяли.) Но он решил сам стать Верховным, и это вызвало общий протест. Оставить центры политической власти без надзора, возлагать на монарха ответственность за любое поражение?..

Каковы же были мотивы упрямой настойчивости царя? Ведь решение он принял один против всех.

Оба яруса власти, обычная правительственная и чрезвычайная военная, не могли работать вместе. Николай Николаевич и его единомышленники оказались неспособны наладить контакт с правительственными и думскими сферами. На царя же, единственном, замыкались все правящие группы — естественно и конституционно. Он не собирался заниматься оперативной стороной деятельности главнокомандующего, для этого имелся Главковерх де-факто, «косоглазый друг» Алексеев. А в ладони самодержца должно было сосредоточиться прежде всего административно-политическое кормило как армии, так и страны.

За полтора года пребывания в Ставке (до февраля 1917 года) ему удалось достичь огромных успехов. Впервые русская армия выиграла кампанию (1916 года) и стояла накануне выигрыша второй, решающей — летнего наступления 1917-го. «Корабль пошел ко дну, — писал Черчилль, — когда гавань уже была видна. Он уже вынес бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была выполнена. Кончились отступления. Сильная, многочисленная, хорошо снабженная армия охраняла огромный фронт... Остаться на посту, удерживать, не проявляя особой активности слабеющие силы противника, держаться, вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы».

Но, отправляясь на фронт и почти достигнув чисто военного выигрыша, Николай не учел неконвенциональных, новых методов политической борьбы, которые разрабатывали против его страны в генштабе и дипломатических ведомствах второго рейха.

* * *

Оказавшись летом 1920 года в Европе, Николай Соколов продолжил следственные действия. Он допросил тогда Керенского, Гучкова, убийцу Распутина Юсупова-младшего и многих других.

Какова была цель допросов этих свидетелей, не имевших все-таки к цареубийству ни прямого, ни косвенного отношения?

Николай Соколов решил доказать «городу и миру», что, согласно данным его расследования, царь и царица оказались невиновны в... государственной измене. Изменой же следователь считал попытку с их стороны начать мирные переговоры с кайзером. А раз они невиновны в измене, значит, для их убийства вовсе не имелось оснований. Такова суть первой половины его книги.

Мне действительно непонятно, как мог анархист не считаться с тем, что вопрос заключения или незаключения мира был не его, провинциального следователя, проблемой, а неотъемлемой и конституционной прерогативой одного лишь самодержавного монарха. И в каком манихейском бреде жило так называемое русское общество, если война, имевшая конкретные цели, решаемые естественно в контактах и переговорах, могла показаться ему схваткой с Мировым Злом (другие общества были тогда не лучше, но мы сейчас размышляем о русском...).

Всплеск моих эмоций против Соколова имеет национальную мотивацию, скрывать не буду. Я разделяю мнение одной из самых пронизательных политологов XX века Ханны Арендт: фундамент Катастрофы моего народа, европейского еврейства, был заложен в тогдашние послевоенные годы, и заложили его люди типа Соколова — те, кто вместо «концерта держав», с его обычным балансом сил, устроили в Европе смертный бой за Вечную Справедливость.

Евреи, этнически межгосударственный элемент с его активной неприязнью к войнам, с талантом устанавливать контакты «всех со всеми», до XX века казались нужными любому правительству Европы. Ведь и во время конфликтов на континенте раздумывали о будущем мире на основе изменившегося баланса сил, и община как бы «вне туземных интересов» становилась важным каналом для начала многих связей и переговоров. Но в период, когда уже и сам русский монарх —

притом в глазах как бы преданных сторонников вроде дитерихсов-соколовых, — начав переговоры с противником, воспринимался как национальный изменник, народы как бы перестали нуждаться в европейском равновесии сил. И евреи потеряли на континенте традиционную политическую функцию — миротворцев.

Наоборот, их мировые связи и знание конъюнктуры, умение устанавливать неофициальные каналы на любом уровне — все это стало казаться многим европейцам атрибутом «измены».

В пределах империи евреев насчитывалось свыше 6,5 миллиона — 4% тогдашнего ее населения. (По аналогии — это почти тот процент, который сегодня составляет, вместе взятое, коренное население трех закавказских республик.) Если сюда присовокупить русскоподданных немцев-протестантов (два миллиона), то число объявленных «противников России на внутренних фронтах» достигнет примерно 10% от численности тогдашней великорусской общины.

Бомба в тылу империи, пороховой погреб под государством.

Было только естественно, что рано или поздно в него попытаются внедрить капсюль и высечь искру те, кто за такую работу получал рейхсмарки из казначейства. Сотрудники спецслужб, политических отделов генштаба и берлинского МИДа.

* * *

После выхода в свет «Красного колеса» воскрес к новой жизни Александр-Израиль Парвус, Воляндов адъютант, кот Бегемот русской революции.

Закономерно, что этот пират оказался в поле зрения литературы — его будто вылепили для романа. Не единственный ли раз в истории центральным персонажем разведки великой державы оказался шеф *частной* разведывательно-политической конторы!

Ему, конечно, переводили из рейхсбанка немалые суммы (в организацию петроградской стачки 9.1.16 г. немецкая казна инвестировала миллион рублей), но все же главные средства Парвус лично добывал для политической игры, торгуя с Россией через нейтральную Данию дефицитными германскими товарами. Преимущественно презервативами.

На долю разведки МИДа приходилась в этой акции, пожалуй, выдача ему разрешений, необходимых для заключения торговых сделок с противником. Еще доход небось получали с таможенных сборов.

Как любой бизнесмен со средствами, Парвус и в делах политического шпионажа тоже опережал неповоротливую государственную машину. Мог, например, ни с кем не консуль-

тируясь, вступить в любой полезный политический контакт. Мог платить нужным людям, сколько считал нужным, а не выпрашивать у канцеляристов рейхсмарки. Мог предлагать агентам цели, которые нормальная германская спецслужба не одобрила бы. (Например, эстонец работал у него ради независимости Эстонии.) Допускаю, что его личные агенты презирали «спонсора» — потому что работали-то на его деньги да для самих себя, а не для Германии... Как Ленин. «Вольный стрелок МИДа» едва ли не впервые поставил разведработу на научную основу: в основанном им НИИ по изучению ситуации в Европе зарабатывали на существование оставшиеся в войну совсем без доходов восточноевропейские эмигранты. Никто лучше них не знал болевые точки в странах воюющего с Германией противника. Бухарин и тот едва-едва на работу к нему не нанялся: к счастью для его посмертной репутации, осторожный Ленин отсоветовал.

Конечно, Парвус был у генштаба или МИДа не один, лишь самый яркий (вышеупомянутый историк Катков описал, например, другой канал, ведший в Петроград, минуя посреднические разведстанции, — прямо из кабинета генерального директора берлинского министерства финансов).

Чтобы завершить завихрившийся в сторону сюжет, добавлю: как известно, в современной науке возник спор, брал ли Ленин деньги у Парвуса. Невозможно найти ни одного аргумента против того, что — брал. При этом вовсе он не был чьим-то шпионом или агентом, ошибка русской контрразведки состояла в том, что она пыталась описывать действия Ленина в этих терминах, ей профессионально присущих. Политики, знавшие Ленина издавна и при этом сильно его не любившие, все-таки понимали, что таких людей, как он, ни в шпионы, ни в чьи бы то ни было агенты завербовать невозможно. Не тот калибр личности. Потому они и не верили своим контрразведчикам... Поскольку главной целью ленинского захвата власти поставлен был Берлин, а вовсе не Петроград, у него и не должно было возникнуть никаких угрызений совести или минимальных сомнений — в крайнем случае, глубокое презрение к идиотизму благотворителя, господина фон Людendorфа, возмечтавшего для себя о русской революции.

В последнее время историк Рой Медведев выдвинул неожиданный аргумент: Ленин не брал в исторической реальности марки у Парвуса, но не в силу принципиальных соображений (Медведев знаком с моралью вождя народа), а потому, что нигде не зафиксирован обмен миллиона марок на рубли.

Чувствуется, что так рассуждают только в СССР: ведь рубль и марка были валютами конвертируемыми, и какой-нибудь банкир Варбург, получая на условленный счет марки, выдавал их клиенту в той валюте, какая тому требовалась. Просто брал небольшой банковский процент за услугу.

Хочется предостеречь от романтического преувеличения роли парвусов. Шпионы не делают историю, они помогают политикам использовать естественно складывающуюся общественную и национально-историческую ситуацию. В российской жизни 1915 — 1917 годов, например, МИД и бюро фон Николаи действительно использовали независимо от них возникший блок интересов, получивший позднее название жидо-масонского.

Масонами в России были республиканские оппозиционеры из состава всех думских партий, включая большевиков. (Зафиксированными масонами-большевиками были Петровский и Скворцов-Степанов, но, возможно, в заграничной ложе состоял большевик № 2 Зиновьев.) Оппозиционеры, поддержавшие воюющую монархию, состояли в думском «Прогрессивном блоке», а вот оппозиционеры-республиканцы использовали как межпартийный клуб Верховный совет масонских лож.

Республиканцы вели осторожную борьбу с монархией и постоянно давили на уязвимую пятку могущественного противника, называемую Григорием Распутиным.

Другой составляющей частью этого же блока сил, его частью, которую масоны пользовали «в темную», были еврей-журналисты.

Люди, которым религия веками запрещала заниматься «свободными художествами», первыми в своем народе заговорившие по-русски, то есть к настоящей литературе непригодные, эти евреи воспринимали искусство репортажа как входную калитку в общественную жизнь империи. Когда их народ обвинили в государственной измене, они страстно стали распространять сплетни про «измену распутинцев». Роль обер-шпионов при этом отводилась вовсе не их соплеменникам, а царице, ее министрам, т. е., в их представлении, антисемитам, врагам, на которых и прилгнуть не грех. Учтите профессиональную страсть журналистов к тому, что зовется «скупом», т. е. газетной сенсацией. А тут такой «скуп» (источник которого — тайная масонская кампания по дискредитации двора):

измена во дворце!

Я не вижу никакой вины в том, что масоны-республиканцы интриговали против политических противников, монархистов, которые и сами с ними боролись тем же оружием вздорных обвинений. Не вижу особой вины и в деятельности евреев — в конце концов, когда заяц удирает от гончей, ему не до соблюдения выработанных рыцарями правил благородной охоты. Не склонен в чем-либо обвинять и германцев, провокационно подбрасывавших «жидо-масонам» информацию и старавшихся, как только можно, направлять к краху своего противника: *a la guerre comme a la guerre*. На то войну объявили России.

Но главными исполнителями ролей в «жидо-масонских сценариях», людьми, осуществившими в политической практике тонкие провокации германской разведки, оказались русские монархисты. Напомню только одно, самое известное их деяние.

Григория Распутина убили не масоны, не евреи, в него стреляли правый депутат Думы Владимир Пуришкевич, чье имя звучало тогда символом еврейского погрома, князь Феликс Юсупов-младший, сын и единомышленник организатора немецкого погрома, плюс великий князь Дмитрий Павлович Романов.

Этот слой следует обвинять больше всех. Потому что после мясоедовско-сухомлиновской интриги создание провокационной ситуации вокруг Григория Распутина сделалось важнейшим проектом германских специальных служб.

ЦАРИЦА ИЗ ГЕССЕНА И ФАВОРИТ ИЗ СЕЛА ПОКРОВСКОГО

Последней российской императрицей была Александра Федоровна, в девичестве принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская по отцу и любимая внучка английской королевы Виктории по линии матери. «Александра Федоровна, одинокая, мало любимая в России, не умевшая по своей застенчивости и замкнутости быть царицей и все-таки в гораздо большей степени чувствовавшая себя русской царицей, чем немецкой принцессой, вопреки клевете, прижизненной и посмертной. Она, как и государь, искренно желала добра России, хотя и заблуждалась почти во всех своих предположениях, советах и действиях» (Г. Адамович).

Отступление о Шерлоке Холмсе

...Расследуется, как всегда, таинственное убийство — на этот раз инженера-кораблестроителя. И опять, как всегда, Шерлок Холмс явился туда, где орудуют убийцы, агенты германской разведки. Окрестности шотландского озера Лох-Несс: здесь расположен секретный центр британских кораблестроителей, где под руководством его брата Майкрофта (вот, оказывается, чем занимался лодырь, по гениальности превосходивший брата!) испытывают изобретение британского гения, подводную лодку.

Чтобы никто не раскрыл военную тайну, на перископ надета маска — голова дракона: возникли слухи, якобы в озере водится доисторический ящер Несси. Естественно, Шерлок Холмс победил врагов и даже чудо-агентшу противника. (Нужна женская роль, да и любовная линия тоже: Холмс увлечен...) В финале победители-англичане демонстрируют подводную лодку принимающей объект ее величеству королеве Виктории.

«Победа в грядущей войне обеспечена нашему флоту!» — «Что? — возмущается королева. — Вы собираетесь начать бой, не подняв на мачте королевский флаг?» — «Но, ваше величество, противник тоже нападает на нас без подъема флага». — «Никогда! Мой племянник Вильгельм? Никогда!» И проект закрывают как недостойный чести королевы. С тех вот пор и перестали люди встречать на озере Несси лох-несское чудовище.

Александра Федоровна напоминает свою бабушку из этого виденного мною недавно фильма. «Сознание ее буквально семантически не совпало с эпохой... В обваливающемся мире импе-

ратрица сохраняла прекраснодушие, не соответствующее ни ситуации, ни моменту», — писал глубоко сочувствующий ей поэт Юрий Кублановский. Особенно это прекраснодушие отослосило к такому святым, как *верность союзникам*.

Губительной для нее оказалась и глубокая религиозность: бывшая немецкая принцесса превратилась в фанатично верующую православную, с пылкостью прозелитки исповедовавшую ритуалы новой веры.

Особенно увлекло ее «старчество». Носители особой, даже обычными священнослужителями не познаваемой мистической мудрости, именуемые «старцами», получают право испытывать приходящих для очищения душ послушников, причем высшей их добродетелью является отказ от своей роли в пользу старца.

Отношения подобного типа существуют и в других религиях, в частности в иудаизме (отношения рабби с хасидами). Видимо, живут среди человечества индивидуумы, нуждающиеся в повседневном руководстве, в личной опоре, в вожаке для себя. Во всяком случае, Александра Федоровна относилась к этому типу людей, и православие в форме старчества оказалось жизненной ее верой. Были у нее старцы до Распутина (хотя старцами не назывались) и появились бы после, да судьба не позволила.

Старец Григорий Распутин был мужиком из Тобольской губернии, экстрасенсом, умевшим «заговаривать», т. е. останавливать текущую из ран кровь. Единственный сын, престолонаследник Алексей страдал гемофелией — несвертываемостью крови, генетической болезнью британской королевской семьи. (Она передается через женщин рода, причем сами они остаются здоровыми, — все дочери императриц были здоровы. Болеют только мужчины.) Под воздействием гипнотического (или другого? природа экстрасенсов не ясна до сих пор) влияния Распутина у мальчика суживались капилляры, и кровь из ранок и царапин переставала вытекать. Легко представить, какое влияние старец имел на родителей царевича, особенно на мать.

...Уже после революции следователь Временного правительства просмотрел дело, заведенное на старца в охранке. В нем оказалось «много томов вырезок и заметок о Распутине... Просматривая их, убеждаешься, как мало они соответствовали действительности, как пышно в них разукрашены цветами народной фантазии немногие верные данные и как давно Распутин превратился в творимую легенду, сводившуюся к тому, что жадный до денег хлыст, растлитель женщин и девушек обрел неограниченное влияние на царскую семью и полновластно распоряжается судьбами государства и церкви. Около этой легенды рано связался клубок ужасных и грязных сплетен: что Распутин живет с царицей, что наследник его сын, что честь царских дочерей недостаточно сохранена, что Распутин и царица стоят во главе партии, желающей сепаратного мира с немцами, что через Распутина высшее немецкое командование узнает о на-

ших планах. Эти слухи не только хорошо циркулировали в петроградском обществе, но просачивались в армию и в самые низы народа, и революционные партии широко пользуются Распутиным, через голову которого наносят неотразимые удары носителям Верховной власти».

В этих нескольких строках следователя резюмировано все, что говорилось о Распутине. Но в реальной жизни старец не распоряжался судьбами церкви и государства и его влияние на дела было чудовищно преувеличено. Историк С. Ольденбург сопоставил все рекомендации Распутина, сделанные им в 1916-м (считавшимся годом его наивысшего влияния), с тем, что было по его словам исполнено: оказалось — ничтожная доля... Тайна влияния Распутина в значительной мере сводилась к тому, что умный и проницательный мужик умел угадывать, чего же хочет от него царь, и то же самое ему и советовал. Когда царю жаловались, мол, Распутин неправильно советовал решить какое-то дело, Николай оскорблялся: он-то знал, что нападают именно на его собственное мнение. Что касается влияния на Синод, то, за исключением одного из епископов-ставленников (Варнавы), все митрополиты ненавидели фаворита.

«Царевич — сын Распутина»? Но старец появился во дворце, когда Алексею было два года. «Распутин живет с царицей», а уж самые сдержанные признавали, что если все-таки не с царицей, то с ее любимой подругой, фрейлиной Анной Танеевой-Вырубовой, — это точно. Когда Вырубова оказалась после революции в Петропавловской крепости и узнала наконец от следователя, что вся Россия считает ее любовницей фаворита, она потребовала экспертизы, которая с несомненностью установила, что Вырубова — девственна. Нелепо в такой ситуации обсуждать вопрос об отношениях Александры Федоровны с ним, процитируем для информации читателя того же поэта, Кублановского: «Брак Николая и Александры был христианским — в прямом и точном смысле этого понятия... Они были женаты без году четверть века, их взаимное чувство ни на йоту не ослабело со временем, это была, очевидно, самая счастливая супружеская пара на русском престоле за всю историю».

Единственная правда во всем ворохе клевет заключалась в том, что Распутин — но не вместе, а вопреки императрице — был противником войны, считая эту бойню губительной для страны и престола. Он действительно был сторонником заключения мира.

Теперь можно перейти к последнему «обвинению»:

«Через Распутина высшее немецкое командование узнает о наших планах». Этот пункт подробно изложен и аргументирован в книгах Соколова и Дитерихса, где увязан с ролью старца в «жидо-масонском заговоре». (К слову: в советской книге Касвинова написано, будто через Распутина были переданы немцам маршрут и время прибытия в Россию корабля с британским

фельдмаршалом Китченером и германская подлодка потопила корабль и лорда.)

Николай Соколов цитирует в книге показания, данные ему убийцей Распутина, князем Феликсом Юсуповым-младшим, графом Сумароковым-Эльстоном:

«Я неоднократно видел у Распутина в кабинете каких-то неизвестных мне людей еврейского типа. Чаще всего появлялись у него тогда, когда он или уезжал в Царское, или уже был там. Они тотчас окружали его после возвращения и о чем-то обстоятельно расспрашивали. Наблюдая их действия, я видел, что результаты своих расспросов они записывали в свои записные книжечки. Я понял, что Распутин — немецкий шпион».

Через пять страниц Соколов добавил:

«Юсупов пробовал выведать у Распутина, кто эти незнакомцы с записными книжками, которых он видел в своем кабинете. «Хитро улыбаясь, — показал Юсупов, — Распутин ответил: «Это наши друзья. Их много, а главные в Швеции. Их зовут зелеными». Стокгольм был главной базой немецких организаций по борьбе с Россией. Не сомневаюсь, что отсюда шли директивы к людям, окружавшим Распутина».

(Дитерихс сдержаннее: «Не думаю, что Распутин получал от немцев деньги». Их, оказывается, получало окружение старца.)

«Итак, шпионаж, который погубил Россию, происходил очень просто, — откомментировал пассаж Борис Бруцкус. — Распутин ездил во дворец, выведывал у царя и царицы тайные военные планы и возвращался к себе домой, где его уже ждали люди с еврейскими физиономиями. Эти же люди посещали его перед выездом во дворец, чтобы инструктировать насчет того, что именно требуется выведать у царя и царицы. Приезжали эти физиономии к Распутину с расчетом застать у него князя Юсупова. Подпоив вернувшегося из Царского Села Распутина, еврейские физиономии вынимали записные книжечки и записывали в них результаты расспросов. А потом, вежливо откланявшись наблюдавшему за ними князю Юсупову, сообщали раскрытые тайны Людендорфу. А когда они уезжали, князь Юсупов спрашивал Распутина: кто такие эти еврейские физиономии, — и Распутин, лукаво улыбаясь, отвечал: это наши люди, они сносятся со Швецией, они немецкие шпионы, а мы для конспирации зовем их «зелеными».

Можно глгать за князя Юсупова, за графа Сумарокова и за господина Эльстона, — продолжает он, — но как может следователь заносить эту бездарную клевету в официальные акты, не пытаясь ни словом, ни вопросом удостовериться в качестве показания? Ну как следователю не спросить, например, чем объясняется, что шпионаж, за который полагается виселица, проводился открыто, в присутствии постороннего лица? Как не выразить недоумение, что шпионы, несомненно знавшие, кто лицо, постоянно присутствовавшее при их опасной работе,

упорно творили свое преступление у него на глазах — у князя, женатого на родственнице царя, у сына того Юсупова, который в патриотическом рвении устроил погром немцев в Москве? Кто не удивится, что умный Распутин, будто бы глава шпионов в России, на вопрос Юсупова отвечает признанием, что сеть агентов раскинута широко, центр организации находится в Швеции и псевдоним ее — «зеленые»?

Не оставил Бруцкус без ответа и осторожные попытки следователя и Дитерихса «оправдать» Распутина, обвиняя в измене лишь его еврейское окружение. Цитирую Соколова: «Самым близким человеком к русскому мужику Распутину, почти неграмотному, может, идолопоклоннически, но все же православному, был Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, лютеранин еврейского происхождения. Другим близким к Распутину человеком был банкир Дмитрий Рубинштейн, еврей... В 1916 году против него было возбуждено уголовное преследование за измену его России в пользу Германии, выразившееся в том, что он как директор страхового общества «Якорь», в коем правительство страховало военные заказы, сообщал немцам секретные сведения о движении наших военных транспортов, благодаря чему немцы топили их, и что как директор Русско-Французского банка... тормозил производство боевого снаряжения. Третьим близким к Распутину лицом был его личный секретарь Арон Симанович, еврей. Богатый человек, имевший свое торговое дело и квартиру, Симанович все время пребывал на квартире Распутина. Он был там свой человек».

Бруцкус так комментирует обвинения против «распутинских евреев»:

«Симанович пригодился Соколову только потому, что он еврей. В том обстоятельстве, что он проводил время на квартире Распутина, нет признака не только измены, но даже проступка, тем более что служба личного секретаря обязывает к постоянному общению с хозяином. И кроме этой шуточки ни звука не произносит против Симановича Соколов».

Но по отношению к Рубинштейну и Манасевичу, — переходит он к следующим обвиняемым, — Соколов не постеснялся использовать чисто преступные приемы.

Манасевич-Мануйлов был действительно по крови евреем, но родился христианином и всю жизнь прослужил в учреждениях не только антисемитских, но определенно погромных. С юных лет он успешно служил в Департаменте полиции и охранках разных видов и одновременно работал в качестве постоянного и видного сотрудника под давно раскрытым псевдонимом «Маска» в «Новом времени», газете, которая ежедневно травил евреев, обвиняла евреев в ритуальных убийствах и подстрекала к погромам. Подбросить такого «еврея», как Манасевич, еврейскому народу — на такой подвиг требуется так же много наглости, как мало совести.

Но гадость Соколова осложняется тем, что, как ни подл был Манасевич-Мануйлов, в измене и шпионаже его никто никогда не думал обвинять. Наоборот, он обвинял в этом других — и особенно евреев, потому что был агентом-наводчиком знаменитой комиссии генерала Батюшина, ведавшей делами о шпионаже (помните одного из организаторов мясоедовского процесса, получившего за него генеральский чин? — М. Х.). Батюшинская комиссия навела грозу на всю страну, отправила на виселицы и в Сибирь тысячи людей, но когда ее члены были сами преданы суду, оказалось, что ни одного действительного шпиона... эта комиссия не обнаружила, а занималась чисто коммерческими делами.

Коммерция генерала Батюшина и его ближайших помощников состояла в том, что они арестовывали богатых людей и предъявляли им обвинение в шпионаже, а потом через посредников вступали в торг с родственниками арестованных о выкупе. Так были арестованы крупнейшие киевские сахарозаводчики: Бабушкин, Гепнер, Добрый и др., а также некоторые банковские деятели, в том числе Рубинштейн.

Роль Манасевича сводилась к тому, что он наводил комиссию Батюшина на лиц, которых стоило по финансовым соображениям арестовать, и сам же являлся ходатаем за них, уславливаясь с родными о сумме вознаграждения за освобождение.

Манасевич лично участвовал в аресте Д. Л. Рубинштейна... и тем не менее Соколов сводит этих двух людей, палача и жертву, как соучастников одного еврейского преступления — выведывания военных секретов у Распутина. Не надо быть юристом, а просто человеком среднего ума, чтобы понять вздорность обвинений в потоплении военных судов через сведения страхового общества «Якорь» — что за невероятная глупость! Или саботаж производства вооружения «как директора Русско-Французского банка»! Члены комиссии, вероятно, немало забавлялись, доказывая Рубинштейну, что комиссия Батюшина все может — может посадить и даже повесить на основании подобного вздора.

Такому могущественному учреждению полагалось, разумеется, величайшая взятка...

Эти монархисты, — завершает он монолог трубным раскатом, — эти адепты святой патристической идеи, не задумываясь, тащат по грязи репутации носителей короны. Надо доказать «еврейскую измену» — и погромные Юсуповы облыжно заставляют царя и царицу докладывать Распутину о военных тайнах. А ритуальные следователи Соколовы пристраивают к этой княжеской лжи самодельный грязный хвост!»

КАК ГЕРМАНЦЫ ПЕРЕИГРАЛИ РУССКУЮ КОНТРАЗВЕДКУ

Бруцкус обличил в архивной рукописи убийц Распутина («это украшение книги биографий ужаснейших преступников нашего времени»), но как раз публицистический пыл его меня насторожил. Может быть, темпераментная позиция ученого объясняется национальными пристрастиями, скажем, его желанием обелить евреев? По-человечески защита им земляков понятна и заслуживает сочувствия, но в западном мире, где я живу, задачей адвоката является охрана интересов подзащитного, а вовсе не выявление истины. У меня же как историка, а не адвоката евреев должность и задача принципиально иные.

...Я вырос и был воспитан в стране, где антираспутинский (как антимясоедовский) миф считался живым до самых последних лет. Уже в 80-х годах был издан роман самого популярного исторического прозаика страны Валентина Пикуля, где Распутин изображался марионеткой в руках Симановича, Рубинштейна и некоего «Мануса, которого французская контрразведка считала крупным шпионом Германии». Царь с царицей, по версии романа, «миллиардеры, жившие задарма на всем готовом... выедали казну, как крысы, забравшиеся в головку сыра», но были они скупыми, денег давали мало, это заприметил «международный сионизм», и — «биржевые тузы щедро финансировали Распутина».

(Чтобы покончить с возникшим по дороге сюжетом о царской скупости — в следственном деле сохранился протокол обыска в доме одного из грабителей вещей покойной семьи:

«Старые брюки гвардейского стрелкового полка с несколькими заплатами и надписью, видной на левом кармане: «4 августа 1900 г., возобн. 8 октября 1916 г.», принадлежащие, по удостоверению камердинера б. Государя Терентия Ивановича Чемодурова, бывшему Государю Императору Николаю II».

Аркадий Стольпин, французский литератор и сын бывшего премьера, рассказывает, что, по его детским воспоминаниям, царская семья экономила на еде и одежде: огромные доходы почти целиком шли на благотворительность, поддержку учреждений культуры, субсидии сиротским домам и госпиталям — до такой степени, что иногда в середине года царь ломал голову, как ему свести концы с концами в семейном бюджете.)

Зная это, можно верить Пикулю, что Распутин получал у Романовых денег немного для любимой им разгульной жизни, как и в то, что еврейские дельцы платили ему взятки. Арон

Симанович даже описал, за что именно: кого-то вытащил из-под ареста за проживание вне черты оседлости (это, кажется, был главный подвиг посредника Арона на благо еврейского землячества — спасение от высылки 200 зубных врачей, имевших сомнительного качества дипломы), кому-то добыл место в университете сверх процентной нормы... Распутинские записочки действовали на чиновников, решавших людские судьбы. Вот и вся правда об отношениях Распутина с евреями. Знаменитый министр-славянофил Александра III граф Николай Игнатьев драл с финансового магната барона Гинцбурга за подобного же сорта услуги гораздо больше, чем сибирский мужик Распутин.

Я смущался вслед за мясоедовской опрокидывать в книге и распутинскую легенду: патриоты святой Руси уж точно заподозрят, что в злокозненном сионистском усердии в далеком Иерусалиме умышленно выворачивают наизнанку их национальную историю. И сердиться-то на них, а уж тем более убеждать в противном смешно и бессмысленно: это ведь, как сказала доктор Донцова в «Раковом корпусе», не они кричат, это их болезнь кричит.

Мне, однако, повезло: наткнулся на опубликованную свыше полувека назад в болгарской «Нашей стране» статью монархиста и антисемита Ивана Солоневича о причинах убийства Распутина:

«Выходит так, что и империю, и монархию погубил пьяный мужик. Распутинская борода заслонила собой и историю России, и преступления правящего слоя, и военный разгром, и безлюдье, и бесчестность... Осталась одна пьяная борода. Чем не Голливуд?

...Николаю II пришлось действовать в тот период, когда правящий слой догнивал окончательно... Слой, который не мог организовать своих поместий, как он мог организовать государство? Я не говорю об исключениях — типа Столыпина, я говорю о слое... Слой умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром. Не трудящийся не живет.

...Один слой уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда, а отнюдь не от Распутина произошло безлюдье, министерская чехарда, «отсутствие власти» — а также трагическая безвыходность положения царской семьи. Отсюда же — «кругом трусость и измена». Смертный приговор царской семье был вынесен в августейших салонах. Большевики только привели его в исполнение.

...Давайте попробуем смыть с Распутина голливудский грим. Пьяница? Можно подумать, что Петр I не пил. Если это порок, то не индивидуальный: веселие Руси. Женолюб? Обратимся к Петру и Екатерине, которых никто по этому поводу не травил. Какая среда предъявляла обвинения? Для которых Отечество находилось в вилле Родэ, которая публично купала в аквариуме голых «французиннок», — тоже, подумаешь, Катоны, стражи

семейных добродетелей, весталки обоего пола, девственники петербургских кабаков. Взяточник? После убийства Распутина у него самого не оказалось ни копейки. Политическое влияние? Его не могло не быть. Но оно, к сожалению, оказалось недостаточным. Да, Распутин был за сепаратный мир. Что было бы, если бы его влияние оказалось достаточно сильным? Если бы в 1916 году Россия приняла германские предложения? Галиция, проливы? Как жили бы мы с вами, господа, и как жила бы Россия?

...Одиночество, в которое попала царская семья, есть исторически неоспоримый факт... Пытаюсь объяснить его одним фактором — Распутиным. «Распутинской пьяной похвалой впервые было разрушено в сердцах служилого слоя обаяние монархии»... «деятельность Распутина была надругательством над русской служилой честью»... «самым важным и преступным было непротивление генералов. Но тут сыграло роль то, что у многих душа была опустошена правдой о Распутине»... Поставим вопрос так: а что есть правда о Распутине? Кто эту правду, если она была, пускал по всей стране? Кто над этой «правдой» воздвигал вавилонские башни грязи, травли, клеветы?

И еще вопрос. Только ли Распутин виноват был в «мертвящей пустоте» возле трона, в «жутком безлюдье» на вершинах административного аппарата?

Ошибки короны обсуждались всеми, кому не лень, и никому в голову не пришла простая мысль: а что мог сделать государь? Передать власть Государственной думе?.. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Думой в марте 1917-го. Подобрать из среды правящего слоя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?

Почти четверть века назад «лучшие люди разорвали оковы проклятого царского» или «проклятого распутинского режима». Было Временное правительство. Была белая армия Деникина. Была белая армия Колчака. Была белая армия Миллера, Юденича, Унгерн-Штернберга. Где во всем этом калейдоскопе хоть один талант, которого Николай II не догадался поставить у власти? Мы еще можем поспорить о военных талантах наших генералов, невеликие были таланты, прости Господи, но в государственном отношении это была одна сплошная жуткая, стопроцентная бездарь. Из всех этих движений самым сильным было белое движение Юга России. Вот что пишет о военных и невоенных талантах генерала Деникина мой присяжный хулиган А. Керсновский в «Царском вестнике» № 662:

«...располагая страной с 70-миллионным населением (уже отошедшим от большевиков и разочаровавшимся в них), Деникин умудрился иметь на фронте под Орлом в репительную минуту всего 10 000 штыков...

Имя до 100 000 офицеров, он не пустил их на фронт, а запер в склепы реабилитационных комиссий — и обрек на пагубное

безделье, пьянство, кокаиноманию, сыпняк и наганы подоспевших к зиме чекистов. А на фронте не то что каждый офицер — каждый солдат был на счету. В строй ставили только что взятых в плен красноармейцев.

Портовые пакгаузы ломились от навезенной англичанами амуниции и одежды, а на фронте строили обмундирование из случайной сарпинки, набивали за пазуху солому, чтоб грела, стаскивали с пленных опорки.

...Никто ничего не знал. Никто ничего не делал... Это — правление генерала Деникина!»

Во всей распутинской истории самый страшный симптом, симптом смерти, — это отсутствие общественной совести... Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы. Совести не оказалось. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который призывал бы верхи к защите элементарнейшей семейной чести государя.

...Повторяю еще и еще раз: государь император был для этого слоя слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по крайней мере, чувству порядочности, отстоят его семейную честь. Ничего не отстояли. Все предали и продали».

Эту громадную свыше всяких норм цитату из сочинений двух монархистов — И. Солоневича и А. Керсновского — я привел, чтобы доказать: возмущение Бруцкуса антираспутинскими инситуациями было продиктовано не еврейской предвзятостью, но вызвано клеветой и по высшему счету изменой короне со стороны монархистов, которые думали, что они империю спасают.

...Мифы, толкующие огромные исторические движения как продукты чьих-то секретных планов и заговоров, можно сравнить с болеутоляющими наркотиками, приносящими иногда облегчение, но не исцеляющие тело, а лишь прибавляющие к старым хворям новые. Они пригодны для смертельно больных обществ, которым все равно — не жить.

Повторю на всякий случай еще раз свой вывод. В этой книге не отрицаются оппозиционные масонские (особенно антираспутинские) действия. Не отрицается оппозиционная, часто нечистопоплотная роль русской либеральной прессы, «еврейской печати», по определению Соколова и Солоневича. В феврале 1915 года самые авторитетные деятели еврейской общины приняли решение: несмотря на братоубийственный характер войны для еврейского племени, поддержать Россию. Вот запись от 24.II в дневнике лидера «Фолкспартей» С. Дубнова: «Вчера до двух ночи в тесном кругу в квартире Винавера беседа о больном вопросе — об ориентации безнадежности еврейских масс. Решили все же — на Россию». (Упомянутый здесь Максим Винавер — один из самых видных лидеров кадетов, депутат Думы.)

Но после расправ команды Янушкевича и Бонча настроение, в особенности у еврейской молодежи, резко изменилось.

Нельзя забывать, что в России тогда была всеобщая воинская повинность, и примерно 400 000 евреев оказались в рядах армии, вооруженными и обученными военному делу русскими офицерами. Из черты оседлости выселяли их родителей! (Бывали случаи, когда раненые, вывозимые в тыловые госпитали, видели в дороге свои же семьи под конвоем казачьих патрулей.) Безумием было во время войны начинать кампанию против одного из самых крупных и активных народов империи, обвиняя его в измене!

Особенно опасной такая ситуация выглядела вследствие дополнительного ограничения, наложенного на евреев: их по закону не зачисляли в офицеры. В результате эти поголовно грамотные, повсеместно городские (евреям запрещалось жить в селах), сменившие молитвенник на социал-демократическую «брошюратину» (Куприн), а Талмуд на чтение кадетской «речи», эти солдаты-евреи за годы войны превратились в высшие политические авторитеты для своих товарищей из крестьян. Русские крестьяне, как повсюду в мире у фермеров ведется, интересовались «властью земли», а не текущей политикой. (Грамотные же и начитанные солдаты из русских производились начальством в офицеры взамен убитых командиров и, становясь «вашим благородием», теряли авторитет у земляков.)

Что натворили генералы, стало ясно после революции, когда не рабочие и крестьянские, а солдатские советы оказались заполнены делегатами-евреями и осуществляли политическое руководство над «человеком с ружьем». Более того: юдофобская кампания 1915 года сыграла, по-видимому, решающую роль и в самом присоединении евреев (и русских немцев) к большевикам и, возможно, на итогах гражданской войны, где от того или иного национального разноресия зависело, на чью сторону склонится стрелка весов победы.

На меня произвело немалое впечатление рассуждение историка Г. Каткова:

«Страх евреев был полусознанно, но твердо связан с ощущением, что контрреволюция может исходить от армии, пока в ней еще живы старые традиции и пока лица, осуществлявшие бесчеловечные решения полусумасшедшего Янушкевича, все еще занимают командные посты. Такое отношение объясняет энтузиазм и подъем, с коим еврейская интеллигенция и полунинтеллигенция приветствовала революцию и бросилась вместе с левыми защищать «завоевания революции». Вот почему множество евреев предлагало свои услуги в качестве «советских служащих» советскому режиму в годы гражданской войны и реконструкции».

Не следует забывать: белые армии состояли преимущественно из офицеров и казаков, тех сословий, которые осуществляли

юдофобские акции во время мировой войны и продолжали осуществлять их в ходе гражданской. Фабрикация юдофобской версии дела о цареубийстве, ставшая здесь объектом нашего внимания, — лишь единственный пример самоубийственной политики, благодаря которой монархисты проиграли войну с внешним противником, а потом и гражданскую войну.

Продолжаю цитирование Каткова:

«...но те сложные психологические предпосылки объясняют распад еврейско-большевистского сотрудничества и возврат коммунистической власти к антисемитской практике... Партия и правительство никогда не испытывали особого доверия к политической лояльности евреев, покоившейся не на врожденной близости евреев к большевизму, а на инстинкте национального самосохранения, к которому коммунистическая идеология не проявляет ни интереса, ни симпатии».

Нельзя, однако, игнорировать и специфически русский фактор — параноидальную шпиономию, которую вражеская разведка искусно использовала, подпитывая недоверие к легитимным властям в народе и обществе.

Приведу несколько примеров этой искусной германской политической игры.

История банкира Дмитрия Рубинштейна. Что послужило не мифической, а истинной причиной для подозрений против этого общеизвестного, по Соколову, «шпиона Митьки»?

Как ни удивительно, повод для подозрения в шпионаже оказался в данном случае вполне реальным: о нем рассказал А. Симанович.

В годы войны неизвестным образом дошла до царицы просьба от бедных родственников из Германии, которым она и раньше помогала. Люди просили поддержки, в которой, конечно, нуждались больше, чем раньше.

Как переправить деньги? Естественно, царица вспомнила про евреев с их международными финансовыми связями. Распутин, желающий угодить «маме», свел ее со своим собутыльником — Рубинштейном. Тот и переправил рубли через Швецию.

Хотя в дело было замешано считанное по пальцам одной руки количество людей (императрица встречалась с банкиром лично, без посредников), где-то появилась «тетя»: у царицы, мол, есть связи с Германией через распутинского еврея.

...Когда летом 1916 года кайзер потребовал от своего канцлера проникнуть в Россию «через евреев, банкиров и т. д.», тот в ответ сообщил, что «самая многообещающая личность», банкир Рубинштейн, арестован «во время еврейского погрома» (sic). Итак, на Рубинштейна действительно возлагались в Германии какие-то надежды — это не было фантазией мифоманов. Почему? Шпионом он не был, иначе бы канцлер знал, что Рубинштейн не арестован (его взяли позднее, осенью, и не в ходе мнимого погрома, а для вымогательства взятки). Вдобавок он назван был лишь «многообещающим».

Можно предположить, что просьба к царице о помощи родственникам была организована германскими спецслужбами с целью нащупать канал, ведущий из Германии к русскому двору. Следовательно, их операция увенчалась успехом: через Рубинштейна при нужде можно было вступить в контакт с высшими политическими кругами России. Но поскольку реально этот канал связи не успели использовать (что вытекает из ответа канцлера кайзеру), то вышло так, что русская контрразведка, поднявшая вокруг дела шум, нанесла России вред, несоизмеримый с ущербом даже от потенциального успеха германской операции.

Другой пример. Жил в Цюрихе талантливый журналист и германофил Карл Радек. (Он остался германофилом даже при Гитлере, хотя был евреем.) Неизвестно, получал ли он деньги из ведомства статс-секретаря, но, собственно, в том нужды особой не было: Радек вспоминал, что часто общался с платными агентами кайзеровских и австрийских служб. Один из таких приятелей уведомил его, что товарищ (заместитель) председателя Думы, глава русской парламентской делегации Протопопов на пути из Лондона в Россию беседовал в Стокгольме с представителем германского МИДа. Зондаж не принес результатов. Видимо, поэтому немцы и решили сыграть другую игру. О тайных русско-немецких разговорах уведомили Радека. Русский зондаж мог бы вызвать обеспокоенность среди союзников Антанты, немцы это понимали... Но могли ли они предположить, что, узнав про контакты Протопопова — от кого, от Радека, которого и в большевистских-то кругах, уважая за талант, презирали за аморальность, — влиятельный и умеренный в общем политик Павел Милюков произнесет в Думе речь, где, намекая на министра и царицу, будет спрашивать: «Глупость это или измена?» Мол, все-таки возможна измена!

Эти примеры успешных акций германских спецслужб, успешных благодаря российской шпиономании и недоверию к собственным руководителям, понадобились мне здесь для того, чтобы показать читателю, в какой извращенной духовной среде формировались характеры и убеждения авторов екатеринбургской следственной версии.

Протицирую в финале оценку работы русских контрразведчиков, сделанную осведомленным и вполне русским человеком, известным царским генералом. О ней поведал Михаил Бонч-Бруевич: «Попав в контрразведывательный отдел... Куропаткин сердито сказал:

— Господа! Должен сказать, что вашей работой недоволен не один я, командующий войсками фронта. Вы забыли субординацию, зазнались, по существу заводите смуту.

Он съязвил насчет шпиономании, которой якобы больны многие офицеры контрразведки, и начал распространяться о том, что они не столько помогают командованию, сколько делают вредное для империи дело.

—...большинство чинов будет отчислено. И пусть они спасибо скажут, что их не отдадут под суд».

(В скобках поясню: одна из причин недовольства командующего заключалась в том, что раскрылось: еврей Манасевич-Мануйлов, которого Соколов безоговорочно числил за немцами, на самом деле служил... агентом русской контрразведки. Манасевич являлся личным агентом Бонча: «С волками жить по-волчьи выть, и волей-неволей мне пришлось пользоваться сомнительными услугами Манасевича». Кроме того, контрразведка готовила убийство Распутина. Впрочем, такое же убийство готовили министр внутренних дел (Хвостов), ялтинский градоначальник монархист Думбадзе и тому подобные личности.)

Так стихийно сложился в воевавшей стране блок подрывных сил, ударным элементом которого неожиданно для всех стали фанатичные монархисты. Именно к ним в первую очередь относились слова Николая II в дневнике в день отречения:

«Кругом обман и трусость, и измена».

ОТРЕЧЕНИЕ

От войны к четвертому году смертельно устали все.

Сменилось правительство во Франции: к власти пришел «тигр», Жорж Клемансо, требовавший некогда коренных преобразований (отсюда — радикал). Уж такой-то борец сделает все, чего не могли сделать для Франции старые министры.

Сменилось правительство в Англии: борец с англо-бурской войной и «джингоизмом» Давид Ллойд Джордж, конечно, не позволит — так думали в народе — продолжать войну ради каких-то империалистических целей.

Сменилось правительство в Германии: его фактическими руководителями стали победители в «августе 1914 года» — Гинденбург и его начальник штаба Людендорф.

Короче, в Европе происходили перевороты: шли к власти сильные личности, пользовавшиеся «общественным доверием».

Николай же успел уволить всех, у кого был наработан собственный общественный авторитет, министров бывшего кабинета Столыпина: один за другим исчезали в отставках Коковцов, Сазонов, Кривошеин... Их заменили люди безусловно честные. Но главным достоинством новичков была преданность самодержцу.

Почему царь ни за что не хотел «кабинета общественного доверия»?

Перестройка хозяйства страны на военный лад требовала колоссальной концентрации сил. Иначе она могла не удалась. Царь как практик государственной работы считал, что чрезмерные, невероятные нагрузки, требуемые от России для победы, эта страна может выдержать при условии предельной концентрации ответственности и власти в одних — в его руках.

То, что произошло в России между августом 1915-го и февралем 1917 года, можно назвать «военно-экономическим чудом».

Производство винтовок выросло в два раза, пулеметов — в шесть, легких орудий — в девять, снарядов, которых так не хватало при Николае Николаевиче, — в 40 раз! Выпуск самолетов — в три раза.

«К лету 1916 года, — писал Черчилль, — Россия... сумела выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить — 60 армейских корпусов вместо 35, с которых она начала войну».

Вопрос политической интуиции для руководителей стран Европы сводился в это время к тому, какая из смертельно уставших держав падет первой. Царь знал, что максимум возможного для России и народа — это продержаться в 1917 году. Если войну не выиграть в эту кампанию, империя падет. Он взял на себя ответственность за роковое решение: продолжать войну до победы.

В июле 1914 года престарелый Франц-Иосиф II сказал о судьбе Австро-Венгрии: «Если империи суждено погибнуть, пусть она сделает это респектабельно». Похоже, подобный самоубийственный комплекс загнил и охватила остальных монархов Европы.

Николай, человек с совестью и чувством долга, знал: число убитых только на фронте и только с русской стороны приблизилось к двум миллионам.

Что он мог бы сказать в оправдание семьям двух миллионов своих погибших солдат и офицеров, если бы война, начатая его манифестом, кончилась восстановлением довоенного статуса-кво?

Он без колебаний принял решение начать кампанию 1917 года — проиграв в итоге империю.

По всей России металась поездная техника в поисках продовольствия для армии и городов. Еды стало не хватать. Неповоротливость «бюрократов» была причиной, как клеветали мастера репортажей и карикатур, и уж тем более не «измена». Но в армию было призвано почти 15 миллионов солдат. 15 миллионов рук никто не мог заменить — прежде всего на полях.

Когда в лавках не хватило хлеба, началась революция.

Для ее подавления имелись верные войска, нужен был только приказ. Но царь чувствовал: после взятия штурмом собственной столицы ему уже не достичь победы на фронте. Россия опередила Центральные державы: не выдержала первой.

Когда Николай вместо приказа о подавлении восстания объявил Думе и генералам: «Нет такой жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага матушки-России», что ж, генералы проявили именно ту способность понимать политическую ситуацию, которую мы пытались изобразить нашему читателю выше.

Николай Николаевич: «Передайте сыну Ваше наследие, другого пути нет».

Брусиллов: «Без отречения Россия пропавает».

Сахаров (румынский фронт): «Рыдая, вынужден...»

Через какое-то время соратники и единомышленники этих генералов встанут во главе белых армий в гражданскую войну. Надо ли удивляться, что они проиграют Ленину, Троцкому, Сталину, которые при всех очевидных пороках были

величайшими в XX веке гроссмейстерами революционных потрясений, борьбы за влияние на умы и души народных толщ. Да и для кровавого и жуткого, дьяволова дела войны эти неутомимые и одновременно взрывно энергичные «шпаки» оказались приспособленными куда лучше любого офицера.

«О русский народ, — писал в эти дни в дневнике Пьер Паскаль, — ты ищешь блага, а тебя обманывают всегда и всюду».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ССЫЛКА И ТЮРЬМА

ЦАРСКОЕ СЕЛО ТОБОЛЬСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Несколько страниц посвятил Брудкус тому этапу «хождений по мукам» (от ареста Романовых в Царском Селе до прибытия в Екатеринбург), когда «ни одного еврея возле семьи не появлялось»:

«История Французской революции оставила на вечную память потомству маленькое имя, окруженное величайшей ненавистью — имя сапожника Симона, терзавшего отданного ему на воспитание сына Людовика XVI, маленького дофина, колотушками, издевательствами и поруганием отца и матери несчастного мальчика.

...В нашей величайшей революции Симонов было — прудов не запрудить. Не было сословия, которое не выделило добровольцев, яростно стремившихся дорваться до бывших величеств и высочеств, чтоб сделать неприятность или гадость».

Он перечисляет российских «Симонов»: поручика Домодзянца, демонстративно не козырявшего арестованному полковнику Романову; поручика Ярынича, не протянувшего бывшему императору руку (царь спросил: «Голубчик, за что?»); офицеров охраны, требовавших, чтоб семью выстраивали им «на проверку».

Офицеры «окарауливали» царя на прогулке, наступая ему на пятки буквально: «Однажды царь отмахнулся от такого хулигана ударом трости назад». Солдаты подсаживались к болевшей царице, развальясь и куря; у наследника отобрали игрушечное ружье-монтекристо под предлогом «разоружения арестованных»; воровали продукты и вещи, а однажды ворвались в покои дворца с обыском: «шпионы», мол, сигнализируют вражеским самолетам из окна... За «сигнал» стража приняла тень качавшейся в качалке царевны (возможно, солдаты привыкли разоблачать таких же шпионов в еврейских местечках).

Брудкус цитирует показания коменданта, полковника Евгения Кобылинского, о самом моменте ареста царя:

«Когда на царскосельском вокзале Государь вышел из вагона, лица его свиты посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь, проникнутые страхом, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона Цабель. Сцена была некрасивой».

Профессор перечислил и других «сиятельств, которые грубейшим образом покинули семью со дня отречения царя и ни

разу не интересовались судьбой своих бывших благодетелей»: герцога Лейхтенбергского, флигель-адъютанта Саблина, «с коим семья буквально не расставалась», Мордвинова, «которого особенно любила царь», начальника конвоя Граббе и заведывавшего делами государыни графа Апраксина.

(«Аристократию, лицо которой три столетия и выражало собой лицо России, смело в один день, как не было ее никогда. Ни одно из этих имен — Гагариных, Долгоруких, Оболенских, Лопухиных — за эту роковую неделю не промелькнуло в благородном смысле, ни единый человек из целого сословия, так обласканного, так награжденного» — А. Солженицын.)

Если жизнь семьи Романовых в первые месяцы после ареста кажется все-таки благополучной по сравнению с тем, что ей пришлось испытать позже, то немалая заслуга в том принадлежит министру юстиции Временного правительства А. Ф. Керенскому.

Он почти сразу появился в царскосельском дворце и произвел тщательный обыск. Царь просил не трогать единственное письмо, сугубо личное, — вот его-то извольте министру подать! Но, как засвидетельствовали слуги царя, «в следующий визит Александр Федорович явился во дворец другим человеком, лучше понял характер Государя и Государыни»: стал заботиться о нуждах семьи, защищал ее от притязаний местного совета и наглой солдатни. Николай даже записал в дневнике, что «этот человек положительно на своем месте... Чем больше у него будет власти, тем лучше».

...В те дни сионист Владимир Жаботинский записал в дневник мысли лондонского собеседника, которого считал одним из самых проникательных политиков современности, южноафриканского премьера Яна Сметса:

«Россия, может быть, и падет, но немцы напрасно думают, что это им поможет. Самсон больше погубил врагов в час своей смерти, чем за всю жизнь...»

Керенский — святой человек. Но он адвокат: думает, будто мир — это судебная палата, где побеждает тот, у кого лучше аргументы. Вот он и аргументирует. А его противники копят динамит».

С первых дней революции министр делал все возможное для предотвращения казней и кровопролития, которых от власти требовали, по его определению, «взбунтовавшиеся рабы». Прилюдно изображая свирепого вешателя, он вырвал из рук солдат арестованных сановников и генералов и провел закон об отмене смертной казни — умышленно, чтобы предотвратить расправу с Николаем. Новый закон дал ему основание просить для Романовых политического убежища за границей, в Англии, у двоюродного брата монарха, короля Георга V.

Но британское правительство отказалось принять недавнего союзника и бывшего фельдмаршала королевской армии. Ведь

почему «добрый русский народ» свергнул Романовых с престола? Потому что царь был ненадежен в войне, готовил сепаратный мир с Вильгельмом. (К слову: положительное отношение Керенского к царю явилось следствием найденного в царских бумагах письма — отказа царя на предложение кайзера начать сепаратные переговоры о мире.) Запутавшееся в собственной лжи правительство Ллойд-Джорджа, подобно многим правительствам континента, отказало Керенскому в просьбе об убежище для Романовых. Николай же, судя по дневнику, отбирал вещи, которые возьмет с собой в Лондон.

В июле 1917 года Керенский сообщил Романовым о вероятном отъезде на юг, «ввиду близости Царского Села к неспокойной столице». Царь принял его объяснение спокойно: опытному политику была ясна уязвимость его резиденции после только что совершенной попытки мятежного переворота («июльских дней»)

Начались новые сборы, но за три дня до отъезда семья узнала, что направляют ее не в Крым, а в губернский город куда-то на восток. «А мы так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии» (из дневника).

Впоследствии Соколов зловеще намекал, мол, если бы Керенский не заслал Романовых так далеко, их можно было бы и спасти: спаслись ведь те из Романовых, кто жил на юге. Но вот что об этом спасении на Юге рассказал сегодняшний «старейшина» семьи великий князь Николай Романович:

«В Крыму, в нескольких километрах от Ялты, жили две сестры и мать царя, Мария Федоровна. Они были под арестом и одновременно под охраной севастопольского моряка Задорожного. Однажды на территорию дома приехал грузовик с солдатами, потребовавшими выдачи «царских лиц». Задорожный не выполнил их требований и заявил, что откроет огонь, если солдаты попытаются прибегнуть к силе. При этом он приказал выдать оружие отцу и другим находившимся здесь мужчинам. Отец запомнил слова Задорожного: «Мой долг перед советской властью — сохранить вас в целостности и сохранности». Кто отдал ему приказ?»

Итак, на Юге члены династии Романовых остались живы вовсе не потому, что там был некий безопасный регион: летом 1917 года на Северном Кавказе, например, джунгли убили многолетнего премьера Николая П Иванова Горемыкина. Романовы выжили, по свидетельству великого князя, потому, что те не желали сами отвечать за бессудную казнь членов царствующего дома. Без приказа из Кремля Романовых не убивали.

Керенский выбрал Тобольск как место ссылки разумно: поскольку выдворение в Сибирь традиционно считалось тяжким наказанием, отправка Романовых туда сразу же исчерпала интерес к «возмездию революции». О царе забыли — на что рас-

считывал премьер, не рассчитавший лишь ситуацию собственного крушения.

Перед отправкой двух поездов — с семьей и с охраной — Керенский сам инструктировал начальника охраны полковника Кобылинского: «Не забудьте, что это бывший император. Ни он, ни его семья не должны ни в чем испытывать лишения». От стрелков царскосельской охраны он, успев уже стать премьером, потребовал относиться к узникам гуманно: «Лежачего не бьют».

Семье позволили взять в Тобольск всех, кого она пожелает.

Несколько человек спасли в те дни честь русской аристократии. Обер-гофмаршал двора князь Валентин Долгорукий согласился поехать в Сибирь со ссыльным повелителем. Второй обер-гофмаршал поопасался (и можно ли в чем-то винить этого человека, наверно, догадавшегося о конце в ипатьевском полуподвале?). Тогда царь пригласил поехать с ними генерал-адъютанта Илью Татищева, служившего ранее личным его представителем при дворе кайзера. Узнав, что это не официальное предписание правительства, но просьба узника, Илья Леонидович ответил: «Большая честь, что Государь в несчастье соизволил вспомнить обо мне, и размышлять тут не о чем».

Поехала с семьей любимая фрейлина графиня Анастасия Гендрикова, и обер-лектриса Шнейдер, и учителя языков: английского — мистер Гиббс (впоследствии православный священник) и французского — месье Жильяр, добрый и честный человек. Оба учителя оставили интересные книги воспоминаний.

О Тобольске помимо учителя вспоминают полковник Евгений Кобылинский, его жена Клавдия Битнер, медсестра и классная дама (в госпитале она познакомилась с будущим мужем и с царицей, щипавшей там корпию). Клавдия поехала в Сибирь за мужем и преподавала царевнам русский язык, математику, географию. Но самые интересные мемуары об этом периоде жизни семьи принадлежат человеку, которого рассерженный на него Николай обозвал в дневнике «поганцем», — политкомиссару по делам охраны царской семьи, знаменитому экс-заключенному Василию Семеновичу Панкратову.

Панкратов — пролетарий с Семянниковского оружейного завода; в 80-х годах, защищая в схватке какую-то товарку-народоволку, убил жандарма и был приговорен к двадцатилетней каторге. Отсидев 14 лет в Шлиссельбургской крепости, вышел на ссылку, в 1905 году бежал, опять включился в движение и вновь попал в ссылку. Его безупречный в революционной среде общественный авторитет в 1917 году использовало Временное правительство: ознакомившись с документами контрразведки, именно он публично подтвердил, что на сей раз господа контрразведчики не ошиблись — через компаньона Парвуса, Якоба Ганецкого (Фюрстенберга), через госпожу Дору Суменсон и столичного адвоката Мечислава Козловского на счета большевиков из-за границы приходили огромные суммы денег.

...Впервые царскую семью без церемониального живого занавеса из лиц двора и свиты смогли наблюдать простые люди, которым нравились как раз те качества Романовых, что не ценило и не уважало обычное окружение Романовых — «по должности».

«Семья подкупала простотой и добротой» (Клавдия Битнер).

«В домашнем быту семья Государя производила отличное впечатление. Все были искренно связаны чувствами простой, бесхитростной любви друг к другу. Отношения родителей с детьми, отношения друг с другом были сердечные, полные любви и уважения. Вкусы были простые, отношение к окружающим тоже» (Пьер Жильяр).

Не нужно думать, что перед нами вывернутая наизнанку, но все та же традиционная слащавая идеализация фигуры доброго царя-батюшки: наблюдатели критически оценивали наблюдаемых. Кл. Битнер, отмечая предупредительность, корректность, «поразительную выдержку» Николая, говорила:

«Он, мне думается, совсем не знал народа. У него было такое отношение к народу: добрый, хороший, мягкий народ. Его смущали худые люди в этой революции. Ее заправилами являются «жиды». Но это все пройдет. Народ опомнится, и снова будет порядок». Государыня — «самая настоящая царица: красивая, властная, величественная... Добра и в душе смиренна. Народа своего тоже не знала и не понимала... Пришел из Омска какой-то отряд красноармейцев, она и говорит: «Вот, говорят, они нехорошие. Они хорошие, посмотрите, смотрят, улыбаются...»

(Это был первый по времени отряд, пришедший их убивать).

«...Однажды я с ней сильно и горячо поспорила, так что и я, и она расплакались... Она, не понимая совершенно солдат, их отношения, которого те не смели все-таки обнаруживать в глаза, стала выказывать свои мысли: народ хороший, а вот если бы офицеры были бы энергичнее, было бы другое... Так после всего, что свершилось за эту войну и революцию с Россией, мог говорить только человек, который не знает и не видит своего народа».

Очень важным представляется показание Битнер и о причине пылкой ненависти к кайзеровской Германии, которой Александра Федоровна заряжала мужа: «Она безусловно сильно и глубоко любила Россию. Оба они с Государем больше всего боялись, что их увезут куда-нибудь за границу... Я удивлялась какой-то ее ненависти к Германии и императору Вильгельму. Она не могла без сильного волнения и злобы говорить о них. Она мне много раз говорила: «Если бы вы знали, сколько они сделали зла моей родине». Она говорила про свое герцогство».

Герцогство Гессен-Дармштадтское в австро-прусской войне было союзником Австрии, вместе с ней потерпело поражение и было против воли своих повелителей присоединено к созданной Прусским королевством Германской империи. Видимо,

Александра Федоровна, как многие южногерманцы, ненавидела бисмарковских юнкеров, их высокомерную, дьявольскую гордыню, которая дважды привела великий центральноевропейский народ к катастрофе — для него самого и для всей Европы (С трудом верится, но даже летом 1918 года, когда Романовых уже расстреливали в Екатеринбурге, в Берлине планировали тотальные захваты в окружающих странах — у Бельгии и Франции, Польши и Румынии. Прибалтики и Украины, Сербии и Албании... Это у них называлось соблюдением «довоенного статус-кво»! Воистину германские военные были ужаснее российских. Когда узнаешь про это, лучше понимаешь самоубийственное упорство супругов Романовых в войне).

Как парадоксально переплетаются исторические ходы: схватка России с Германией явилась в какой-то ничтожной мере искрой реванша Южной Германии за старинное поражение от Бисмарка.

...Пока караул стрелков повиновался Кобылинскому, жизнь семьи в Тобольске протекала, относительно конечно, спокойно. Селение относилось с приязнью, стрелки, предупрежденные Керенским, не стесняли; можно было вольно общаться с горожанами, посещать церковные службы. Даже октябрьский переворот не вызвал изменений: расчет Керенского оказался верным, большевики забыли о сосланных Романовых.

Роковой конфликт возник на Рождество, 25, по старому стилю, декабря 1917 года.

Местный священник о. Алексей Васильев провозгласил с амвона, как всегда делалось до революции, «многая лета самодержавнейшему Государю Императору!».

Полковник Кобылинский в показаниях следователю назвал поступок священника «настоящей провокацией»: он стал поводом для бунта стрелков охраны против семьи Романовых и начальника.

Уже с ноября выказывали солдаты недовольство: им перестали выплачивать обещанное Керенским щедрое жалованье. Кобылинский залез в долги к местным тузам, доверявшим пока что кредитоспособности бывшего государя и представителя Временного правительства. Как-то расплачивался командир с подчиненными, но, конечно, далеко не полностью.

Ектения с амвона отца Васильева дала революционный повод накопившемуся раздражению: стрелки заявили, что полковник, мол, нарочно отсылает их из церкви, когда там «ведут монархическую пропаганду», что он, может быть, сам контрреволюционер, что Панкратов и этому офицеру, и царской семье мирволит как «временных министров-капиталистов» комиссар: было решено впредь контролировать обоих комитетом.

Комитет постановил: больше семью в церковь не пускать. Кобылинский просил разрешения — пускать на двенадцатые праздники. Комитет постановил: пусть, если хотят, устраивают

службы дома, но в присутствии караула. И солдаты проникли в жилище семьи (бывший дом губернатора), чего раньше полковник старался не допускать. А проникнув, начали по мелочам издеваться над узниками. То разрушат ледяную горку, которую дети Романовых сделали, чтобы развлекаться в заключении, — «с нее город за забором виден, может, побег задумали!»; то на качелях часовой вырезал ножом известное слово из трех букв. Наконец, солдат принес полковнику постановление: снять с мундиров погоны, этот позорный символ старого режима! Комендант не за себя беспокоился: это царственный его узник по привычке носил полковничьи погоны. Как ему передать?

— Не подчинится Николашка, я сам с него их сорву...

— А если он тебе за это по физиономии даст?

— Тогда и я ему дам.

Кобылинский еле-еле отговорил солдата ссылками на Москву, на дипломатические осложнения («У него все европейские цари и короли родня!»), а потом попросил у пленника аудиенции:

— Ваше величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше быть вам полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу.

«Государь обнял меня за спину одной рукой, на глазах у него навернулись слезы. Он сказал: «Евгений Степанович, от себя, от жены и детей я очень прошу вас остаться. Вы видите, мы все терпим. Надо и вам потерпеть».

Потом он обнял меня, и мы расцеловались. Я остался и решил терпеть».

Самым опасным из поступков солдат оказалось свержение комиссара Панкратова: 24 января 1918 года его заставили выйти в отставку и послали делегацию в Москву, во ВЦИК Советов, с просьбой прислать им нового, большевистского комиссара. Вот тут-то в Кремле и вспомнили, что существует проблема не только «Учредилки», но и монархии, надо решать ее по-революционному!

Нарком государственных имуществ Владимир Карелин (левый эсер, будущий начальник ИНО ПУ УССР и свидетель обвинения на процессе Бухарина) прислал распоряжение: резко сократить расходы на содержание семьи (на каждого — «солдатский паек»). Семья уволила десять человек, поехавших за хозяевами в ссылку. (Может, это оказалось и во благо, спасло кому-то жизнь?) Нарком внутренних дел Григорий Петровский распорядился объявить арестованными не только семью, но и отправившихся за ней в ссылку свитских (Долгорукова, Татищева, Гендрикову, Шнейдер); солдаты же на радостях арестовали всех обитателей дома вообще — учителей и прислугу. Новые арестанты «уплотнились»: сенная девушка Демидова у себя поселила за занавеской Долгорукова с Татищевым, например, но ни одного аршина жилья у своих хозяев свитские не заняли.

Сократив расходы на узников, Совет Народных Комиссаров увеличил зато расходы на жалование стрелкам. Его ушестерили. «Все солдаты сразу стали большевиками», — рассказывал Кобылинский. Впрочем, все равно ведь ничего никому не платили: жалование выписывалось стрелкам только на бумаге.

Новый президент России, Яков Свердлов, пообещал солдатским делегатам, мол, к ним пришлют нового комиссара.

«Разнесся слух, что придет сам Троцкий».

...Здесь представляется уместным объяснить причины солдатского бунта против узников.

Субъективно виноват был Панкратов. Он разделял народнические предрассудки своего бывшего государя: хороший, мол, добрый у нас народ. (Ему это все-таки простительней, как-никак был ветераном-народником.) Внушая стрелкам, что нужно быть с семьей гуманными, он одновременно объяснял, что они-то, крестьяне, и есть соль земли, их воля — Божья воля, ибо она есть народная воля, ну и прочие аксиомы семидесятников.

Темные парни вдруг услышали, что образованные-то господа хотят от них узнать, где правда-истина на Русской земле. Тогда стрелки прогнали своего учителя с его детскими понятиями «лежащего не бьют» и обратились за советом к тому, кто понимал их желания намного лучше, к товарищу Якову Свердлову.

Когда-то Алекс Токвиль, изучая историю французской революции, зафиксировал, что народ ненавидел аристократов не у власти, — тогда их, напротив, в массах уважали. Ненависть возникла позднее, когда аристократия потеряла свои привилегии, включая право эксплуатировать крестьян: «Преследование теряющих силу общественных групп, возможно, некрасивое зрелище, но объясняется оно не только человеческой низостью. Люди подчиняются власти и терпят ее — или, наоборот, ненавидят потерявших власть богачей — в силу разумного инстинкта, подсказывающего, что власть есть функция, существующая в обществе на благо всех. Даже эксплуатация и подавление обеспечивают общественный порядок. Зато богатство без власти и без участия в политике воспринималось людьми как чистый паразитизм, бесполезность и ненормальность: подобное явление воспринималось как парадокс, как нарушение нормального баланса общественных связей».

Именно такой вылепилась в истории российской Народная Воля, какой за 130 лет до нее Народная Воля французская.

События в Тобольске развернулись, однако, не так, как виделось наивным солдатам. Вскоре после возвращения их делегатов от Свердлова сюда же в Тобольск вместо долгожданного большевистского комиссара прорывались с боями (по их рассказам) два вооруженных отряда: один из Омска, другой из Екатеринбурга. Во главе последнего стоял комиссар Заславский.

«Раза два у Соколова мелькает фамилия третьего еврея, Заславского, — замечает Бруцкус. — Но тут уже было такое

ничтожество, притом убийствам в Алапаевске и Екатеринбурге совершенно чуждое, что Соколов, назвав этого Заславского «важным деятелем», более его не упоминает, не пояснив толком, что такое учинил Заславский, не потрудившись приставить ему явно звучащее еврейское имя, Хаима или Янкеля. Просто еврей Заславский, без особой надобности выскочивший на страницы следствия об убийстве царской семьи».

Бруцкус в этом случае прав — и неправ.

Прав, когда обвиняет Соколова в дурном ведении следствия, в том, что в сочиненном деле Заславский выглядит ненароком выскочившим фигурантом, вставленным из-за еврейской фамилии.

Неправ, когда думает, что Заславский вообще непричастен к делу. (Ему в голову не пришло, что, напав на след действительного, а не сочиненного еврейского кандидата в царубийцы, юрист упустил такой след. Он тоже переоценивал Соколова как профессионала.)

Между тем Семен Заславский оказался первым человеком, посланным большевиками из Екатеринбурга, чтобы убить Романовых в ссылке. В Тобольске.

ЗАГОВОРЩИКИ

Оба прибывших отряда, захватив и поделив власть, стали требовать от отряда особого назначения (царскосельских стрелков) выдачи им Романовых. Больше всех старался Заславский: распускал слухи о готовящемся побеге семьи и предлагал перевести их «на гору» — в Тобольскую тюрьму.

Царскосельские солдаты категорически отказали. Во-первых, отвечали за узников по закону все-таки они, а не омичи с уральцами. Во-вторых, им не хотелось перебираться из уютных окрестностей губернаторского дома в тюремные казармы.

Хотя стрелков насчитывалось человек триста, а красноармейцев свыше полутора тысяч, но кадровые солдаты не боялись «этой сволочи», а те не смели задирать столичных гордецов.

Но зачем вообще большевики прислали столь сильные части в далекий Тобольск? Что за срочная возникла причина?

...Эту главу я не могу продолжать, не предупредив читателя о дурном и ненадежном качестве тех источников, на которые вынужден буду ссылаться.

Главными источниками сведений по теме царубийства до недавнего времени мне служили две книги: из изданных за пределами России книга Николая Соколова, а из советских — книга Марка Касвинова. Для нынешней же главы они и до сих пор мои единственные источники информации.

Между тем оба автора, несмотря на зеркальную противоположность их политических позиций, методологически напоминают заглавного персонажа солженицынского «Ленина в Цюрихе»: «...он видел выводы своих книг исключительно рано, еще не садясь писать их». Что белый, что красный, оба автора в этом смысле оказались истинными ленинцами.

Вот вам несколько образчиков — для наглядности.

Исходный вывод Касвинова: все, что делали Романовы, изначально было гнусным. Узники мечтали освободиться? «Мечтали о реванше». Узники читали, учились, учили детей? Мещане, заняты мелкими личными делами. Царица держалась горделиво? «Не понимает, что ее времена прошли». Царь, напротив, вел себя легко и доступно? Понятно: высматривал таким способом лазейку для побега. Царевич, оказывается, делал много грамматических ошибок в дневнике — и такого безграмотного мальчика они готовили нам в цари?! Царица говорила «с тяжелым немецким акцентом», — неужели после этого

вы будете ее жалеть? А когда написала брату, герцогу Гессенскому, с просьбой о помощи — ну, это уж каждому понятно: вмешивала иностранцев в наши внутренние дела. Вообще немка.

Вот характерный для метода и позиции Касвинова эпизод. Получив назначение в Тобольск, комиссар Панкратов отправился к старейшине своей партии, «бабушке русской революции» Екатерине Брешко-Брешковской.

«Смотри, Василий, — наставляла его эсерка, — ты сам все испытал, пойми и их испытания. Ты человек, и они тоже люди». Как это надо понимать? А так, что старый революционер Панкратов не был виноват в своей, как сказано в тексте, «пошлой гуманности»: это его «эсеры обработали, настроили против большевиков, обратили в свою помещанскую веру».

Следует эпизод, иллюстрирующий пошлость и мещанство комиссара Панкратова: царь, заинтересовавшись его мемуарной книгой, просил рассказать про его жизнь своим детям. Он думал научить их стойко переносить несчастья на «живом примере».

«Какая странная игра судьбы! Почти всю жизнь быть гонимым, считаться врагом династии. Но вот условия меняются, и этот вредный человек приглашается в наставники детей бывшего самодержца, — вспоминал комиссар. — Эта семья задыхалась в однообразии дворцовой атмосферы, испытывала духовный голод, жажду встреч с другими людьми, но традиции, как гиря, тянули ее назад».

Панкратов также посоветовал Клавдии Битнер провести урок литературы по «Русским женщинам» Некрасова и вспоминал, какой близкой показалась великим княжнам поэма об аристократках, уехавших в Сибирь за близкими людьми, политическими узниками:

«Как раньше никто не говорил, что у нас есть такой чудный поэт!»

После чего историк Касвинов комментирует этот эпизод мемуаров:

«У эсеровского уполномоченного хватило неуважения к самому себе, чтобы из истории своих страданий на каторге и в ссылке сделать развлечение для того, кто олицетворял этот сад пыток... За любезную улыбку своего поднадзорного эсеровский уполномоченный готов ему все простить».

Отсюда и судьба пошлого Панкратова: «Двусмысленное поведение привело солдат к разочарованию в нем».

О предубежденной позиции и методах Соколова много писалось выше, не будем повторяться. Но — без книг этих двух авторов пока никто о царевубийстве писать не может, ибо только они были допущены ко многим документам, все еще засекреченным в каких-то архивах. (В частности, Соколов пользовался теми 6-ю томами следственного дела, которые не поступили ни в Гарвард, ни в «Посев».) И только у этих сочинений есть ин-

формация о заговорах с целью освобождения Романовых, которые дали повод для отправки первых красных отрядов в Тобольск.

Борис Брудкус: «Поводом послужили слухи, что монархисты готовят увоз Царской семьи, что, во всяком случае, какие-то правые организации работают в Тобольске и Тюмени в пользу Романовых... И Москва стала принимать меры. Знай, однако, Ленин, кто был спасителем царя в Тобольске, он не всполошился бы и судьба Царской семьи решена была бы иначе... Нам нет надобности приводить свои доказательства, что организация спасения Царской семьи была вся основана на мошенничестве, провокации и предательстве... причем лицами, о происхождении которых Соколов не решится сказать, что оно ему неизвестно, что они, «по-видимому, русские». Нет, преступниками, нажившими воровским способом деньги на Царской крови, были истинно русские люди, и во главе их стоял служитель православной церкви...» Факты эти установлены самим Дитерихсом. Указав, что спасителями Романовых выступали себя молодые офицеры, рассчитывавшие впоследствии извлечь из этого выгоду, Дитерихс продолжает (в подлиннике ч.1, стр. 70):

«Были и другого направления организаторы... Совершенно загадочный и своеобразный характер их работы сильно походил на крупную и преступную провокацию и даже предательство по отношению к Их Величествам. Один из таких спасителей, капитан Борис Николаевич Соловьев, муж дочери Распутина, Мары, сидел в Тюмени и не пропускал в Тобольск приехавших из России с деньгами для царя и поручениями, требуя передачи посылок ему, а тех, кто уезжал в Тобольск вопреки его запрету, выдавал большевикам... Соловьев сам хвастал, что по его доносу были расстреляны большевиками два офицера и дама».

Кто были эти упомянутые Брудкусом и Дитерихсом «молодые офицеры, выступавшие себя спасителями царя»? Их патроном оказался правый депутат Марков-2-й, а руководителем — ротмистр Сергей Марков, уверявший потом, что побега не произошло, ибо сам царь против него возражал. Вот, однако, свидетельство другого современника, бывшего корниловца, впоследствии писателя, редактора нью-йоркского «Нового журнала» Р. Гуля, разговарившегося с экс-адъютантом Керенского Вороновичем:

«Воронович говорил, что, когда Государь с семьей были отправлены из Царского в Тобольск, в Петрограде создалась группа офицеров, поставившая задачей организацию побега из Тобольска. У Вороновича с этой группой была связь, и он сказал мне, что на подготовку побега семьи Государя передал этой группе офицеров два миллиона рублей, полученных от Керенского из секретных фондов».

Гуль спрашивал и самого Керенского («Ничего не знаю. После смерти мои архивы будут опубликованы»), и его близкого

друга, бывшего министра Иракия Церетели («Знаете, это на Александра очень похоже»). Воронович потом объяснял Гулю, что попытка не удалась, потому что офицеры разворовали и прокутили ассигнованные премьером на побег суммы: «Если бы я знал, как дело обернется, сам бы все сделал».

Другая организация «спасителей» возникла в Сибири — в Тюмени, ближайшей железнодорожной станции к тогдашнему Тобольску, и возглавлял ее зять Распутина, офицер Борис Соловьев, а в самом Тобольске священник Алексей Васильев. «В свой центр в Петербурге о. Васильев и Соловьев доносили, что у них на месте 300 человек, новых людей посылать не надо, но требовали все новых и новых денег — для царской семьи и для организации» (Борис Бруцкус).

В памяти Аркадия Столыпина, сына бывшего премьера, сохранилось, как в дом его родственника, Штейна, собиравшегося в Сибирь, ночью пришел некогда уволенный царем за конституционалистские симпатии министр земледелия Кривошеин и принес ему деньги: «Бога ради, спасите их!»

«Отец Васильев передал Государю незначительную сумму денег, которая потом, по сличении с суммами, присылавшимися ему и Соловьеву, оказалась совершенно ничтожной. Вот это и были те заговорщики, которые готовились свалить трон Ленина. У страха, однако, глаза велики, и Ленин решил увезти Романовых из опасного гнезда контрреволюции», — подвел черту Бруцкус.

Оба источника — и Соколов, и Касвинов — демонизируют каждый по-своему «освободителей» семьи. Для Соколова Распутин есть несомненный германский агент, следовательно, его зять тоже был германским агентом. Доказательств никаких, и тогда Соколов совершает одно из самых отвратительных следственных деяний — в моем личном восприятии. Пользуясь тем, что, согласно полномочиям юриста, он имел право влезать в личную жизнь подозреваемого, читать его письма и дневники, спрашивать об интимных аспектах быта, Соколов опубликовал выдержки из дневника офицера для «общей характеристики личности», как сие называется на их птичьем языке. Обращец:

«Продолжая жить с ней, надо требовать от нее хоть красивого тела, чем не может похвастаться моя супруга. Значит, просто для половых сношений она служить мне не может, есть много лучше и выгодней».

Тут же выдержки из дневников Мары (Матрены) Распутиной — даже не свидетельницы по делу:

«Раз его с малых лет не воспитали и не научили, он мне много говорит неправду. Буду надеяться, что Господь его исправит».

Это — улики по обвинению в германском шпионаже!

Касвинов изобличает тюмено-тобольских «заговорщиков» в работе на других покупателей их информации, и его версия выглядит правдоподобней. Но обмарать грязью офицера и свя-

щеника являлось все-таки его сверхзадачей, и для исполнения ее он мог прилгнуть на Соловьева и на о. Васильева.

Оговорив это, приступаю к цитированию:

«Шло дело гладко, поручик и священнику были друг другом довольны. Плывущее в руки мирно делили, по-хорошему. Но случилось однажды расхождение в расчетах. Служитель культа обнаружил, что партнер его обкрадывает... и с воплем: «Караул, ограбили!» отец Алексей побежал жаловаться. И кому же? Боже праведный! Комиссарам Совдепа!

Вовремя учуяв, что предстоит объяснение в ЧК, поручик не стал терять времени: уложил в чемоданы свои накопления как денежной наличностью, так и ювелирными изделиями, и вместе с Матреной подался на восток. Угодили они вскоре в расположение воинства атамана Семенова. Здесь поручик сделал неверный шаг: предложил наложнице атамана Серафиме Маевской царский кулон за 50 000 рублей. Атаману сделка показалась слишком сложной и дорогой, он ее упростил и удешевил: приказал поставить Соловьева к стенке как большевистского агента... В последний момент Матрена спасла жизнь супругу, отдав Семенову всю бриллиантовую коллекцию, вывезенную из Тюмени».

По версии Касвинова, группа Соловьева и о. Васильева была уголовной шайкой, выманивавшей деньги и ценности как у жертв, так и у посылавших деньги на «спасение». В это, пожалуй, вписывается рождественское богослужение о. Васильева: от него могла потребоваться демонстрация личной преданности.

Самое важное у Касвинова — резюме: «Жалоба суетливого попа открыла тобольским советским организациям кое-что не лишнее значения». До чего знакомый мне служебный стиль...

Другая информация, встревожившая, по Касвинову, Москву:

«Екатеринбургскому рабочему И. П. Логинову довелось разговаривать в Тобольске с солдатом охраны. Тот проболтался: полковник Кобылинский, сказал он, кой-кого в батальоне предупредил, что как только сойдет лед и шхуна «Мария» сможет сдвинуться с места, солдаты конвоя поедут по домам, «охраняемые... того... уплывут, и догонять их будет некому».

Про сообщение о. Васильева в Совет (или в ЧК?), как и про донос рабочего И. Логинова, не найдено никаких сведений ни в деле, ни в других документальных источниках. Касвинов явно пользовался «закрытыми» материзмами, к коим был допущен. Можно с одинаковой верностью предположить, что такая информация существовала — тогда ясно, почему Свердлов в это примерно время настаивал на эвакуации узников до ледохода во что бы то ни стало — как и то, что, существуя, она была ложной: если бы Кобылинский действительно планировал освобождение царской семьи, он не скрыл бы этого факта в показаниях белому следователю.

Но, как бы ни было, доносы напугали Кремль. И вот по приказу Москвы в Тобольск и двинулись два отряда — с боевой задачей захватить царя. Неожиданное сопротивление стрелков охраны остановило, однако, красную гвардию.

Противостояние столичного и урало-сибирских отрядов длилось до 22 апреля, когда в Тобольск в дополнение к екатеринбургцам и омичам прибыл новый красный отряд, составленный на этот раз из уфимцев. Во главе ехал комиссар, о прибытии которого Свердлов предупреждал в Кремле царскосельских стрелков:

особоуполномоченный ЦИКа Советов РСФСР, старый революционер Василий Васильевич Яковлев.

СКАЗАНИЕ О ЯКОВЛЕВЕ

Он побывал в нашем сюжете примерно неделю.

22 апреля 1918 года прибыл в Тобольск. 25-го встретился с Романовыми.

30 апреля на вокзале Екатеринбург-2 (ныне ст. Шарташ) передал царскую семью екатеринбургским комиссарам.

И попал в историю навсегда. Краткая хроника событий этой недели: прибыв в Тобольск, завоевал доверие охраны и получил царя для эвакуации в Екатеринбург. Появившись с императорской четой и одной из великих княжен на ближайшей к Тобольску железнодорожной станции Тюмень, неожиданно повернул спецпоезд не в сторону Екатеринбурга, а в противоположном направлении, на восток. Объявлен Екатеринбургским Советом изменником революции. В Омске его поезд задержан отрядами красной гвардии. Яковлев поворачивает обратно и отдает пленников под расписку Екатеринбургскому Совету. Возвращается в Москву.

Дальнейшие события его жизни — штрихи на полях специальных исследований: командарм и комиссар, потом только комиссар Второй армии красных. «Темной осенней ночью» (М. Касвинов) переходит на сторону войск Учредительного собрания — ему обещают там не мстить за прошлое. Арестован белой контрразведкой: «Здесь он и пропал» (Н. Соколов).

Для Соколова сюжет ясен: с помощью Яковлева «немцы уволили Государя с семьей ближе к расположению своих сил».

Какие основания у юриста бросить тяжкое обвинение в государственной измене большевистскому комиссару?

Прошу не подозревать меня в преувеличении, а недоверчивых самим посмотреть книгу Соколова. Причина обвинения такова: Яковлев понравился царю. («Это человек неплохой, прямой, он мне определенно нравится».) Царь был многоопытным политиком, четверть века учившимся, управляя державой, разбираться в людях. Мог ли такому человеку понравиться большевик? Нет. Большевик, если он не был евреем, являлся отбросом русского общества, продавшимся евреям. Следовательно?.. Правильно: следовательно, Яковлев не был большевиком. Кем же? Кто был настолько силен, чтобы отправить посланца с вооруженным отрядом и мандатом за подписями Ленина и Свердлова спасать царя? Пожалуйста, вам предлагается выбор: либо правители Центральных держав, либо лидеры Антанты. Николай Соколов предпочитал (чисто интуитивно) кайзера: «Государь правильно понял Яковлева... Скрываясь под маской большевика,

тот пытался увезти царя и наследника, выполняя немецкую волю».

Версия Н. Соколова была впоследствии подправлена В. Александровым, американским журналистом. Поскольку архивы германских разведслужб с годами открывались и никакого агента «Яковлева» в них не обнаруживалось, Александров предложил читателям запасной вариант из указанных выше: загадочный Яковлев «состоял на британской службе». Журналист ссылается на книгу некоего де Куэ «The tragic Tsarina» (я не читал ее): «Этот резидент с канадским паспортом и квазиреволюционной эсеровской репутацией на политическом счету», этот Яковлев был послан в Россию «Интеллидженс сервис». Александров соглашается с де Куэ: «Нет ничего невероятного, что британская разведка обзавелась в рядах русских революционеров вторым сверхшпионом» (первым посчитал легендарного героя историко-революционных фильмов и западных сериалов Сиднея Рейли, что меня лично заставляет думать: может, Сидней Рейли тоже был обыкновенным большевиком, а никаким не шпионом?).

Касвинов изложил еще один, советский вариант яковлевской легенды. Его нетрудно угадать, если вспомнить, что Яковлев перешел в 1918 году на сторону белых.

Историк, увы, не смог установить настоящей фамилии этого «некто», «некоего» Яковлева, служившего, между прочим, командармом и особоуполномоченным ВЦИКа: прямо-таки тайной гражданина Коровьева повеяло от его происхождения. То он уфимец Константин Мячин, то киевский купеческий сын Москвин, то отпрыск рижского инженера Зариня... В журнальном варианте «23 ступеней» комиссар так и зовется: Яковлев-Заринь. Понимаете, кто он? Рижанин...

В отличие от фамилии, партийная принадлежность зато сомнений не вызывала: «В разгар революционных событий пятого года вступил в партию эсеров... бежал за границу».

За границей жил в Германии (бюро фон Николаи!) и Канаде (британский доминион, т. е. «Интеллидженс сервис!»). В Россию вернулся через «Стокгольм, тогда главную явку международного шпионажа. К удивлению многих эмигрантов, пробиравшихся в Петроград, бумажник Яковлева был переполнен банкнотами» (к удивлению Ленина, тоже пробиравшегося через «стокгольмскую явку мирового шпионажа»?) Касвинову известно и то, каким способом Яковлев получил в свои руки мандат на вывоз царя из Тобольска: «В 1917 году он вертится в окружении эсеровских лидеров, сначала Бориса Савинкова, потом полковника Муравьева», Марии Спиридоновой, Бориса Камкова (Каца) и Израиля Штейнберга: «Существуют указания, что на назначении Яковлева особоуполномоченным ВЦИКа настоял ЦК левых эсеров».

Нужно ли объяснять нелепость того, чтобы Свердлов поручил важнейшую политическую миссию функционеру оппози-

ции! (Прошел уже месяц, как левые эсеры после Бреста вышли из правительства.) Или, напротив, чтобы англичане или там немцы поручили кому-то похитить царя с семьей из Тобольска после того, как официально отказались принять Романовых легальным способом? Но — «попытка не удалась, авантюра провалилась. Дерзкое кружение по сибирским железным дорогам двойного шпиона-диверсанта, называвшего себя Яковлевым (я ничего не прибавляю к цитате. — М. Х.), кончилось ничем».

После начала перестройки вдруг стало ясно, что в новой нравственно-политической ситуации невыгодно держать Яковлева в латышах и эсерах: ведь он спасал доверенных его попечению узников. Значит, решение о расстреле действительно принимали жестокие екатеринбуржцы, которых судьба 20 лет спустя и покарала, а вот посланец Кремля, человек с мандатом от Ленина и Свердлова, гуманно противился бессудному убийству.

Тогда историк Генрих Иоффе, автор книги «Великий Октябрь и эпизод царизма», сумел открыть: псевдоним «Яковлев» принадлежал не Москвину, не Зариню, а действительно нашему Мячину, не в Уфе родившемуся даже, а в коренной глубинке — селе Шарлык Оренбургской губернии. И был он не эсером, а всегда-всегда большевиком, руководителем «Боевого отряда народного вооружения», экспроприатором оружия, динамита, шрифта и, разумеется, денег. (Мячин послужил Горькому прототипом для грабителя почтового поезда в «Жизни Клима Самгина»: было захвачено 200 тысяч рублей.) В 1909 году, раздобыв паспорт студента Яковлева, Мячин с товарищами ограбил поезд с золотом на станции Миасс: они захватили сто тысяч. «По отношению к врагу, — вспоминал сей персонаж старинного голливудского фильма, — все средства были хороши».

Поскольку среди охраны оказались убитые, Столыпин повелел «добыть их буйные головы», 13 боевиков были полицией схвачены, но Яковлев, отстреливаясь, ушел — с деньгами — и передал их в кассу Большевицкого центра. На них-то открыты были знаменитые партийные школы на Капри и в Болонье, где сам грабитель числился слушателем под кличкой «Антон» (лекторами были Горький, Луначарский, философ и романист Богданов). Потом «Антон» вернулся в Россию, чтобы ограбить киевское казначейство («нужны были деньги на открытие новых партийных школ», — эпически повествует об этом Г. Иоффе), но его явку выдали полиции, и он снова бежал за границу.

«Для Яковлева началась шестилетняя эмигрантская жизнь, — пишет Г. Иоффе, — об этом периоде его жизни известно очень мало».

Но кое-что можно вычислить. В год начала его эмиграции состоялась так называемая Пражская конференция РСДРП, узурпировавшая власть в партии в руках Ленина: никого из прежних партийных лидеров, кроме самого Ленина, не избрали

в новый ЦК — не только меньшевиков, но и старых большевиков. Засияли новые политические фигуры, мало до тех пор известные «практики» из провинций: в семичленный ЦК вошел, например, представитель Урала «товарищ Андрей» (Яков Свердлов), кооптировали и кавказского товарища, вожака экспроприаторов «товарища Кобу» (Иосифа Сталина) и, в отличие от кооптированных, законно избрали в ЦК и в его русское бюро (аналог будущего секретариата ЦК) еще одного нового лидера, «товарища Филиппа» (запомните, пожалуйста, это имя, важное для развития нашего сюжета), Исаю Голощекина.

А Василий Яковлев, слушатель каприйской школы, т. е. человек, связанный с потерпевшим поражение старым Большевским центром, ушел в тень. Известно только, что работал он после Пражской конференции не в Германии или Канаде, а в Бельгии. После начала первой мировой войны германские оккупанты интернировали его как гражданина враждебного государства.

Возвратился он в Россию весной 1917 года и был назначен на должность... заместителя хранителя библиотеки Генерального штаба. Объективные показатели для занятия должности имелись: владел свободно немецким, английским, французским, хорошо знал электротехнику и корабельное дело. Но, думается, главную роль в необычном назначении сыграли старые связи.

Г. Иоффе, не называя имени, иронизирует над Касвиновым, как же, мол, тот не сумел установить, где и кем был Яковлев в октябре 1917 года: большевистским комиссаром Центральной телефонной станции (смотри фильм М. Ромма «Ленин в Октябре»), упомянут он и в бумагах Ленина («5.30 — телефон Яковлева. Комиссар»). В это время он несомненно хорошо узнал своего босса, комиссара Военно-революционного комитета по делам внешней и внутренней связи вышеупомянутого Голощекина.

В конце января 1918 года на Южном Урале возникает антисоветское восстание казачьего атамана Александра Дутова. Свердлов, хорошо знавший Мячина-Яковлева по Уралу, направляет его главным воинским начальником (облвоенкомом) в Уральскую область. Но Уральский Совет «уже утвердил на этом посту видного большевика И. Голощекина, и председатель Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии аннулирует уже выданный Яковлеву мандат... Пришлось Яковлеву ехать в Уфу» (Г. Иоффе).

Эти сведения советского историка любопытны. Дело в том, что во всех без исключения западных исследованиях Филипп Голощекин (обратите внимание, что Иоффе дает ему подлинный инициал — «И.») изображен как глава де-факто екатеринбургских комиссаров, «око Москвы» на Урале, эмиссар Кремля на востоке. В основе таких суждений лежат предположения Соколова об особой личной дружбе комиссара-еврея с двумя глав-

ными евреями в большевистской головке — Свердловым и Зиновьевым. Но если верить данным Иоффе, то как раз не Голощекина, а Яковлева намечал Свердлов на роль «своего ока» в регионе. Голощекин же занял пост волей екатеринбургских большевиков... Этот нюанс объясняет некие загадки в нашем сюжете.

Какова была в тот исторический момент (середина весны 1918 года) специфика политической ситуации в Кремле?

Учредительное собрание разогнано, заключен Брестский мир, правит Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Программа Ленина, поднявшая партию на захват власти, была такой: «Если бы революция поставила нашу партию у власти, мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения всех колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы при теперешних правительствах этих условий. Тогда мы должны были бы подготовить и провести революционную войну, т. е. не только провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и... поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы».

.. Шутница-история поставила эту партию у власти, и тогда практический политик предложил товарищам не начинать «революционную войну», а, пользуясь его терминами, заключить с Германией «грабительский, похабный аннексионистский мир». Авторитет Ленина, согласившегося удовлетворить аппетиты германской военщины, невероятно упал в партии. (Тем более, что, как выяснялось с каждым месяцем, его противники оказались правы в главном: мир не принес ни окончания войны, ни даже новых границ. Германские войска продолжали двигаться на восток, захватывая все, что соблазняло их генералов.)

Что думали меньшевистские противники Ленина в то время, можно узнать из показаний в деле генерала Кислицына:

«Большевизм в России был создан немцами, их командованием... Ленин и Троцкий их агенты, посланные к нам для развала России». Но даже в собственной большевистской фракции, например, в Моссовете, из 400 большевиков за Лениным шло в те дни... 13.

Ленин же твердо верил, как царица Александра Федоровна:

«Когда она говорила про революцию, то говорила с полным убеждением, что такая же судьба постигнет Германию. У ясно чувствовала эту ее мысль: революция в России не без влияния Германии, но она поплатится сама тем же, что сделала с Россией. И ясно было видно, что эта мысль радовала ее» (показания Кл. Битнер).

Редко когда-либо и какой-либо политический вождь подвергался такому колоссальному давлению со всех сторон, как Ленин весной 1918 года (В ситуации, когда надо заставить отступить, и проверяется подлинная сила характера и способности вождя: нестись на гребне наступления может любой демагог.)

Завязывались постоянно все новые политические комбинации: вслед за Лениным ангажироваться у фон Кюльмана пробовали лидер эсеров и председатель разогнанного Учредительного собрания Виктор Чернов, председатель исторически самой авторитетной — кадетской — партии Павел Милюков, последний защитник Временного правительства атаман Всевеликого войска донского Павел Краснов. В любой момент кайзер, фон Кюльман и К^о могли предпочесть Ленину иных партнеров. Взбунтовался его единственный политический союзник — левые эсеры; против вождя выступило большинство местных органов власти в городах — советов плюс главные организации собственной его партии.

Ведя сложнейшую игру, вроде бы во всем уступая немцам, но одновременно сковывая на востоке необходимую для оказания на него политического давления германскую полумиллионную армию, почти 25% сил фон Гинденбурга, и тем самым обрекая Германию на неизбежное военное и политическое поражение, Ленин использовал все карты, даже самые малые, которые были в его руках. Свою инициативу в политическом покере он оттягивал до того момента, когда Красная Армия получит возможность ворваться в Берлин, главную его мишень. И одной из мелких, но все же «картинок» оказалась в этом раскладе политических мастей семья, состоявшая в кровном родстве почти со всеми династиями Европы.

«Большевики в широчайших размерах практиковали средства из арсенала власти мрачнейших времен средневековья: тайные судилища, бессудные казни, пытки и особенно заложничество были любимыми приемами ленинской администрации, и можно себе представить, как смаковали в Кремле идею запутать немцев и белых генералов угрозой убить объявленных заложников членов Царской семьи — царя с царицей, юношу-наследника, молодых девушек-княжен» (Б. Бруцкус).

Наилучшим местом для заключения Романовых считался в Кремле Екатеринбург, одинаково далекий от наступавших с запада германских войск, от высадившихся на севере англичан, от восставших на Юге казаков.

Но был у этого географически наивыгоднейшего пункта один немалый недостаток: власть в нем принадлежала коалиции левых коммунистов и левых эсеров. Уральский областной Совет занимался «сепаратистско-централистскими действиями», написал Генрих Иоффе, видимо, этим странным термином определив одновременное стремление к независимости от Москвы и сосредоточению политической власти в собственных руках. На Урале приступили даже к печатанию собственных денег!

Иоффе цитирует воспоминания одного из участников царевубийства, чекиста И. Родзинского:

«Засилье в головке было левокоммунистическое... Александр Белобород, Николай Толмачев, Евгений Преображенский — все это были леваки».

К списку главнейших екатеринбургских леваков он мог добавить двух неназванных им лидеров «головки»: «Филиппа» Голощекина и Георгия Сафарова, всего через несколько месяцев оба они станут признанными вождями еще одной оппозиции Ленину, так называемой «военной».

Поэтому эвакуацию Романовых из Тобольска, где Кремль подзревал возникший «монархический заговор», в оплот большевизма Екатеринбург Кремль доверил не местным властям, а Яковлеву. С одной стороны, на Урале его хорошо знали — там он был человеком в революционных кругах широко известным; с другой, недолгоблыв отвергнувший его ради пришельца Голощекина местных комиссаров. То есть будет точно выполнять волю давшей ему полномочия Москвы, а не хозяев Екатеринбурга.

«Жизнь Государя, по мысли Ленина, должна была быть сохранена до той минуты, когда придется с ней покончить в силу каких-то особых обстоятельств — это был со стороны Ленина грубый расчет на использование обреченных до последней возможности» (Б. Бруцкус); и уральской самостоятельности в вопросе, от которого в какой-то степени зависели судьбы Советской республики, Ленин не желал, да и не мог допустить.

А теперь послушаем рассказ самого Яковлева о том, как он получил особое поручение. Доставив в столицу эшелон с сибирским хлебом, он счел полезным явиться «к председателю ВЦИКа тов. Свердлову, с которым работал вместе еще в дореволюционное время... После нескольких обычных теплых товарищеских приветствий тов. Свердлов бросил ошеломившую меня фразу:

— Ну что, Антон, много народу перестрелял?

Я сразу понял, что все перипетии нашей бешеной скачки с 40 вагонами хлеба в Москву в недельный срок ему хорошо известны, знает он и переделки с нападавшими на поезд отрядами.

— Ну ладно, дело не в этом, — как обычно, твердо и определенно заговорил товарищ Яков. — Я тебя давно ждал. У меня есть к тебе секретный разговор... Ты получишь огромной государственной важности поручение.

Очевидно, мое лицо выразило смесь разных чувств — тов. Свердлов не удержался и улыбнулся:

— Эк какой нетерпеливый... Кстати, ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить можно не то, что можно, а то, что нужно, — заграница из тебя это не вытравилась? Это я спрашиваю к тому, что будем говорить с тобой — знаем ты да я, понял?

— Есть! — ответил я, почти растроганный великим доверием.

— Ну, пока все. После заседания ВЦИКа приходи прямо в кабинет, — и он ушел. После я узнал, что в это время у него проходило совещание по предстоящему мне поручению с товарищем Лениным.

...Я пришел слишком рано. Через час пришел и он:

— Ну, дело вот в чем... Совнарком постановил вывезти Романовых из Тобольска. Пока на Урал.

Я вспыхнул огнем — заговорила старая уральская боевая закованка.

— Исполню в точности. Каковы будут мои полномочия?

— Полная инициатива. Отряд набираешь по личному усмотрению. Поезд спецназначения. Мандат получишь за подписью предсовнаркома товарища Ленина и моей. С правом до расстрела всякого, кто не выполнит твоих распоряжений. Только...

Я напряженно молчал и ждал.

— ...только уральцы уже потерпели поражение. Как только были получены сведения о подготовке побега Романовых, Екатеринбургский Совет послал отряд и хотел увезти Романовых — ничего не вышло, охрана не дала. Омский со своим отрядом тоже ничего не мог поделать...

— Охрана отказывалась выдать Романовых?

— И да, и нет, — сказал Свердлов. — Там, во всяком случае, положение очень серьезное. Верить охране нельзя... Все уральские и омские отряды, тобольский гарнизон — в твоём распоряжении... С солдатами охраны нужно рассчитаться. Деньги у тебя есть?

— Пять миллионов.

— Возьми сколько нужно... Во всех действиях — строжайшая конспирация. По всем вопросам перевозок обращаться исключительно ко мне. По прямому проводу: Москва, Кремль, Свердлову».

Подготовив спецпоезд, Яковлев пришел за мандатом:

«— Ага! — воскликнул Свердлов и взялся за ручку телефона. — Товарищ Енукидзе, как бумаги, мандат Яковлеву? Готово? Хорошо. Подпись Ильича? Сам приду.

В мандате, ввиду конспирации, не упоминалось ни о царе, ни о Тобольске.

...Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, я спросил:

— Груз должен быть доставлен живым?

Товарищ Свердлов крепко пожал мою руку и резко отчеканил:

— Живым. Надеюсь, выполнишь инструкцию в точности».

Подготовив отряд в 115 человек из числа лично преданных земляков-уфимцев, Яковлев отправился в Екатеринбург на встречу с уральской властью:

«В Екатеринбурге меня встретили на вокзале товарищи Дидковский и Голощекин». Здесь мы впервые встречаемся с людьми, по официальной версии вынесшими приговор Романовым, а по «белой» версии, один из них, Голощекин, был главным организатором цареубийства.

Борис Владимирович Дидковский, заместитель председателя Уральского Совета, главный соперник Александра Белобородо-

ва за власть в регионе, был происхождением дворянин, сын штабс-капитана 127-го Путивльского полка, воспитанник Петербургского кадетского корпуса, потом студент Женевского университета. В Россию вернулся в 1913 году как ассистент профессора геологии, большевиком стал в марте 1917 года, дворянское происхождение и послереволюционный партийный стаж искупал особым старанием на советском посту.

Его спутник, известный в истории под именем Филиппа Голощекина, — одна из самых таинственных фигур в сюжете екатеринбургского преступления.

Что настоящее его имя не Филипп — говорилось выше. Но какво оно на самом деле? Генерал Дитерихс именует его Исааком, Соколов — Шаем, Ричард Пайпс — Исаем. Все это разные еврейские имена, все они взяты из карточки Департамента полиции, опубликованной в 1918 году историком С. Мельгуновым, — похоже, что в полиции тоже не знали его точного имени.

В 1918 году ему исполнилось 40 лет — по партийным понятиям того времени, человек пожилой, старше ветеранов Троцкого и Сталина, не говоря о юных Бухарине или Молотове.

Сын невеликого подрядчика. Рижский зубной техник. Большевик с 1903 года, член столичного комитета партии с 1905-го. С 1912-го, как упоминалось выше, один из семи членов ЦК, член Рижского бюро, наряду со Свердловым и Сталиным. Работает либо в эмиграции, либо в столицах. Недолго был на Урале.

Вот как характеризует его Зиновьев: «Москву представлял Голощекин (на Пражской конференции. — М. Х.). В Праге жил со мной в одной комнате. Из числа присутствовавших он был одним из наиболее старых большевистских практиков. Я хорошо знал его по Питеру (т. е. по первой революции)... Отличительной чертой Филиппа было то, что он имел настоящую близость к рабочим, к их семьям, т. е. являлся подлинным массовиком. Кто меньше знал Филиппа, на того первое внешнее впечатление было не очень благоприятное. Ильич поругивал мне Филиппа за чрезмерную словоохотливость. На конференции Филипп производил тоже чрезмерно хлопотливое впечатление, но в общем был очень ценным человеком — преданным, с подлинными рабочими связями, с рядом субъективных качеств настоящего революционера».

Любопытно, что Зиновьев, который жил с «Филиппом» в одной комнате в Праге, единственного его называет партийным псевдонимом, а всем остальным участникам конференции расшифровывает клички примерно так: «Савва и Виктор, т. е. Зевин и Шварцман», «из Саратова приехал Воронский (Валентин)», «Л. Серебряков (Ерема)» и т. д. Это значит, что или Зиновьев не знал подлинного имени Филиппа, или, что кажется вероятнее, партийная кличка стала официальным именем большевика (в результате крещения, например). Тогда объяснимо, что и в изданиях Большой Советской Энциклопедии до самого последне-

го времени его прирожденное имя не было обозначено (вопреки правилам этой энциклопедии), он звался там «Филиппом»: псевдоним уже официально стал его именем во всех документах.

Февраль освободил Голощекина из ссылки, он сразу переизбран в ЦК, а вот дальше... Через пять месяцев собирается первый послереволюционный большевистский съезд (Шестой) и избирает большой по тем временам ЦК, 33 члена и кандидата, весь цвет актива. Голощекина, ветерана подпольного ЦК, в его составе — нет. В октябре он вроде бы в седле: член ВРК, член ВЦИКа. Но выходит из подполья Ленин, и «Филипп», всего полгода назад входивший в десятку лидеров партии, т. е. в ее ЦК, вообще не получает никакого назначения из рук Свердлова, ведущего партийными кадрами.

Даже скромную должность на Урале (кто же тогда предполагал, что здесь, в самом центре страны, начнутся военные действия, и облвоенком сделается первостепенной фигурой) он пробил для себя вопреки воле Центра, желавшего назначения Яковлева.

Дидковского и Голощекина сопровождал третий комиссар.

«Дидковский заявил мне, что они посылают со мной своего представителя, — пишет Яковлев, — чтобы связать меня с находившимися в Тобольске уральцами. Я поглядел на стоявшего подле Дидковского товарища с его лисьей вытянутой физиономией и сразу оценил, что в роли соглядатая он будет для екатеринбургских товарищей неоценимым помощником. Мне немедленно представили товарища Авдеева».

Итак, третьим на вокзале встретил Яковлева Александр Авдеев, один из тех, кто в ночь убийства Романовых будет находиться в Доме особого назначения.

Авдеев, тот самый «Шура», чью роспись обнаружил следователь Наметкин на стене тюрьмы, был слесарем, родом с заводского поселка в Пермской губернии. О его прошлом известно мало: камердинер Волков показал следователю, что Авдеев хвастал многократными отсидками в Крестах, петербургской уголовной тюрьме; разводящий караулов Якимов работал с ним на фабрике:

«В декабре 1917 г. Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяина образовался деловой совет. Главой на заводе стал Авдеев, большевик самый настоящий...»

Авдеев был пьяница, он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на злоказовском заводе, с ним пили его приближенные». (В России действовал «сухой закон», но дрожжевая гуща, пригодная для алкоголя, годилась для каких-то производственных процессов.)

Таковы были трое комиссаров, вышедших к вокзалу встречать четвертого — Яковлева.

О чем они говорили? Свои записи о тех днях Яковлев сочинял на рубеже 20 — 30-х годов, узником Соловецкого лагеря особого назначения: это общественное положение не способствовало излишней откровенности в написанных там мемуарах. В тексте встречаем недоговоренности, просто умолчания — в частности, и о разговоре тогда на вокзале, в Екатеринбурге. Разговор изложен примерно так:

«Тов. Дидковский пытался навязать мне свой план действий... В ответ на это я спросил его, не он ли был главным инициатором своих посланцев в Тобольск? Я сердечно поблагодарил его за советы и заявил, что уже прекрасно инструктирован центральным правительством... За то, что груз привезу, и живым, ручаюсь головой. Как это будет сделано, об этом извещу Москву. Прошу только немедленно инструктировать представителей в Тобольске и отряды, что с момента моего приезда все они должны выполнять мои распоряжения безусловно. Мой ответ сильно не понравился Дидковскому».

Какой план действий навязывал ему Дидковский?

Что это за инструктаж посланцев Екатеринбурга в Тобольске?

Почему подчеркнуто в разговоре: «Груз привезу живым»?

Почему Дидковскому так не понравился приказ Москвы о переподчинении всех отрядов в Тобольске Яковлеву?

Почему, наконец, Дидковский послал с ним связного, Авдева, которого Н. Яковлев назвал «соглядатаем»?

Уже по дороге в Тобольск Яковлев повстречал выехавших ему навстречу представителей царскосельских стрелков и узнал: «Охрана не выполнила требований различных отрядов, ибо у них не было на руках предписаний центрального правительства».

Тактика дальнейших действий стала проясняться. Труднее всего пришлось с теми, кто считался как бы его союзниками. Правда, омичи подчинились мандату за подписью Ленина без сопротивления, но «Заславский с места в карьер заявил:

— Ну, товарищ Яковлев, надо с этим делом кончать.

— С каким?

— С Романовыми!

Я насторожился: значит, все слухи, что есть отдельные попытки покончить с Николаем на месте, имеют под собой почву?»

Вот и проговорился комиссар, о чем шла речь на вокзале!

«Наружность Яковлева была такова, — описывал следователю полковник Кобылинский, — на вид лет 32 — 33, гнучий брюнет, волосы на голове большие, косым рядом, имеет привычку встряхивать головой и рукой поправлять волосы спереди назад. Усы черные, подстриженные по-английски, борода бритая, нос прямой, тонкий, лицо белое, но со смугловатым оттенком, длинное, чистое, глаза черные, жгучие, южного типа. Хорошо сложен, лицо довольно красивое. Видимо, русский, про-

изводит впечатление энергичного мужчины, интеллигентного человека, и, во всяком случае, если не вполне интеллигентного, то бывалого и долго жившего за границей. не только по-французски говорит, но и по-английски, по-немецки. Видно было, что он прекрасно умеет говорить с толпой, играть на ее слабых струнках, и говорил он хорошо, красно».

Со стрелками охраны он поладил мгновенно, уплатив сполна задолженное жалованье. Затем ошеломил их сообщением, что забирает семью с собой. Стрелки забоялись — то ли, что он подосланный убийца, то ли, что организатор побега. Яковлев сломил их сопротивление, заговорив с военными, как с военными: ничего не объяснял, а сказал, что существуют военные приказы, которые выполняют. Он и сам объяснить ничего им не может — сам получил приказ — и обязан его выполнить, ни у кого не спрашивая объяснений. Как положено. На возражение об их, стрелков, ответственности отреагировал, предложив выделить ему делегатов от них для сопровождения в Екатеринбург, но с условием: те будут нести в дороге караульную службу. У него людей не хватает. Эо предложение и решило последние сомнения.

Возражал Кобылинский: «Но как Алексей Николаевич, он же болен?» (Как раз незадолго до того у цесаревича в результате ушиба было тяжелое внутреннее кровоизлияние, он лежал и все время звал мать.) «Я говорил по прямому проводу с ВЦИК. Приказано всю семью оставить, а бывшего государя перевезти. Когда мы с вами пойдём к ним? Я думаю ехать завтра».

Кобылинский договорился об аудиенции.

Но на встречу с комиссаром пришла и царица. Яковлев объявил о завтрашнем отъезде. Пайпс пишет: «Кобылинский утверждает, что царь ответил: «Я никуда не поеду», что на царя непохоже». Верно. Но на самом деле он ответил: «Я никуда не поеду, потому что не могу оставить больного сына», а это соответствует его характеру — верность семье была принципом. Яковлев проявил свойственную ему гибкость: «Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны: за вашу жизнь я отвечаю головой. Если вы не хотите ехать один, можете ехать с кем угодно. Завтра в четыре утра выезжаем».

Описание последней тобольской ночи мы встречаем в двух не совпадающих между собой источниках: в показаниях следователю лиц, близких к семье Романовых, и в воспоминаниях Яковлева.

Оказывается, царь и царица думали, что Николая везут... подписывать Брестский мирный договор.

Легче всего улыбнуться, прочитав эту фантазию: ничто не

могло быть дальше от реальности, чем попытка Ленина вернуть в какой бы то ни было форме монарха на авансцену истории. Но — мы получаем редкую возможность заглянуть во внешне невозмутимые, покорные воле судьбы души этих фаталистов. Их послушание всему совершаемому вокруг было не следствием безразличия к испытаниям, но глубоко религиозным восприятием революции как Божьего Суда над своим помазанником.

«От Господа Бога вручена нам Власть Царская над народом нашим. Перед Его престолом мы дадим ответ за судьбы Державы Российской» (из Манифеста от 3.VII.1907). Но помазаннику, как всякому, дана была свобода воли на Земле, а как он ее реализует — вот за это и несет ответ перед Вышним Престолом...

Свободной волей Николай пошел на грех смертоубийства — на войну. Свободной волей поставил победу высшей ценностью своей всероссийской власти. Когда генералы уверили его, что «из любви к Родине, ради ее целостности, независимости, ради достижения победы» (М. Алексеев) необходимо отречение от престола, пошел на это. Господь завершил его жертву — Брестом.

«До Брестского мира государь верил в будущее благополучие России. После же потерял, видимо, эту веру. В то время он в самых резких выражениях отзывался о Керенском и Гучкове, считая их одними из главных виновников развала русской армии. Обвиняя их, он говорил, что они дали возможность бессознательно для самих себя разложить Россию» (П. Жильяр).

А вот рассказ Панкратова о реакции Николая на Октябрь:

«— Неужели Керенский не может остановить такое своеволие?

— По-видимому, не может.

— Как же так? Александр Федорович поставлен народом. Народ должен подчиниться... Ведь Керенский — любимец солдат, — желчно сказал бывший царь.

— И зачем разорять дворец? Зачем допускать грабежи и уничтожение богатств? — Последние слова он произнес с дрожью в голосе. Лицо его побледнело, в глазах сверкнуло негодование».

А ведь обычно внешнее поведение всех Романовых было как раз отмечено исключительным самообладанием!

«Меня поражала незлобивость этих людей. Они ни на что не жаловались» (В. Яковлев). А. Авдеев: «По виду царя никак нельзя было сказать, что он арестованный, так непринужденно, весело он себя держал». Комментарий советских авторов: «Идиотское безразличие к событиям» (П. Быков); «напускное простодушие» (М. Касвинов).

Но под внешним спокойствием таилась, оказывается, надежда, что кто-то его вновь призовет, что жизнь не кончена. И вот за ними прибыл в ссылку комиссар, их увозят. Конечно, в Москву. Ни народ, ни державы не верят прочности мира, пока он не подписан законным правительством страны. Отказ от

подписания Брестского мира станет его последней политической демонстрацией на земле. Вот оно, исполнение мечты, — самопожертвование во имя России, достойный политика конец поприща. Лишь одно мучило семью: выдержит ли один, ведь на него наверняка будут давить карами для родных. Вдруг уступит!

Больше всех страдала несчастная царица. «Первый раз в жизни не знаю, как поступить», — сказала камер-даме, металась: остаться с больным сыном или ехать в последнюю дорогу с мужем в Москву, чтобы дать ему силы, чтобы не совершил из-за них ту же ошибку, что с отречением.

Наконец решилась: «Мы едем с Машей». — «Воля твоя», — ответил муж. Оклеветанная при жизни и после смерти, женщина решилась на разлуку с единственным сыном ради спасения чести России, как она ее понимала.

И молились они в ту пору об одном — о спасении родины. Узнав о прибытии в Тобольск Яковлева, пишет Николай в дневнике: «дети вообразили, что он придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники», но в бумагах великой княгини Ольги сохранились переписанные ею стихи поэта С. Бехтеева, видимо, настолько близкие душе, что не поднялась у нее рука их уничтожить.

Вот эти стихи-молитвы:

Перед иконой Богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внемли —
В Тебе надежда и спасенье.

Погрязли мы во мгле страстей,
Блуждаем в тьме порока.
Но наша родина... О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, Твой светлый дом,
Почти что погибает.
К Тебе, заступница, зовем,
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих Упованье —
Не отврати своих очей
От нашей скорби и страданья.

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье —
В годину мрачных, буйных дней

Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать,
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос-Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог всесильный,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимо страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

• • •

Пока Романовы готовились к путешествию в неизвестность, на комиссара Яковлева свалились неожиданные заботы.

«У себя дома я застал некоторых товарищей, пришедших сообщить под секретом очень серьезную новость... Один из екатеринбургских отрядов имел совещание и решил так или иначе покончить с Романовыми, и если это не удастся в Тобольске, то намечено осуществить покушение между Тобольском и Тюменью».

Яковлев сразу отправился к Заславскому, который «невольно и в порыве злости выдал свой план:

— Дадут ли вам царя увезти, вот вопрос. А кроме того, если повезут, то дорогой может что-нибудь случиться.

— Товарищ Заславский, вопрос слишком серьезный, говорите яснее.

— Я ничего не знаю. За других не отвечаю. Только скажу определенно: повезете Романова, не садитесь рядом с ним.

— Вы хотите сказать, что и меня могут убить?

Заславский криво улыбнулся. Я вынул документ.

— Товарищ Заславский, вам очень полезно прочитать его, и прочесть внимательно.

Заславский неохотно взял мой мандат и прочитал.

— Так вот, ваш отряд будет охранять мой поезд от Тобольска до Иевлево. В тарантасе с Романовым буду находиться самолично. И если найдутся сумасшедшие головы, поступающие на-

перекор инструкциям Москвы по-своему, они жестоко поплачутся... Начальника отряда пришлите ко мне».

Из предосторожности Яковлев тут же вызвал навстречу экспедиции резервную группу из Тюмени во главе со своим помощником Петром Гузаковым и одновременно предупредил начальника екатеринбуржцев Гусяцкого (у Касвинова он Бусяцкий): «Если что-нибудь случится, вы будете расстреляны».

В том месте воспоминаний Яковлева, опубликованных в свердловском журнале «Урал», где описаны его впечатления от семьи Романовых, стоит многозначие — либо это пропуск публикатора, либо сам Яковлев не хотел на Соловках подробно описывать сюжет. И единственное место, где он мельком коснулся «самочувствия груза», — это описание их отъезда утром 26 апреля:

«Обитатели дома все были на ногах. По всем углам слышались вздохи и всхлипывания. Дочери Романовых и весь их придворный штат вышли на крыльцо. Николай Романов как-то растерянно переходил от одного к другому и какими-то судорожными движениями крестил дочерей. Его надменная жена сдерживала слезы. Каждый ее жест, каждое слово говорили, что не нужно показывать своей слабости «Красному врагу». Она попыталась еще раз показать характер, заявив, что выберет экипаж по своему усмотрению.

— Садитесь, куда приказывают, — и с того момента она всю дорогу хранила упорное молчание».

Не мог же комиссар объяснить ей, что в дороге их поджидают убийцы и он обязан по должности сидеть рядом с ее мужем, чтобы затруднить задачу преступников.

В остальном проявил деликатность к узникам: увидев, например, что царь одет в одну шинель, приказал принести ему еще и плащ; удовлетворил просьбу Александры Федоровны взять слугу. Это было непросто — пришлось долго пересаживать путников. Позволил он взять и много багажа по просьбе царицы, над чем иронизирует Касвинов: мол, раскапризничалась барыня!

Клавдия Битнер показала следователю, что, встретив царя утром у повозки, Яковлев отдал ему честь.

Наконец готовы были «ужасные тарантасы, из которых один только имел покрытие (это были так называемые «кошевы», сани на длинных дрожжинах, — такой вид повозок Яковлев выбрал потому, что не знал, будет дорога в распутицу еще санной или уже колесной. — М. Х.). Во дворе было немного соломы, которой мы застелили пол. Лица опухли от слез. Мы все старались скрыть наше горе и держать себя спокойно. Было такое чувство, что, если кто-то сорвется, мы все не выдержим и заплачем. Государь с женой были спокойны и собраны. Было видно, что они готовы на любые жертвы, даже на собственную гибель, если Бог в Его непостижимой мудрости сочтет это нужным для блага страны... Я пошел к мальчику в комнату: он лежал

на постели и плакал. Через пару минут мы услышали шум колес. Княжны пошли к себе, когда они проходили мимо комнаты брата, я слышал, как они всхлипывали» (Пьер Жильяр исполнял в это время обязанности воспитателя наследника).

Ровно в четыре утра Яковлев попрощался с царскосельскими стрелками. «Очевидно, Керенский произвел специальный подбор этих статных, сильных красавцев, большинство с открытыми, чистыми русскими лицами», — вспоминал он. Ехать предстояло свыше 200 верст. «Холодно, серо и ветрено, — записала в тот день в дневник Александра Федоровна. — Дорога кошмарная, земля замерзшая, грязь, снег, вода доходит лошадям до пояса, тряска жуткая, всю ломит... Переночевали в доме, который раньше был магазином, спали по три человека в комнате. Мария (великая княжна, поехавшая с родителями. — М. Х.) на полу на матрасе». Через Иртыш ехали по пояс в воде, через Тобол лошади не могли уже идти, люди перебирались пешком по залитому водой настилу, через Туру по кладке шли вброд.

Ямщик Севастьянов потом рассказывал: «Царь все гутарил с Яковлевым, да спорил, да про политику, и про все такое прочее, наседал на него прямо страсть как, прямо-таки прижимал на лопатки». Яковлев об этом почему-то не пишет.

Зато в его мемуарах есть эпизод, совсем не отраженный на страницах следственного дела: «Не доезжая нескольких станций до Иевлево, мы встретили Петра Гузакова. Его тройка была вся в пене, с ним находился какой-то незнакомый мне красноармеец... Он сообщил мне тревожные вести, полученные от перебежчика из отряда Гусяцкого. Нам в пути угрожала большая опасность. Гузаков... предложил мне расспросить Неволлина (видимо, фамилия перебежчика? — М. Х.). Мы с Гузаковым стали обсуждать дальнейший план действий: с момента прибытия в Тюмень мы будем в полной безопасности, подъезд к Екатеринбург у то же сумеем обезопасить. Самое серьезное — добраться до Тюмени...

— Обрати внимание на Авдеева, — предупредил Гузаков. — Имей в виду, он играет двойную роль... Ведет какие-то переговоры с друзьями Заславского.

— ...Уверен, что он по своей трусливости никакого вреда, кроме мелкой пакости, мне не сделает. Пусть болтается.

В Иевлево мы приехали поздно вечером. Гузаков окружил арестованных тройным кольцом. Несколько красноармейцев с ручными гранатами находились на чеку. Гузаков, Касьян, Зенцов и я дежурили бесперывно. Ночь прошла спокойно».

После прочтения многозначительного, с явными умолчаниями рассказа Яковлева мне вспомнились свидетельские показания в деле, вначале казавшиеся ложными, как, наверно, всем, кто читал их в деле до меня, — все, рассказанное судьей Сергееву бывшим уральским комиссаром здравоохранения врачом Саковичем.

Мне кажется, генерал Дитерихс мечтал сделаться литератором.

Во всяком случае, получив материал для великолепного документального сюжета, восемь томов дела о цареубийстве, он понял, что настал миг вождеденный для исполнения интеллектуальных мечтаний дальневосточного Воеводы. И начал повествование беллетризованной сценкой: белые освободители вступают в изнасилованный комиссарами Екатеринбург, все радуются, а двое обывателей не радуются... Ждут возмездия за преступления: красноармеец Михаил Летемин и врач Николай Сакович. Этакая художественная проза в представлении генерала!

Хотя читателю сразу приходит в голову: но почему же эти преступники не уехали из города? Товарищи Летемина по караулу в ДОНе все уехали, а он нет; все коллеги Саковича по Уральскому Совету эвакуировались, а он остался. Чтобы поджидать неминуемого белого возмездия?

Николай Арсеньевич Сакович, 34-х лет, врач, офицер, человек правых убеждений (по некоторым сведениям, до революции — член «Союза русского народа»), любитель женщин и вина, первым в дивизионе запевавший в компании «Боже, Царя храни» (показания его командира), в декабре 1917 года вступил в правительственную тогда партию левых эсеров. И сразу как профессионал-медик сделал политическую карьеру: стал областным комиссаром здравоохранения. Стиль работы новых товарищей ему не понравился, и когда врач узнал, что к Екатеринбург подступают войска Учредительного собрания, охотно остался их дожидаться, полагая, что самый страшный его грех при прошлом режиме — неохотное оформление справок, освобождавших «буржуев» от окопных работ. Судя по протоколу, оскорбился, когда brave офицеры при аресте польстились на его деньги.

Так вот, член Уралоблисполкома (по должности) врач Сакович показал следователю, что никакого обсуждения вопроса о цареубийстве в июле 1918 года в Екатеринбурге вообще не было. Красочно описанные в СССР эпизоды («с утра 12 июля 1918 года заседает в здании Волжско-Камского банка исполком Уральского Совета... Заседание проходит напряженно. Выступления ораторов полны страсти. Реплики резки, подчас неистовы: решается судьба бывшего царя... Уже далеко за полдень Белобородов встал и объявил голосование. Исполком единогласно утверждает приговор») — все это, если верить Саковичу, оказалось на поверку исторической беллетристикой, возбужденной у авторов чтения французских сочинений о заседаниях Конвента.

Саковичу в 1918 — 1919 годах никто не поверил, его показания казались самоочевидно ложными — чтобы выгородить самого себя от обвинения в соучастии. Но в свете сегодняшней исторической информации думается, что он говорил правду.

Врач ведь не отрицал: обсуждение цареубийства в Уралсовете происходило — причем в его присутствии. Он только уверял следователей, что было это не в июле, когда царя убили, а в апреле, когда его только еще везли в Екатеринбург:

«...я был очевидцем отвратительных сцен: например, был возбужден вопрос, кем, не упомяну, чтобы устроить при переезде бывшего царя крушение. Вопрос этот даже баллотировался, было решено перевезти бывшего царя в Екатеринбург. Помню, случайно узнал, что... центром большевистской власти было ясно сказано, что за целость б. Государя екатеринбургские комиссары отвечают головой... Там были Белобородов, Голощекин, Сафаров, Тунтул, Войков, всего человек 7 или 8...»

Николай Соколов вообще ни разу не допросил Саковича: слишком показания того не совпадали со следственной версией. По словам Дитерихса, «доктор Сакович умер в июне 1919 года в Омской тюрьме от скоротечной чахотки. Он умер в тот самый день, когда за ним прибыл караул для отвода его на допрос к следователю Соколову» (т. 1, стр. 36), меньше чем через год после ареста.

Но теперь, прочитав недосказанные, темные намеки в воспоминаниях Яковлева о «большой опасности», которая грозила его спецэкспедиции, мы начинаем понимать, что Сакович, видимо, открыл следствию правду: екатеринбургские комиссары вотировали в узком кругу покушение на царя в пути. Эту информацию Яковлев и получил, видимо, от перебежчика из екатеринбургского отряда и, добравшись до железной дороги, вызвал с тюменского вокзала к телеграфу Свердлова:

«Подробно изложил ему создавшуюся обстановку и попросил дальнейших указаний. На телеграфе я пробыл около 5 часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска».

Вот и разгадка «загадочного образа действий» комиссара: по дороге к Екатеринбургу его собирались взорвать, и он испросил приказа у начальства добраться до центра другим, менее опасным путем (через Омск шла южная железная дорога к его, яковлевскому, оплоту, на Уфу).

Яковлев был весьма доволен своим хитроумием: как он конспиративно устроил поворот спецпоезда с западного направления на восточное! В его нападках на Авдеева, насмешках над ним чувствуется, однако, не прошедшая с годами обида — ибо простак-то Авдеев обошел его... Хотя поезд останавливался только для набора воды, Авдеев каким-то непонятным способом успел дать телеграмму в Екатеринбург. Пред-

седатель Уралсовета Белобородов немедленно разослал «всем, всем» телеграмму, объявившую Яковлева изменником, похитившим Николая III!

Возле Омска «вся линия была усеяна вооруженными людьми, — Я чрезвычайный комиссар ВЦИКа Яковлев, мне нужно видеть председателя Омского Совета товарища Косарева.

— Здесь он, здесь, — толпа расступилась.

— Антон, ты ли это? — воскликнул удивленно подошедший Косарев.

— Здоров, Владимир! — узнал, наконец, я старого товарища, с которым мы были вместе в партийной школе у Горького на Капри. — Скажи, дружище, чего вы так ощетинились?

— А это против тебя, контрреволюционер, — захохотал Косарев. И действительно... то и дело встречались вооруженные отряды... повсюду угрожающе зияли дула пулеметов».

О разговоре со Свердловым рассказано нарочито скупо:

«Получив от Свердлова приказ немедленно воротиться (в Екатеринбург. — М. Х.), мы с Косаревым поехали в Совет».

К сюжету со Свердловым еще вернемся, а пока последуем за поездом Яковлева. Он за сутки добрался до Екатеринбурга. Царь записал в дневник: «Все находились в бодром настроении» — Романовы, бедные, опасались, что комиссар собирался департировать их за границу, радовались оставлению на родине!

Вот поезд прибыл на пятую платформу екатеринбургского вокзала.

Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им («как вышло, что население о нашем предстоящем приезде было уведомлено, мы не знали», — вскользь бросил Яковлев выше.) В воздухе стоял шум, то и дело раздавались крики: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!» Беспорядочные толпы начали надвигаться на состав. Я... для острастки приготовил пулеметы. Сам вокзальный комиссар... издали громко закричал мне: «Яковлев! Выведи Романова из вагона! Дай я ему в рожу плюну!»

— Приготовить пулеметы!

...Толпа отхлынула, но... тот же вокзальный комиссар испуганным голосом вопил:

— Не боимся твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены!

...действительно шевелились жерла трехдюймовок».

От боя Яковлев спасся маневром на путях — поезд умчался на станцию Екатеринбург-2 (Шарташ).

Туда и прибыли автомобили с главными комиссарами области: Белобородовым, Голощекиным, Дидковским. «Наша встреча была чрезвычайно суха. Видно, Москва дала им хорошую головомойку — это чувствовалось на каждом шагу».

Яковлев передал им пленников и потребовал официального аннулирования телеграммы об объявлении его изменни-

ком. В тот же день состоялась «трехчасовая перепалка» (Р. Пайпс):

«Эсеры и Белобородов с Дидковским старались поставить вопрос так, точно я являюсь подсудимым, тогда как я пришел требовать аннулирования телеграммы. Страсти разгорались... но обычное благоразумие товарища Голощекина одержало верх, и решено было вернуть мне «исторический документ». (Яковлев имеет в виду расписку Совета, что тот Романовых принял и претензий к нему не имеет.)

«Сидя на облучке, мы мирно беседовали с Голощекиным, — продолжает он, — и разбирали все подробности. Наконец, он не выдержал и сказал:

— Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас. Все ваши действия он считает правильными. — Эх, Яковлев, революционность вы все-таки потеряли. ...Наша встреча со Свердловым носила очень дружеский характер... Совнарком признал мои действия правильными и тут же назначил меня главнокомандующим Самаро-Оренбургским фронтом».

• • •

По рассказу Яковлева видно, что он в пути получил два взаимно исключаящих приказания от Свердлова: первое — ехать на Омск (с поворотом оттуда на запад, на Уфу) и второе, через сутки после первого, — повернуть обратно на Екатеринбург.

Почему решение избавить Романовых от убийц, готовых, как было точно известно в Москве, истребить семью, было отменено? Кто направил Романовых в дом Ипатьева?

Почему хотели гибели Николая II екатеринбургские комиссары, описал Пайпс: «Больше всего они опасались восстановления монархии. И не из-за каких-то отвлеченных идейных соображений, а из страха за собственную жизнь. Они рассуждали, подобно Робеспьеру, призывавшему Конвент в 1793 году приговорить Людовика XVI к смертной казни: «Если не виновен король, значит, виновны те, кто его свергли». Неудивительно их желание избавиться от Романовых как можно скорее».

Но почему кремлевские власти им уступили? Судьба самого Николая была бы той же самой, в какую бы точку России его ни доставил Яковлев по приказу Свердлова: иного исхода не допускала психология большевизма. Но у женской части семьи в случае появления ее, скажем, в Москве, возникал шанс на спасение.

В сентябре 1918 года полпред в Берлине А. Иоффе вел там переговоры об обмене уже три месяца как убитой Александры Федоровны на Карла Либкнехта. А месяцем раньше Георгий Чичерин и Карл Радек, курировавший в его нар-

комате германские дела, заговаривали об освобождении членов семьи в обмен на передачу им Лео Тышки (Иогихеса), третьего после Либкнехта и Розы Люксембург лидера германских крайне левых (компартии Германии еще не существовало).

Убийство в Екатеринбурге в конечном итоге обернулось и убийством Карла Либкнехта, и убийством Лео Тышки — всего через 6 — 9 месяцев после ипатьевского полуподвала. Сегодня не нужно долго доказывать, что люди, равнодушные к гибели противников, были равнодушны к гибели и тех, кого называли «своими».

Предлагая Яковлеву «доставить груз живым», Свердлов, конечно, имел в виду вышеуказанные варианты с обменом. Кто же или что же заставило изменить это решение и направить Романовых в логово убийц, Екатеринбург?

Яковлев пишет, что по поводу его миссии Свердлов совещался особо с Лениным. Голощекин сказал ему, что в эти роковые сутки с екатеринбуржцами разговаривал Ленин. Только он и пользовался властью решения Свердлова.

Но зачем Ленин это сделал? Осторожный тактик, он потому и стал самодержавным повелителем большевистской вольницы, что умел рассчитывать возможные варианты событий куда тоньше, чем свободные от морально-юридических «буржуазных» ограничений, но зато не слишком быстрые разумом его атаманы.

Чего добивались атаманы? Убийства. Они не доверяли беспощадности и твердости «мудрого Старика».

Благодаря преданности и хватке Яковлева вождь обошел вассалов на повороте и мог высадить Романовых в любой удобной для него точке России. Это был, казалось, для него очевидный вариант. Но великий мастер революции выбрал другой, куда менее очевидный.

Получить узников себе для торговли с немцами — неплохо. Но и оставить их в руках уральских убийц — тоже сулило ему немалые, хотя более дальние выгоды.

Во-первых, царубийство, которого Ленин желал больше любого Дидковского или Голощекина, можно будет задним числом записать на уральский счет. Можно будет, например, покарать царубийц и тогда избавиться — вместе с Романовыми — от политической ответственности за гибель семьи. (Это на случай поражения и возможной просьбы об убежище, скажем, в Швейцарии. Участие в бессудном убийстве могло быть расценено бернским правительством как уголовное преступление, и тогда Швейцария выдавала преступников России — так был выдан Сергей Нечаев, лидер «Народной расправы» и убийца студента Иванова.)

Во-вторых, ликвидируя убийц-оппозиционеров (левых коммунистов и левых эсеров), Ленин укреплял базу собственной власти в стране и мире: вот такая судьба, оказывается, постигает тех, кто не слушается человеколюбивого Ильича!

Кому подобные мои расчеты покажутся литературными домыслами, напомню один широко известный и один мало известный факт.

Широко известный заключается в том, что если бы в 1935 году Лев Троцкий случайно не занес в дневник слова Свердлова о решающей роли Ленина в вынесении приговора, то многие бы и 72 года спустя считали этого осторожного мастера революционной тактики чистым от обвинений в убийстве женщин и детей царской семьи. Г. Иоффе, например, до сих пор пробовал продавать эту версию читающей публике.

Малоизвестный факт состоит в том, что 17 сентября 1918 года, всего через 2 месяца после убийства, в Перми открылся судебный процесс 28 левозсеровских депутатов Уральского Совета, обвиняемых в ...незаконном убийстве членов царской семьи. Упомянутые в книге М. Дитерихса «участники вынесения приговора» некие депутаты Уралсовета Грузинов, Малютин, Яхонтов и две женщины, Апраксина и Миронова, были признаны в умышленном убийстве и немедленно казнены. Левые же коммунисты после августа 1918 года вышли из оппозиции и преданно служили Ильичу, потому их оставили в героях Октября. Иначе Белобородов, Голощекин, Сафаров и К^о восседали бы на той же скамье подсудимых.

Логично предположить, что в силу этих дальних расчетов своего вождя екатеринбургские комиссары получили в удел семью Романовых и отправили в Дом особого назначения царя, и величественную внешне и мучительно застенчивую на самом деле царицу (Яковлев вспоминает, как часами она в коридоре вагона ожидала минуту, когда там никого не будет, чтобы пройти в туалет), и великую княгиню Марию, попробовавшую свои чары на Яковлеве, чтобы узнать наконец, куда их везут. («Везет Машке на комиссаров», — шутили сестры после получения от нее с дороги письма, припомнив, что она была любимицей Панкратова).

Всех пассажиров этих автомобилей ждет в будущем насильственная смерть: пленников — от рук чекистов, шоферов П. Самохвалова и С. Загоруйко от рук белых контрразведчиков, комиссаров — в застенках ежовских и бериевских молодцов.

Отправимся пока в другую сторону, чтобы завершить сюжет с комиссаром Яковлевым. О его чувствах по дороге в Москву можно догадаться по телеграмме, отправленной в тобольскую часть его отряда, охранявшую цесаревича и его сестер:

«Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последнего не отвечаю».

В Москве он получил приказ возглавить Самаро-Оренбургский фронт (против отступавшего Дутого) — «от Троцкого», стрельнул Дитерихс, видимо, справедливо. Но вспыхнуло чешское восстание, и его переназначили командующим формиру-

емой Второй армией красных. В энциклопедии «Гражданская война» в статье «Вторая армия» значится такой список: «Командующие: В. В. Яковлев (настоящая фамилия К. Мячин) — до 26 июня 1918 года (изменник); Ф. Е. Махин — 26 июня — 2 июля (изменник); А. М. Харченко — 3 — 4 июля (изменник)». Не везло Второй армии на командующих! Правда, про премьера Яковлева-Мячина, Махина, я прочитал у Г. Иоффе, что, будучи политэмигрантом в Югославии, он там вторично стал командармом (генерал-лейтенант) — в Югославской народно-освободительной армии, воевавшей под командованием Тито против гитлеровцев.

...Осенью, после падения красной Уфы, комиссар Второй армии как-то оказалась в тылу у белых. (Г. Иоффе намекает, что «был заслан», но это невероятно, учитывая столь высокое положение в военной иерархии.) И вскоре к управляющему внутренними делами Директории пришел офицер с сообщением: «крупный большевик перешел на нашу сторону, поскольку изжил идею большевизма».

Эсеровский министр де-факто обещал, что «ни суда, ни мести не будет», и через неделю офицер явился к нему с Яковлевым.

«Тяжело читать его заявление», — пишет Г. Иоффе: Яковлев объяснил, что, скрываясь в тылу белых в крестьянских избах, он как социалист-народник пришел к идее созыва и власти Учредительного собрания.

Вот как излагает его судьбу следователь Николай Соколов:

«В дальнейшем с ним поступили неразумно и неосторожно. Он тут же был арестован и отправлен в Омск в распоряжение военных властей. Не дали надежного караула, и он вместо генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего по ошибке якобы конвоира попал к некоему полковнику Зайчеку, возглавлявшему в Омске контрразведку генерального штаба. Здесь он и пропал. У Зайчека не оказалось абсолютно никаких документов на Яковлева».

А вот комментарий Бориса Бруцкуса:

«В этих словах Соколова, как в зеркале, отражаются и колчаковская, т. е. ближе дитерихсовская, система управления, и нравственная личность самого Соколова. Об акте самого подлого и предательского убийства Соколов пишет: «Поступили неразумно и неосторожно»... Яковлев был убит в контрразведке... Не было никакого труда для Соколова, ставленника Дитерихса, расследовать со всей точностью причины, обстановку и виновников этого гнусного предательства. Но Соколов ограничился отпиской: «Здесь (в контрразведке) он и пропал».

Так вот кого разумел судья Сергеев в рапорте на имя Колчака, докладывая об уничтожении в контрразведке важнейших свидетелей! Давайте посмотрим на ситуацию так, как

она смотрелась глазами обоих — Соколова и Бруцкуса. Яковлев перешел к белым в трудное для них время (к октябрю сдали противнику Казань и Самара, Симбирск и Сызрань). Перешел, следовательно, по убеждениям, под честное слово: «Не мстить». Его увозят в контрразведку, и вот единственная бумажка, которую человек Соколова, поручик Б. Молоствов, добыл после его бесследного исчезновения:

«По ошибке конвоира Яковлев был передан в распоряжение полковника Зайчека 2 января 1991 года, и следы его в дальнейшем теряются. По тем же сведениям, Яковлев предлагал за свое освобождение 500 тысяч рублей».

Все. «Нужно ли злейшему врагу белого движения создать более ужасную картину, чем та, которая нарисована рукой самого Соколова» (Б. Бруцкус). Соколов не сомневался, что человек, попавший в Военно-политический контроль и там исчезнувший, может быть далее обнаружен лишь по ту сторону Добра и Зла!

Но Яковлев попал в руки не идейных отечественных, а буржуазно-прогнивших чешских контрразведчиков. Деньги они взяли, но и повели себя, как подобает деловым партнерам: дали ему возможность вместе с женой бежать за границу. В Харбин.

Там вослед Константину Мячину исчез и Василий Яковлев.

Зато появился Константин Стоянович. В 20-х годах в Китае работал один из самых талантливых агентов Коминтерна Михаил Бородин (Грузенберг), ставший политическим советником и личным другом Сунь Ятсена, одним из отцов-основателей первой политической партии Китая, Гоминьдана, а помощником Бородина стал ...Константин Стоянович, начальник его информбюро (разведгруппы?). Был тогдашними китайскими властями («милитаристами») арестован, сидел под расстрелом, освобожден по требованию советского консула в Шанхае.

После чего решил вернуться в СССР, ибо зачем же Родина его спасла, если считала в чем-то виноватым? Далее — история, описанная, к примеру, много раз в «Архипелаге ГУЛАГ»: патриот вернулся на любимую Родину и, как пишет Г. Иоффе, «революционные заслуги были засчитаны ему в качестве смягчающего обстоятельства». Не расстреляли, значит... На Соловках он и набросал свои осторожные воспоминания об экспедиции 1918 года. Потом, с Белбаллага, писал жене: «Думаю закончить свою карьеру в области слезниц... У дедушки Калинина (тогдашнего «президента», формально обладавшего правом помилования. — М. Х.) имеется громадный запас хорошо отпечатанных слезниц. Ты еще не успеешь подумать написать ему слезницу, а он тебе, пожалуйста, ответ: «Отказать». Давай, Лелька, бросим это бесполезное дело». Но кто-то вмешался: освободили «за самоотверженную работу на строительстве Беломоро-Балтийского канала им. И. В. Ста-

лина» в 1933 году и ...приняли на работу в кемеровское НКВД. Там он «не сработался» — это видно по тому, что после НКВД поступил простым рабочим на инструментальный завод в г. Вормсе, Горьковской области. Откуда уже навсегда изъяли, но нынче «приговор военной коллегии отменен», причина же смерти, как по-научному точно оговаривает описавший его судьбу Г. Иоффе, не указана. Поскольку она, смерть, произошла в самый день вынесения приговора (16.IX.38), не могу не отметить стилистического сходства историка Г. Иоффе со следователем Н. Соколовым.

А теперь выйдем из сюжета этой новеллы о пожалевшем семью большевике и вспомним про автомобили, следующие к Дому особого назначения, и про извозчиков, которые везут в городскую Ивановскую тюрьму обер-гофмаршала князя Валентина Долгорукова.

Часть пятая

ПРОВОКАЦИИ УБИЙСТВА

СОКОЛОВСКО-ДИТЕРИХСОВСКИЕ ЕВРЕИ

Объясняя, как он понимает процесс следствия, Николай Соколов обмолвился, что оно есть свободное творчество, по определению, данному Достоевским. Помнит ли наш читатель, как работал творец у Достоевского? Улики и доказательства приводили к некоторой версии, а он, после чтения газеты, расчислил преступника в одном из ее авторов и, вопреки всем очевидностям, указал: «Вы-с и убили, Родион Романович!»

Понаблюдаем одним глазом, вприкуску, как именно юрист подобного типа составлял следственную версию, упаси Бог, без пыток с активным допросом, за что в России ему по сию пору благодарны. Люди и малым довольны.

Вот дает показания пойманный (его выражение) шофер Петр Самохвалов: «Из дома (Ипатьевского. — М. Х.) вышли комиссар Голощекин, комиссар Авдеев, еще какие-то два лица, сели в автомобиль, и мы все поехали на станцию...

Их (Николая П и Александру Федоровну. — М. Х.) посадили в мой автомобиль. Опять мы подъехали к тому дому, обнесенному забором. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, можете войти».

Я знал комиссара Юровского. Не помню, чтобы он был на вокзале, когда был привезен Государь.

...около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал: «Чрезвычайка, чего вы смотрите? Народ был разогнан. Больше я ничего показать не могу».

Об обстоятельствах прибытия второго этапа с арестованными — с цесаревичем и его сестрами — Соколов допрашивал царского камердинера Волкова. Вот его показания:

«Подъехали мы к дому Ипатьева, где была Семья, тут ссадили Харитонову и Седневу, нас же, остальных, повезли дальше... И привезли в тюрьму. Когда привели в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: «Вот, Алексей Андреевич, правду говорят, от сумы да от тюрьмы никто не отказывается». Комиссар Родионов ничего на это не сказал, а другой комиссар ответил: «По милости царизма я родился в тюрьме». Потом, когда комиссар юстиции Поляков спросил, кто нас арестовывал... начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню».

Вы можете спросить, что особенное можно извлечь из таких

показаний, кроме того, что видные екатеринбургские комиссары находились в числе встречавших семью на вокзале?

Для Соколова эти два свидетельства есть начало главного идеологического сюжета, охватывающего его следствие: «Прибытие в Екатеринбург императора вскрыло фигуру главного *распорядителя* Голощекина (курсив мой. Видите, сколь много можно извлечь из показаний шофера: «Командовал здесь Голощекин». — М. Х.)

Прибытие детей — Юровского».

А в следующих строках вам представят основных преступников — *распорядителя* и *исполнителя*:

«Шая Исакович Голощекин, мещанин города Невеля, еврей, 1876 г. р. Партийная кличка — Филипп.

Юровский Яков Михайлович, мещанин города Каинска, Томской губернии, еврей, 1878 г. р.».

Бруцкус так комментирует следственную методику Соколова:

«Представьте, что следователь... обязавшийся доказать, что во всем виноваты евреи... искатель заранее означенной правды вместо богатейшего жлада находит жалкий огрызок... Он заготовил дубину, чтобы бить ею по полчищам филистимлян, а все-то филистимлян оказалось двое, да и то не целых, а один филистимлянин с дробью (намек на крещение Юровского. — М. Х.). Легко представить волнение национального духа, когда во всех списках лиц, прикосновенных к екатеринбургскому и алапаевскому убийствам, в списках тюремщиков, охранников, убийц, грабителей царских вещей, в списках укрывателей следов, в общем, из числа нескольких сот человек — евреев оказалось всего двое, и, как увидим, каких бракованных евреев!.. В распоряжении национального духа оказалось всего только два еврея — Юровский и Голощекин. Оставалось Соколову только одно — возместить количество качеством, т. е. уравнивать каждого из двух евреев сотне злодеев-неевреев».

Этот прием следствия удобно иллюстрировать примерами, которыми Соколов начинает серию своих антиеврейских построений, так сказать, с фундамента его следственных теорем.

Вот он допрашивает шофера Самохвалова, хотя и не подозревающего, что по окончании допросов его расстреляют, но смертельно испуганного арестом и готового угадать все, что надо господину следователю, и все подтвердить.

«Самохвалов вылил, конечно, на голову Голощекина все, что мог, исполнил все, требуемое сторонниками национального духа... Каков же был характер распоряжений Голощекина? Как видно из слов шофера, они были даны в вежливой форме, кратки и немногочисленны» (Б. Бруцкус).

Бруцкус точно угадал ситуацию допроса. Обратите внимание, как сформулированы шофером показания: «Комиссар Голощекин, комиссар Авдеев и еще *какие-то два лица*» (курсив мой. — М. Х.). А следователь почему-то не пытается выяснить имена

этих лиц, произвести опознание (одно лишь узнавал, не было ли Юровского?).

Более того: после допроса другого камердинера, Чемодурова, он уже знает, что сразу по прибытии в ДОН семью подвергли личному обыску. Его проделал зампредсовета Дидковский. Когда Борис Владимирович залез в сумочку царицы, она упрекнула его: «До сих пор мы имели дело с порядочными людьми». На что воспитанник Женевского университета находчиво возразил: «Не забывайте, что вы арестованная».

(В своих мемуарах Александр Авдеев нам открыл, что тогда в сумочке царицы обнаружили подробный план Екатеринбурга. Это выглядит удивительно правдоподобно, если вспомнить уверенность Романовых, что их везут в Москву. Впрочем, через три десятилетия советского завода план, купленный за жемчуга стакан, уже вошел в фольклор, а у императрицы, как известно, были при себе именно жемчужные ожерелья.)

Откуда взялся в ДОНе Дидковский? Ожидал семью? Ничего подобного: он и был одним из встречавших ее на вокзале господ, которых не пожелал припомнить Самохвалов. А вторым был председатель Уралсовета Белобородов, что следователь тоже знал точно: в его руках была расписка в получении пленников, данная Белобородовым Яковлеву на вокзале в Шарташе.

Трудно ли было опознать как-никак главных людей на Урале?

Из книги Касвинова узнаем, что Белобородов, а не Голощекин и предложил царской чете войти в дом. Естественно: он являлся главным распорядителем на месте. Даже если согласиться с Соколовым, что Белобородов был репрезентативной фигурой (русский, рабочий и пр.), а заправилой в Екатеринбурге работал еврейский гигант Голощекин, то все равно ясно — репрезентативная личность и обязана на публике распоряжаться, за это ей и платят евреи... Соколов несомненно профессионал и понимал такие вещи не хуже автора этой книги, но не хотел неосторожными вопросами сбить свидетеля, желавшего ему про Голощекина немного помочь.

Зато при допросе камердинера Волкова юрист действовал как положено: предъявил фотографию Юровского для опознания. Увы, «мне кажется больше, что это не он, — заявил свидетель, — тот был без бороды, а у этого борода». Что не помешало следователю объявить в тексте книги о торжественном явлении народу преступника Юровского и заодно уличить его во лжи и хвастовстве: он, оказывается, вовсе не родился в тюрьме, а был сыном сосланного вора. Но достаточно было Соколову забыть хоть в этом случае про евреев, и сразу выяснилось бы, кто тот комиссар, которого не опознал на фотографии Юровского Алексей Волков. В Екатеринбурге был один начальник, родившийся в тюрьме: Сергей Мрячковский, чье имя много раз встречается на страницах дела.

Упомянутые ошибки касаются ничтожных мелочей, они за-

служивают упоминания лишь для характеристики общего стиля следователя. Стиля, при котором первичные данные допросов и улики используются как материал для воплощения в текст обвинительного заключения заранее сочиненной конструкции.

Например, чтобы показать, каким великим деятелем был Голощекин (ибо против него в деле почти нет улик и обвинение строилось исключительно исходя из грозной социальной опасности обвиняемого еврея), Соколов изобразил облвоенкома главным победителем Дутова: «Бешено энергичный, он знал, благодаря своим старым связям на Урале, где брат живую силу большевизма». Но организаторы победы над Дутовым давно известны: это П. Кобозев, особоуполномоченный Совнаркома по борьбе с дутовщиной, и А. Киселев, за разгром Дутова под Оренбургом избранный в ЦК РКП(б). Другая легенда: «Охрана в доме Ипатьева носила характер военной организации. Рабочие считались красноармейцами, их обучали военному делу. Охрана подчинялась Голощекину как областному военкому». Но внешняя охрана во всех советских тюрьмах и лагерях до сих пор носит военизированный характер, однако подчиняется не военкомам и вообще не армейским начальникам, а соответствующим органам МВД. Курирует тюрьмы по линии советской власти заместитель председателя местного совета, и такой же порядок, судя по дневнику Николая П, был и в Екатеринбурге: царь описывает конфликт по поводу режима с «моим врагом лупоглазым», заместителем председателя Уралсовета Дидковским.

Другой эпизод, на котором можно остановиться, таков. Выше говорилось, что министр юстиции Старинкевич сообщил представителю лондонской еврейской общины: ни одного еврея среди участников царубийства обнаружить следствию не удалось. Именно это письмо привело к отставке министра... Вильтон, единомышленник Дитерихса, назвал Старинкевича буквоедом:

«Степень вины лиц, замешанных в преступлении, не была окончательно установлена на начальных стадиях расследования, но сами эти лица были известны, как и то, что они евреи. Имена Юровского, Голощекина, Сафарова, Волкова имеются в материалах Сергеева, и было прекрасно известно, что они евреи».

Начать следует с того, что Вильтон не знает фамилии большевика *Войкова*, называя его *Волковым*, но зато прекрасно знает про его еврейскую национальность (чего я, например, этим вопросом весьма интересуюсь, не сумел узнать ни в одном заслуживающем доверия источнике. Даже в редакции Еврейской энциклопедии, где наводил о Войкове справки, ничего о его еврействе не знали). О национальности Сафарова пойдет речь ниже, здесь, однако, упомяну, что сам Соколов пишет: «Национальность его мне неизвестна».

Остаются все те же двое — Юровский и Голощекин. И вот когда читаешь подлинные материалы следствия, видно, что министр сказал лондонскому еврею правду: никаких серьезных

данных о еврействе Голощекина в 1919 году не имелось в материалах дела.

На эту тему есть у Соколова два показания. Сергей Логинов, курьер большевистского подполья, в Екатеринбурге пробыл несколько дней:

«Голощекина я узнал, когда прибыл из Омска в Екатеринбург... Он приблизительно около 40 лет, выше среднего роста, полный, волосы на голове светло-русые, с рыжеватым оттенком, вьющиеся. Бороду бреет, усы маленькие... Остальных примет описать не могу. По национальности он еврей, имя его, кажется, Исак. Партийная кличка — Филипп. Что он представлял собой в прошлом, какова его профессия, не знаю. Имеет привычку всегда ходить, усвоенную им в тюрьме, — где сидел, за что — не спросил».

Нормальный вопрос следователя: вы знакомы с человеком несколько дней, не знаете его прошлого, его профессии, не знаете даже, за политику он сидел или нет. Откуда вы узнали его национальность и настоящее имя? Тем более, что при вас его все звали Филиппом.

Вопрос не был задан.

Второе показание. Котенов, горный инженер, проводил триангуляции в районе урочища «Четыре брата», посему допрошен.

«Голощекина я видел один раз. Откуда он и что собой представляет — не знаю. По национальности он жид».

Изылишне спрашивать, задавал ли следователь вопрос: а это вы откуда знаете про человека, которого видели раз в жизни? Не задал. Эти все данные о еврействе Голощекина в деле.

Неудивительно, что Сергеев не докладывал о них генеральному прокурору: такими показаниями не беспокоят начальство.

Так становится понятным различие в именах Голощекина у Дитерихса и Соколова. Дитерихс, знакомый только с делом, вслед за Логиновым назвал его Исаком. Соколов же в Европе прочитал сборник Мельгунова и Цявловского «Большевики», где, взятые из картотеки Департамента полиции, приводились такие его имена: Исай Исаков, Шай Исаков. Итак, по чужим розыскам и уже много времени спустя после окончания следствия юрист убедился, что комиссар действительно был евреем, и тогда-то он и выбрал ему из полицейской коллекции самое характерное еврейское имя: Шая Ицкович. (Пайпс же назвал его другим именем из той же коллекции — Исаем.)

Бруцкус указывает на слабое место в построениях следствия, касавшихся Голощекина: все обвинения в адрес «распорядителя» держались исключительно на единственном дедуктивном умозаключении: раз он еврей, то и должен быть главным.

«Праведный судья от незначительного факта (показаний шопера, что «всем на месте командовал Голощекин». — М. Х.) переходит к губочайшим выводам, на обслуживании которых

привлекаются философия, психология, история, политика. Не может того быть, чуть не плачет Соколов, чтобы этот еврей ничем не провинился в Екатеринбурге. Кто же мне тогда остается, один Юровский? И вот завивается паутинка... Если, как говорит Соколов, физического участия Голощекина ни лично, ни путем распоряжений никак доказать невозможно, то надо навести на него подозрения в участии интеллектуальном. У Голощекина, доказывает Соколов, были хорошие связи с Москвой, и кремлевское правительство он выставляет в виде еврея Свердлова, а своего человека данного еврея — в виде еврея Голощекина. Таким образом, легко получается истина национального духа: евреи (Свердлов) умыслили в Москве и евреи (Голощекин) совершили в Екатеринбурге... Соколов искал не правду, а евреев».

В этом месте позволю себе совершить экскурс в книгу автора, которого Бруцкус считал хозяином и заказчиком соколовской версии убийства, — в двухтомник Дитерихса. Сочинение его отличается от «Убийства царской семьи» Соколова большей прямотой в изложении фактов, большей открытостью, и Бруцкус не раз опровергал данные Соколова фактами из двухтомника генерала. Последний, по Бруцкусу, был наивным солдафоном, в отличие от следователя, который якобы все понимал как оно есть, но постоянно «подмигивал читателю, мол, мы-то с тобой понимаем, какую ахинею я несусь, но таково требование национального духа».

Думается, разнища в оформлении одной и той же концепции в обеих книгах заключалась в более примитивном генеральском методе доказательств. Любой отрицательный персонаж у генерала немедленно назывался евреем — и тогда не было нужды ломать голову над деформацией других следственных фактов: просто любые он записывал на еврейский счет. Соколов же понимал, что так действовать — слишком грубо, вот почему у него возникают, «по-видимому, русские» и «национальность его мне неизвестна». Зато приходилось, деформируя, прилаживать сведения одно к другому, от чего генерал был свободен, как птица в полете...

Приведу типичные примеры генеральской авторской техники.

Сакович, например, не был им объявлен евреем, несмотря на фамилию на «ич» и звание врача, потому что он попал в руки к белым и выяснилось: назывался гусаром, ходил со стеклом, чрезвычайно счастливо играл в карты, ухаживал за медсестрами — короче, брат офицер, с какой стороны ни возьми. Но, как правило, пишется: «Председатель Белобородов и его помощники Сафаров, Войков, Голощекин, Поляков, Краснов, Хотимский — все евреи» (т. 1, стр. 34); «евреи Сафаров, Войков, Поляков, Хотимский, Чуцкаев, Голощекин, Краснов» (там же, стр. 130); «Сафаров, еврей, ехавший с Бронштейном в пломбированном ва-

гоне... родом из Киева, иногда ставивший на своих подписях букву «Г» (стр.31, 309); «Чуцкаев, еврей, каково его прошлое, откуда он родом неизвестно» (стр.301); «Войков, еврей, по-русски называл себя Петром Лазаревичем» (стр.311); «Сыромолотов. Многие утверждают, что он еврей» (стр.312). «Поляков, Хотимский и Крылов — три еврея» (стр.313). Достаточно простейшей проверки, чтобы выяснилось: генеральская информация взята даже не из соколовского дела, а просто из взбудораженной фантазии писателя в погонах.

Белобородова, например, Соколов проверял на зуб у всех возможных свидетелей, знавших того с юности, увы, разнотечный не оказался, все признали русским. Тогда-то Соколову и пришлось сочинять легенду о второстепенной роли председателя Совета в городе — вопреки всем документам, имевшимся в руках следствия. А генералу такого не нужно, и у него Голощекин не командовал председателем Уралсовета, ведь тот сам был еврей.

Второй в списке, Сафаров, вовсе не ездил с Бронштейном в plombированном вагоне, хотя в нем и находился: он ехал в вагоне с Ульяновым (Бронштейн-Троцкий приехал в Россию из Штатов через Англию). И не случайно он ставил на бумагах инициал «Г», звали его Георгием Ивановичем, чего не выяснил генерал, выяснивший, однако, что Сафаров еврей. В реабилитационном деле Сафарова, опубликованном нынче в журнале «Известия ЦК КПСС», КГБ записал: «Национальность — русский». К слову, фамилия Сафаровых, если только это его настоящая фамилия, известна в России с XV века, так звали сурожских (крымских) купцов греческого происхождения. (В Ленинграде, однако, до меня доходили слухи, якобы его настоящая фамилия Вольдин и был он армянином.)

О Чуцкаеве, чье имя-отчество и происхождение генералу установить не удалось, а удалось узнать одно — что был тот евреем, в энциклопедии «Гранат» сказано: звали его Сергей Егорович, родом из семьи станционного смотрителя в деревне Сугат, Камышловского уезда. (Краткая еврейская энциклопедия сообщает, что Чуцкаев был последним по времени председателем ОЗЕТа — Общества земельных еврейских товариществ, помечая возле фамилии: «Нееврей»). Сыромолотова, о коем многие говорят, что он еврей, звали Федором Федоровичем, был он сыном мастера сталепрокатного цеха из Златоуста. Поляков в принципе мог быть и евреем, и русским — фамилия встречается у обоих народов, но загадка подстерегает нас возле обоих его соседей из генеральского списка. Во-первых, неясно, как все же фамилия комиссара-еврея: Краснов или Крылов, — в разных местах он обозначен по-разному. Во-вторых, неясно, почему человек с фамилией как у атамана Всевеликого войска доянского или, на выбор, как у великого баснописца, оказался у генерала евреем?

Зато на Хотимского, третьего в списке, я, признаться, грешил из-за окончания его фамилии на сакраментальное «ский», которым кончаются многие фамилии русских евреев. Увы, в межурах чешского коммуниста Арношта Кольмана «Мы не должны были так жить» встречается имя его друга Хотимского, причем наверняка того самого, поскольку он служил начполитотделом в 5-й армии (у Тухачевского на Урале), а потом главой Челябинского агитпропа. По словам Кольмана, звали Хотимского Валентином Ивановичем, и пострадал-таки он от нехорошего окончания своей фамилии на «ский», только по эту сторону фронта его казнили в 1938 году как польского шпиона.

...Зато, повторяю, Дитерихсу и не требовалось пользоваться формулами Соколова, скажем, для того же Сафарова: «Национальность его мне неизвестна» или для одного из палачей — Никулина: «По-видимому, русский». Использование таких формул довело Бруцкуса до иступления:

«Зная с полнейшей точностью, что Никулин чисто русский, происходит из местной уральской православной семьи, осведомившись об этом из документов и опроса свидетелей, Соколов все-таки старается спасти завет Дитерихса: «Русский народ в этом деле не участвовал» — этим вот по-видимому: авось в ком-нибудь останется сомнение, что Никулин — псевдоним какого-нибудь Хаима. Увы! Списки охранников Ипатьевского дома, списки палачей и мучителей сохранились полностью — и нет в них еврейских имен, и все это русские, русские, русские, с незначительной примесью инородческих, но не еврейских фамилий. Не помогают хитрости усердного антисемита!»

А вот сюжеты, связанные с потаенной историей цареубийства («еврейской» — по определению следователя): они добыты из расшифрованных телеграфных лент, отправленных с Урала в Кремль в июле 1918 года. Ленты обнаружил в архиве телеграфа екатеринбургский прокурор Остроумов: поскольку официальные депешки отправлялись в Кремль бесплатно, за счет Совета, то их копии хранились в архиве как отчетный денежный документ. Комиссары не догадались эти копии изъять и уничтожить. Соколов — отдадим должное — сообразил, что главные секреты преступления скрыты в этих шифровках, но расшифровать их долго не мог: это сумел сделать для него только в эмиграции крупнейший специалист по шифрам. Тем не менее все шифровки были подписаны внизу открыто, и подпись неизменно была одна и та же: «Белобородов».

Проще всего было объявить Белобородова Хаимом или Ициком: как читатель, надеюсь, помнит, в сочинении «Русофобия» И. Шафаревича он и назван Вайсбардом. (Математик не сам это придумал, а заимствовал из трудов эмигрантов-монархистов, понимавших, что Белобородова в истории убийства не объехать.) Кстати, первым автором подобной легенды был сам Николай П. Вспоминает разговор с ним дежурный по ДОНу член исполкома:

«— Скажите, пожалуйста, Белобородов — еврей?

Пораженный нелепостью и неожиданностью вопроса, я не сразу нашел, что ответить.

— Он на меня произвел впечатление русского человека...

— Он русский и есть.

— Как же он тогда состоит председателем областного Совета? — недоуменно протянул бывший царь. Оказывается, он был убежден, что во главе советских органов состоят только большевики-евреи».

Но версию с Вайсбардом Соколов не мог протаскивать, сохраняя имидж честного юриста даже в собственных глазах: он тщательно проверил происхождение председателя Уралсовета. И тогда была сочинена иная трактовка: Белобородов оказался подставной русской пешкой для маскировки еврейских преступлений Голощекина. В ее основу была положена единственная неподписанная (и не зашифрованная запись телеграфных переговоров: следователь приписал ее Голощекину на том основании, что екатеринбургский собеседник Свердлова говорил с ним на «ты», а по сведениям эмигрантского публициста Вл. Бурцева, Голощекин со Свердловым были на «ты». Значит, переговоры велись не только Белобородовым, но и Голощекиным: вот единственная, долгожданная улика против него.

Об этой улике разговор пойдет ниже, пока отметим, что версия Соколова насчет соотношения власти Белобородова и Голощекина держалась в научной литературе довольно долго: еще в 80-х годах Н. Росс писал:

«Есть основание утверждать, что Белобородов сыграл в екатеринбургских событиях видную, но не столь ответственную роль. Его выставляли на первый план как истинно русского рабочего, настоящего пролетария-революционера» — и, вслед Соколову, отмечал голощекинскую особую близость к Зиновьеву и Свердлову.

Ричард Пайпс тоже назвал Голощекина «самой влиятельной фигурой в исполкоме, благодаря близкой дружбе со Свердловым».

Борис Бруцкус не находил в 20-х годах, когда внутривластные и личные отношения оставались свежими в памяти современников, никаких оснований для подобного вывода.

Он процитировал все, что говорится у Соколова о председателе Уралсовета:

«Александр Георгиевич Белобородов, родом из Лысьвенского завода, Пермской губернии, возраст 32 — 35 лет, русский, конторщик по профессии. Он числился председателем Уральского областного Совета. Из него хотят сделать крупную революционную фигуру. Это неправда. Распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши. Его, может быть, никогда бы не увидели за ее пределами, если бы не убийство Царской семьи. Только после этого он оказался

членом ЦИКа (на самом деле ЦК. — М. Х.) и видным столичным чекистом. Он никогда не был самостоятельным и в роли председателя областного Совета. Одно время он был арестован за кражу или присвоение 30 тысяч рублей, был освобожден и снова занял свой пост».

«Вот все 11 строк, — комментирует Бруцкус, — которые следователь по делу об убийстве Царской семьи нашел нужным сказать о человеке, решившем это убийство... Пусть совестливый человек подумает, сколько Соколов исписал бы бумаги о Белобородове, будь Белобородов евреем, и в какой дальний уголоч на заднем дворе упрятал бы он Юровского, будь Юровский русским.

Народная молва уже тогда, в конце лета 1918 года, называла Белобородова убийцей Царской семьи, — продолжает он. — ...Но пришел следователь, подчинивший закон и правду требованиям национального духа, и написал, не приводя ни слова в доказательство:

— Белобородов ни при чем. Из него *хотят* сделать крупную фигуру. Он вовсе и не председатель, а один пустой вид председателя. Он вор, и больше ничего».

В самом деле, текст Соколова поражает и сегодня отсутствием элементарной логики. Согласимся с его постулатом, что Белобородов был просто распропагандированным рабочим, невежественным и вовсе не крупной революционной фигурой. Ну и что? Разве для организации убийства безоружных пленников нужен эрудит, столичный теоретик-марксист? Или — Соколов пишет, что только убийство Романовых вывело его на всероссийскую сцену?! Но разве этот факт как раз и не доказывает, что товарищ получил положенную ему за преступление награду? Он был вором? Может быть. Разве это мешает быть убийцей? Или председателем Совета?

Если бы Бруцкусу были известны материалы следственного дела, он негодовал бы куда сильнее. Именем Белобородова подписаны документы, имевшие отношение к самым страшным эпизодам дела, ко всем предварительным убийствам в городе, ко всей подготовке преступления. (Голощекин вернулся из Москвы 12 июля — на готовое.) По сути, следователь, подчиняясь юдофобским идеологическим импульсам, выгораживал, умаляя роль в преступлении одного из главных убийц — и то, почему спустя семь с лишним десятилетий после окончания следствия историки все еще вынуждены заниматься не только исследованием того, что происходило на Урале летом 1918 года, но простым отысканием первичных фактов.

Разумеется, пока не открыты секретные архивы, прежде всего ЦК КПСС и КГБ СССР, самые замысел, планирование и осуществление убийства Романовых на Урале останутся в зна-

чительной мере полем исторических гипотез. Но для гипотез у нас все же имеется немало отправных пунктов. Поэтому, предупредив читателя, что, начиная с этой главы, он погружается в гипотетическую часть исследования, что предположения автора, возможно, будут опровергнуты новыми документами, но с той же степенью вероятности подтверждены ими, мы займемся скрытой историей преступления века.

Предварительно же, как пролог трагедии, опишем вкратце житие и быт обреченной семьи в последние месяцы земного существования.

ИПАТЬЕВСКИЙ БЫТ

30 апреля 1918 года председатель Уралсовета Белобородов приказал августейшей чете с дочерью и двумя слугами войти в тюрьму — двухэтажный особняк горного инженера Ипатьева.

Инженер купил его недавно и сам жил во втором этаже, а первый отвел под контору для своей подрядной строительной компании: комнаты пока пустовали. За время, что Романовы находились на этапе из Тобольска в Екатеринбург, хозяина выселили, а вокруг дома возвели высокий забор (потом для верности построили второй). Узников никто не должен был видеть, и они не должны были никого видеть без разрешения ВЦИКа: ссылку заменили более жестокой репрессией — тюрьмой.

Охраняло дом 75 охранников. Подражая Соколову, по мнению которого этот анкетный факт имел какое-то значение, укажем их национальность: 73 русских и двое, судя по фамилиям, поляков.

Охранники делились по обязанностям: внешняя караульная служба, т. е. посты вне дома (вдоль заборов и в саду), и внутренняя охрана, т. е. надзиратели в самом доме.

В быту они делились по землячествам. Первое составляли люди коменданта Александра Авдеева, нанятые им с фабрики Злоказова. Руководящий караульный начальник «злоказовцев» Анатолий Екимов так описывал их следователю:

«Авдеев... из его слов можно было понять, что за заслугу перед революцией, т. е. за то, что не допустил Яковлева увезти царя, его назначили комендантом. И, как видать, этим назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда на митинге обещал рабочим: Я вас всех свожу в дом и покажу парк... Главная у них (злоказовской компании. — М. Х.) цель была в деньгах. За пребывание в Доме особого назначения они получали особое содержание, кроме того, и на фабрике получали жалованье как состоявшие в фабричном комитете или Деловом совете. Пил Авдеев и здесь, в доме Ипатьева. С ним пили и эти его приближенные. Когда они переселились в дом Ипатьева, то стали воровать царские вещи. Часто ходили в кладовую и выносили вещи в мешках. Мешки вывозили и на автомобиле, и на лошадях к себе домой, на квартиры. Говорили об этом на фабрике Злоказова, указывая определенно, как на воров, на Авдеева и Люханова».

После того как прошел ледоход, из Тобольска судном до Тюмени, а оттуда поездом доставили в Екатеринбург и остальных членов семьи, свитских, прислугу. Младших Романовых

этапировали в Дом особого назначения, а Татищева, Гендрикову, Шнейдер, камердинера Волкова — туда же, куда уже доставили князя Долгорукого, — в местную тюрьму. Гиббсу и Жильяру было объявлено о запрете на въезд в Екатеринбург: иностранцы в России всегда, не только после революции, имели привилегии.

После прибытия второго этапа решено было увеличить охрану ДОНа. Этим занялся комиссар Сергей Мрачковский, зять дьякона Сысертского завода (что расположен в 20 верстах от Екатеринбурга). Там, на Сысерти, он и навербовал охотников, соблазнив высоким жалованьем (400 рублей в месяц! Царско-сельские охранники получали в Тобольске от Яковлева из расчета по 250 в месяц и считали, что жалованье у них преотличное). «Сысертцы» составили второе землячество; их вожаком был начальник внешней охраны Павел Медведев.

Вначале режим был относительно мягким. Злоказовские алкаши сознательно не мучили узников, просто само их хулигански естественное поведение выглядело пугающе. Камердинер Терентий Чемодуров рассказывал, что «Романовы обедали все вместе, за одним столом с ними обедал комендант Авдеев, часто пьяный, без кителя... Авдеев неприлично и оскорбительно вел себя с Государем: желая взять из общей тарелки какое-либо блюдо, он тянулся рукой между Государем и Ее Величеством и локтем задевал Государя по лицу... Ложек, ножей, вилок часто не хватало. Участвовали в обеде и красноармейцы. Придет какой-нибудь и лезет в миску: «Ну, с вас довольно, я себе возьму»... Устраивали переключки. Когда княжны шли в туалет, красноармейцы якобы для караула шли за ними в уборную. Эти рассказы камердинера подтверждаются показаниями разводящего Екимова (сам он в покои допущен не был и лично ничего не видел, но на постах кое-что знали и слышали): «Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку и разносили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не были приятны для царя: «Вы жертвою пали», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу».

Вот, зная Авдеева как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с Царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре, поведению. Как я сам наблюдал его в комендантской, думаю, что его обращение с Царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры про Распутина... что государыня будто бы жила с Распутиным».

Предположения Якимова находят подтверждение в художествах, которые следователи обнаружили на стенах ДОНа. Вот их образцы: «Царя русского Николу за хуй сдержали с престолу»; «По всей по деревне погасили огни, Сашка с Гришкой спать полегли»; «Сашка и Гришка сидят за столом, сам Николашка пошел за вином».

Охранники, однако, были убеждены, что обращались с царской семьей хорошо. Так показали Проскуряков и Медведев.

Режим семьи был однообразен. Вставали в 9 утра, пили чай и полтора-два часа гуляли в саду. Потом Авдеев сократил срок прогулки до часу в день, что «было похоже на тюрьму», как он объяснил Николаю. Обед полагался в час, но, как правило, запаздывал. На питание Николай не жаловался, наоборот, в дневнике похвалил. Ежедневно приносили молочные продуктовые передачи из монастыря (о причинах такой любезности со стороны охраны смотри ниже). Иногда возникали конфликты, чаще всего с Дидковским, однажды с Войковым. Как-то часовой выстрелил в окно, из которого выглянула великая княжна: «Помоему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают» (запись в дневнике от 14 (27) мая). Каждый визит в тюрьму казался событием: за день до выстрела вместе с врачом В. Дервянко пришел некий *черный господин*, которого семья приняла за коллегу Дервянко (это был комиссар-чекист Яков Юровский, в прошлом ротный фельдшер). Через месяц комендант предупредил: возможен налет анархистов, надо собраться на этап в Москву: «Немедля начали укладываться, но тихо, чтоб не привлекать внимания караула, по просьбе Авдеева» (31 мая/13 июня н. ст.).

Однажды их посетили сразу 6 человек, сказано было, что это «комиссары из Петрограда». «Приходили какие-то субъекты и молча при нас разглядывали окна» (10/24 июня).

В эти месяцы царь много читал. Еще в Тобольске он думал над «93-м годом» В. Гюго, романом о революции. Потом последовала «Всеобщая история» Йегера, из прозы «Анна Каренина» («читал с увлечением»), прежде не читанная четвертая часть «Войны и мира» и — неожиданно — «Синее с золотом» Аверченко. В Екатеринбурге, углубившись в библиотеку хозяина дома, он с необыкновенным интересом записывал впечатления от ...Салтыкова-Щедрина. На какие-то важные мысли наводило скрытного и мистически настроенного монарха чтение сатирика: ни одному литератору в жизни не дал он столько положительных оценок. Читал все: «Господ Головлевых», «Пошехонскую старину», статьи, сказки, — том за томом: «Занимательно и умно». Последнее, за 10 дней до гибели, запись о прочитанном: «Все эти дни по обыкновению много читал. Сегодня начал читать седьмой том Щедрина. Очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи» (23 июня/6 июля 1918 года).

Чем привлек Щедрин монарха?

Вспоминается признание другого мистика и монархиста: «Все остальные черты в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — мистический писатель), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и

противопоставление ему излюбленной и великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина...» (М. Булгаков. Письмо советскому правительству от 28. III. 1930). Возможно, по-романовски идеализировавший народ Николай разглядел в книгах Щедрина эти глубочайшие страдания.

Режим постепенно ужесточался. Вначале поступала почта: пришла, например, посылка с шоколадом от сестры императрицы Елизаветы Федоровны. (Авдеев и его команда шоколад украла.) Потом почта перестала поступать. Приходила газета, Николай подписался на «Екатеринбургский рабочий». Потом газета исчезла. В дом допускали только священников по двенадцатым праздникам и уборщиц.

Но за 20 дней до гибели царь занес в дневник: «На днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми» (14 июня/27 н. ст.). Через 17 дней, за три дня до гибели, в дневнике Николая II появилась последняя в его жизни запись:

«Вестей извне никаких не имеем».

УБИЙЦЫ

а. Ленин

Главное обвинение Бруцкуса в адрес Соколова таково: следователь на протяжении своей книги не упомянул фамилию — Ленин. Ни разу.

Ученый не забыл процитировать предложение, десятилетиями защищавшее Соколова от подобных упреков: «Соколов, облупив на нужды погрома Свердлова с Голощекиным, печально восклицает: «Нет сомнения, были и другие лица, решившие вместе со Свердловым и Голощекиным судьбы Царской семьи. Их я не знаю». «Изучив нрав Соколова, — комментирует он, — мы легко расшифруем эти слова. Когда Соколов, имитируя частность и бескорыстие, пишет: «Национальность их мне неизвестна», — мы знаем, что дело идет о русских, которых требуется замаскировать... Когда он... не называет других фамилий, кроме Свердлова и Голощекина, только потому, что их не знает, то секрета тут нет никакого: неизвестные Соколову имена принадлежат неевреям. Это имена членов советского правительства во главе с Лениным, это имена главварей чрезвычайки с Держинским, Менжинским во главе, это имена вождей Красной Армии, давшей силу советской власти...»

(Намек на генералов, массами пошедших на службу в РККА.)

Я приведу здесь почти полностью огромную цитату из Бруцкуса, современника екатеринбургского убийства, рассуждавшего о его *первопричине* так:

«Если бы все члены ЦИКа, все народные комиссары и все вообще влиятельные большевики предложили такое решение этого вопроса, которое было бы неудобно Ленину, ничего из такой внушительной демонстрации не вышло бы... Если бы Романовы, оказавшиеся в руках большевиков, были истреблены... то именно такое решение вынес Ленин, один только Ленин.. Единственный виновник Ленин — и никто больше. О виновности всех остальных можно говорить... как о виновности в гибели казненного от руки судей, вынесших приговор на точном основании закона, или того палача, который рубил голову.

Ленин приказал убить Романовых — это истина, не требующая доказательств, это историко-политическая аксиома. Но за Лениным... упрочена репутация идейного борца... Счастье этого человека беспримерно: от его имени отскакивают все ужасы гражданской войны, террора, миллионы трупов, раскиданные по русской земле... Между тем Ленин не только попуститель

кровапролития, но и убежденный организатор величайшей бойни на Земле... Этого мало, о Ленине точно известно, что он был лично сторонником крови, тем, кого в применении к хирургам называют мясником. Никого и ничего в своей жизни не пожалел Ленин... Это он — автор теории и практики об истреблении целых классов и горячий поклонник Дзержинского с его бесчеловечными казнями и адскими пытками... Ни разу не узнал он радости прощения. Его сердце, наоборот, отзывалось с удовлетворением на призрак насильственной смерти. Ему даже не пришло в голову помиловать ранившую его Каплан. Он не подписал ни одной отмены смертной казни ни одному рабочему или крестьянину... Его чисто палаческий образ действий в деле братьев Генглез изумил даже его ближайших соратников, хотя они хорошо знали своего Ильича...

(Ни в одном источнике или исследовании я не встретил никаких упоминаний о деле Генглез, ни даже их фамилий.)

...а отношение к гибели Шингарева и Кокошкина — приказ о немедленном розыске их убийц с одновременным назначением этих убийц на командные должности на фронт — обнаружило силу его политического лицемерия и степень его личного равнодушия к пролитию крови...

(Андрей Шингарев и Федор Кокошкин — арестованные министры Временного правительства, кадеты, по болезни переведенные из крепости в больницу, — в ночь после разгона Учредительного собрания убиты матросами на больничных койках.)

...Душа Ленина не сопротивлялась пролитию невинной крови... Его особое природное свойство — отсутствующие тени сострадания к человеку, отсутствие всякой чувствительности. Вполне уместно предположить, что если бы Ленин не был человеком с такими свойствами души, то судьба Царской семьи могла повернуться иначе. Ни одна революция не сопровождалась истреблением всех членов династии, находившихся в руках у победителя. Это было сделано у нас, потому что нашим властью стал человек, проповедовавший истребление классов, а не отдельных людей. Такой проповеди человечество еще не знало, как не знало оно и такого террориста, как Ленин.

Романовы были своего рода классом, и убийство всех представителей этого класса — это идея могла зародиться в единственной в мире голове, голове Ленина... Ленин органически не мог найти иного средства избежать затруднений... кроме того единственного, которое подсказывал ему его характер: убить, уничтожить, стереть с лица земли. И отдал такой приказ. Тысячи людей причастны или виновны в гибели Царской семьи, целый ряд условий, исторических и политических, привел к этой катастрофе. Но среди этого запутанного узла причин с особой яркостью выделяется деятельность Ленина, бесповоротно решившего казнь.

В расследовании об убийстве Романовых не упомянуть ни

разу имени Ленина — на это способен не следователь, не историк, а памфлетист... Искать виновников убийства Царской семьи и не заметить Ленина — такую тактику мог позволить себе только агитатор, нимало не беспокоившийся, что скажет о его праведных трудах чуткая совесть вдумчивого современника и беспристрастный отзыв историка».

* * *

В этом фрагменте меня более всего поразила мысль Бруцкуса, что, если бы против решения Ленина о Романовых возражали все видные большевики, вместе взятые, это не изменило бы его позиции. Ведь Бруцкус не мог знать, что мнение Ленина разошлось с проектом большевика номер два, председателя РВС республики Льва Троцкого, и никакого влияния Троцкий на Ленина оказать не сумел.

В 1935 году к Троцкому в эмиграцию пришло сообщение: исчез в камерах Ягоды его старший сын Сергей. Этот молодой человек испытывал аллергию к политике, наотрез отказываясь на революционную деятельность своего родителя, и сделал карьеру выдающегося инженера-изобретателя. В момент выдворения родителей за пределы СССР Сергей Седов (сыновья Троцкого носили фамилию матери, Натальи Седовой) был влюблен и не понимал, зачем ему нужно покинуть Россию из-за политических конфликтов отца. Но через шесть лет Сергей стал догадываться, какую трагическую ошибку совершил. Он успел сообщить, что жизнь его куда хуже, чем даже родители могут себе представить, — и начались воркутинская одиссея, кашкетинские расстрелы лагерных друзей (по имени палача Кашкетина), Лубянка, неизбежный конец...

Видимо, инстинктивно сопрягая в памяти исчезновение сына с судьбой детей-узников Ипатьевского дома, Лев Давидович занес тогда в дневник, сразу вслед за записью о судьбе сына, датированные 9 апреля 1935 года такие строки:

«Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Либералы склонялись к тому как будто, что Уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это неверно. Постановление было вынесено в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу теперь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву — думаю, что за несколько недель до казни Романовых — я мимоходом заметил на политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предполагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царст-

вованья... Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо. Но... времени может не хватить... Прений никаких не вышло, так (как) я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в политбюро нас, помнится, было трое-четверо: Ленин, я, Свердлов... Каменева как будто не было. Ленин в тот период был настроен очень сумрачно, не верил, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбургa... В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Конечно, — ответил он. — Расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, видимо, с оттенком удивления.

— Все, — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решил? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставил на деле крест. По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым... В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и крестьян не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих политических поворотах.

Один из последних защитников безнадежной версии «приговора Уралсовета» Г. Иоффе не мог проигнорировать запись Троцкого:

«Конечно, это серьезное свидетельство, но ценность его, на наш взгляд, снижается другой записью... В 30-х годах в Париже вышла книга бывшего советского дипломата Беседовского (перебежавшего на Запад) «На путях Термидора». Касаясь расстрела Романовых, он по вполне понятным для него причинам утверждал, что к этому были причастны Свердлов... и Сталин. О характере своих литературных трудов сам Беседовский отзывался пренебрежительно, говорил, что просто издается над своими читателями. Несмотря на легковесность откровений Беседовского, Троцкий ...сделал такую запись: «По словам Беседовского, царевубийство было делом рук Сталина»... Это, конечно, может породить некоторые сомнения в точности дневниковых воспоминаний Троцкого, относящихся к казни Романовых: в них все же чувствовался некий налет политической тенденциозности».

На наш взгляд, никакого сомнения это породить не может:

Троцкий сам писал, что не знал, кто и как действовал в Кремле во время его отсутствия. Почему бы ему и не предположить всерьез, что за его спиной на Ленина повлиял Сталин, тем более что в других случаях это наверняка бывало и правдой... Конечно, Троцкий был политически лукав и тенденциозен: упрекать за это политика — все равно что шахматиста за умение комбинировать на доске. Вот хоть по цитируемому тексту: Троцкий притворяется, что не помнит, кто состоял в тогдашнем политбюро. Трое, четверо... Каменева как будто не было. «Каменева-то не было, он до августа — в плену у финнов, но было их в бюро ЦК (так оно называлось в 1918 году) все-таки не трое, а четверо, а четвертым был Сталин. Поскольку миф, якобы Сталин не принимал серьезного участия в революции и гражданской войне, а сформировался как чистое дитя аппаратной клики, распространялся троцкистами, то их лидер даже в собственном дневнике не захотел признать, что уже в 1918 году Сталин попал в четверку высших руководителей партии. Но — отлично помнил об этом, а потому мог поверить Беседовскому. Или хотел верить: каждый практический политик копит информацию, которая компрометирует соперника... Это вовсе не отменяет правдивости того, что Троцкий не прочитал у прохвоста Беседовского, а знал и помнил сама.

* * *

Интересные факты по кремлевскому сюжету цареубийства собрал и проанализировал Р. Пайпс. Достаточно было ему назвать имя вдохновителя убийства, и, как в детективах Агаты Кристи, на месте преступления проступили очевидные следы убийцы.

«Есть довольно веские подтверждения, что вскоре после начала чешского восстания Ленин поручил ЧК начать подготовку к уничтожению всех Романовых, проживавших в Пермской губернии, — пишет американец, — В качестве повода для убийства надо было использовать инсценированные побеги. По указанию Ленина ЧК собиралось устроить изощренные провокации... В Перми и Алапаевске замысел удался. В Екатеринбурге он не понадобился».

Историк сопоставил следующие факты и даты:

12 июня убивают великого князя Михаила Романова. Пермские власти оповещают население, что он «похищен белогвардейцами». 17 июня эта информация распубликована в столичных газетах. (Через месяц пресс-бюро Совнаркома подтвердит, что Михаил Романов прибыл через Омск в ...Лондон.) 18 июня председатель Совнаркома В. И. Ленин собственной персоной дает интервью газете «Наша слово»: мол, сообщение о побеге Михаила верно, а вот жив или мертв Николай — правительство пока точно не знает.

«Для Ленина было крайне нехарактерно, — пишет Пайпс, — давать интервью в «Наше слово», либеральную газету, которая, насколько ей позволяли обстоятельства, критически относилась к большевистскому режиму и с которой большевики обычно старались не связываться. Не менее любопытно его неведение об участии царской семьи — ведь правительство легко могло узнать все относящиеся к делу факты. Вплоть до 28 июня пресс-бюро Совнаркома утверждало, что ему ничего не известно о судьбе бывшего государя, хотя признавало, что поддерживает ежедневную связь с Екатеринбургом. Только 28 июня, якобы после получения телеграммы от главнокомандующего Североуральским фронтом Р. И. Берзина, что 21 июня он лично посетил дом Ипатьева и нашел, что все его жильцы живы, советское руководство сделало сообщение, что Николай и его семья вне опасности... Задержку на неделю этой информации можно объяснить как попытку намеренно утаить ее... Такое странное поведение правительства делает правдоподобной гипотезу некоторых современников, что слухи распускались Москвой с целью проверить реакцию общественности на убийство бывшего государя. Только в кругах аристократии и монархистов наблюдалась тревога за судьбу царской семьи. Русский же народ в целом, как интеллигенция, так и массы, не высказал никакого отношения к судьбе бывшего царя. Возмущения общественности за границей тоже не наблюдалось. Явный намек в печати, сделанный с целью проверить реакцию на смерть царя за границей, не вызвал протеста ни в одной западной стране. Похоже, что безразличие к этим слухам внутри страны и за границей решило участь царской семьи».

Пайпс почему-то не сопоставил хронологию совнаркомовских действий с теми екатеринбургскими событиями, что описаны в следующем разделе его исследования. В тот же день, когда появилось совнаркомовское сообщение о бегстве Михаила, в Екатеринбурге появился некий посланец монархических кругов «Сидоров» и добился от своего начальства разрешения передавать в ДОН свежие молочные продукты с ближнего монастыря. И назавтра, после заявления Ленина, так-таки и не узнавшего, жив или погиб в эти самые дни Николай II, в дом как раз монахини принесли бутылку сливок, в пробке которой была спрятана записка на французском языке.

21 июня ДОН осмотрели Берзин со свитой и назавтра туда явилась группа рабочих, к радости семьи открывшая наглухо забитое до этого верхнее окно. А через два дня пришло новое письмо, где настаивалось на совершенной необходимости, чтобы одно из окон открывалось. Что было уже исполнено предусмотрительным Шурой Авдеевым... В ночь с 26 на 27 июня узники готовились встретить спасителей. (Алексей единственный спал в спальне родителей.) «Провели тревож-

ную ночь и бодраствовали одетые», — написано в дневнике царицы. Но сигнала не последовало.

«Ожидание и неуверенность были очень мучительны», — занес царь в дневник.

«Что заставило ЧК изменить планы, установить невозможно» (Пайпс), но на следующий день в столичных газетах появилась официальная телеграмма (датированная еще 21-м числом), мол, Романовы, оказывается, живы и благополучны в Екатеринбурге.

Зондаж ситуации Совнаркомом и его председателем прстекал абсолютно синхронно с действиями провокаторов, орудовавших вокруг Ипатьевского дома.

Бруцкус оказался прав: участие Ленина в царевубийстве было направляющим и решающим. Поскольку организовывалась акция с начала июня, теоретически возможно, что у сведений Беседовского, афериста-сочинителя, имелся некий фундамент: Сталин мог принимать участие в деле, подходящем ему по квалификации и темпераменту. Но — лишь на самом первом его этапе. После его убытия в Царицын (5 июня) роль главного практического куратора, первого ленинского помощника в этом деле, возложили на председателя ЦИКа Советов Якова Моисеевича (он же Михайлович) Свердлова.

б. Свердлов

Яков Свердлов — темная лошадка большевистского штаба.

Типичнейший большевистский практик: никогда не бывал за границей, поэтому до 1917 года Ленин и не знал его лично. Даже во внутрироссийском руководстве Свердлов — уральский провинциал: поставленный во главе Петербургского комитета, провалился через два месяца. Подозревал, что среди столичных товарищей действовал провокатор, выдавший его, тамошнего новичка. После революции познакомился с бумагами Департамента полиции и понял, что среди шести членов ПК он единственный не состоял на тайной службе ни у кого, кроме товарища Ленина.

Авторитет его в партии был велик. Потому после Пражской конференции, на которой он не присутствовал, Ленин кооптировал, как было сказано выше, Свердлова в ЦК и в Русское бюро — уникальный случай для вождя большевиков по отношению к незнакомому практику.

В 1917 году они наконец встретились, когда вождь приехал в Россию. Ленин захотел было выкинуть этого незнакомца из нового ЦК, но наткнулся на столь твердое сопротивление собственных функционеров, что уступил и ввел Свердлова в руководство. Впоследствии радовался: «Партия нас поправила».

Вскоре Свердлов становится его ближайшим помощником, отесняя прежнего адъютанта, Зиновьева, на полочку ниже себя.

Ленин был несомненно харизматической личностью, убеж-

денной в своем историческом предназначении и умевшей внушить признание своей великой незаурядностью как стратега и тактика всем окружавшим большевикам. В кругах партии его звали «Старик» и «Ильич», как в селах зовут почтенных старейшин. Но у него имелся кардинальный недостаток, прощительный на посту лидера небольшой революционной партии, но нетерпимый для главы правительства, каким он готовился стать. Ленин был слабым практическим администратором (отсюда, кстати, обилие провокаторов в важнейших узлах его партии) — нет, не политическим дирижером (это как раз была его стихия), а именно управителем текущих, в частности кадровых, дел.

На посту премьера он непрерывно занимался мелочами, недостойными ни его поста, ни его масштаба, и упускал из обзора центральные административные проблемы. В гражданскую войну, к примеру, занимаясь распределением орудий или там вагонов с боеприпасами, огорошил собственного «Наполеона», Троцкого, предложением уволить всех офицеров-профессионалов и назначить главкомом большевика Лашевича. Троцкий возразил: это невозможно, в Красной Армии служат 30 тысяч бывших офицеров, кем их заменить? «Неужели столько!» — восхитился премьер, не подозревавший во время войны о величине подобного явления в собственной армии.

Достоинством Ленина как руководителя было то, что он знал этот свой порок и не боялся возвышать рядом с собой выдающихся администраторов. Например, еще только готовясь к захвату власти, возвысил давнего личного и политического противника Льва Троцкого. Ситуацию понимали современники. «Ведущими актерами в исторической драме, известной под названием Октябрьской революции, были Ленин и Троцкий, — писал кинооператор Генштаба (сначала царского, потом советского) Янис Доред. — Они дополняли друг друга своеобразным методом: Ленин был великий теоретик, который, не мешкая, давал приказы о внедрении в жизнь самых фантастических теорий, а Троцкий, обладая административным талантом, приводил эти планы в исполнение. Оба были одарены недюжинным умом, обоих обуревала жажда власти».

Двумя другими лидерами, обладавшими великим талантом администратора, были выдвинутые Лениным одновременно с Троцким на первые места в партии и стране Свердлов и Сталин.

В книге о Сталине Троцкий сочувственно цитирует некоего наблюдателя по фамилии Верещак: «Я всячески хотел понять роль Сталина и Свердлова в большевистской партии. В то время, как... в качестве ораторов выступали Ленин, Зиновьев, Каменев, — Сталин и Свердлов молча дирижировали большевистской фракцией. Это была тактическая сила. Вот здесь я впервые почувствовал значение этих людей». Троцкий комментирует: «Верещак не ошибся: в закулисной работе по подготовке съезда они были очень ценны... Они не всегда прибегали к принципиальным до-

водам, но умели быть убедительными для среднего командного состава, для провинции».

В 1917 году к большевикам хлынула масса левонастроенных авантюристов: партия выросла раз в десять за счет послереволюционных новобранцев. Хозяином-распорядителем этих новых для Ленина людей стал Свердлов: фактически он отстраивал для вождя совершенно новую партию, в которой подпольный слой ее ветеранов оказался в явном меньшинстве. Правда, в дни захвата власти Свердлов, как и Сталин, ступевался: принимать самостоятельные политические решения в отсутствие скрывшегося в подполье вождя оба еще не умели — может быть, не рисковали... И место в высших эшелонах власти досталось практическим вождям переворота — Троцкому и Каменеву. Но через две недели после восстания Каменев провел в возглавляемом им ЦИКе Советов (аналоге советского парламента) указ об отмене смертной казни, и Ленин тут же прогнал его, назначив новым главой государственной власти Свердлова. Он оставил его одновременно и секретарем ЦК, главой партийного аппарата, причем настолько могущественным, что иногда в документах Свердлова именовали председателем ЦК РКП(б).

Когда в 1919 году Свердлов умер от испанки, а Троцкий отказался занять место единственного заместителя Ленина, мотивируя это тем, что еврей не должен править Россией, дорога реальному претенденту на необъятную власть, товарищу Сталину, оказалась вполне открытой.

Ленин высоко ценил своего исполнителя: «Товарищ Свердлов наиболее отчеканенный тип профессионального революционера... человек, целиком порвавший с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, который целиком и беззаветно отдался революции».

Сталин: «Вождь и организатор нашей партии и нашего государства... Организатор до мозга костей, организатор по натуре, по навыкам, по революционному воспитанию, по чутью — такова фигура Якова Михайловича Свердлова».

Именно его Соколов посчитал главной пружиной царевубийства.

Но Борис Бруцкус по-иному толковал и личность председателя государства и партийного аппарата, и его роль в екатеринбургском расстреле:

«Неунывающий носитель национального духа легко перепархивает в высшие сферы и находит здесь крупную поживу — Свердлова... Соколов пишет:

«Яков Мошевич Свердлов, мещанин города Полоцка, Витебской губ., еврей, родился в 1885 году в Н. Новгороде. Учился в нижегородской гимназии, но не кончил курса и был затем аптекарским учеником. В 1907 году был членом Пермского комитета большевиков и по приговору Казанской палаты осужден в крепость на два года. В 1911 году сослан в Сибирь, бежал и

опять сослан... избран членом ЦК... был членом военно-революционного комитета, руководившего переворотом 25 октября».

Это, так сказать, официальная биография, и Соколов не выходит из ее рамок, потому что оно ему невыгодно. Но мы выйдем — в интересах правды. Первый президент Российской Советской республики был не Яков Михайлович Свердлов, а Яша, или, чаще, Яшка Свердлов, который так Яшкой и умер. Когда пришлось писать некролог, газеты оказались в величайшем затруднении: что сказать о Яшке, кроме того, что он и на стезе высокой остался таким же хулиганом, каким был всю жизнь. Избрание Свердлова в председатели ЦИКа было одной из знаменитых «улыбок Ленина», язвительных гримас Ильича, предназначенных для посрамления оппозиции в ЦИКе и издевательства над «иностранный буржуазией». Свердлов отличался пронзительным голосом и решительными манерами. Лучше него никто не мог прикрикнуть на существовавших тогда в ЦИКе представителей меньшевиков, закрыть рот хулиганской угрозой или ударом кулака об стол... Яшка был незаменимым руководителем прений и голосований, которые он направлял, как хотел, одним и тем же средством — голой угрозой... В Москве знали, как Ленин хохотал, представляя Яшку, высказывающего свои дружеские чувства напыщенному титулованному дипломату, королевскому камергеру или гофмейстеру. Таков был Свердлов... Ленин не допустил бы и более серьезных людей издать звук один в вопросе, от решения которого в значительной степени зависели судьбы Красной республики!»

Все-таки общие соображения Бруцкуса не дают нам ответа на поставленный вначале вопрос: действительно ли у Соколова в руках оказались улики, ведущие только к Свердлову, и ни одной, тянувшейся к Ленину, и он поэтому как добросовестный юрист не посмел назвать имя Ленина как самого вероятного организатора убийства — ибо не имел против него прямых улик («их имен я не знаю»)?

Но в такую модель поведения юриста могут поверить только люди, которые не читали материалов его следствия. Ибо главной уликой и против Свердлова, и против Голощекина являются для Соколова зашифрованные (и незашифрованные) ленты телеграфных переводов Кремля и Екатеринбурга. Но на этих лентах всегда стоят два адресата: «Совнарком; Председателю ЦИК Свердлову» либо «Секрсовнаркома Горбунову, председателю ЦИК Свердлову». Невозможно поверить, будто следователь всерьез посчитал, что единственным человеком, интересовавшимся в кабинете министров судьбой Романовых, был личный секретарь Владимира Ильича Ленина товарищ Горбунов...

Как обычно то, о чем умалчивает Соколов, выбалтывает простая солдатская душа — Дитерихс. По его тексту, «Ленин готов был идти на всевозможные уступки требованиям момента, на смягчение режима», но «в это критическое время выявил себя

Троцкий», «тайный глава власти с его отрицательной гениальностью человека-демона». Естественно, что, по Дитерихсу, неуступчивый и смягчившийся Ленин, лишь украшавший своей русской фамилией советскую власть в Кремле, а стоявшие у его трона свободы, гения и славы еврейские палачи решили участь царской семьи. Я допускаю, что некие лица возле Свердлова и Голощекина, чьих имен Соколов не знал, — это, в его представлении, были вовсе не Ленин с Дзержинским (подумайте, интересно ли творческому человеку найти такие очевидные фамилии преступников), но тайные мудрецы Сиона.

...К слову, о Троцком. Его слабостью, обеспечившей поражение в схватке с любым соперником в большевистском руководстве, было «доверие к своим». Как упоминалось выше, врагов обманывать он умел не хуже коллег, воспринимая это как вариант военной хитрости. Но против своих ведь будто не положено воевать и подличать? «Наша честь в верности» — он еще до Гимmlера исповедовал эту формулу чести СС.

Свои же нередко пользовались этим и накалывали его, говоря языком социально близкой им среды, как фраера. Гуляя с женой по горам на следующий день после записи в дневнике, 10 апреля, он вдруг впервые задумался, а правду ли ему тогда в бюро ЦК говорил великий и почитаемый старший друг и учитель.

«10 апреля 1935 г. Сегодня во время прогулки в горы с Н. (аташей) обдумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображений о времени (не успею довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касающееся царской семьи. В судебном порядке расправа с семьей была бы, конечно, невозможна». Слава Тебе, Господи, сообразил -- семнадцать лет спустя.

Кто же были те люди, «мы» Свердлова, которые «решали»?

В последнее время делаются попытки гальванизировать легенду о непричастности мудрого Ленина к этой компании убийц. Одну из новых версий рассказал в интервью Гелий Рябов. Из подробного своего очерка он честно выкинул эту сказку, но поскольку сие все-таки было изложено им публично, придется ее повторить — на случай, если какой-то новый мифоман захочет воспользоваться ею уже вопреки воле самого Рябова. Вопрос о казни якобы обсуждался в Москве на заседании президиума ЦИКа Советов, и Ленин, мол, возражал против убийства царских детей, но остался в меньшинстве. И демонстративно хлопнул дверью. Приговор выносили без него.

Совершенно невероятно, однако, чтобы такой вопрос большевики вообще обсуждали в ЦИКе, тогда еще не чисто партийном форуме. Р. Пайпс довольно убедительно аргументирует, что приговор выносился 2 июля. И во всяком случае, не позже 4-го, когда Белобородов постановил заменить внутреннюю охрану ДОНа «латышами» — исполнителями казни... Но до 6 июля в

высших выборных органах, включая президиум ЦИКа, еще сидели левые эсеры. Нельзя представить, что Ленин *туда* обратился с предложением обсудить вопрос о казни в Екатеринбургe.

Еще меньше шансов на то, что никто из членов такого немалого собрания не оставил нам мемуаров, как они собрались решить и истребить династию.

Нет, «мы» было малочисленной, доверенной, способной хранить тайну и одновременно имевшей неограниченные полномочия командой возле самого Ленина. Такая команда у него имела: ЦК РКП(б). Центральный комитет и был — «мы здесь решали».

Сей форум состоял из 15 членов и 8 кандидатов. Вот имена этих 23 действительных тайных советников первого и второго классов. Порядок — исходя из числа голосов, полученных при избрании в ЦК на 7-м экстренном съезде РКП(б).

Члены ЦК: В. Ленин (Ульянов), Л. Троцкий (Бронштейн), Я. Свердлов, Г. Зиновьев (Радомысльский), Н. Бухарин, Г. Сокольников (Бриллиант), И. Сталин (Джугашвили), Н. Крестинский, И. Смилга, Е. Стасова, М. Лашевич, В. Шмидт, Ф. Дзержинский, М. Владимирский, Артем (Ф. Сергеев);

Кандидаты в члены ЦК: А. Иоффе, А. Киселев, Я. Берзин (Винтер), М. Урицкий, П. Стучка, Г. Петровский, А. Ломов (Опков), А. Шляпников.

Если верить Троцкому, даже ему, второму номеру ЦК, не сообщили на фронт о принятом решении. Поэтому гипотетически можно полагать, что в свердловское «мы» входили лишь те члены ЦК, что в начале июля находились непосредственно в Кремле.

В таком случае из числа решавших можно сразу отбросить трех «левых коммунистов», избранных в ЦК ради демонстрации партийного единства, но до августа не принимавших участия в его работе: Бухарина, Урицкого, Ломова (вдобавок Бухарин находился в Берлине, а Урицкий с Ломовым в Петрограде).

Из остающейся двадцатки шестеро выехали на фронты: Троцкий под Казань, Сталин в Царицын, Смилга в Пермь, Артем на Украину, Киселев на Южный Урал, Шляпников на Каспийско-Кавказский фронт.

Остаются четырнадцать. Семеро отсутствовали в Москве: Зиновьев, Лашевич, Стасова, Крестинский (вместе с «левыми» цехистами), они управляли Петроградом и вообще севером страны. Иоффе был полпредом (послом) в Берлине, Берзин (Винтер) — в Швейцарии. Сокольников вместе с Бухариным пребывал в Берлине, в составе экономической делегации. Итак, остаются семеро. (Хотя нет доказательств, что кто-то из них не покидал в те дни столицу.)

Вот список самых возможных кандидатов, вотировавших убийство Романовых:

В. Ленин, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский, М. Владимирский, В. Шмидт — члены ЦК. П. Стучка, Г. Петровский — кандидаты. Три политические фигуры (Ленин, Свердлов, Дзержинский), два руководящих шефа НКВД (Петровский, Владимирский) и Стучка, нарком юстиции. Общественность и класс-гегемон в одном лице, возможно, олицетворялись Шмидтом, тогдашним секретарем ВЦСПС.

Их нетрудно было убедить не оставлять белым живого знамени. Особенно в нынешних трудных условиях.

Карательному аппарату оставалось, как говорится на их фоне, провести решение в жизнь.

P.S. Последний аргумент и последний факт

Уже после окончания книги я прочитал в еженедельнике «Аргументы и факты» (декабрь 1990) интервью Эдуарда Радзинского, автора книги «Царские дневники: Николай II — Жизнь. Смерть»:

«...теперь найден документ — телеграмма. На самом верху ее, на кусочке телеграфной ленты, адрес: «Москва, Ленину». Ниже — отметка карандашом: «Принята 16.7.1918 в 21 час 22 минуты... Москва, Кремль, Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите в Москву, что условленный Филипповым суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев».

Радзинский обещает в своей книге рассказать о том, почему телеграмму в Москву отправили столь сложным путем, через Петроград и Зиновьева. Однако уже сейчас, из текста, ясно — наши предварительные выводы подтверждаются:

а) никакого суда в Екатеринбурге вообще не было;

б) суд являлся привилегией Москвы: об этом условились с Голощекиным (Филиппом) в Кремле. Екатеринбургцы соглашались принять даже противоположный расстрелу приговор начальства, но просили об одном: сообщить им об этом;

в) Зиновьев, цекист № 4 (смотри список), не принимал участия в решении (снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом), поскольку в этот момент не находился в Кремле;

г) для екатеринбуржцев непосредственным начальником, принимавшим решения и державшим с ними связь, был бывший уралец Свердлов, поэтому они обращались к нему, посылая Ленину лишь копию послания. Но Зиновьев-то знал, кто являлся подлинным вершителем дела, поэтому обращение Голощекина и Сафарова к Свердлову он переадресовал: «Москва, Ленину».

Далее Радзинский цитирует документ из музея завода «Прогресс» (Куйбышев, тогдашняя Самара) — запись рассказа одного из охранников Ленина, А. Акимова, отправлявшего ответ-

ное распоряжение в Екатеринбург: «Я. М. Свердлов послал меня отнести эту телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал: «Поосторожнее отправляй». Это значило, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и саму ленту... Ленту мне телеграфист не отдавал, тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже узнал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит: «Тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку».

Этот документ показывает, насколько внимательно Ленин контролировал действия Свердлова, если даже мелкий конфликт на телеграфе стал известен премьеру еще до возвращения Акимов в Кремль. Почему же вождь решил вмешаться сам, «намыть холку»? Потому что текст об истреблении Романовых был, как вспоминал Юровский, на «условном языке» и Ленин не хотел привлекать к нему внимания служащих телеграфа. Можно предположить также, что было заранее условлено связываться не напрямую, а через промежуточные посты: поэтому телеграммы из Екатеринбурга в Кремль шли транзитом через Петроград, а из Кремля в Екатеринбург, возможно, через пост в Перми. Тогда телеграмма с приказом из Перми, которую вспоминает в своей «Записке» Юровский, была той, которую и отправил Акимов.

Рассказ Акимова помогает понять, почему обнаружены лишь шифровки из Екатеринбурга, но не ответы из Кремля; в аппарате Ленина и Свердлова знали о копиях, которые оставались на телеграфе, и изымали их сразу; екатеринбургские же провинциалы, изъяс ленты, копии оставили в телеграфном архиве, где их и нашел прокурор Остроумов.

РЕПЕТИЦИЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

Полигоном для отработки техники убийств стал губернский город Пермь, где проживал в гостинице «Королевские номера» (названных так по имени хозяина, купца Королева) младший брат царя великий князь Михаил Александрович Романов.

Нужно упомянуть еще упрек Бруцкуса в адрес Соколова — что «убийству Михаила Романова, крайне таинственному, разъяснения которого мучительно требует совесть», следовательно посвятил две страницы.

Великий князь по описаниям современников кажется мне идеальным образцом конституционного монарха. Человек не властолюбивый, не склонный хватать рычаги реальной власти, но духовно независимый, порядочный и лично смелый — он мог послужить своей стране символом национального бытия и государственной совести, каким должен быть монарх в XX веке.

Вот эпизоды короткой биографии: полюбив женщину, на которой не мог жениться по обычаям своего рода — разведенную и не аристократку, Михаил Романов за четверть века до своего английского племянника Эдуарда VIII добровольно отказался от привилегий высочайшего сана ради брака по любви. Николай наказал его самым суровым для эпохи XX века наказанием для ослушника ритуала династического брака: Михаилу было запрещено возвращаться в Россию из-за границы, где он обвенчался, а его имущество секвестировали в казну.

Выручила война: Михаилу разрешили отправиться на фронт во главе кавалерийской Туземной (Дикой) дивизии, в конном строю он ходил в атаку и по ходатайству командования, вопреки воле брата, получил после сражений Георгиевский крест.

Отречение старшего брата в его, а не Алексея пользу застигло Михаила врасплох: он психологически не был готов к принятию власти. В столице не нашлось ни одной роты, способной защитить его права на трон от мятежно-разгульных толп. Тогда он подписал — но не отречение, как многие до сих пор думают, а согласие занять трон, но при условии: пусть призовет на царство Всероссийское Учредительное собрание.

После октября 1917 года он продолжал жить во дворце в Гатчине. Подруга его жены, княгиня Воронцова-Дашкова, вспоминала, что Михаилу Романову трижды предлагали друзья бежать за границу. Великий князь отказался, посвятив мужа княгини в секрет: комиссар Гатчины, большевик Семен Рошаль, обещал организовать побег, если вдруг возникнет серьезная опасность. Но в январе Рошалья самого расстреляли монархисты,

а великому князю в марте 1918 года Петроградский Совет (Зиновьев и Урицкий) приказал выехать на жительство в Пермь.

Эта формулировка означала, что его не ограничивают в Перми в правах: выдали так называемые «охранные грамоты» за подписью Вл. Бонч-Бруевича, первого шефа ленинской спецслужбы (брата Михаила Бонч-Бруевича), и Соломона Урицкого, главы ПетроЧКа.

В Пермь позволили взять с собой друга и секретаря англичанина Николая (Брайана) Джонсона, «роллс-ройс» с шофером Боруновым и камердинера Василия Чельшева.

О дальнейших событиях Марк Касвинов пишет так:

«Его вольготная жизнь в центре города, в роскошных номерах гостиницы «Королевская» на Сибирской улице, с секретарем, поваром, шофером, при личном «роллс-ройсе», возмущала рабочих. Многие открыто выражали негодование. На заводских собраниях и митингах слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму, казнить его». С митинга на Мотовилихинском заводе поступила в Пермский Совет резолюция: если органы власти не посадят Романова под замок, «население само с ним раздается».

Так оно и случилось. («Здесь он и пропал», — писал в подобных случаях другой автор, Николай Соколов. — М. Х.).

В ночь на 13 июня 1918 года в гостиницу «Королевская» пришла группа неизвестных. Они увели с собой Михаила, вывезли за город и в шести километрах от Мотовилихи, за нефтяными складами Нобеля, в зарослях кустарника, расстреляли.

Историк предлагает нам поверить, что рабочие Перми и Мотовилихи (там находился крупнейший в России пушечный завод), увидев, что брат царя живет в роскошной гостинице (в Перми — в тех номерах, где жили и руководители местной ЧК), только за это решили его убить. Пришли и убили. Правда, он не упоминает, что, видимо, за ту же роскошную жизнь убили секретаря, шофера, а потом и камердинера великого князя.

Сегодняшний историк (Борис Беленкин) называет по именам троих соучастников убийства: «Рядом постоянно вертелся Иван Беляев, по прозвищу Ванька-Замазай. Замазай обладал недюжинными актерскими способностями: переодевания (то моряком, то купцом, то еще кем-нибудь) с гримированием были его слабостью. Постоянно наблюдал за объектом Василий Иванченко».

Главой же «акта пролетарской мести» явился 29-летний председатель Мотовилихинского совета Гавриил Мясников.

Как показал следователю свидетель, «группа предъявила комиссару номеров ордер от ЧК на арест великого князя, после чего один из них с обнаженным револьвером встал у телефона... а двое остальных поднялись по лестнице и, войдя в номер, забираемый великим князем, предложили ему в самой грубой форме немедленно одеться, несмотря на то, что великий князь

был болен и не вставал с постели, и затем... увезли его по направлению к вокзалу на Торговой улице». Другой свидетель рассказал, что великий князь потребовал, чтобы об аресте сообщил ему лично знакомый председатель ЧК, на что один из арестованных выругался: «Вот еще один Романов вы.....»

Следствие Соколова по делу об убийстве Михаила было проведено небрежно: имена убийц вовсе не были установлены. В материалах намекается лишь на некоего Плешкова, начальника мотовилихинской милиции, по партийной принадлежности левого эсера, — возможно, это была подброшенная Соколову чекистская легенда. Есть еще показания Веры Карнауховой, которую Соколов почему-то называет секретарем Пермского комитета большевиков (в исторических исследованиях по истории этой парторганизации я не встретил такой фамилии и думаю, что звание было присвоено ей посмертно, для оправдания перед читателями убийства подследственной в тюрьме. Виновна же она была в том, что родилась сестрой предгубЧК Федора Лукоянова.) Она вспомнила, как однажды гость ее брата, «некий Мясников, человек вряд ли нормальный, грубо выругался: «Дали бы мне Николая, я бы с ним расправился, как с Михаилом».

В список разыскиваемых убийц Мясников занесен не был.

Вот что о нем пишет историк Б. Беленкин:

«Очень неуравновешенный, дерзкий, честолюбивый, Мясников тайне стремился к власти, но с рабочими держался запросто. Многие считали его своим человеком, рубахой-парнем. Но был он не так прост, как казалось... Рабочий-слесарь на несколько недель опередил «подвиг» известного чекиста-авантюриста Блюмкина. А именно: прежде чем совершить убийство... Мясников запасся подложными документами Губчека».

Как Беленкину не пришло в голову вытекающее из слов заключение: раз Блюмкин был «чекистом-авантюристом», значит, его удостоверение сотрудника ЧК не было подложным?

И уж тем более оно не было подложным у Ганьки Мясникова, если он побывал в гостях у председателя губЧК после акта. Незаконное пользование их служебными удостоверениями каралось чекистами расстрелом. Беленкину, конечно, не были известны показания Веры Карнауховой об этом визите, но зато он пишет:

«Дело вскоре раскрылось, с убийц сняли показания. Говорят, с Мясниковым беседовал на эту тему сам Феликс Эдмундович. А на VI съезде Советов (ноябрь 1918 г.) среди делегатов мы вновь встречаем Гавриила Ивановича».

Делегат съезда, незаконно орудовавший подложными мандатами ВЧК? Побывавший на приеме у Феликса Эдмундовича?

Я потому подробно остановился на этом сюжете, что он заставляет меня лично задумываться: а не являлось ли убийство германского посла Мирбаха левым эсером Блюмкиным таким

же «спонтанным актом революционной мести», как и убийство Мясниковым великого князя? Убийство Мирбаха дало легальный повод для уничтожения последней независимой от Ленина политической партии, вдобавок в июле Мирбах уже стал опасным оппонентом большевистской ориентации берлинского МИДа.

Бывший начальник местного угрозыска Ярославцев показал: «Угнетенное состояние духа бывших на расследовании представителей Чрезвычайной комиссии, а также председателя Сорокина дали мне повод думать, что действительно похищение великого князя было для них весьма неожиданно и не входило в их планы действий».

В книге Дитерихса есть описание гибели великого князя: якобы после первого выстрела (произошла осечка) великий князь понял, что происходит, и с криком «Мерзавцы» сбил одного из палачей, Жужгова, с ног. Кто-то другой выстрелил ему в спину, после чего смертельно раненного Михаила добили пулей в голову.

В «Огоньке», в № 38 за 1990 год, Эдвард Радзинский цитирует мемуары некоего Алексея Маркова, утверждающего, что именно он собственной рукой убил великого князя. Другими палачами, по его словам, были начальник местной милиции Иванченко, вышеупомянутый Жужгов и приятель Маркова по фамилии Колпашников. Рассказ этот психологически необыкновенно типичен: убийца желает приписать себе все лавры преступления, умая деяния сообщников (точно такими будут потом рассказы екатеринбургских убийц: Юровского и Ермакова), вдобавок всеми силами акцентируя собственное хамство. Марков, например, уверяет, будто он вытащил великого князя «за шиворот» (между тем свидетель показал, что того уговорили пойти с палачами каким-то обманом — убийца что-то шепнул Михаилу, и тот пошел за ним). Он подтверждает, что пистолет Жужгова дал осечку, но Михаил не бросился на вооруженного палача, а побежал к умиравшему другу Джонсону, проститься, по словам Маркова, и был сражен второй пулей...

Трупы Михаила Романова и Брайана Джонсона сожгли в плавильной печи Мотовилихинского завода.

«Ни одного еврея или даже лица, национальность которого Соколову неизвестна, ни в Перми, ни в Алапаевске пристегнуть нельзя было, и потому так кратки расследования Соколова» (Б. Бруцкус).

Запах незащитной крови раззадорил хищников: наутро после убийства великого князя Ганька Мясников с компанией решили истребить архиепископа Андроника. На этот раз мандатов им не выдали, но и не препятствовали — возможно, право на убийство владыки считали наградой за выполнение предыдущего поручения.

Андроника схватили через пять ночей, и «архиепископ попал

в руки кровавого руководителя мотовилихинского застенка Мясникова. Этот зверь в образе человека... в конце концов закопал его живым в землю», — писали «Епархиальные ведомости». Судьба рядовых убийц мне неизвестна. Что касается Мясникова, то его история по-своему завершилась типично. Он входил в оппозиционную «группу 22-х», был арестован, выслан после 3,5 лет тюрьмы в Эривань, бежал через пограничный Аракс в Персию, затем в Париж. Французская полиция по каким-то собственным соображениям дала ему «крышу», в городе, где Мясникову пришлось остерегаться не столько убийцы, подосланных Ягодой, сколько мстителей-монархистов. Возможно, в полицейских архивах столицы Франции хранятся показания убийцы Михаила Романова.

Накануне войны он явился в советское посольство и передал свои воспоминания («для будущих историков»); их сожгут нечитанными при эвакуации посольства после объявления войны.

Три его сына, некогда плевавшие в арестовывавших отца чекистов, погибли в боях с гитлеровцами. Жена, кричавшая тогда же: «Смотрите на них, это жандармы, они арестовали вашего отца!» — лишилась рассудка. Когда в 1946 году она вышла из клиники, ее неожиданно известили, что ей «положено свидание с мужем» ...в Бутырской тюрьме. Женщина долго колебалась, идти или нет, а когда пришла в приемную, мужа успели расстрелять.

Рой Медведев пишет, что Мясникова после войны выманили из Парижа под личную гарантию Сталина: «Ваше прошлое забыто».

Психологически этот человек напоминал шолоховского Макара Нагульнова. Мясников пишет о себе Ленину: «Я три раза бежал из ссылки и не так, как т. Троцкий, который имел возможность отдавать оленей, нет, бегу «зайцем», бегу не за границу, а для партийной работы в России...» (Будто читаешь цитату из «Поднятой целины»: «Я к партии не ученым хрящиком прирастал, как Троцкий.») А мечты Макара о всеобщем счастье для всех беленьких, желтеньких и черненьких перекликаются с рассказом Мясникова историку Борису Николаевскому, мол, вдохновлял его на убийство Михаила Романова ...пушкинский «Кинжал»:

...свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд.
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд...

Эти строки поэт посвятил памяти Шарлотте Кордэ, поразившей кинжалом-мстителем теоретика революционного террора Марата.

Следующими жертвами убийц с удостоверениями ЧК в карманах стали придворные, разделившие с монархом его судьбу до конца.

Генерал-адъютант Илья Татищев был этапирован из Тобольска вторым эшелоном, с цесаревичем и его сестрами. В дороге комиссар, некто Родионов, опознанный придворными как бывший офицер жандармской погранстражи в Вержболово, обратился к нему с таким предложением: «Я знал вас в силе, и каким же вы были тогда хорошим человеком; потому, если смогу что-то для вас сделать — просите сейчас, я постараюсь». Татищев ответил: «Единственная просьба — не разлучайте с Государем». Замявшийся Родионов ответил: «Не уверен, что это в моих силах, я ведь всего-навсего один из комиссаров». (Как учил когда-то меня генерал-гебист, которому я обрабатывал мемуары: «Навредить у нас может и уборщица, а добро сделать не в силах и большой начальник». Или, как говорил Волаңд Маргарите, «каждое ведомство должно заниматься своими делами».)

В камере Ивановской тюрьмы Татищев сидел с камердинерами Чемодуровым и Волковым, и они рассказали на следствии, что 25 — 26 мая (7 — 8 июня н. ст.) Илью Леонидовича вызвали в контору тюрьмы. Вскоре оттуда передали в камеру его просьбу — принести оставшиеся на нарах шубу и бумажник. Думаю, что, согласно задуманному сценарию, это умышленно доверили сделать не надзирателю, а сокамернику, Волкову. В конторе генерал успел показать ему врученный только что ордер, где говорилось, что Татищев высылается из пределов Уральской области. В тюрьме стало известно, что такой ордер вручили и другому придворному, князю Валентину Долгорукому. Позднее в письмах заговорщики царя уведомили, что им удалось освободить «Д и Т».

Подвела пока еще неопытных убийц небрежность. После занятия города белые солдаты нашли недалеко от железной дороги два почти разложившихся трупа (июльская жара, а прошло более полутора месяцев). Убийцы небрежно обшарили карманы жертв, а белые, напротив, старались, потому что искали останки Романовых... В костюме, одетом на одном из распавшихся тел, нашли расписку, выданную комиссаром Дидковским в том, что он изъял у гражданина В. Долгорукого при обыске 79 тысяч рублей.

У Долгорукого, ведшего хозяйство семьи, хранились ее средства. Расписка похитителей денег рассказала современникам и потомкам об участи «освобожденных» придворных.

Следующее убийство датируется первой декадой июля.

Еще в июне помощник коменданта Авдеева, Мошкин, украл золотую цепочку от крестика цесаревича Алексея. Царь смолчал, но жалобу подали цесаревичевы слуги, бывшие матросы с царской яхты Иван Седнев и Клементий Нагорный. Эти провокаторы и скандалисты, оклеветавшие мужественного помкоманданта, были, конечно, арестованы и препровождены в тюрьму. Но вдруг 4 июля произошло этакое «перестроечное чудо»: делу о позабытой цепочке дали ход, Авдеева с Мошкиным вызвали в Уралсовет, откуда они не вернулись в Ипатьевский дом. В ДОН пришли зато «Белобородов, Сафаров, Юровский, Никулин и еще какие-то два человека... Белобородов объяснил нам, — показал на следствии разводящий Якимов, — что Юровский теперь новый комендант, а Никулин его помощник... Он тут же приказал авдеевской команде улетучиваться из дому».

Эти показания подтверждаются записями в дневнике Николая II:

«Сегодня произошла смена коменданта — во время обеда пришел Белобородов и др. и объявил, что вместо Авдеева назначается тот, которого мы принимали за доктора, — Юровский. Днем, до часу, они составляли опись золотым вещам — нашим и детей: большую часть (кольца, браслеты и др.) они взяли с собой. Объяснили это тем, что случилась неприятная история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов... Жаль Авдеева, но он виноват, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае».

Запись следующего дня (23 июня, т. е. 5 июля н. ст.):

«Вчера комендант Юровский принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение... Юровский и его помощники начинают понимать, *какого рода* люди нас окружали и охраняли, обворовывая».

Не говорю об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, потому что все количество провизии стало попадать на кухню».

Еще через день:

«По слухам, некоторые авдеевцы уже сидят под арестом».

...Тем временем арестованные Седнев и Нагорный напросились на аудиенцию к большому рабоче-крестьянскому начальнику, гражданину Белобородову. Раз он недоволен их честной службой, может, вообще следует уволиться? Начальник ответил: «В любое время». Тогда они подали на его имя «покорнейшее прошение» — отправить их в Ярославскую губернию, «так что мы, крестьяне, желаем обрабатывать свое крестьянст-

во». Седнев, напомнив про прежнее устное председателя Совета обещание отпустить их, писал, что он человек семейный, в селе у него мать, жена с тремя детьми, сестра, так что «выявите наше положение» (прошение нашли среди брошенных за ненадобностью бумаг Совета и приобщили к следственному делу). Тюрьма узнала результат: обоих лакеев вызвали в контору и вручили ордера на выдворение с Урала за подписью Белобородова и Дидковского, такие же, как были выданы Долгорукому с Татищевым. В доме Ипатьева за судьбу слуг беспокоились, но заботливый Юровский успокаивал царя и царицу: сбежал, мол, Седнев из тюрьмы, потому не возвращается со следствия по делу о краже.

Примерно через три недели камердинер Чемодуров, заболевший в доме Ипатьева и попросившийся в больницу, этапированный вместо этого в тюрьму, до смерти напуганный заключением и не смевший напомнить начальнику о себе, сидевший в камере, как мышь в норе, и забытый поэтому начальством за хлопотами главного убийства, опознал найденные там же, у железной дороги, трупы.

Они пролежали не так долго, как тела бывших сановников, и потому Чемодуров легко узнал останки Ивана Седнева и Клементия Нагорного.

Последние июльские убийства произошли в окрестностях небольшого уральского городка Алапаевска через сутки после главного екатеринбургского убийства. Но композиционно мне удобнее описать их в данной главе, потому что алапаевские преступления осуществляли по тому же самому плану, что убийства в Перми и возле екатеринбургского железнодорожного полотна, а не в виде казни, как в Ипатьевском доме.

В Алапаевске убивали Романовых из боковых ветвей династии — Константиновичей и Михайловичей.

«Алапаевские убийства по жестокости были не менее ужасны, чем екатеринбургские», — заметил Бруцкус и был неправ: екатеринбургское убийство выглядит гуманным актом по сравнению с алапаевскими зверствами.

Романовых из младших ветвей династии выслали сначала в Вятку, потом в Екатеринбург. На Пасху 1918 года великий князь Игорь Константинович (внук генерал-адмирала Константина Николаевича, брата Александра II и одного из главных творцов великих реформ, и сын поэта «К. Р.» — Константина Романова) познакомился в Екатеринбурге с управляющим фабриканта Злоказова, Петром Алексеевичем Леоновым. Он попросил этого местного знакомого найти ему и другим сосланным великим князьям квартиры на съём, «потому что в гостинице дорого, у них нет средств». Леонов нашел жилье и вместе с великим

князем пошел к областному жилкомиссару Жилинскому, чтобы оформить прописку.

— Игорь Константинович сам в комнату, где находился Жилинский, не входил, о стоял за дверью, — рассказывал он следствию, — я же говорил с Жилинским от имени князя. Комиссар проявил злобную грубость... «Пусть живут по гостиницам! У них денег много! Они всю Россию обворовали!»

Несколько раз после этого я бывал у князя в номере. Я предлагал ему скрыться и давал для этого свой паспорт. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед родиной и поэтому не считает возможным прибегать к подобным мерам. Он сказал: «Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население, и нас оттуда сюда перевели. Отсюда тоже переведут».

Их и перевели (после прибытия в город главы династии) в маленький Алапаевск. Князья жили в местной школе, свободной от учеников в летние каникулы: трое братьев Константиновичей, Игорь, Иоанн и Константин, их дядя великий князь Сергей Михайлович (сын младшего брата Александра II), а также сын от мorganатического брака младшего брата Александра III, великого князя Павла Александровича, названный князем Владимиром Палеем (юноша писал стихи, и взыскательный ценитель литературы Марк Алданов называл его надеждой русской поэзии).

В том же школьном здании поселили старшую сестру императрицы, великую княгиню Елизавету Федоровну.

Это была одна из самых трагических фигур в не слишком счастливой российской императорской семье.

«Я так и вижу ее... высокой, строгой, со светлыми глубокими и наивными глазами, нежным ртом, мягкими чертами лица, прямым тонким носом, с гармоническими очертаниями фигуры, с чарующим ритмом походки и движений... естественной, серьезной и полной доброты», — описал первую встречу со старшей из принцесс гессен-дармштадтских посол Франции Морис Палеолог.

Ее выдали замуж за дядю царя, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея. Многие деликатно намекали, что Сергей Александрович «увлекался мальчиками» и супруга будто бы была ему нужна для маскировки запретного влечения. Горе женщины усугублялось тем, что ее супруг всей России был известен как капризный жестокий упрямец. Можно представить, как подобный характер сказывался вдобавок на нелюбимой жене...

В 1905 году великого князя убил террорист Иван Каляев. Елизавета Федоровна посещала террориста в тюрьме, читала ему Евангелие, упрашивала раскаяться: она увидела, что перед ней не кровожадный бандит, а заблудшая душа. «В прежние времена такие, как он, романтики, уходили в монастыри, постом и молитвой преодолевая злую силу. В наш полный соблазнов

век он поддался дьявольскому искушению, поверил в жертвенность терроризма», — писала знавшая его журналистка (А.Тыркова).

Великая княгиня не хотела, чтобы смерть мужа родила новую смерть, она просила помиловать убийцу, но Каляева казнили.

На какое-то время у нее появился интимный друг, товарищ (заместитель) министра внутренних дел Джунковский. В историю России он вошел уникальным поступком: узнав, что глава думской фракции большевиков Вацлав Малиновский состоит секретным сотрудником Департамента полиции, генерал рассудил так: честь России не позволяет, господа, иметь провокаторов-осведомителей среди депутатов парламента. Заплатите ему аванс, и пусть катится! Не будем преувеличивать благородство вице-министра, ибо департамент терял не слишком много с уходом Малиновского: и петербургский, и московский, и прочие важнейшие комитеты, и Транспортное бюро большевиков — все возглавлялись агентами полиции. Но самая характеристика личности генерала и женщины, его выбравшей, интересна для этой книги.

Потом Елизавету Федоровну, подобно сестре, охватил религиозный экстаз. Она вела монашеский образ жизни, в Алапаевск приехала с келейницей, монахиней Варварой Яковлевой.

«В комнатах великих князей была только самая простая, необходимая обстановка, — рассказывала Сергееву их повариха. — Простые железные кровати с жесткими матрацами, несколько простых же столов и стульев; мягкой мебели не было. К часу дня я готовила завтрак, в четыре подавался чай, в семь часов — обед... Князья занимались чтением, гуляли, работали в находящемся при школе огороде... ходили в церковь, гуляли в поле за школой. Ходили одни, без охраны. Великая княгиня Елизавета Федоровна занималась рисованием и подолгу молилась».

Спокойная жизнь длилась до 22 июня, когда ссыльных перевели на тюремный режим в качестве «предупредительной меры» (после «побега» великого князя Михаила), — об этом телеграфно сообщил бывшему генерал-инспектору русской артиллерии великому князю Сергею Михайловичу все тот же справедливый товарищ Белобородов. Далее испытанная в Перми схема: в ночь с 17 на 18 июля (сразу после цареубийства) в Алапаевск прибыл конный отряд «неизвестных лиц» и захватил здание школы. Князей, княгиню, монахиню и управляющего Сергея Михайловича, поехавшего с хозяином в ссылку, звавшегося Федором Ремезом (на иврите, к слову, «ремез» означает намек), погрузили в крытые экипажи и увезли. После «побега» была объявлена тревога: воинские части поставлены под ружье, дороги перекрыты. Театральность ситуации, однако, ощущалась красноармейцами.

Убийцам из Алапаевска не повезло: когда они вывели жертвы на расправу в лес к заброшенной шахте, неподалеку про-

езжали крестьяне Николай и Вера Кондратьевы. Документ из дела:

«...лично видели гибель князей Константиновичей, Палея, а также великой княгини Елизаветы Федоровны у шахты Нижне-Синячихинской. Причем в шахту глубиной 70 аршин (примерно 50 метров. — М. Х.) были сброшены вышеупомянутые лица живыми, головами вниз. Князь Игорь был убит как пытавшийся бежать и кинут мертвым.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, стоя на коленях у шахты, молила о пощаде князей, хватаясь за руки и за ноги, целуя их. На что ей сказали: «Последняя будешь кинута!», что и исполнили, кинув головой вниз, на лед. За ней были кинуты две бомбы.

9.X.1918.

Владимир Карлович Адамович-Маус» (один из чиновников следственной группы. — М. Х.).

Судье Сергееву, получившему это донесение, было несложно обнаружить шахту. Он извлек тела, провел патологоанатомическую экспертизу и выяснил, что крестьяне, наблюдавшие убийство, ошиблись: пулей был убит не Игорь Константинович, а Сергей Михайлович: «Умер от кровоизлияния в твердую мозговую оболочку вследствие огнестрельного ранения».

Еще один смертник погиб счастливо, сразу: Федора Ремеза убило осколками гранат, которыми убийцы безуспешно пытались обвалить шахтный ствол.

Остальные были покалечены, найдены со следами многочисленных кровоизлияний и умерли, вероятно, от жажды, голода, нехватки воздуха: в желудке великого князя Константина Константиновича патологоанатомы обнаружили комки земли.

По местным преданиям, из-под земли несколько дней доносилось пение молитв — умиравшие монахини Елизавета и Варвара просили Бога за души несчастных.

Найти убийц не составляло большого труда: Алапаевск — город невеликий, обитатели друг другу знакомы, «люди при власти» заметны. Вдобавок убийцы сфотографировались «на память». Вот их фамилии, по данным судьи Сергеева: Е. Соловьев, Г. Абрамов, Н. Говырин, М. Останин, А. Смольников, С. Павлов, Д. Перминов, Е. Сычев, М. Насонов, В. Постников.

Николай Соколов считал вожаком местного комиссара юстиции Ефима Соловьева. Касвинов называет в своей книге другого руководителя «группы захвата», члена коллегии местной ЧК Петра Старцева. Он был повешен белыми, а перед казнью показал, что для инструктажа преступников из Екатеринбурга к ним приезжал комиссар Сафаров.

«Все следствие об алапаевских зверствах занимает у Соколова только 9 страниц, из которых свыше восьми списаны у Сергеева, а Соколову принадлежит несколько десятков строк... Судья Сергеев привел полные списки всех членов совдепа, чека

и всех вообще большевиков в Алапаевске, всех, без исключения, это подтверждает и Соколов, — все эти имена русские, и носители этих имен православные. Но у ритуалиста всегда найдется выход, и Соколов, поставив чекиста Старцева в виду у петли, добился того, что он признал: из Екатеринбурга был прислан для руководства убийством Сафаров. Но что делать с Сафаровым, если он все-таки не еврей? Дитерихс, по обыкновению, обходит эту неприятность просто, он пишет — еврей Сафаров. А Соколов пишет: Сафаров приехал вместе с Лениным, национальности его я не знаю. Вот почему, — завершает Борис Бруцкус анализ алапаевского дела, — всему следствию о невероятных убийствах в Алапаевске отдано всего 9 страниц — там евреев не было вовсе».

Тела великих князей, князя Палея, Федора Ремеза вывезли за границу и похоронили в приделе русской православной церкви в Китае. Останки великой княгини Елизаветы (канонизированной великомученицы) и ее келейницы Варвары Яковлевой вначале были похоронены в Великобритании, а несколько лет назад их перевезли в Иерусалим и похоронили в Гефсиманском саду, в русской церкви св. Марии Магдалины, на месте, где, по преданию, были произнесены слова:

«Господи, да минет меня чаша сия».

Император Николай II (1912 г.)

Императрица Александра Федоровна (1907 г.)

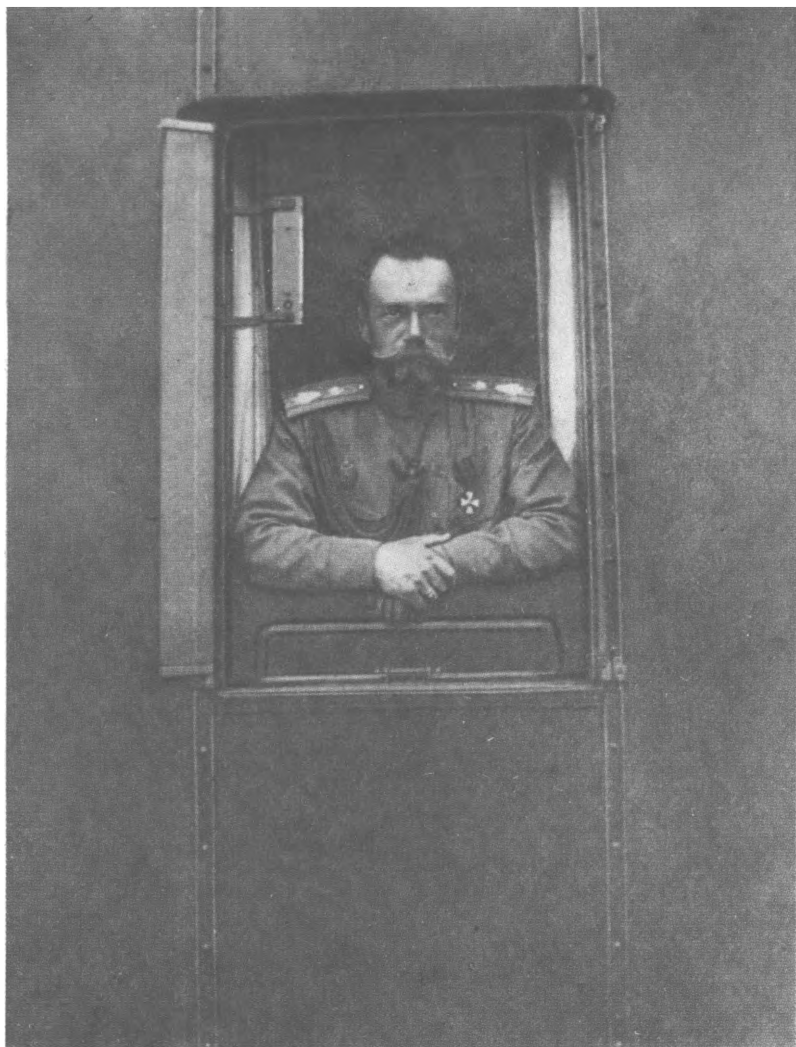
Великие княжны Мария, Ана-
стасия, Ольга, Татьяна

Царевич Алексей (1910 г.)

Наследник престола Алексей с
друзьями-кадетами (1915 г.)

Николай II перед поездкой в действующую армию (1916 г.)

Николай II и Александра
Федоровна (1916 г.)

Госпиталь в Царском Селе. Императрица Александра Федоровна, наследник престола Алексей, великие княжны Мария, Ольга и Анастасия среди раненых (1916 г.)

Григорий Распутин (1916 г.)

Николай II после отречения.
Царское Село (май 1917 г.)

После отречения. Николай II с дочерью Татьяной (май 1917 г.)

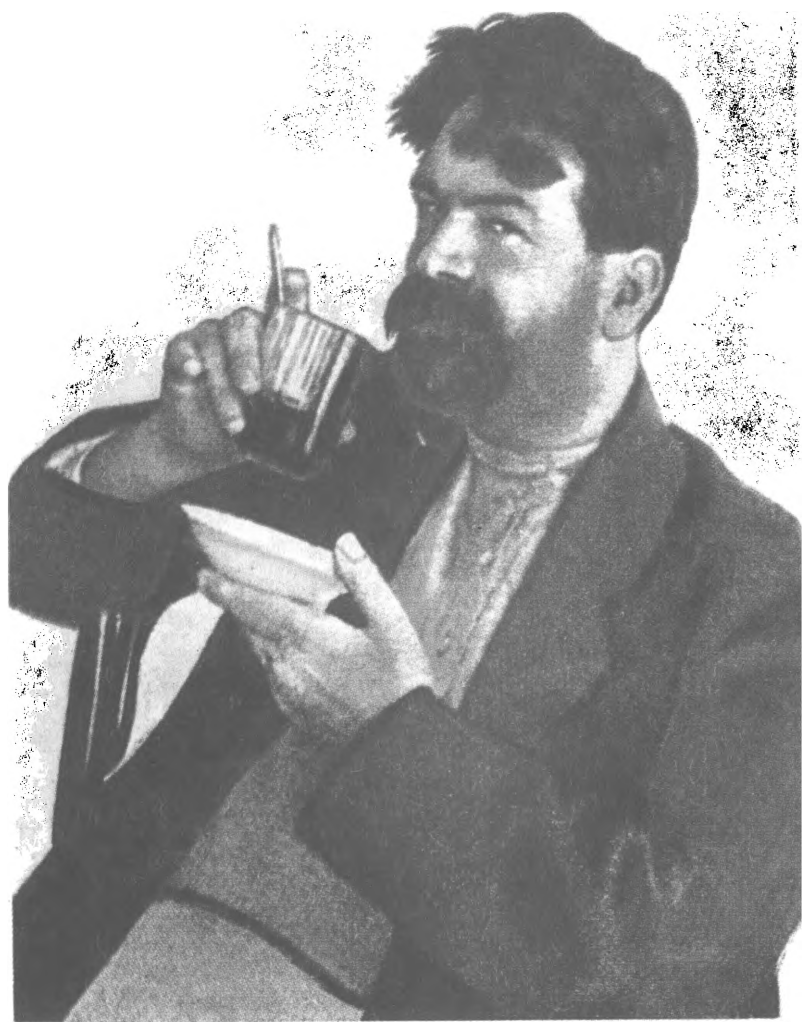
Великие княжны Мария, Ольга, Анастасия, Татьяна (май 1917 г.)

Григорий Распутин (1916 г.)

**В царскосельском госпитале.
Царица Александра Федоровна
с дочерьми Ольгой и Татьяной
(1916 г.)**

Яков Юрковский

ТРАНСМИССИЯ ВЧК: ПЕРМСКИЙ ПУНКТ

Инсценируя побег из Алапаевска, организаторы убийства перестарались. В официальных сводках о похищении Романовых говорилось про бой за школу: «Имеются жертвы с обеих сторон».

Это и послужило следом для раскрытия их тайного центра управления.

Но сначала — о жертве «боя за школу». Вот что сказано о нем у Соколова: «Мнимый бандит, труп которого был найден у школы после увоза заключенных, оказался крестьянином Салдинского завода. Он заранее был схвачен чекистами и несколько дней содержался в алапаевской ЧК».

Безымянный труп вызвал тревогу в Кремле. Свердлов забеспокоился: а вдруг рыцарей незримого фронта кто-то опередил и еще до них похитил великих князей. 20 июля он вызвал к прямому проводу Уралсовет. По неизвестной причине, некто, присутствовавший при разговоре глав Советов, сделал протокол их беседы, набрасывая его на телеграфных бланках, валявшихся в комнате.

Москва — Екатеринбург.

Свердлов: Прежде всего, сообщи: работа Алпаехи — Комисл. К-та (пропуск) или нет?

Ответ: Сейчас об этом ничего не известно. Производится расследование.

Свердлов: Необходимо немедленно допросить Мотовилиху и Пермь, примите меры к скорейшему оповещению нас. Что у вас слышно?

Ответ: ...противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург... Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировано. Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщи решения ЦИК, можем ли мы оповестить население, известным вас текстом?

(Далее Свердлов передал текст будущей правительственной публикации о казни царя по решению Уральского областного Совета. «Жена и сын Ник. Ром. отправлены в надежное место».)

Эту запись Соколов сопроводил таким комментарием:

«В вопросе Свердлова относительно алапаевского убийства (видимо, именно об этом запрашивает Белобородов) не совсем ясно написано только одно слово: «Комисл». Но тем не менее его удалось разобрать. Вопрос Свердлова, очевидно, следует читать так, в более подробном изложении: «Прежде всего, со-

обща, работа Алапаехи (есть ли) дело рук Следственной комиссии или же Исполнительного комитета, или нет?» (Вернее, конечно, читать — Следственной комиссии Исполнительного Комитета, так именовались в официальных документах низовые органы ЧК. — М.Х.)

В какую неистовую ярость впал бы Бруцкус, получи он возможность прочитать у Соколова эту фразу!

Ибо главная улика, предъявлявшаяся следователем для подкрепления его обвинений в адрес Голощекина, — вот эти самые записи: в своей книге следователь назвал человека, говорившего со Свердловым не Белобородовым, а Голощекиным.

Доказательства были таковы. Во-первых, как упоминалось, Голощекин, мол, был на «ты» со Свердловым, и представитель Екатеринбурга в этом разговоре — тоже на «ты». Во-вторых, речь шла о военном положении (а кто в городе облвоенком?). В-третьих, Свердлов передал ему текст правительственного сообщения о цареубийстве, значит, Шай Ицкович и пойдет у нас вслед за паровозом Янкелем Свердловым главным вагоном по делу!

Бруцкус, возражая, напомнил, что даже Дитерихс считал: собеседником председателя ЦИКа был не Голощекин, а Белобородов. И теперь выяснилось: в потаенных комментариях, написанных для себя, для собственного понимания ситуации, Соколов тоже назвал собеседником Свердлова Белобородова, а не Голощекина. Но для публичной версии, для книги первая фамилия ему не подходила.

...Еще один специфический вывод сделал Соколов из текста найденных бланков: Белобородов ведь не знал, кто убил Романовых в Алапаевске. Следовательно, подчиненный ему Сафаров творил преступление втайне от русского рабочего, игравшего для заговорщиков-евреев и масонов роль национально-социальной декорации. (Может быть, Соколов и вписал в свой текст Белобородова: в таком сценарии ему нужен был как раз не еврей, а русский рабочий.)

Но ведь Свердлов тоже не знал, кто и как совершил алапаевское преступление. Он не знал даже, как ему связаться с убийцами! Зато посоветовал Белобородову, куда тому надо обратиться — в Мотовилиху и Пермь, — и был уверен, что всеуральский вожак знает, с кем и как надо вступить в контакт.

(Попутное замечание: думаю, Соколов переоценил и само назначение Белобородовым происходящего во вверенной ему области. Неясно, правда, почему уралец неопределенно ответил Кремлю — «сейчас об этом ничего не известно», — может быть, не рисковал говорить открытым текстом в присутствии того, кто записывал беседу, а может быть, заопасался, как и Свердлов, а вдруг там, на месте, получился какой-то прокол... Но поверить, что он в самом деле был не в курсе дела, психологически трудно.

Представьте уральского лидера, пришедшего на телеграф сообщить в Петроград (похищенные ссыльные числились за ПетроЧК):

«Зиновьеву, Урицкому. Несмотря на сопротивление стражи, князья похищены. Точка. Есть жертвы с обеих сторон, поиски ведутся, точка».

Поскольку он все равно пришел на телеграф, все равно говорит с Петроградом, то через минуту отправил Зиновьеву еще депешу: сотрудницу последнего, Костину, Уралсовет решил оставить на специальной ответственной работе на Урале. «Передайте Молотову то же о Боголепове» (Молотов был одним из верных зиновьевских комиссаров). Мог ли председа, у которого белые похитили особо важных государственных узников, в эту же минуту забеспокоиться о трудоустройстве тт. Костиной и Боголепова?)

Упоминание Мотовилихи и Перми заставило обратить внимание на такую телеграмму (19.VII. в 12 часов):

«Пермь, военком, Лукоянову. Прошу пригласить немедленно аппарату Сыромолотова для важных переговоров. Белобородов».

Кто такой адресат, Лукоянов?

Соколов назвал его одним из следователей уральской областной ЧК (стр.266), что можно объяснить политической необходимостью произвести именно еврея Юровского в предоблЧК (за Соколовым сей титул присвоили Юровскому многие).

Упомянутая выше свидетельница Вера Карнаухова показала: «Федор Николаевич Лукоянов — мой родной брат. Он был большевик. На него было возложено организовать Уральскую областную чрезвычайную комиссию... что и было им сделано. Позже он был председателем этой комиссии».

Таким образом, в момент пребывания в его области экс-императора официальный руководитель местных чекистов переместился из Екатеринбурга в другой город, в Пермь.

А кто же был вызываемый через него к аппарату Сыромолотов?

Этот вопрос отсылает нас к другой важнейшей улике против Свердлова и Голощекина.

4 июля 1918 года Белобородов отправил Голощекину, находящему в тот момент в Кремле, телеграмму, которую следователь Соколов цитирует в книге так:

«Москва председателю ЦИК Свердлову для Голощекина

Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка Белобородов».

Так же процитировал ее Бруцкус, не обратив внимание на спрятанное внизу примечание: «Первая часть текста телеграммы не имеет значения для дела. Точно установлено, что в ней речь идет о вывозе денег из Екатеринбурга в Пермь, куда для этой цели и ездил комиссар финансов Сыромолотов».

Поначалу я думал так же, как Соколов и Бруцкус, хотя и видел ошибку: речь шла не о деньгах, вывозимых из Екатеринбургa в Пермь, а о вагонах с золотом и платиной, уже стоявших на колесах в Перми и готовившихся к эвакуации в Центральную Россию. (Н. Росс расшифровал еще одну телеграмму: «Наш комфин выехал в Пермь для организации отправки груза в Ярославль».)

Лишь после того, как Свердлов упомянул Пермь, как источник информации для Екатеринбургa, а Белобородов пригласил Сыромолотова — из Перми — на конфиденциальные переговоры, причем таинственно, не прямо, а через председателя ЧК, меня заинтересовало прошлое комиссара финансов Федора Сыромолотова.

Вот что он сам о себе рассказывал в энциклопедии Гранат:

«Во время революции 1905 и части 1906 года я состоял в Екатеринбургe начальником сводной боевой дружины: нашей, эсеровской и анархистской... По март 1906 года участвовал в некоторых революционных мероприятиях Екатеринбургa... Перебравшись в Москву, получив известие с Урала, что против меня и других товарищей создается дело в связи с эксками. Еще через несколько лет, живя в Томске, помогал бежать Я. М. Свердлову, но дело не выгорело».

Перед нами не финансист, а начальник экспроприаторов, т. е. банковский или поездам вооруженный грабитель, старый большевик, издавна связанный со Свердловым.

После убийства Романовых с сентября 1918 года отозван в Москву, введен в коллегию Наркомата финансов, в апреле 1919 года был назначен членом Президиума Высшего совета народного хозяйства, заведующим финансами ВСНХ, членом Малого Совета Народных Комиссаров, членом президиума Госплана.

Головокружительная карьера уральского комфина, начавшаяся сразу после цареубийства, не могла не привлечь внимания. Особенно после того, как в книге мемуаров лично знавшего по работе на Урале инженера Моше Новомейского я прочел, что марксист Сыромолотов запомнился ему парадоксальной для человека таких убеждений жестокостью к работе, которая заставила Новомейского заключить: «Когда я потом услышал о его участии в убийстве царской семьи, то не был удивлен... Говорят, Романовых убили евреи. Чепуха, я лично знал Белобородова и Сыромолотова, оба русские».

Но откуда он знал об участии Сыромолотова в цареубийстве, если об этом до сих пор не упоминалось ни в одном источнике?

Тогда-то новыми глазами я взглянул на полный текст телеграммы Белобородова Голощекину (не ее ли имел в виду Н. Росс, упрекая Соколова: «Опущены те следственные документы, что не подтверждают его точки зрения на дело?!»):

«Москва председателю ЦИК Свердлову для Голощекина

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно

указаний центра опасения напрасны точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул сменен заменяется другим точка Белобородов».

Разница с процитированным Соколовым текстом всего в одном отсутствующем — первом — предложении. Но какие были основания у Соколова отделять его от остального текста? Если телеграмма должна осведомить находившегося в Кремле Голощекина, что какие-то опасения центра насчет подготовки екатеринбуржцев к исполнению убийства напрасны, что в ДОНе заменили непригодных лиц подходящими, то зачем нужно предполагать, что первое предложение, о Сыромолотове, относилось якобы к другому делу? Наоборот, с этого Белобородов начал отчет о подготовке на месте: Сыромолотов, лично известный Свердлову, выехал в Пермь, чтобы организовать все согласно указаний центра.

Косвенные эти соображения могли бы подвергнуться сомнению, но в 1989 году была опубликована «Записка» Юровского — и в ней не оказалось упоминаний о «приговоре Уралсовета», в существовании которого нас пытались убедить, начав это при Свердлове и Дитерихсе и кончив Касвиновым и Иоффе. А сказано в «Записке» следующее:

«16.VII. была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-х (Романовых)».

«Почему из Перми? — спрашивает Г. Иоффе. — Не было прямой связи с Екатеринбургом? А может быть, он чем-то руководствовался спустя четыре года после расстрела? Была уже совершенно иная обстановка, иные политические намерения. Может быть, он уже не хотел возлагать ответственность за содеянное только на уральцев, только на себя? Впоследствии в своих неизданных воспоминаниях о расстреле Романовых Юровский никогда не упоминал пермской телеграммы. Так или иначе одна записка Юровского, не подкрепленная более достоверными документами, вряд ли может рассматриваться как прямое свидетельство того, что судьба Романовых была решена не в Екатеринбурге. Между прочим, в воспоминаниях другого участника расстрела, помощника Юровского Г. Никулина, прямо утверждается, что постановление о расстреле было принято Уралблсоветом самостоятельно, на свой страх и риск».

Рассуждения историка поражает меньшей степени, чем, скажем, сочинения юриста Соколова, хотя оно направлено на обеление или обвинение совсем других исторических субъектов.

Почему из Перми? Не было прямой связи с Екатеринбургом? Какая, по мнению Иоффе, нужна особая прямая связь, если Ипатьевский дом стоял в центре города Екатеринбурга? Может быть, он уже не хотел возлагать ответственность за содеянное только на себя, только на уральцев? Почему? В следующем предложении он пишет: «16-го в 6 часов вечера Филипп Г-н (Голощекин. — М.Х.) предписал привести приказ в исполнение».

То есть он вовсе не скрывает, что получил приказ от члена президиума местного Совета Голощекина. Только вот сочиняли этот приказ, по его словам, не Голощекин с Белобородовым, Дидковским, Сафаровым, Толмачевым, как нас уверяли: ибо члены президиума были, как и он сам, лишь исполнителями полученного из Москвы через Пермь приказа.

Еще страннее звучит, что, может быть, он избегал личной ответственности. В «Записке» палач уверяет, что из собственного кольта застрелил царя — куда уж большая ответственность за содеянное? И зачем ему перелagать ответственность за приказ на какую-то несуществующую инстанцию «в Перми», если в принятии рокового решения его не обвинял даже Соколов.

Григорий Никулин, естественно, не знал авторов приказа: он был палачом-исполнителем, для таких, как он, Юровский и объявлял, что «Уралоблисполком постановил вас расстрелять».

«Записка» Юровского пока одна, не подкреплена более достоверными документами? Странно это звучит в устах автора, который оспаривал в этой же статье — и с той же степенью убедительности — дневниковую запись Троцкого:

«Решение было принято в Москве, а не на Урале».

...Переговоры с Белобородовым дают дополнительную возможность определять, кого Свердлов считал в это время «оком государевым» в регионе, кремлевским человеком в местном руководстве. Соколов выбрал Голощекина на эту роль лишь потому, что ему нужен был еврей, связанный с евреем в Кремле. Но и тогда, когда Голощекин вернулся из Москвы, т. е. после 12 июля, екатеринбуржцем, который должен был связать Свердлова с пермскими плановиками, являлся Александр Белобородов.

Человек, которого в награду Свердлов заберет в Москву. Ближайшим своим помощником — членом Оргбюро ЦК.

В завершение главы, целиком построенной на гипотезах, предлагаю вашему вниманию еще одну — совершенно фантастическую даже на мой собственный взгляд.

Вначале процитирую документ из дела: проект обвинительного заключения, набросанный генералом Дитерихсом в момент передачи следствия Соколову, резюме политического руководства.

«На основании детального ознакомления со следственными материалами и посещения места преступления обстоятельства убийства царской семьи представляются следующими:

около двух часов ночи с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевский дом прибыло пять главных комиссаров Областного уральского Совета. В два часа ночи члены царской семьи были разбужены, и им объявили, что их сейчас повезут. Члены царской

семьи встали, умылись, оделись. В три часа ночи их всех вместе свели вниз и привели в указанную выше комнату.

Против них выстроились в центре Юровский с двумя своими помощниками (из коих один был еврейского типа), по сторонам его главные, по сторонам их 10 латышей, составивших за последнюю неделю внутреннюю охрану и нанятых для сего Юровским, из коих фамилия одного Пашка Берзин».

Н. Росс в комментарии написал: «Наряду с фактами действительно установленными следствием, в этом документе немало и бездоказательных домыслов (например, об участии в расстреле Берзина)».

Мне трудно вычленил в этом тексте действительно установленные факты (указано не то время, не то количество комиссаров и палачей, не та национальность и расположение их в комнате, помощником еврейского типа назван Петр Ермаков).

Но откуда Дитерихс все-таки взял фамилию «Пашка Берзин».

Из показаний некоего проживающего в Перми студента-грузина Самсона Ильича Матико:

«В этой квартире проживал помощник начальника военных сообщений 3-й армии Георгий, кажется, Николаевич Бирон.

Бирон в виде хвастовства рассказал, что он принимал участие в убийстве Николая II при следующих обстоятельствах: ...явились в дом, где был Николай с семьей, в количестве приблизительно восьми человек, и прежде, чем войти, кинули жребий — кому кого убивать, кроме Николая II, которого взял на себя латыш, матрос Пашка Берзин.

Когда вошли в комнату, Николай сидел за столом и пил чай и, как видно, не подозревая о готовившемся, говорил: «Жарко, душно, выпить бы хорошо». А когда увидел у вошедших в руках обнаженные револьверы, то замолчал... задрожал и... пал на колени и стал молить о пощаде, просил, ползал, плакал, а Берзин издевался, отвечая пинками и смехом. В заключение Берзин выстрелом из револьвера системы Кольта выстрелил в Николая II в лоб и убил его наповал. После этого убийства была приведена в эту же комнату императрица Александра Федоровна. По виду она, как видимо, была изнасилована... Что государыня была изнасилована, я заключаю по тому, что по словам Бирона, «она была обнажена, и тело у нее было очень красивое». В Государыню было произведено два выстрела, и она оказалась лежащей на теле мужа».

Такое показание либо бред душевнобольного, либо, что представляется более вероятным, пересказ мечтаний одного из пермских центровиков, как бы они, мол, уничтожили царскую семью, если бы им доверили исполнить, а не только подготовить акцию. Заслуживает оно внимания по одной-единственной причине:

Пашка Берзин существовал в истории и, что важнее, вполне подходил на роль организатора политической провокации.

БСЭ и военно-исторический журнал сообщают: Ян Карлович

Берзинь (Петер Карлович Кюзис), партийные псевдонимы «Папус», «Павел Иванович», (1889 — 1978), член РСДРП с 1905 г., осужден к казни (замена ввиду несовершеннолетия), в 1917 — в Петрограде, в начале 1918 года партия направила Берзина на работу в органы ВЧК в «аппарат рабоче-крестьянского Советского правительства» (!), с 1919-го — начальник Особого отдела (контрразведки) 15-й армии, с 1920-го служба в Разведывательном управлении РККА (писатель Юлиан Семенов сообщает, что по сведениям личной секретарши Дзержинского, именно ее шеф рекомендовал Павла Берзина в ГРУ). С 1924-го по 1935-й и с 1937-го по день ареста — начальник ГРУ, превративший его в одну из лучших разведывательных организаций своей эпохи. (Знаменитый Рихард Зорге, например, его воспитанник; «Красная капелла» — его создание, Берзина.)

А если не случайно это имя возникло на периферии следственных документов? Если его действительно видели в Перми и кто-то зная, специфические таланты Пашки Берзина, сочинил о нем эту легенду? Не там ли, в Перми, началась карьера профессионала тайных служб Советского Союза?

ЗУБЧАТОЕ КОЛЕСО: ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ КОМИССАРЫ

Первоначально этот фрагмент рукописи начинался с анализа текста писем на французском языке, полученных семьей в июне 1918 года. Доказывалось, что письма были чекистской провокацией: их отправители должны были похитить Романовых, после чего тех убили бы «при попытке к бегству», а рядом с жертвами нашли бы мертвые тела в офицерских мундирах с письмами от царя по-французски в карманах.

Доказательства были психологическими (с какой стати было разрешено передавать узникам продукты из монастыря? Этакая гуманность к арестованным вовсе не в обычае ни у органов, ни лично у граждан Авдеева с Юровским. А вот подключить к монархическому заговору еще соучастников, «православный канал связи белого подполья», то есть монахинь, обманувших доверие благородных чекистов, — это вполне в стиле конторы).

Имелись филологические улики: настоящий офицер-монархист подписывался бы не «преданный Вам», а «преданный Вашему Величеству» (это заметил еще Дитерихс). Наконец, доказательства, так сказать, по сути ситуации: план операции «побег» составил несомненно идиот, если только кто-то отнесется к нему всерьез: «С Божией помощью и Вашим хладнокровием надеемся достичь цели, не рискуя ничем»; «Не беспокойтесь о 50 человеках, которые находятся в маленьком домике, напротив ваших окон»; «Никакая попытка не будет сделана без совершенной уверенности в результате».

Все эти рассуждения потеряли смысл после того, как Гелий Рябов опубликовал письма офицера в журнале «Родина».

«Внимание, читатель, — воскликнул он. — Эти документы... нигде и никогда не публиковались! Они плод блестяще (если это слово уместно здесь) спланированной и столь же блестяще выполненной *оперативной комбинации*».

Думаю, что плод действительно блестяще сделанной комбинации был бы уже в 1918-м опубликован. (И не в жалких фрагментах, дарованных тогда историком М. Покровским американскому журналисту Исааку Дон Левину.)

Но письма приходилось держать в сугубом архивном секрете Музея революции, иначе каждый интересующийся делом пришел бы к тому же выводу, что и Гелий Рябов: «Предположим: послано письмо и получен ответ, то и другое перехвачено, прочитано и передано по назначению. И тогда один офицер посылает следующее письмо... В этом случае в руках Совета могли

остаться только копии переписки, сохранилась же вся переписка: *четыре неразделенных листа, на которых написаны и письма офицера, и ответы Романовых.* Это означает: письма офицера писал некто, знающий иностранный язык, и писал он их, скорее всего, под диктовку работников Уралсовета... Письма Романовым передавал солдат охраны... несомненный участник операции или комбинации. В данном случае это все равно.

Если же быть абсолютно точным — это провокация».

(Согласно сведениям, опубликованным писателем Э.Радзинским в журнале «Огонек», автором французского текста оказался комиссар снабжения Уралсовета, бывший французский студент Войков, а начисто переписывал их чекист Родзинский.)

Другой эпизод «комбинации». Свидетельница Агафонова, сестра разводящего, Анатолия Якимова, показала: «Брат мне передавал... царский лакей нашел в занимаемых царской семьей комнатах две бомбы. Бомбы лежали где-то не то на шкафу, не то на буфете и были покрыты пылью. По приказанию Николая II эти бомбы были переданы коменданту». А вот бумага из семейного архива Юровских: «Около часу дня поступило заявление повара Харитонова о том, что что-то лежит в комнате, где раньше помещались граждане Седнев и Нагорный. По приходе моем туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб... о чем было сообщено коменданту Дома особого назначения т. Авдееву, а им, в свою очередь, председателю Областного Совета т. Белобородову».

— Но ведь перед тем, как поселили в этом доме семейство, все осмотрели, проверили? — спросил Рябов сына Юровского.

— Несомненно.

— Каким же образом?

— Думайте, — прерывает меня Александр Яковлевич Юровский.

Что тут ломать голову, слишком все ясно и очевидно... Не вовремя нашел Харитонов бомбы. Не вовремя. Нашел и оттянул на какой-то срок неизбежное. Так ведь просто все: очередная проверка, обход, обнаружены бомбы — и всем пулю в лоб в порядке самозащиты».

Чем хорош Гелий Рябов: пониманием психологии и терминологии противника. И я, прочитав показания Агафоновой, понимал, что бомбы были подброшены чекистами. Если бы по невероятной небрежности кто-то пропустил их при обыске накануне вселения Романовых, то потом инженеру Ипатьеву свернули бы голову с беспечных плеч. Между тем после цареубийства частный дом ему вполне корректно вернули... Но план замысла с бомбами выглядел для меня неопределенно, а Г. Рябову незачем ломать голову, «все ясно и отчетливо». Ясно-то и отчетливо выглядит лишь для тех, кто знал правила карательной службы изнутри, а вот написал о них снаружи.

...Как предупреждалось, сейчас начнутся гипотезы.

Мне кажется, авторы первоначального плана убийства вдохновлялись историческим прецедентом (они были людьми, начитанными в европейской истории) — казнью шотландской королевы Марии Стюарт. Елизавета Английская, заточив опасную соперницу в тюрьму, не решалась прямо расправиться с ней. Но с Марией вступил в контролируемую секретной службой переписку дворянин-заговорщик Бабингтон. В его письмо «промежуточной инстанцией» был вписан вопрос о судьбе Елизаветы, и шотландка попала на провокацию: распорядилась покончить с хозяйкой королевства. Что было потом ей инкриминировано и сочтено достаточным основанием для казни пленницы.

А если составители «писем офицера» тоже рассчитывали на кроважанные ответы и советы Романовых? Человеку ведь свойственно считать себя мерой вещей. Но царь и его дочь, писавшая ответы, безусловно настаивали на двух пунктах: «Это будет неблагоприятно с нашей стороны... оставить их (доктора и слуг. — М. Х.) одних после того, как они последовали за нами в ссылку... хотя доктор Б. умоляет не думать о нем и других людях, чтобы не делать вашу задачу еще более трудной» — и второе: «У коменданта много помощников, они часто меняются и в последнее время стали весьма нервными... Мы не хотим, чтобы они из-за нас или вы ради нас страдали. Самое главное, ради Бога, не проливайте крови».

Такие письма не годились — ни екатеринбургским авторам, ни пермским плановикам. В программу стали вносить исправления.

Другое обстоятельство, заставившее отказаться от инсценированного побега, — это, думается, сопротивление задуманному в Москве плану убийства при попытке к бегству, сопротивление со стороны местных, екатеринбургских комиссаров.

Что мы о них знаем?

Как упоминалось, областью полусуверенно управляла пятерка президиума исполкома: Белобородов, Голощекин, Дидковский, Сафаров и Толмачев.

«Сейчас нам непросто понять психологию этих людей, — пишет Г. Иоффе. — В большинстве своем это были еще молодые люди, уже прошедшие через царские ссылки и тюрьмы». Действительно, Белобородову и Сафарову было 27 лет, Толмачеву — 23. 35-летних Дидковского или, скажем, Авдеева даже наш современник, Н. Росс, называет «людьми уже немолодыми».

Как многие их сверстники, они щеголяли беспощадной решительностью, не догадываясь, чем она обернется в их собственной жизни... Посчастливилось лишь Толмачеву, погиб на войне через год, Белобородова в награду за ипатьевский полуподвал сделают в 1919 году членом нового ЦК, он помчится на Дон осуществлять директиву о расказачивании, одну из самых страшных ленинско-свердловских инструкций террора. Когда

посланный в тот же край другой член ЦК Григорий Сокольников (Бриллиант), воспользовавшись смертью Свердлова, добьется ее отмены, то и тогда, уже получив новые распоряжения ЦК, Белобородов будет настаивать на «линии В. И.» — на рассказывании:

«Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, с ними производят массовую расправу».

Потом его полюбил Дзержинский и взял к себе замом. Когда «железный Феликс» оставил один из своих постов, наркома (министра) внутренних дел, то передал его Белобородову. Говорят, беспощадностью тот смущал даже привычных московских коллег. Во всяком случае, запомнилась мне его фамилия после чтения одной из речей тов. Сталина, где вождь партии издевался над жалобами на отсутствие внутрипартийной демократии со стороны «таких людей, как Белобородов, «демократизм» которого до сих пор в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого непоздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а был весь Донбасс».

Не сумел я разузнать, что там вышло у Белобородова с ростовскими рабочими, но если даже на товарища Сталина произвело впечатление...

Сафаров был фигурой едва ли не столь же страшной; заведующий Восточным отделом Коминтерна, потом ближайший помощник Зиновьева в Петрограде (официально он занимал пост главного редактора «Ленинградской правды»), пал вместе с шефом и впоследствии вел себя в заключении таким образом, что ему долго сохраняли жизнь (расстреляли только в 1942 году), зато по делу он, единственный, остался до сих пор не реабилитированным: у собиравшихся комиссий не поднималась рука реабилитировать и объявить просто жертвой столь старательного сотрудника собственных палачей.

О том, что Дидковский был едва ли не активнее коллег, поведали нам Николай II в дневнике и Яковлев-Мячин в мемуарах.

Эти молодые люди страдали комплексом Герострата. Не хотели тайных расправ — жаждали открытых. Снисходили с улыбкой к лукавству своего вождя: «детской болезнью левизны» назовет он потом их поведение. Жаждали открытых убийств, понимая, что останутся в истории, и ошибочно полагая, что героями. Зачем Ильич с побегом историю крутит? Кайзера старик опасается?

Лишь 42-летний Голощекин, несомненный их единомышленник, отличался «обычным благоразумием» (В. В. Яковлев), возможно, потому, что лично знал нрав и гуманизм Ильича. Вот его-то они послали в Кремль с политическим заданием: добиться отмены плана инсценированного побега и заменить его официальной казнью по приговору Уралсовета.

(Г. Иоффе, ссылаясь на неопубликованные воспоминания че-

киста Медведева (Кудрина), пишет, что Голощекин запрашивал в Кремле разрешение на расстрел. При этом историк цитирует: «Голощекин не получил в Москве официальную санкцию на расстрел Романовых», толкуя цитату так, что Москва якобы отказала ему в самом акте убийства. Все проще: Москва отказала в передаче екатеринбургским комиссарам своего права, права ЦК, вынести приговор. В Кремле екатеринбургский план, предложенный Голощекиным, приняли, но не предоставили Уралсовету автономии при его выполнении: решение оставили за собой.)

Когда Голощекин распорядился привести приказ в исполнение, он действовал не от своего или Уралсовета имени, а в качестве связника Перми, т. е. фактически Кремля и Лубянки.

Таким образом, он играл в екатеринбургской головке роль своеобразного министра иностранных дел Урала.

Ильич не любил функционеров, лезших к нему с подозрительными инициативами, и Голощекин потом заплатил нужную цену за свою хлопотливость. Пока крутые исполнители вроде Белобородова, Сыромолотова, Юровского и других взмывали вверх, он после расстрела спускался в политическое ущелье: его отправили в Туркестан, оттуда — председателем Совета в ...Кострому. Только после ухода с исторической сцены «друзей» - Ленина, Свердлова и Зиновьева и окончательного утверждения нового хозяина — Сталина — заново взлетела дугой политическая карьера товарища Филиппа.

Но как все-таки смог он выполнить задачу уральцев — добиться отмены ленинского плана побега, отрететированного на великом князе Михаиле, и заменить его приговором Уралсовета?

Кремлевскими лидерами руководили не зоологическая жажда убийства во что бы то ни стало. Ленин, например, насколько можно судить по воспоминаниям, был не жестоким садистом, а поразительно равнодушным к людским страданиям человеком. Убийство для него являлось вопросом политической целесообразности, как, например, для шахматиста жертва своей или снятие вражеской пешки. С этой точки зрения, убийство Романовых являлось для политики большевиков полезным делом. В условиях мирного развития страны партия, имевшая в конце 1917 года поддержку примерно четверти избирателей (в Учредительное собрание), через полгода стала стремительно терять опору в массах. Заключив мир («Декрет о мире») и объявив о национализации земли с передачей ее крестьянам («Декрет о земле»), эти левые экстремисты выполнили в глазах населения ту общественную задачу, для которой их призвали избиратели, а дальше... Кто будет следующий в очереди на власть в России?

Но Ленин-то осознавал себя великой исторической фигурой, призванной пересоздать не одну Россию — все человечество.

Если условия мирного развития страны грозили ему потерей власти, у него оставался единственный выход в жизнь: начать войну.

А для этого требовался такой повод, чтобы противник встал на дыбы и полез на заготовленную против него рогатину чрезвычайного военного положения.

Другая цель: отрезать своим путь для компромисса, к которому проявили неожиданную склонность даже такие признанные ветераны, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин. Вспомните признание Троцкого: «Казнь царской семьи нужна была не только для того, чтобы запутать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель».

После цареубийства любой большевик в случае поражения в гражданской войне мог рассчитывать в лучшем случае на виселицу на центральной площади города, в худшем — на сук березы.

Инсценировка белого похищения снимала ответственность с хозяев Кремля и обеспечивала им, в отличие от местных товарищей, возможность при нужде уехать в Женеву или Лондон. Но зато оно же лишало казнь вышеуказанного смысла — запугивания собственных кадров. Более того, в среде белых возрождалась надежда. Например, «в Перми было распространено мнение, что великий князь Михаил Александрович был увезен с целью его спасения. Помощник управляющего Пермской губернии Михаил Васильевич Кукаретин говорил мне, что в Перми существовала организация, имевшая целью спасти Михаила Александровича, и высказывал убеждение, что он действительно спасен» (показания прокурора И. Шамарина).

Исчезновение Николая II во время побега как раз и могло дать монархистам то, что Ленин назвал «живым знаменем».

Предложение уральцев записать всю ответственность на их, местный, счет давало вождю приемлемое политическое решение. С одной стороны, ответственность возлагалась на большевиков, то есть своих запугивали-таки невозможностью любого отступления. С другой, непосредственными виновниками объявлялись все же местные товарищи, что обеспечивало запасной выход вождям в случае поражения — Ильичу и тем, кого он возьмет с собой. «Ленин был все-таки очень осторожный человек», — охарактеризовала его личная секретарша Марина Володичева.

Но в процессе кремлевских переговоров Голощекина выявились специфические трудности для исполнения нового плана.

«Чувство лодыря, соблазн легкого труда и небывалая по тем временам его оплата привели в дом Ипатьева пьяного слесаря от локомотива и его пьяную ватагу. По своему круглому невежеству эти распропагандированные отбросы из среды русского

народа, вероятно, сами себя считали крупными фигурами в доме Ипатьева, — написал об авдеевцах следователь Соколов. — Это было не так. Они не сами пришли сюда. Их сюда посадили, а затем в нужную минуту выгнали».

Беда Соколова как автора заключается в том, что даже когда он прав — а прав он нередко, ненависть действительно позволяет ему прозревать скрытые ходы коварного противника, — то не умеет свои умозаключения толково объяснить. Например, он прав, говоря, что авдеевцев туда посадили, а потом в нужную минуту выгнали, но что это была за нужная минута? Момент принятия решения о казни. А что, до смены караула в ДОНе, до 4 июля, большевики собирались оставить Романовых в живых и потому держали при них авдеевцев? Или — Авдеев с пьяницами и ворами, они что, вовсе не годились Уралсовету, чтобы нажимать на курки пистолетов под присмотром наблюдателей из ЧК?

Теперь сопоставьте рассуждения Соколова с тем вариантом изменения планов царубийства, который изложен выше.

Когда планировалось нападение на ДОН и похищение узников «офицерами-монархистами», не могло быть более подходящих для такого плана охранников у семьи, чем известные всему городу пьяницы, распустехи, воры. Они-то и должны были пропляпать пленников и понести потом за это законное наказание от власти.

(Например, вместе с левыми эсерами, казненными в Перми.) Это была бы красивая комбинация!

А вот для исполнения «законного постановления» они были непригодны: как любые пьяницы, не могли долго держать язык за зубами и вообще склонны к подкупу.

Потому сразу после вынесения нового решения возникло в ДОНе старое дело о краже. «Авдеев смещен, его помощник Мошкин арестован, весь внутренний караул сменен» — следовательно, «опасения напрасны», успокойте руководство, товарищ Филипп, в тюрьме теперь будут исключительно надежные палачи.

12 июля Голощекин прибыл из Москвы и стал ждать сигнала.

Соколов, а вслед за ним Игорь Шафаревич и другие приписывают ему главную роль в организации царубийства. (Сибирский журналист В. Болковитинов пишет, например: «Непосредственно подчиненные Свердлову комиссары еврейской национальности Шая Голощекин и Юровский зверски уничтожили царскую семью».) Но Голощекин чисто физически не мог «всем распоряжаться» в Екатеринбурге: как установил именно Соколов, он с конца июня до 12 июля находился в Москве, «разрабатывал со Свердловым планы на его квартире». Именно на этот период и приходится главные мероприятия: убийства Долгорукова, Татищева, Седнева, Нагорного, смена караула и присылка в ДОН «латышей» — все производилось тогда, когда Голощекин еще сидел в Москве.

«Голощекина защищать никому в голову не придет», — написал Бруцкус, а я добавлю, что это, по-видимому, был один из самых страшных палачей в истории России XIX века, аналог какого-нибудь Ганса Франка, повешенного в Нюрнберге, и если бы ему поручили организовать цареубийство, он ни в чем бы не уступил Белобородову. Просто слишком много нашлось в Екатеринбурге комиссаров, претендовавших на место главного городского цареубийцы... Как раз важнейшая улика Соколова, телеграмма на его имя в Кремль, это доказывает. А на роль некоего тайного шефа он не годился, хотя бы потому, что вовсе не хотел быть тайным: сразу полез на трибуну, чтобы лично объявить городу и миру о гибели Николая Романова.

«Покажите труп», — потребовала недоверчивая уральская публика.

Когда истребление Романовых завершили, деловых организаторов взяли в центральный аппарат партии и государства. А местного «дипломата» отправили в Туркестан: Ильич все-таки не любил тех, кто заговаривал ему зубы.

АПОЛОГИЯ НИКОЛАЯ СОКОЛОВА

Эта глава содержит похвальное слово Николаю Соколову.

Его пороки как юриста оказались продолжением его профессиональных достоинств, в частности, поэтому версия еврейского преступления в Екатеринбурге так надолго законсервировалась в литературе.

Система большевистского управления страной основывалась на разделении политической и административно-судебной властей. Тайная власть принимала в России все важные решения. Ни ее деятельность, ни истинная структура никому не раскрывались, историкам достались ничтожные крохи ее архивов. Политические решения принимались, следовательно, одними лицами, исполнялись другими (правительственной властью).

Эту параллельную систему властей сознательно сконструировал Ленин, причем одной из целей такой амбивалентности администрации считался «обман буржуазных обывателей», или «слепоглухонемых». (Лидер объяснил коллегам, что официальная власть сможет принимать помощь «буржуазного окружения», тогда как партийный кабинет тайной власти будет наносить врагу революционные кинжальные удары из государственного подполья.)

К чести Соколова, он к «слепоглухонемым» не принадлежал, и за карнавалом официально-декоративных правительственных масок пытался выявить действующие в преступлении лики.

За маской официального премьера Ленина он выявил тайного вершителя политики — Янкеля Свердлова. За личиной официального председателя Уралсовета Белобородова — правителя де-факто, секретаря обкома Шая Голошкекина. За тенью официально объявленного цареубийцы Ермакова высвечивался подлинный палач Янкель Юровский.

«Русские» их имена деформировались в тексте его книги в подчеркнуто еврейскую форму вполне сознательно: в екатеринбургском сюжете вышло так, что подлинные имена и фамилии всех участников-евреев звучали по-славянски (Яков Свердлов, Исая Голошкекин, Яков Юровский).

Ошибка Соколова заключалась в неправильно выбранных коэффициентах вычисления истины. Во-первых, сам принцип доводился им до абсурда. Не всегда обладатель официальной власти исключался в России из системы власти тайной: часто обе функции совмещались в одном лице. Ленин, например, был главой и партийной и правительственной головки. Троцкий считался вторым человеком в партии, но и немалой фигурой в пра-

вительстве (паркомвоенмор). Если формальный глава государства Калинин сразу обнаруживал оперно-декоративную роль должности советского «конституционного царя», это вовсе не значило, что каждый президент окажется куклой в руках партийного руководства: например, Яков Свердлов на том же посту в силу личных особенностей обладал громадным реальным влиянием на дела.

Другой просчет Соколова заключался в том, что источник и орган тайной власти, которые им интуитивно ощущались, следовательно мыслил лишь в виде еврейской группы в большевистской головке: кажется, он предполагал, что евреи не большевики вовсе, а орудия национальных руководителей еврейства, «сионских мудрецов».

В этом пункте я вынужден отвлечься и вновь сделать виток в сторону от екатеринбургского сюжета.

В искажении видения следователя не следует искать только личную ограниченность Соколова или комплекс национальной его исполнительности (когда собственный молодой народ представляется марионеткой в чужих, зрелых и опытно-хитрых пальцах), или, наконец, рецидив омертвело-религиозного воспитания. Словом, это был не порок консервативно настроенного обывателя. Мировоззрение Соколова в ту эпоху считалось мировоззрением современным, более того, модно современным. По методологии своего мышления Соколов выглядел как раз новатором в противовес быстро устаревшему либералу Бруцкису, благодаря чему он и вошел в идеологическую моду эпохи на десятилетия, а профессора даже его земляки забыли.

Беды мира объяснялись единомышленниками Соколова Общественным Злом, проистекавшим из небольшого по объему и раздробленности по всей Европе и Америке историка, отравлявшего трудовое человечество. Левые тогдашние группы называли это Всемирное Зло «крупной буржуазией». А ведь они были не дураками, слепцами, многие вовсе не злодеями по натуре — но, если использовать литературные образы, это были Раскольниковы, решившие убить богатую старушку Мировую Буржуазию, чтобы принести счастье близким, да и себе самим — талантливым, погибавшим в старом мире людям. Правые же группы избрали на аналогичную роль другую старушку, Мировое Еврейство: среди них оказался искуснейший политик тогдашней Германии Адольф Гитлер, и один из ее лучших летчиков Герман Геринг, и великий промышленник Генри Форд в США, и талантливейший офицер русского флота Александр Колчак.

В этом же ряду мне видится Николай Соловьев. Подобное им, он потерпел поражение в деле, которому посвятил жизнь: не заметил не только Ленина с Дзержинским, но и пермский центр, и, не в силах обойти Белобородова, всячески приуменьшил в книге его роль. Это ведь был не индивидуальный феномен

Соколова, а явление распространенное, того же порядка, как у Сталина, несомненно лучшего политика России, который, приступая к жизненно важному контакту с гитлеровской Германией, рекомендовал своему посланцу встретиться сЯльмаром Шахтом, полагая, что германский министр из банкиров должен представлять в рейхсканцелярии некое нацистское политбюро, тайное правительство из капиталистов, отдающее Гитлеру приказы. Полная аналогия с Дитерихсом, полагавшим, что раз Троцкий еврей, он-то и должен приказывать русскому Ленину.

Задача не только Соколова, но и любых исследователей екатеринбургского дела осложнялась необъяснимым, почти сказочным легкомыслием многих его современников и всех иных свидетелей и исследователей при обращении их с фактами, именами и датами в нашем сюжете цареубийства. Вот два примера.

При жизни Соколова, в 1921 году, в Мюнхене вышла книга Ф. Винберга «Корни зла» (она же «Крестный путь», часть 1-я). Вряд ли нужно в рамках нашей темы уточнять, что книга была посвящена «описанию страданий погибшей Царской семьи», корни же зла, давшие ей название, состояли в «Великом и малом заговоре еврейства», гениально осуществимом «сионскими мудрецами» в поверженной в прах России. На службе у еврейства, согласно Винбергу, состояли Корнилов, Алексеев, Деникин и Янушкевич, распорядившийся о переброске избытка кавалерии в пехоту в условиях позиционной войны: это было им сделано по еврейской интриге. Ссылку на «Корни зла» я нашел в книге Соколова (почему и прочел ее), но какие, спрашивается, претензии можем мы предъявлять юристу 20-х годов, если и в 1981 году наш современник профессор П. Пагануцци тоже сослался как на источник на те же «Корни» в книге, посвященной истории цареубийства: «Убийство австрийской наследственной четы было делом рук масонов... Установлено с документальной точностью, что убийцы являлись масонскими агентами. «Корнилов и Деникин с той же документальной точностью являлись агентами еврейскими... Уверен, исследуя любой другой сюжет, современный профессор проверил бы источниками основательность исследований своих предшественников — но это правило не распространяется на екатеринбургское цареубийство.

Или: Пагануцци приходит к выводу: «Нет сомнения, что описанные в этой главе чудовищные преступления большевиков (Пермь и Алапаевск. — М.Х.) были совершены по приказанию из центра, Москвы». Далее: «Главная ответственность за них лежит на Свердлове на первом месте, а затем на Ленине, Крестинском и Зиновьеве». Почему Свердлов у него опередил Ленина? Почему Зиновьев и Крестинский приказывали нечто из «центра — Москвы», когда оба находились в другом центре — Петрограде? А ни почему. Потому что обвинение в цареубийстве разрешается сложившейся традицией предъявлять кому данному автору хочется, кто более неприятен историку среди

действовавших в сюжете лиц. Так стало принято, и Соколов, кстати, был здесь не первым. Но и не последним, как видите.

Разрешено, например, тому же Пагануцци сопроводить фамилию «Зиновьев» справкой: «Он же Апфельбаум, Овсей Гершон Аронов», хотя Апфельбаум — фамилия матери Зиновьева, а настоящая фамилия обозначена по всем энциклопедиям — «Радомысльский». Но согласитесь, Апфельбаум прозвучит ярче по-еврейски, почти так же соблазнительно, как Цедербаум (настоящая фамилия Юлия Мартова).

Или возьмите Марка Касвинова, который в идейном отношении выглядит как бы антиподом Соколова и Пагануцци, но методика его обращения с фактами и фамилиями совершенно аналогична. В журнальном варианте «23 ступеней вниз» так описано убийство:

«Кому поручить исполнение приговора? Председательствующий говорит: возвратился с фронта Петр Захарович Ермаков, верхисетский кузнец. Оправился от ран. Достойный, всеми почитаемый ветеран. Отец троих детей (sic! — необходимым условием для палача было являться примерным семьянином. — М. Х.). Вызвали Ермакова. Спросили. Согласился. Попросил в помощь А. Д. Авдеева, бывшего коменданта Дома особого назначения, и Я. И. (sic!) Юровского, коменданта нынешнего».

Далее описывается, как «комиссар юстиции Юровский выступил вперед... и объявил: «Внимание! Оглашается решение Уральского Совета... Именем народа...»

И сразу после этого загремели выстрелы».

Перед Касвиновым заказчики ставили противоположную задачу, чем Дитерихс перед Соколовым (положительный факт истребления Романовых, врагов трудового народа, должны были исполнять, конечно, только русские люди-пролетарии). Но советский историк выполнил ее теми же приемами, что пронацистский публицист: «...некоторые западные авторы продолжают сочинять всякие небылицы по поводу казни Романовых. Утверждают, например, будто исполнители приговора Уральского Совета были в подавляющем большинстве нерусские («мадьяры», «австрийцы», «немцы», «латыши» и т. д.)...»

А евреев, заметьте, у Касвинова вообще нет. Евреи не должны участвовать в положительном «акте революционного возмездия».

«...все участники операции были русские граждане (sic!), в основном рабочие и революционные активисты... Колчаковский следователь Соколов, ссылаясь на составленный им список участников охраны и исполнителей приговора (22 фамилии), признает: «Все это местные люди, русские жители». Внизу Касвинов сделал сноску на источник: «Н.Соколов «Убийство царской семьи», Берлин, 1925, стр. 87».

Так было написано в журнале «Звезда» (1973, № 10, стр. 170 — 171). А загляните-ка в ту же книгу, выпущенную отдельным изданием:

«Кому поручить исполнение приговора? Общее мнение: Юровскому Якову Михайловичу (уже не «И.»! — М. Х.), коменданту Дома особого назначения, и его помощнику Григорию Петровичу Никулину»... Далее Юровский в тексте читает приговор, но уже понижен до реального чина «товарища областного комиссара юстиции» и без: «Именем народа», и нет более рассуждений о выдумках иностранных авторов о нерусских участниках команды палачей, и нет ссылки на 87-ю страницу у Соколова (на которой, естественно, не было никогда и абсолютно ничего похожего на цитату, якобы найденную Касвиновым, и не могло ее быть, ибо она противоречила концепции следователя).

И ни слова не то что извинения перед читателем за прежний текст «23 ступеней», а хоть какого-то авторского объяснения.

Так что при всех своих несомненных грехах Николай Соколов был и остается типичной и совершенно обычной для своего времени фигурой сочинителя следственных гипотез, юристом, который подгонял материалы следствия и обвинения людей в тягчайшем уголовном и нравственном преступлении к деяниям того крута лиц, что ему не нравился (а не нравились ему, в соответствии с духом нарождавшегося тогда нацизма, еврей). Это был вовсе не монстр, моральный урод, как казалось воспитанному в XIX веке Бруцкусу, а самый характерный по методике обработки дел что для тогдашних правых, что для тогдашних левых типовой работник, в каком-то смысле, увы, все еще наш современник.

На чем возможную для меня апологию Соколова заканчиваю.

МАЛОЕ ЗУБЧАТОЕ КОЛЕСО: КОМЕНДАНТ ЯКОВ ЮРОВСКИЙ

Итак, 4 июня 1918 года Белобородов, как мы знаем, произвел переворот и вместо Авдеева назначил комендантом ДОНа товарища (заместителя) областного комиссара юстиции Якова Юровского, а помощником коменданта вместо вороватого Мошкина оделся казначей местной ЧК Григорий Никулин.

Еще через несколько дней шеф Уралсовета телеграфно приказал:

«Пермь, военком, Лукоянову, уполномоченному обласовету Матвееву, Королевские, Сыромолотову.

Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда, всю смените. Пошлите обратно в Екатеринбург, точка. Матвеев остается комендантом поезда, о замене сговоритесь Трифоновым. Белобородов, 8 июля».

Может быть, люди из охраны золото-платинового поезда и явились через день-два на службу во внутренний караул ДОНа?

«Их было 10 человек, — рассказывал следователю свидетель Якимов. — Из числа прибывших пятеро было нерусские, а пятеро русские. Я категорически утверждаю, что пятеро из них были русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были нерусские. По-русски хотя и говорили, но плохо.

Хорошо я знаю, что одному из русских фамилия была Кабанов. Положительно удостоверено, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермаков, Партин и Косоусов... Пятому же фамилию забыл, не могу сказать, был ли среди них человек по фамилии Леватных... Эти фамилии я запомнил, потому что меня как разводящего иногда посылали Юровский или Никулин за кем-нибудь из них: «Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова». Всех этих, прибывших из «Американской гостиницы» (резиденция Уральской ЧК. — М. Х.), мы безразлично называли почему-то «латышами».

Кем же был новый комендант, согласно генералу Дитерихсу, «нанявший этих латышей во внутреннюю охрану»? (Какая поэтическая картина, набросанная рукой мастера исторической беллетристики: еврей, нанимающий латышей за свои презренные шекели убивать русского царя и его юное потомство.)

Сведения, собранные Соколовым:

«Яков Михайлович Юровский... Его дед Ицка проживал некогда в Полтавской губ. Сын последнего, Заим, отец Юровского, был уголовный преступник: совершил кражу и сослан в Сибирь судебной властью.

Яков Юровский получил весьма малое образование. Он учился в Томске в еврейской школе «Галматейро» при синагоге, но курса не кончил.

Мальчиком поступил учеником к часовщику-еврею Перману, а в 1891 — 1892 годах открыл в Томске свою мастерскую. В 1904 году женился на еврейке Мане Янкелевой.

В годы первой смуты почему-то уехал в Германию и год жил в Берлине. Там он изменил вере отцов и принял лютеранство.

Из Берлина он сначала проехал на юг и проживал, видимо, в Екатеринодаре. Затем вернулся в Томск, открыв часовой магазин.

Можно думать, что заграничная поездка дала ему некоторые средства. Его брат Лейба говорит: «Он уже был богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять».

Это же время было и началом его революционной работы. Он был привлечен к дознанию в Томской губ., жанд. управлении и выслан в Екатеринбург в 1912 г. Здесь Юровский открыл фотографию и занимался этим делом до войны. Во время войны он был призван как солдат... ему удалось устроиться в фельдшерскую школу, он кончил ее в звании ротного фельдшера и работал в лазарете.

По характеру вкрадчивый, скрытный и жестокий человек. Его братья говорят о нем: Эли Меир: «Он у нас в семье считался самым умным, а я человек рабочий... Только могу сказать, что он человек с характером». Лейба: «Характер у Янкеля вспылчивый, настойчивый... Он любит угнетать людей». Жена Эли Меира, Лея, показывает: «Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда с ним не были близки, мы разные люди. Он перешел из иудейства в лютеранство, а я еврейка-фанатичка (здесь видна некоторая литературная обработка показаний. — М. Х.) Он по характеру деспот, страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Эксплоататор: эксплуатировал моего мужа, собственного брата».

Касвинов уточняет потаенную историю жизни Юровского:

«Член партии с 1905 года... в Екатеринбурге продолжал в подполье активную революционную деятельность по заданиям партии... Яков Михайлович был одним из ближайших соратников своего тезки Свердлова и других ветеранов — Ф. Голощекина, А. Белобородова, Н. Толмачева. Юровского знал, принимал в Кремле и лично беседовал с ним (после окончания гражданской войны) В. И. Ленин. Комендантом Дома особого назначения он был назначен, будучи депутатом Уралсовета, товарищем комиссара юстиции Уральской области, членом коллегии ОблЧК».

Именной указатель к собранию сочинений В. Ленина уточняет название его должности: «Председатель следственной комиссии Уральского облтрибунала» (как спросил Свердлов Белобородова: «Алапаеха — дело Комисла?»).

Слово Борису Бруцкусу:

«Судьба сжалилась над Соколовым и послала ему еврея, на котором можно отыграться за всех неевреев. Надо признать сразу — этот еврей, Яков Юровский, личность дрянная. Мотивы его действий останутся под сомнением: выполнял ли он только волю пославших его? Сидел ли в нем дух Герострата? Правда, по-видимому, лежит в комбинации этих двух предположений. Из мелкого честолюбия он наскоком, бросаясь своим усердием в глаза начальству, добился назначения комендантом Ипатьевского дома. Не подыскать ни слова оправдания для этого фигуранта революции... но Юровский должен быть изображен таким, каким он был, а не густо подкрашен, как это сделал с ним Соколов, что всего хуже, сделал... ради лживого и опасного по кровавым последствиям вывода».

Бруцкус верно понимал психологию современников: Юровского действительно заворожили лавры Герострата. Дело не только в пистолетах, которые он подарил Музею революции. Перечитайте его «Записку»: он ни разу не назвал самого себя по имени или даже «я», а только в третьем лице и по названию должности: «Комендант». Не следует думать, будто сие сделано из соображений конспирации: названные в тексте имена Филиппа (Г-на Голощекина), передавшего приказ из Перми, Ермакова, подведшего с захоронением, Чудцаева, подсказавшего место могилы, Белобородова — но только не непосредственных участников расстрела. Историческое деяние совершала одна фигура, даже не фельдшер Яков Юровский, а — КОМЕНДАНТ. Звучит как! — почти «штандартенфюрер».

Весьма любопытно рассуждение Бруцкуса о причинах перемены Юровским «веры отцов» (по терминологии Соколова):

«Прежде всего Юровский был не еврейской веры, лютеранин, не еврей, а крещеный еврей. Ритуалисты, когда им это нужно, уверяют, что это одно и то же: жид или выкрест. (Александр III называл жидями великих князей Михайловичей, потому что жена Михаила Николаевича, их мать Ольга Петровна, была еврейской крови.) Но это далеко не одно и то же. Само собой разумеется, что, за редкими исключениями, из еврейства уходят в христианство наименее устойчивые в нравственном отношении элементы или болезненно легкомысленные натуры. Процент переходящих по убеждению крайне ничтожен. Существует колоссальная разница между людьми, меняющими любую веру, и евреями, принимающими крещение. Для последних это переход из лагеря преследуемых в лагерь преследователей: самые злые антисемиты, самые преступные ритуалисты — крещеные евреи. Огромное их большинство принадлежит... главным образом, к карьеристам, иногда маньякам-честолюбцам (намек на Юровского. — М. Х.). Акт явного предательства своего народа скрашивается... если приходилось по любви жениться на христианке в странах, где смешанный брак запрещен законом. О Юровском сам Соколов сообщает, что он ...отрицал себя от

еврейства, сделал это давно и в силу полной отчужденности от еврейского народа и иудаизма... Не из-за любви он принял лютеранство, его жена была еврейкой, не из-за карьеры: еврейство успеха часовщика никак не мешало... Юровский был негодяй, но... этот негодяй — по существу и формально — отрекся от еврейства. На каком же основании преступление этого выроodka допустимо отнести на счет еврейства? Не в большей степени, чем подвиги Манасевича-Мануйлова, который был таким же гнилым выкидышем еврейства справа, в охранку, как Юровский слева, к большевикам».

Разрешу напоследок лирическое отступление — об иудейском отношении к принявшим крещение соплеменникам, которое у Бруцкуса получило такое рельефное словесное оформление.

Думается, многих читателей нашей книги поразит пылкое убеждение ученого, что перешедшие в христианство евреи есть (исключая склонившихся перед силой любви) подонки и отбросы еврейского общества. И хотя многие русские люди, если верить народным пословицам, разделяли мировоззренческую установку Бруцкуса («Вору прощеному, коню леченому и жида крещеному одна цена», «Жида крести и под лед спусти» и т. д.), даже, их верно, смутит аналогичное убеждение, в свою очередь, с противоположной еврейской стороны, что христианскую веру нормальный еврей может принять, только если он предельно ничтожный тип, вроде охранника-провокатора Манасевича или мечтательного царевича Юровского.

...В те годы, когда Юровский делал первые и, казалось, многообещающие карьерные прыжки, другой еврей, Соломон Лурье, профессор-античник Самарского университета, собирал материалы для книги «Антисемитизм в древнем мире: попытки объяснения его в науке и его причины». Античность послужила автору конкретным полем для исследования им социально-психологических причин возникновения феномена антисемитизма. Ученый пытался осознать для себя причину почти патологической ненависти к его народу, в частности современных ему, Лурье, общественных сил, противостоявших большевизму.

Одно за другим рассматривал он стандартные антисемитские претензии к евреям, принятые в тогдашней русской среде, проверял их историческим материалом и отбрасывал как не выдержавшие проверки фактами. Евреев не любят за их чуждость физическому труду? Но в античную эпоху, когда они были земледельцами или ремесленниками, их не любили еще больше. За занятия финансами, в частности, ростовщичеством? Но в тех регионах, где, будучи меньшинством финансового мира, евреи вынуждались давать более льготные условия должникам, их ненавидели куда сильнее, чем христианских (в частности, итальянских) конкурентов. Не любят их за постоянный конфликт с

туземным национальным государством? Но в птолемеевском Египте евреи составляли гвардию вооруженных сил греков-фараонов, и там-то и зародилась впервые идеология юдофобов. Отказ признать императоров богами? Но евреи шли на любой допустимый верой компромисс — в частности, соглашались ставить щиты с изображением императора сразу за оградой Храма.

Все проверенные обвинения отпали. Кроме одного. Обвинения в еврейском высокомерии.

На основании античных текстов Лурье пришел к следующим выводам.

Обвинения в высокомерии по его наблюдениям предъявляли евреям в период национальных катастроф, связанных с потерей государственности. Историк процитировал несколько филиппик подобного рода, вкладывавших драматургами в уста персонажей-«метэков», бесправных чужестранцев в эллинских городах. Они выражали свои чувства примерно так: почему евреи не ведут себя так, как все мы?

Гипотеза, выдвинутая Лурье, сводилась к следующему: человечество античной эпохи считало аксиомой, что каждый народ имеет собственных богов-покровителей. Бог одного народа и не должен быть богом другого. Поэтому в случае поражения бог униженных не истреблялся вовсе, а включался в пантеон державы-победительницы, но, конечно, на правах покоренного, второстепенного бога. Соответственно нормы поведения племени, поклонявшемуся малому идолу, были иными, чем нормы поведения идолопоклонников бога-победителя.

Евреи же были монотеистами и воспринимали окружающие народы, даже самые победоносные и высококультурные, как погубившие свои души язычников. Самым убийственным в поражении от войск Тита считалось, что Бог предал свой народ за грехи в руки «ам шфела», «низменного народа». Это самоощущение себя как единственных в мире носителей истинной веры придавало еврейскому поведению, часто вопреки субъективной воле, ту внутреннюю независимость, которая раздражала окружавших людей, находившихся в сходном с евреями рабском или полурабском положении (не римляне, а греки и другие неполноправные народы империи преследовали евреев именно как евреев). Любую попытку внешних сил обозначить особыми знаками зависимое положение разгромленного и обращенного в рабство народа евреи преобразовали в символическую мету своей избранности Богом. Человек, считали они, может бояться зубов крокодила или волка или жала змеи, но в этом нет унижения: ибо и опасаясь физической силы дикого зверя человек ни в малой степени не признает превосходства любой фауны над собой. Так же и евреи, уступая физической силе иноверцев, никогда не признавали никаких достоинств в чужих религиях.

Отражение такого традиционного, укоренившегося еврейского отношения к окружающему миру я вижу и в обличениях

Бруцкусом Юровского: для него выкрест был человеком, павшим по каким-то неизвестным ученому причинам до животного уровня.

Как просто было бы жить в мире, если бы преступления, заораживающие воображение человечества, творили лишь монстры, злодеи и вероотступники!

Оговариваю: «По русскому закону, действовавшему на территории адмирала Колчака, все участники цареубийства, начиная от высшего руководителя и кончая последним прикосновенным, все одинаково подлежат смертной казни. С точки зрения моральной отношение человеческой совести к Юровскому нисколько не изменится, независимо от того, стрелял ли он в безнадежно обреченных или нет» (Б. Бруцкус). Мои дальнейшие размышления о личности и мотивах действий Якова Юровского надо рассматривать, твердо помня, что речь идет о человеке, совершившем тяжчайшее преступление что с юридической, что с нравственной точки зрения, и это не подлежит обсуждению — как начальная аксиома наших рассуждений.

Условившись об этом обязательном коэффициенте, вслушиваемся в размышления о нем Бруцкуса и всмотримся в улики Соколова.

Первый вопрос: зачем он принял христианство? Особых льгот ему это не давало: ограничения черты оседлости не распространялись на ремесленника-часовщика, товара в его магазине было много — разбогатеть, благодаря крещению, не мог. Честолюбие? Но какие честолюбивые интересы, связанные с вероотступничеством могли иметься у человека, если в том же 1905-м, он вступил в большевистскую партию. Не исключая, что ленинские «кадровики» подвергали испытанию на верность подобных прозелитов большевизма: мол, для подпольщика удобнее считаться христианином, чтобы меньше привлекать внимание полиции. А сами приглядывались: подчиниться душой или нет?

Но как раз с Юровским ситуация мне кажется более сложной.

Ибо мне нужен ответ и на другой вопрос, который занимает автора вслед за крещением будущего коменданта, — какие качества сделали этого человека более пригодным для ДОНА, чем Авдеева или иного уральского чекиста. Чем руководствовался Белобородов, оказывая Юровскому столь исключительное доверие?

Самое бросающееся в глаза — комплекс Герострата, отмеченный Бруцкусом. Им были охвачены и Ленин с Троцким, Пятаков с Белобородовым, их помощники и исполнители. А этот Марат из Каинска, часовщик и ротный фельдшер, о котором книги будут писать (и пишут!), чей кольт будет в музее храниться (и хратится!) — он-то во имя «мерной поступи железных батальонов истории» был готов тогда на все.

Но, повторяю, таких честолюбивых была масса — и чем же он отличался в глазах Белобородова от Петра Ермакова, который с наслаждением приписал себе палаческие лавры Юровского, или от Медведева (Кудрина), сделавшего то же самое? Почему выбрали его — одно среди всех?

Характерное свойство, неожиданное для типичного чекиста той эпохи, выделяет Юровского с налету. Чем он занялся сразу после назначения? Проинвентаризовал царские драгоценности и сдал по описи под охрану тем, в ком был уверен, что не украдут: самим Романовым.

Чем занялся сразу после расстрела?

«Тут начались кражи, пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов... Под угрозой расстрела все было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.)».

«... Начали перегружать трупы на пролетки... сейчас же стали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых».

По его словам, после гибели Романовых в их одежде нашли зашитыми бриллианты и другие драгоценности на 3200 каратов — и все было сохранено в тайнике под Алапаевском: добыча с трупов считалась не московской, а местной — им ее и передал. Итак, президиум Уральского Совета выбрал «исполнителя», с одной стороны, большевика типичного, готового во имя ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ на все; с другой же, человека в их среде редкого — лично честного, не способного украсть доверенное ему казенное имущество. Авдеев для такой задачи точно не годился.

Это бескорыстие держалось на каких-то внутренних скрепах его личности. Понимаю, насколько опасно для меня выступать адвокатом дьявола, но ведь не я первый отметил этот феномен: чекистский убийца Юровский не кажется лично жестоким человеком, жестоким по натуре, а не по должности. Авторы шумевшего «Досье на царя» А. Саммерс и Т. Мэнгольд заметили: «То, что мы знаем о его поведении до и во время исполнения должности, с трудом может подтвердить, что он являлся сторонником насилия». Русский публицист Е. Вагин ехидно заметил им в ответ: «Занимавшаяся Юровским должность была «член Уральского Совета и областной комиссар юстиции». Конечно, трудно себе представить, чтобы глава областной ЧК был сторонником насилия». Евгений Вагин сделал мелкие ошибки (Юровский не был ни облкомиссаром, ни главой ЧК, Вагина ввела в заблуждение книга Соколова), но, по сути, он прав: Юровский не мог не быть жестоким палачом по должности. Но, как ни парадоксально, правы и американцы: именно в рамках правил своей должности Юровский кажется относительно... не совсем ей соответствующим, чтоли. Это подтверждается и его дальнейшей карьерой. Разумеется, практический организатор «акта» был щедро награжден властями. Вот что пишет его био-

граф Я. Резник в книге «Чекист»: «Яков Михайлович выполнял в Москве с сентября 1918-го до июля 1919-го опаснейшую работу, тогда был одним из ближайших помощников Феликса Дзержинского». Потом началось падение: после освобождения Екатеринбург его сделали предгубЧК, и он якобы сам сказал посетившему его британцу Мак-Куллагу, что «отправил на смерть 60 подозреваемых белых». Пишу «якобы», потому что обычно в кругах чекистов не было принято болтать об оперативных делах, да еще с иностранным журналистом, да еще с приехавшим разговаривать совсем по другому вопросу. Ибо Мак-Кулаг приехал на встречу не с предгубЧК, а с ...завгубсобесом Юровским! Мак-Кулаг объяснил тогда его служебное перемещение по-западному: «Очевидно, он был слишком кровожаден для этой должности даже для большевиков, и кто-то, обладавший, по-видимому, мрачным чувством юмора, перевел его из учреждения обеспечения смерти в учреждение обеспечения жизни». На самом деле все было наоборот: большевиков вряд ли можно было смутить кровожадностью. Юровский показал себя недостаточно цельным в жестокости, и кто-то, обладавший этим мрачным юмором, перевел «мягкотелого» в губсобес.

Другая деталь, отмеченная Мак-Куллагом и с удовлетворением цитированная Дитерихсом, — резкое изменение внешнего облика у Юровского после его службы в ЧК. Если в ДОНе выглядит черноволосым, франтоватым, щеголявшим большим апломбом, то через два года Мак-Кулаг видел седовласого, нечесаного, морщинистого и выглядевшего много старше своего возраста чиновника, у коего «при любом упоминании о его преступлении выражение ужаса появляется на лице, и он совершенно замолкает». Разница в описаниях настолько велика, что один из современных исследователей, проф. Борис Мойшезон, заподозрил, что речь шла о разных людях — ввтором случае о некоем Киже, подставленном ВЧК для англичанина. Нам же думается, что в облике убийцы отразилось то неполное соответствие его характера и должности, которое почувствовали современники: ведь творили же они легенду, якобы кто-то вынес из ДОНа и спас не то великую княгиню Анастасию, не то наследника. (Спасти мог только распорядитель казни.)

Почему возникла парадоксальная фантастическая легенда о чекисте, пожалевшем свои жертвы? Потому, например, что хотя не он решил судьбу убитых, но когда в его власти оказалось спасти кого-то — несовершеннолетнего поваренка Леню Седнева, он увел его из ДОНа, а потом отправил к родным в деревню. Пайпс ехидно иронизирует над заботливостью Юровского, старавшегося, чтобы жертвы до последней минуты не догадывались о предстоящей им судьбе: им дали одеться, умыться — даже Гелий Рябов не понимает такого лицемерия: «Спящих бы перестреляли». Но как бы дурач был Юровский, он дей-

ствительно воспринимал исполняемое им действие как казнь монарха, а не как простое убийство. Церемониал казни в его глазах требовал, скажем, оглашения приговора. Неужели чекист в 1918 году лучше нашего современника, юриста и писателя, почувствовал, что нельзя, невозможно казнить русского царя ночью, спящего, в постели! Но если уж соблюдать ритуал казни, то главный палач пожелал, чтоб она прошла как можно менее мучительно для всех: отсюда маскировка шествия на казнь под приготовление к дальнему этапу — умойтесь, сойдите вниз, вот вам стул, посидите и подождите... Конечно, эта гуманность коменданта Освенцима, профессионально гордившегося тем, что он не позволяя караульным эсэсовцам издеваться над узниками, стоящими в очередь в газовые камеры, но если мы сравним это с Алапаевском, где великих князей и княгиню сбросили живыми в шахту вниз головами и завалили, чтоб недобитые люди задохнулись в пропасть земли...

Вот почему, в отличие от Бруцкуса, я не думаю, что переход Юровского в христианство диктовался расчетом негодяя.

Когда Голощекин вернулся из Москвы и сообщил: решение «о суде» принято и надо ждать приказа, — что сделал Юровский? Пригласил к семье священника. Думаю, и Вагин согласится: необычный нестандартный поступок для чекиста, готовящегося убить верующих людей.

Священника выбрал сам. Не простого. Протоиерей Иоанн, в миру Сторожев, известный проповедник, был до принятия сана товарищем прокурора и адвокатом, т. е. духовное поприще выбрал, имея для себя иные и весьма соблазнительные альтернативы.

Якимов показал:

«Юровский распорядился: «Вместо Меледина позови Сторожева».... Что это означало, что не захотел Юровский Миледина, а захотел Сторожева, я не знаю».

Сторожев так описал свое последнее посещение Романовых:

«Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати (Никулин? — М. Х.)... Заметив, что я зябко потираю руки (пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной... Обменялись мы еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами».

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери были на этот раз не скажу в угнетении, но все же производили впечатление утомленных (перестали поступать письма извне. — М. Х.). Став на свое место мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упо-

кой». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь я ясно ощутил то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва. Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богородице, где в высокопоэтических трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре (согласие Юровского было заблаговременно дано). Когда я выходил и шел близко от бывших великих княжен, мне слышались едва уловимые слова: «Благодарю». Не думаю, что это мне только показалось. Войдя в комендантскую, я незаметно для себя глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый голос: «Чего это вы так тяжко вздыхаете?» — говорит Юровский. Я не мог и не хотел открыть ему переживаемое мной и спокойно ответил: «Досаую, что мало прослужил, а весь взмок от слабости. Выйду теперь и опять простужусь». Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: «Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло»... а затем, совершенно другим тоном промолвил: «Ну вот, помолились, и от сердца отлегло» или «и на сердце легче стало», точно не упомяну. Сказаны были эти слова с такой, мне показалось серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: «Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил». Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: «Я никогда не отрицал влияние религии и говорю это совершенно откровенно»... На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались».

Показание, данное на следствии преосвященным Григорием, епископом Екатеринбургским и Ирбицким:

«После этого он (о. Сторожев) мне докладывал, что нашел в них большую перемену. Царь был подавлен и угрюм. Царевны растеряны, а также наследник. Царица же против обыкновения спокойна и благодушна. Юровский же тоже был не в себе... Когда они после богослужения были у него в комнате, Юровский перекрестился (он крещеный еврей) и сказал: «Ну, слава Богу, сердце на место стало». (В памяти епископа, видимо, сохранились какие-то детали, переданные ему сразу после разговора.)

Когда я пытался понять характер этого персонажа книги, в памяти по неожиданной ассоциации возник герой книги К. Хенкина «Охотник вверх ногами», знаменитый шпион-гебист полковник Абель (В. Фишер). Уже служа обозревателем мюнхенской «Свободы», Хенкин продолжал восторгаться умом и сме-

лостью, пронизательностью и благородством экс-воспитателя, ссылаясь и на аналогичное мнение адвоката этого шпиона, в прошлом американского контрразведчика Donovan. И в то же время Хенкин не скрывал, что у Абеля-Фишера достоинства обращались только на «своих» и, требуя от «своих» чести и верности, он мог быть и подлым, и заведомо необъективным, когда приходилось контактировать с «чужими». Хенкин назвал это свойство своего друга «партийностью». Им обладали многие прекрасные от природы люди, которые в иных общественных условиях могли сделаться украшением своего народа или просто примерными гражданами. Оно было привито им искусственно, в процессе ниспровержения традиционных ценностей.

«Все, что говорится против большевиков, — заносил в дневник в конце 1917 года Пьер Паскаль, — что они предатели, агрессоры, сеятели смуты, с сегодняшней точки зрения совершенно верно. Но это и не может, и не должно их трогать потому, что они объявили войну нынешнему обществу и не скрывают этого».

А «на войне как на войне», в Бою Кровавом, Святом и Правом положено убивать и обманывать, это называется не убийством и подлостью, а исполнением приказа во имя Бога и России-матушки, а по Ленину, наоборот, во имя самого прекрасного на земле, Освобождения всего человечества.

...Еще деталь к облику Юровского: приложенное к делу его письмо, адресованное приятелю, врачу Архипову:

«Кенсорин Сергеевич, в случае моего отъезда на фронт я во имя наших с Вами отношений надеюсь, не откажете моей старой маме в содействии в случае преследования ее только за то, что она моя мать. Вы, конечно, понимаете, что о моем местопребывании она ничего знать не будет, уже только потому, что и я этого не знаю. Но и в этом случае, если б знал, то, разумеется, этого ей не сказал, просто для чистоты ее совести, на случай, если бы ее допрашивали. Я обращаюсь к вам еще и потому, что Вы строгий в своих принципах, даже при условии гражданской войны и при условии, когда Вы будете у власти. Я имею в виду все основания полагать, что Вы с Вашими принципами останетесь в одиночестве, но все же сумеете оказать влияние на то, чтобы моя мать, которая совершенно не разделяла моих взглядов, виновна, следовательно, только в том, что родила меня, а также в том, что любила меня. Я, значит, на случай падения власти Советов в Екатеринбург (прошу) дать ей приют на случай возможного погрома или предупредить самый разгром квартиры, принимая во внимание, что я не продавал (своего) дела, чтоб не оставлять служащих без работы, которые очень и очень далеки от большевизма.

Это, может быть, предсмертное письмо.

Надеюсь, что не ошибусь, обращаясь к Вам.

Я. М. Юровский».

Вот противоречия, которые я пытался понять выше... Ожидая падения советской власти, уходя на фронт, он заботится о матери, о куске хлеба для своих рабочих, которых, оказывается, не выбросил на улицу, не закрыл свое фотоателье, — понимая ведь, что владение частным делом порочит его в глазах начальства и товарищей. Не из-за корысти оставил действовать ателье: украв один бриллиант из тех, что сняли с царских трупов, присвоив что-то из никому, кроме него, не известных романовских сокровищ, он мог одним ловким движением руки заполучить больше, чем за всю жизнь заработать в своей «Фотографии». Но как же виден «хомо партийный» в его просьбе позаботиться о невинной матери, просьбе человека, который только что организовывал и принимал личное участие в убийстве совершенно невинных даже с «классовой точки зрения» людей: врача, сеной девушки, лакея, повара, да и детей, «девиц», по его нарочитой грубой терминологии в «Записке». Он взывает к «принципам» своего приятеля-врача, веря, что тот будет неукоснительно следовать им даже в годы гражданской войны, даже находясь «у власти», и даже, что характерно, если Архипов останется со своим мнением в одиночестве на белой стороне. Человек, передоверивший совесть и порядочность, свои убеждения партии, раздумывая о надвигающейся гибели себя и своего дела, надеется на помощь только того, кто сохранил в себе нравственные принципы — кто оказался совершенно непохожим на него, обладателя «совести партийной».

СВИДЕТЕЛИ И «ИСПОЛНИТЕЛИ»

До публикации «Записки» Юровского в «Огоньке» историки обычно воссоздавали картину цареубийства по описаниям трех косвенных его свидетелей, т. е. тех, кто не присутствовал лично, он слышал о расстреле из уст очевидцев уже на следующее утро, и одного непосредственного участника убийства. Все описания практически совпали как между собой, так и с написанной три года спустя «Запиской» Юровского. Так была подтверждена высокая точность показаний косвенных свидетелей.

Первым среди «пересказчиков» оказался один из охранников ДОНа, красноармеец Михаил Иванович Летемин.

Для Дитерихса и Соколова Летемин оказался находкой, ибо шестью годами ранее был осужден за покушение на растреление девочки. Вот кого большевики приставляли сторожить государя!

Между тем «уголовник» Летемин вел себя в ДОНе гораздо смирнее заводских ребят-хулиганов. 36-летний портной соблазнился баснословно высоким жалованьем, которое обещал давать на охране комиссар Мрачковский. Его место было третий пост (во дворе у ворот) и четвертый (у калитки со двора).

«16 июля я дежурил на посту номер три с 4 до 8. Ничего особого в этот раз не заметил.

17 июля пошел на дежурство к 8 утра. Предварительно зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении царской семье. Появление мальчика меня очень удивило, я спросил: «Почто он здесь?» На это один из товарищей, Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил, что минувшей ночью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей, состоявшая при царице женщина... По словам Стрекотина, он в ту ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 до 4 утра) сверху повели Царя... и всех доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой... Стрекотин мне только объяснил, что на его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: «Жизнь ваша покончена». Царь не расслышал и переспросил Юровского, а царица и одна из дочерей перекрестились. В это время Юровский выстрелил и убил Царя на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев... Припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: «Пуль ведь много должно остаться в комнате», и Стрекотин ответил: «Почто много? Вон служившая у царицы жен-

щина закрывалась от выстрелов подушкой, поди, в подушке много пуль застряло». Тот же Стрекотин сказал мне, что после Царя был убит черноватенький слуга (Август Трушп. — М. Х.)... Других подробностей расстрела я не знаю».

По поводу этого первого и, как выяснилось, довольно точного описания убийства можно сделать два замечания.

Борис Брудкус обратил внимание, что показания против Юровского как непосредственного убийцы царя даны двумя лицами: начальником охраны Павлом Медведевым, который сам был в команде палачей и потому являлся лицом, заинтересованным в сокрытии истины и сваливания главной вины на непоиманного правосудием Юровского; и Летеминым, который сам ничего не видел, а пересказывал картину убийства со слов Андрея Стрекотина, что, конечно, сильно снижало весомость его показаний. Так что собранные против главаря палачей улики Соколова нельзя было считать достаточно обоснованными.

И вот, читая толстый том следственных материалов, я на странице 78-й наткнулся на документ, обозначенный Н. Россом номером 35, где перечислялись квартиры, обсканные Военно-политическим контролем на предмет отыскания похищенных вещей царской семьи. В его финале говорилось:

«Из всех вышеупомянутых лиц дома оказался один, Андрей Федоров Стрекотин, записанный под номером три, остальных же дома не оказалось».

Неужели, помимо Яковлева, и его тоже имел в виду И. Сергеев, докладывая Колчаку об уничтожении контрразведкой важнейших свидетелей по делу? Отговориться незнанием нельзя: контрразведчики пришли к Стрекотину именно как к фигуранту по делу о цареубийстве. Это был свидетель, который видел преступление своими глазами, он мог бы и отпираться — ведь его избличали как прямого свидетеля показания Летемина. Если бы Андрей Стрекотин не исчез из дела в августе 1918-го, мы бы много больше знали о расстреле 70 лет назад.

Второе замечание: а как контрразведчики вообще вышли на такого совершенно незаметного в общей картине преступления свидетеля, как Летемин? Гелий Рябов даже пустил в адрес его шпильку: «В охрану пошел из-за жалованья, с красными не ушел, так как полагал, весьма наивно, впрочем, что «ничего плохого не сделал». А далее он, вслед за Касвиновым, пишет (не ссылаясь на источник), что Летемин был в тюрьме расстрелян.

...Предыстория ареста несчастного Летемина такова.

Как выяснилось впоследствии, убийцы вместе с 11 жертвами прикончили ударом приклада в голову любимую собачку Ольги Николаевны, Джемми, но почему-то сохранили жизнь спаниелю Джою, любимцу наследника-цесаревича.

«Дверь из прихожей в комнаты, где жила семья, по-прежнему была закрыта, — так вспоминал первое утро после убийства Анатолий Якимов. — Но оттуда не раздавалось больше ни

звука. Раньше всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей, у самой двери в комнаты, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: «Напрасно ты ждешь».

Осиротевшего Джоя и подобрал Михаил Летемина:

«Собаку, принадлежавшую Царской семье, по кличке «Джэк», я взял к себе, потому что она ранее уже привыкла ко мне, и я просто пожалел ее».

Соседи же, увидев у Михаила Ивановича не обычную дворнягу, а длинноухого породистого кобелька, стукнули в ВПК — и пропал портной! Джоя хорошо, Джоя увезли за границу, куда-то на ферму, а недолгий хозяин — неужто действительно был расстрелян? И тут наступает очередь для моего второго замечания: конечно, прекрасно, что сын красного комиссара Гелий Рябов с добрым чувством пишет сегодня о погибших Романовых, но неужели нужно, увя, по российской традиции не пересматривать, а просто уничтожать все прежнее и поклоняться тому, что сжигалось ранее? Неужели он не видит, что восхваляемый им Соколов так же уничтожил Летемина, Якимова, Проскурякова и многих других, как сделал это Юровский со своими жертвами по красную сторону фронта? Тот убивал Романовых «как класс», а этот караульных красноармейцев «как класс». Или простые люди, не Романовы, — как бы уже и не люди?

* * *

Именно так долгое время грешил я на Гелия Рябова, пока в одном из интервью не прочитал его ответа на вопрос, кто же пофамильно входил в команду палачей, «исполнителей»:

«Юровский, Медведев, Якимов, Ваганов, Никулин».

Только тогда понял, что в момент работы над своей документальной повестью Рябов не был знаком с источниками, с материалами следственного дела, а пользовался книгами, прежде всего Соколова, подпав под обаяние саморекламы юриста: «В пределах права я старался делать все, чтобы найти истину и соблюсти ее для будущих поколений». Ибо в источниках-то нет ни единого указания на участие Якимова в расстреле. Летемина его не упоминает Проскуряков тоже, сам Якимов отрицает даже то, что видел самолично убийство... Наконец, на прямой вопрос судьбы Сергеева единственному свидетелю, непосредственно находившемуся на месте убийства, Павлу Медведеву, сделанный еще в то время, когда Якимов не находился в руках следствия и Медведев мог не опасаться его подвести, последовал категорический ответ:

«Разводящего Якимова при самом расстреле не было».

Но сначала — кем он был до службы в ДОНе, этот разводящий караулов Анатолий Якимов?

Из крестьян Пермской губернии, токарь, в 1917 году добровольно ушедший на фронт. Ранен, комиссован по ранению, вернулся в Екатеринбург, поступил на металлическую фабрику Злоказова и был приглашен как «авторитетный рабочий» на службу на охрану своим же злоказовцем, Авдеевым.

Мотивы для перемены работы у него оказались житейские: «Пошел я на охрану ради заработка. Я тогда был все нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное».

Но лгать он не собирался:

«Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить царя? Я не видел тогда в этом ничего худого. Как я уже говорил, я читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социал-революционеров и большевиков. Те считают крестьянство трудовым элементом, а эти буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок к большевикам, но я не верил, что большевикам удастся установить настоящую правильную жизнь их путями, то есть насильем. Мне думалось, и сейчас думается, что хорошая, праведная жизнь — когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел царя и думал, что его надо держать в заключении, вообще под стражей, для охраны революции, до тех пор, пока народ не рассудит и не поступит с ним по делам его: был он плох, виноват перед Россией или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царем всей России. А такое дело, которое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из семьи и того хуже. За что были убиты его дети?»

Якимову мы обязаны самым подробным описанием убийства, сохранившим свою историческую ценность даже сегодня, после публикации «Записки» Юровского. По его словам, сдав дежурство в ночь на 17 июля, он пошел спать и был под утро разбужен криками соседей по казарме, находившихся в ту ночь на охране в саду ДОНа Клещевым, Брусьяниным, Дерябиным и Лесниковым. «Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно дополняя рассказ друг друга...» Кстати, самое суровое обвинение, которое содержится в актах против Якимова, — особое мнение присутствовавшего при допросе прокурора Шамарина: он считал, что Якимов на самом деле «видел преступление своими глазами, не решаясь, как и Медведев, признать собственной вины: был при убийстве и наблюдал картину его». Признаюсь, мне неспециалисту, видимо, недоступна мудрость юристов, ведущих следствие: какая же вина заключалась в том, что *был и наблюдал*, причем согласно материалам дела — безоружным!

Но сам Якимов уверял, что просто слышал рассказ четырех свидетелей. Вот что он рассказал следствию о событиях ночи с 16 на 17 июля 1918 года в Доме особого назначения:

«В два часа ночи на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреджали их, что в эту ночь придется стоять дольше двух ночей, потому что будут расстреливать Царя...

В скором времени... в нижние комнаты вошли люди... Впереди шли Юровский и Никулин... за ними Государь, Государыня и дочери (далее он всех позднее убитых перечисляет по порядку). Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ним шли Медведев и «латыши», т. е. те 10 человек, которые были выписаны из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они были введены в комнату... разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник, а по правую руку от Царя, справа от наследника стоял доктор Боткин. Сзади них, у стены, стояли Царица с дочерьми. В одну сторону от Царицы стояли повар с лакеем, а по другую встала Демидова. В комнате, справа от входа в нее, находился Юровский. Слева от него, как раз напротив двери... стоял Никулин... рядом с ним в комнате же стояла часть «латышей». «Латыши» находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они дополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть его фигуры и, главным образом, руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не было слышно его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал: он говорил — я это хорошо помню, — что Юровский сказал так Царю: «Николай Александрович, ваши родственники старались вас спасти, но этого им не пришлось, и мы принуждены вас расстрелять». Тут же, в ту же минуту, за словами Юровского раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьвера. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, что стрелял Юровский. Им, как я думаю, этого не видно было из-за положения Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Оба они говорили, что он стрелял. Кроме Никулина, стреляли некоторые из «латышей». Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьвера. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, «женский визг», крик нескольких голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за Ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда они все лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли одну Анастасию как приколотую штыками...

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели на казнь. Со двора их выносили в автомобиль... Это уже видели Брусьянин с Лесниковым... Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиле, на него положили трупы и сверху закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было у нас, как сейчас, «допроса». Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом грузовике был Сергей Люханов: именно его называли Брусьянин с Лесниковым... Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три «латышей», но русских «латышей» или нерусских — не знаю: не допытывались мы.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду и сами они были так всем увиденным потрясены и поражены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду... Дерябин прямо ругался за такое дело, называл убийц мясниками, он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойники стали вытаскивать в белых простынях, он убежал со своего поста на задний двор.

В один из последующих дней или сам Медведев, или же кто-либо с его слов говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью. Почва пошла по мере следования автомобиля мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили все трупы и зарыли. Я прекрасно помню, Лесников говорил, что лопаты Юровским брались с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами.

Я вам говорю сухую правду. Ничего ни я, ни другие злоказовские рабочие с вечера не знали о предстоящем убийстве... Допускаю вполне, что Медведев мог звать своих из казармы убирать комнаты. Также могу допустить, что Стрекотин в ночь убийства стоял на посту у пулемета в нижней комнате, где мимо него носили трупы. Юровский мог приказать Медведеву поставить сюда надежного человека из пулеметчиков, каким и был Стрекотин.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился к сестре Капитолине... На душе было страшно тяжело, потому к ней и пошел я, чтоб поговорить с близким

человеком... Вероятно, ввиду моего расстроенного вида, она подумала, что картину убийства я видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что ее ударили штыком раз тридцать.

...18 июля вывозились вещи из Ипатьевского дома... Шофером был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов.

...Только одно сам наблюдал из жизни Царской семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую. Слов ее я не разобрал, а мотив был грустный, это был мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал.

...Еще из жизни Царя припомнился следующий случай. Однажды пришел я в комендантскую и застал там Никулина и Кабанова. Никулин при мне спросил Кабанова, о чем он разговаривал на прогулке с Царем. Кабанов ответил, что Царь спрашивал его, не служил ли он ранее в кирасирском каком-то полку. Кабанов, по его словам, ответил утвердительно и говорил, что действительно в этом полку служил и однажды был на смотре, который тогда производился Царем. И Никулин, и Кабанов тогда еще удивлялись памяти Царя».

Капитолина, его сестра, показала, что «вид у брата был измученный и он очень волновался... Сцены расстрела были так ужасны, что брат несколько раз выходил на улицу освежиться». (Это и дало повод для реального предположения, что он видел убийство из сада или же, что кажется вероятнее, находился в доме позже, когда Медведев собрал солдат из казармы для уборки комнаты и переноски трупов.)

Все виденное произвело на Якимова такое впечатление, что он «при освобождении Перми (бельми. — М. Х.) отстал от большевиков, не желая более следовать за ними и состоять в их партии... И вступил в ряды правительственной армии (Колчака. — М. Х.), находился во время задержания по Глазовскому направлению», солдатом 1-й роты 1-го Пермского стрелкового полка.

Арестовали его на передовой 2 апреля 1919 года, а через полгода и два дня, 4 октября, «заключенный Анатолий Александрович Якимов, обвинявшийся в убийстве Государя Императора Николая II, был все время в одиночной камере, где и умер от чахотки.

Начальник иркутской окружной тюрьмы А. Федоров».

Так я убедился, что Гелий Рябов не был знаком с материалами дела (иначе знал бы, что Якимов, равно как и Медведев, не был расстрелян, а умер в одиночке от болезни). Он включил Якимова в число расстрелянных, потому что узнал, что 32-летний обвиняемый скончался в тюрьме через полгода после ареста. Нор-

мальному писателю-юристу в голову не пришло, что его бывлой коллега Соколов из как бы «порядочных» людей мог предъявить обвинительное заключение солдату собственной армии и заморить его в тюрьме лишь за то, что тот, предположим, *видел убийство* (а по его версии — лишь слышал о нем). Но Рябов прочитал, что Якимову было «предъявлено обвинение по содержанию постановления от 11 сего мая... Возраст во время совершения преступления (курсив мой. — М. Х.) — 31 год» — и ему в голову не пришло, что нет оснований ни для постановления, ни для обвинительного заключения и оба эти документа сегодня кем-то изъяты из томов следственного дела, кем-то, кто мог опасаться, как будет выглядеть Соколов, если историки получат возможность сравнить исчезнувшее постановление с другими документами дела.

* * *

Но как примерно обвинительное заключение в адрес Якимова могло бы выглядеть, попробуем установить, пользуясь методом аналогии. Ибо в следственном деле сохранилось другое обвинительное постановление, направленное против еще одного соколовского «цареубийцы» 17 летнего Филиппа Проскуракова.

...Здесь я позволю прервать течение исторического сюжета, чтобы объяснить читателю, почему придаю такое важное значение формулировкам обвинительных документов дела. Это, по-видимому, общее свойство многих людей моего поколения: процитирую, например, поразившее меня описание аналогичных впечатлений Алексея Мурженко, отсидевшего в 60 — 80 гг. три срока (в общей сложности 23 года) по политическим делам. Вот как он описывает свое первое знакомство с обвинительным заключением:

«Сначала я ждал грубости, избиения, а когда увидел, что в КГБ не бьют, решил, что на меня и моих друзей смотрят, как на сынов Отечества, впавших в заблуждение. (Их «Союз свободы разума» сомневался вначале 60-х годов, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». — М. Х.)

Кризисом стало чтение в камере обвинительного заключения. Первые же строки обвинения меня ошеломили. Дочитав до середины, почувствовал, что трясусь, как в лихорадке. Никогда в жизни не испытывал такой трясучки... В этом документе меня шельмовали как заклятого врага, вступившего в борьбу с советской властью не на жизнь, а на смерть, стремившегося подорвать общественный и государственный строй СССР, ликвидировать ЦК, жаждущего разрушить и уничтожить все народные завоевания. В один час обвинение разрушило фантастический мир, и я узрел, где я живу».

При чтении обвинительного заключения в адрес Филиппа Проскуракова я почувствовал примерно то же самое, что Алексей Мурженко. Но — изложу по порядку.

Филипп Проскураков вовсе не походил на Якимова. «Грамота плохо давалась», из ученья у кузнеца ушел: «Очень тяжелая работа». Стал было учиться на электромонтера, но 9 мая услышал от товарища на базе, что комиссар Мрачковский набирает охрану для царя. «И отец, и мать не советовали мне идти в охрану, отец говорил: «Не ходи, Филя, одумайся», но мне охота была посмотреть на царя». (Ему не исполнилось тогда 17-ти.) Павел Медведев объяснил: платить будут четыре сотни, «надо будет стоять на посту и не спать. Вот только эти условия он мне и сказал. Я тут же записался.

Приблизительно в первых числа июля... заступил в начальники Юровский, этот самый, которого вы сейчас показываете мне на карточках. Помощником его был Никулин... Спустя приблизительно неделю... внизу дома Ипатьева поселились «латыши». Их было приблизительно человек десять... Несколько раз я видел большевика Белобородова, который приходил в дом, должно быть, для проверки, как живет Царская семья. Мне, по крайней мере, Медведев рассказывал, что для этого он приходил в дом... Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста невысокого, среднего, коренастый, плотный, волосы на голове косые, рядом, усы маленькие, черные кверху, бороду брил, щеки после бритья отливали чернотой. Отличался этот человек большим брюхом... Всегда я видел их проходящими вместе. Должно быть, они оба были главные какие-нибудь».

Генерал Дитерихс немедленно идентифицировал «пузатого» с евреем Голощекиным — кто же еще у чекистов был главный? С описания Фили и дан в его книге портрет облвоенкома. Но когда Соколов предъявил Проскуракову карточки для опознания, тот категорически показал на... изображения Петра Ермокова. Генерал мог бы сам догадаться: либо Голощекин сидел в Кремле, на квартире у Свердлова, разрабатывая там жидо-масонскую интригу, либо ходил с Белобородовым в дом Ипатьева в Екатеринбурге. Но ему хотелось того и другого сразу!

«Убийство произошло в ночь со вторника на среду... Кончив дежурство, мы со Стоновым пошли попойнствовать на Водочную улицу, д. 85. Напились мы со Стоновым денатурату и под вечер пришли домой. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил под арест в баню. Мы там и уснули. В три часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил и сказал: «Вставайте, пойдете».

У Стонова были часы, он тогда посмотрел на них. Было именно три часа.

Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники дома Ипатьева, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма... в стенах, полу были удары пуль... Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было видно. Там, где в стенах и на полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была

брызгами и пятнами. На полу маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты (sic. — М. Х.), и во дворе к воротам, на камнях... Увидев все это, я стал расспрашивать Медведева и Александра Стрекотина — что произошло? Они мне сказали, что расстреляли всю Царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Стоновым убирать комнаты. Стали мыть все полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было штук 4 — 5 метел... По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая, со двора, опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками, замывали кровь... Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой работе принимали участие все рабочие, кроме постовых (видимо, и Якимов. — М. Х.)... После уборки Медведев посадил нас в баню — досиживать арест.

В деле нет ни единой улики и показания, опровергающей хотя бы одно слово из показаний Проскурякова. А теперь прочитайте обвинительное заключение «стремившегося к истине» юриста:

«Обсудив вышеизложенное и приняв во внимание:

1) что данными дознания и следствия Проскуряков достаточно изобличается как соучастник вышеописанного злодеяния

2) что преступление его было предусмотрено 13 и 2-й частями 1454 статьи Уложения о наказаниях (убийство с заранее обдуманном намерением, совершенное несколькими лицами по предварительному соглашению! — М. Х.)

постановил:

крестьянина Сысертского завода Филиппа Полиевктова Проскурякова привлечь к следствию в качестве обвиняемого в том, что в ночь на 4 июля (17 н. ст.) в г. Екатеринбурге по предварительному уговору с Яковом Юровским, Прокофием (sic. — ! — М. Х.) Никулиным, Павлом Медведевым и другими, следствием не установленными лицами, с заранее обдуманном намерением лишить жизни отрекшегося от престола Государства Российского Государя Императора Николая Александровича (далее следует список все убитых в ДОНе. — М. Х.)...

— Слушайте! Слушайте!

...согласился на учинение вышеуказанного злодеяния и по выполнении ими такового принял участие в уничтожении следов преступления: замывал кровь на полу и стенах дома Ипатьева и переносил трупы убитых в грузовой автомобиль...

Судебный следователь Н. Соколов».

(Помните, когда Проскурякова привели в дом, уже тянулись кровавые пятна от полуподвала до ворот?)

Бруцкус обвинял Николая Соколова и его присных в самом очевидном: в том, что из-за фантазий и клевет юриста могут

пострадать люди его народа, евреи. Говоря по правде, я не думаю, что евреи могли на самом деле хоть как-то пострадать именно по наветам Соколова: не он, так какой-нибудь другой антисемит в любом случае придумал бы необходимую ложь по делу. Когда замалчивать реальную роль Белобородова стало невозможно, а Соколов все-таки не решался обозначить его евреем, так кто-то другой раскрыл, что председатель Уралсовета на самом деле носил фамилию Вайсбард. Сидел бы на месте Свердлова Калинин, ну, так объявили бы, что все организовал Зиновьев-Апфельбаум, что тот еврей, что этот, какая разница (назвал же Пагануцци в 1981 году главным виновником в среде чинов ЧК еврея Урицкого из Петрограда, а не поляка Дзержинского, его босса в Кремле). Не было бы на месте казни Юровского, кто-нибудь написал бы про Никулина не «по-видимому, русский», а, скажем, так: «Прокофий Никулин, более известный под именем Гирша» (потому что он был не Прокофием, а Григорием, и среди большевиков его звали Гришей.) Докажите, что Гриша не Гирш!

Для тех, кто решит, что я, обуреваемый национальными комплексами, что-то преувеличиваю, процитирую, например, журнал русских монархистов США «Нива», номер, первым попавший в руки, за октябрь 1978 года. «Раввин Самуэль Рабинович предвидел в своем докладе на особом совещании раввинов в Будапеште 12 августа 1966 года (самое место и время для особого совещания раввинов! — М. Х.) некий другой вариант судьбы гоя в будущем иудейском царстве, вплоть до полного уничтожения белой расы, до ее искоренения» (стр. 29). Но это, так сказать, писал автор, некто г-н В. Криворотов, а вот мнение профессора-редактора г. Н. Ваулина: «Многие эмигранты помогают диссидентам, поклоняются солженицынскому идолищу... То ли еще будет, если мы, как стадо баранов, будем поклоняться вермонтскому идолищу поганому, благословляющему зверя апокалиптического» (стр. 38): последнее является комментарием к «снимку», где Солженицын в окружении В. Лакшина, В. Твардовской и других сотрудников «Нового мира» 60-х гг. благословляет в гробу покойного Сталина в мундире генералиссимуса. Подобные типы не нуждались в сочинениях Соколова, они и без него все и всегда знали. Он был одним из них — еще и не самым худшим в их компании, говоря по совести.

Но подобные господа только начинают с клевет против евреев, а на практике всех людей, включая собственных соплеменников, считают травой. За что погиб в камере 34-летний доктор Сакович, за легкомыслие? За что погубили 36-летнего Легмина? Что кобелька цесаревича пожалел? Почему заморили в тюрьме 32-летнего Якимова? Какая судьба постигла 17-летнего Проскуракова (о ней нет никаких данных ни в деле, ни в книгах Соколова и Дитерихса)?

На примере это следствия, на своей исторической поляночке, я наблюдаю и анализирую, почему в историческом споре за судьбу России победили красные, а не белые. Сакович, Якимов, Летемин, даже беззаботный Филя Проскураков разочаровались в красных иллюзиях, они перешли к белым как восстановителям справедливости. (Вот показания Проскуракова, к примеру: «Я вполне сам сознаю, что напрасно не послушал отца-матери и пошел в охрану... Сделал же я это по глупости и молодости. Если б я теперь мог чем помочь, чтоб всех, кто убивал, переловить, для этого бы все сделал».) И чего же они и миллионы им подобных дождались от белых «освободителей»?

Лев Троцкий с присущей ему дьявольской самоуверенностью, которую австрийский министр граф Чернин назвал «наглостью, присущей его расе», однажды высказался: мы, мол, большевики, целый год (как раз 1919) не подавляли крестьянских восстаний: «За нас это делал Колчак». А вот что излагал в секретном меморандуме от 7.XI.1919 на имя директора военной разведки США его главный специалист по Сибири подполковник Р. Эйхельбергер:

«Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство населения находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97% населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку.

Подход реакционной группировки... характерен непримиримостью — все, кто находится в оппозиции, объявляются большевиками. Делая следующий шаг, эта группа, ссылаясь на преступления, совершенные большевиками в России, заявляет, что все большевики должны быть физически уничтожены.

Русский крестьянин... наставляя своего сына, насильно мобилизованного в колчаковскую армию, говорит ему: наши деревни сожжены, наше добро разграблено, сбыт нашей продукции невозможен... Точно так же, как царское правительство в прошлом довело массы до последней черты, что и породило большевизм со всеми его ужасами и иррациональными теориями, точно так же и сейчас колчаковское правительство способствует росту большевизма... Год назад в Сибири большевизм переживал период спада, русские устали от войны, и если бы в этот момент группа добропорядочных людей сумела бы дать людям твердое и справедливое правительство, большевизм в Сибири умер бы естественной смертью. Сегодня, я полагаю, большевиков в Сибири стало в 10 раз больше, чем год назад». Любопытно, что мирсвоззренческую, философскую формулу белогвардейской «непримиримой» позиции подполковник-американец увидел в высказывании британского генерала-монархиста Нокса: «Русские — свиньи». (По его словам, правительство Колчака многие считают в Сибири «правительством Нокса».)

Я вижу, как следовательно, считающийся еще одним из лучших,

забирает с фронта солдата-добровольца и замаривает его до смерти в камере; расстреливает другого, виновного лишь в том, что он накануне убийства стоял в карауле; держит год в одиночке 17-летнего юнца (это уж мы точно знаем), виновного в том, что по приказу командира он мыл пол в расстрельном полуподвале; довел ни разу им не допрошенного врача до смерти в камере, — все эти деяния были Соколовым совершены не против евреев, в которых, скажем, сей юрист провидел Мирового Врага (дадим ему режим наибольшего благоприятствования), а против коренных русских людей, даже не против красных русских, а против белых русских. (А сколько прекрасных русских людей он погубил, тех, кого я тут упомянул.) И зная теперь это, я не удивляюсь, что подобные «борцы» были на десятилетия загипнотизированы большевистским успехом, Чехой, РОСтой, «походом 14-и держав» (у них эти мифические 14 держав назывались «жидо-масонской гидрой»), послепобедными обещаниями (Колчак обещал созвать Учредительное собрание, перестреляв уже выбранных туда депутатов) — и, естественно, они проиграли большевикам, неутомимым в свежести людям от земли или портняжной иглы, всерьез поверившим в историческую миссию и неукротимым в жажде обладания властью, им по первости она еще казалась сверхсладкой.

А если кто-нибудь возразит, что слишком уж я снисходителен к людям, убитым господином Соколовым, что они вольно-невольно, но содействовали гибели Романовых, а я в качестве чужака-сеMITа не в силах почувствовать, что же есть гибель суверена для матушки-России, ну тогда напоминю последнюю дошедшую перед убийством волю этого самого суверена:

«Nous ne voulons pas qu'ils souffrent a cause de nous, ni vous pour nous. Surtout au nom de Dieu evitez leffusion de sang» («Мы не хотим, чтобы они из-за нас или вы ради нас страдали. Самое главное, ради Бога, не проливайте крови».)

* * *

В отличие от перечисленных выше свидетелей, начальник ипатьевской охраны Павел Медведев являлся тяжким преступником.

Но раз уж попал я на стезю адвоката дьявола, позвольте высказаться и в защиту преступника. Чехов, эталон писательской совести, сказал, что дело писателя — быть адвокатом человека, прокуроров хватает без нас.

...Первого коменданта Дома особого назначения Шуру Авдеева зачем-то вызывали в ту ночь «на исполнение», видимо, был он, как говорится, на подхвате в качестве человека испытанного и верного, тем более что шофером похоронного грузовика служил его же человек, Люханов. Вот показание мирового судьи Томашевского: 17 июля утром пришел Авдеев к родст-

веннику и в его, Томашевского, присутствии рассказал о только что совершившемся убийстве:

«Во время рассказа комиссар Авдеев волновался и плакал». («Странная вещь сердце человеческое вообще». М. Лермонтов.)

Показание «гражданки из дворян» Зинаиды Микуловской:

«Под давлением насилий, выразившихся в арестах и слежках члена Чрезвычайной комиссии Константина Васильевича Коневцева, я сошлась с ним и была с ним в интимных отношениях. Он был мне противен... Помню, что за день, за два до объявления об убийстве Государя Императора Коневцев днем, часа в четыре, зашел ко мне на квартиру и сообщил, что большевики убили бывшего Государя. Мне показалось, что, говоря это, у Коневцева были на глазах слезы, он как-то отвертывался от меня».

Вот показания сестры председателя УралЧК:

«Когда приехал в Пермь брат Федор и я пришла в нашу родную семью (я живу при муже), я спросила его: правда ли, что убит Государь и что стало с семьей?.. Брат не пожелал продолжать разговор и смял его. Я поняла, что он не хочет говорить при матери, шадит ее. Спустя некоторое время я спросила его одного... Федор коротко ответил, что Государь убит, а семья жива. И тут же сказал: «Вера, мне тяжело говорить об этом»... У нас была дружная семья, и я могу ошибиться в оценке брата, так как люблю его. Мне кажется, он все равно должен был страдать, хотя бы и от казни одного Государя».

Я потому процитировал эту россыпь показаний, что один из подлинных участников царевубийства, Павел Медведев, не выглядит ни дьяволовым отродьем, циничным и опустошенным злодеем, ни кровожадным и честолюбивым фанатиком, но запутавшимся, как многие российские люди той эпохи, молодым парнем, совершившим страшный грех смертоубийства невинных, но ведь заплатившим за него смертью в тюремной камере в тридцать с небольшим лет. Осудил его Суд выше нашего, и мне неприятен следователь, марающий покойного грязью своих упреков.

Был Паша Медведев на заводе сварщиком, по дому сапожником, вел хозяйство в Сысерти. (В ту эпоху уральские рабочие прокормиться с зарплаты не могли и, как правило, крестьянствовали на усадьбе при доме в заводском поселке.) Были у него жена Марья Даниловна, 26 лет, дочь Зоя, 8 лет, сыновья Андрей и Иван, соответственно 6 лет и 1 года. Эти сведения приведены в «шапке» его показаний, обычно другие подследственные о своей семье ничего не говорили человеку, сидевшему напротив, а Павел имя и возраст каждого ребенка назвал: видать, дороги были. Соколов пишет: «Скрывая свои страдания, Мария Медведева показала: «Меня и детей он очень любил и заботился о нас». Чего скрывать, конечно, любил и заботился: «Муж мой — человек грамотный, непьющий и не буян, так что жили мы с

ним дружно и хорошо». На заводе был лихим парнем и авторитетным, потому главный заводской большевик Сергей Мрачковский сделал его своим помощником. Вместе воевали против Дутова, а потом Мрачковский записал его в охрану ДОНа. Когда «левак» Белобородов предложил красноармейцам самим выбрать командира (левые требовали выборности, а не назначения командиров, вопреки Ленину и Троцкому), бойцы проголосовали за Павла, и стал он начальником охраны, третьим по рангу человеком в доме после коменданта и его помощника. (Соколов написал: «В силу особой близости к Голощекину», как же, Павел воевал с Дутовым, а Голощекин был областным военкомом.) В казарме у него имелась отдельная комнатка, куда из Сысерти (туда и обратно 40 верст) пешком приходила жена.

Жалованье ему назначили полуторное по сравнению с красноармейским, а на фронте семья получала за него в три раза меньше. И незаметно, как доверенное у коменданта лицо, втянулся он в царубийство. По всем стандартным у Соколова пунктам обвинительного заключения: был предварительный разговор с убийцами (Юровский распорядился: «Сегодня придется всех расстрелять, предупреди команду, чтоб не тревожились, если услышат выстрелы»), и помощь в приготовлениях (собрал у охраны ее револьверы, сопровождал семью в шествии на место преступления), кроме того, хотя отрицал личное участие в расстреле, мол, в самый момент убийства находился во дворе, куда его отослал Юровский проверить, не слышны ли там выстрелы, но участвует в убийстве показаниями нескольких свидетелей: «Стрелял и мой муж. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только он один, остальные же были «не наши», а русские или нерусские, это мне объяснено не было» (Мария Медведева); «Как только Юровский это сказал, он, Белобородов, пузатый (Ермаков. — М. Х.), Никулин, Медведев и все латыши... выстрелили сначала в Государя, а потом уже стали стрелять во всех остальных. Все они пали мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и других лиц, кого расстреливали» (Филипп Проскуряков). Якимов, ссылаясь на Клещева и Дерябина, рассказал, что они не видели Медведева стрелявшим, но в момент расстрела тот находился в полуподвале в ряду палачей.

«Рассказывал мне муж это все совершенно спокойно, — показала Мария. — За последнее время он стал непослушным, никого не признавал и как будто семью свою перестал жалеть».

Она ошибалась: что-то сломалось в душе Павла Медведева в ночь преступления, и, отступив с отрядом в Пермь, он не исполнил приказа взорвать за собой мост через Чусовую, а перешел к белым и вступил в их армию. Через несколько месяцев, затосковав по семье, написал домой из части. Там, на почте, его и поджидали... Версия, рассказанная Павлом Медведевым, легла в основу следственного сюжета, изложенного в

развитой и дополненной форме Соколовым в его книге. Несомненно этот опытный юрист понимал, что участник преступления не обязан говорить ему правду — даже по закону. Но очень уж подходили следствию сведения Медведева: что царя убил Юровский самодично, и, кроме того, Павел показал, что когда он вернулся в дом, то Юровский на его глазах добил из пистолета смертельно раненного наследника. Таким образом, в тот период Павел Медведев оказался фактически единственным источником обвинения против искомого объекта обвинения — еврея Юровского.

(Эдвард Радзинский опубликовал в «Огоньке» добытый им в архиве удивительный документ: заявление Юровского в Музей революции о передаче обоих своих револьверов, кольта и маузера. Но из очень путаного, вследствие малограмотности автора, его заявления вытекает, что свой маузер он в ночь казни отдал Никулину, который и добивал из него детей царя:

«Остальные патроны... ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов, и странную живучесть наследника, на которого мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми)».

Учитывая склонность Юровского отнюдь не преуменьшать свою роль и действия в историческую для него ночь убийства, можно с основанием предположить: следователю Павел Медведев говорил неправду. Но о его позиции на допросе, по-своему благородной, мы будем рассуждать немного ниже.

Вторым моментом, устраивавшим и следователя, и Дитерихса в его показаниях, стал рассказ о разоружении охраны:

«С Юровским прибыл новый помощник коменданта, имени и фамилии которого положительно не могу припомнить. Приметы следующие: лет 30 — 32, плотный, выше среднего роста, темно-русый, с небольшими усиками, бороду бреет, говорит в нос — гнусавит.

Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м приказал отобрать в команде и принести ему револьверы системы наган. У стоявших на постах и некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта... Находившийся в доме мальчик-поваренок с утра был перемещен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились «латыши» из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них по именам и фамилиям не знаю. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из команды находился на постах — положительно не помню. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую семью... Еще прежде... в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, Петр Ермаков, а другой неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25—26. Валентина Сахарова (зампредседателя УралЧК, к которому подходили все эти приметы. — М. Х.) я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я тоже находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий... Дорогу указывал Юровский. Привели их в угловую комнату нижнего этажа... Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула... Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслаал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будет ли слышны выстрелы». Я вышел и... не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло 2 — 3 минуты) и... увидел, что все члены Царской семьи уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник еще был жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в упор. Наследник затих. Перед убийством Юровский раздал всем наганы, дал револьвер и мне, но, повторяю, я в убийстве не участвовал...

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтоб смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали бегущие навстречу из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний спросил: «Застрелили ли Николая II? Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили — тебе отвечать придется!» Из команды привел человек 12 — 15, но кого именно — совершенно не помню и ни одного имени назвать не могу... На грузовик сели Петр Ермаков и второй член Чрезвычайной комиссии. В каком направлении они ехали и куда дели трупы, не знаю.

...Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия «Никулин», и я теперь припомнил, что именно такова фамилия того помощника. На предъявленной мне фотокарточке я хорошо признаю этого человека за помощника коменданта Никулина... Со слов Никулина знаю, что ранее он находился в Чрезвычайной след-

ственной комиссии. Вы говорите, что по имеющимся у вас сведениям на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа стоял Александр Стрекотин, и я теперь припомнил, что, действительно, А. Стрекотин стоял тогда у пулемета.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел 6 десятирублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе. Взял также несколько серебряных колец и кое-какие безделушки.

О том, куда скрыты трупы убитых, я знал только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожжении трупов близ шахты я ничего не знаю... Вопросом о том, кто распорядился судьбой Царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил. Из советского начальства в доме часто бывали Белобородов и Голощекин. Я не видел и не слышал, чтобы перед расстрелом Юровский вычитывал какую-то бумагу Царю или говорил что-нибудь по поводу предстоящей казни... Предъявленный вами Филипп Проскуряков, принимал ли он участие в уборке комнаты или переноске трупов, не помню».

С точки зрения этики преступного мира поведение Медведева на следствии в высшей степени благородно. Выгораживая себя, он не предаёт соучастников, кроме Юровского, которого скрывать бесполезно (на него попутно записывается абсолютно все, что происходило в ту ночь: кого-то же нужно следователю назвать). Никулина и Ермакова он назвал только после того, как выяснил, что они уже и без него Сергею известны в качестве участников цареубийства, но ничего не сказал про их место в шеренге палачей. При этом проговаривается — все-таки преступник неопытный, — что знал прежнее место службы (ЧК) человека, даже фамилии которого якобы не помнил. Поняв, что следователю известно имя Стрекотина, дипломатично подтверждает эту информацию, но имя обозначает лишь инициалом «А»... (Тот пусть сам определяет, какой был Стрекотин, Александр или Андрей.)

Любопытен его рассказ о разоружении охраны, правда, ничем не подтвержденный. Генерал Дитерихс на этот сюжет вместе с Филей Проскуряковым целую новеллу сочинил. «В то время я не знал, что Юровский еврей. Будучи организатором преступления, он, возможно, выбрал латышей для совершения убийства потому, что доверял им больше, чем нам, русским», — показал Филя, к большому удовольствию цитировавшего его генерала, выведшего отсюда целую гипотезу о разоружении русских в ДОНе накануне убийства. Увы, она никак не проходит: не говоря о том, что половина «латышей» была русскими (а единственный латыш в доме, Август Трупп, находился среди

жертв), какой смысл был в целях безопасности отбирать револьверы, но оставлять русских же красноармейцев у пулеметов? Медведев мог солгать, выгораживая своих, сысертцев (разоруженные им, они из обвиняемых, как ему могло казаться, превращались лишь в свидетелей преступления) — это вообще нормальная для него линия поведения на следствии. Но вероятнее другое объяснение: Юровский знал свою «команду» и боялся грабежей, которые начнутся сразу после убийства хозяев (вон даже честный по натуре Медведев не выдержал искушения, украл оставленные жертвами 60 рублей — и давила его нечистая совесть, пока сам не признался следователю, хотя никто в краже его не подозревал). Вот и отобрал на всякий случай у потенциальных грабителей оружие.

* * *

Последнее по времени описание убийства дано в многократно упоминавшейся «Записке» Юровского, адресованной на имя историка и большевистского деятеля (тогдашнего замнаркома просвещения) М. Н. Покровского.

«Отобрано было 12 человек (в том числе 7 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. Двое латышей отказались стрелять в девиц».

В этом фрагменте заслуживают внимания два момента. Первый — ошибка Юровского: в команду палачей включили не 12, а 11 исполнителей, по числу жертв. Ошибка возникла потому, что первоначально в числе убитых они считали поваренка Леню Седнева, но потом кто-то исключил его из подготовленного списка, и Юровский приказал перевести мальчика в казарму, в дом Попова. Из показаний Якимова мы знаем, что убийц с наганами сопровождали двое еще убийц с винтовками и штыками, которые потом докальвали дышавшие после выстрелов жертвы (правда, Стрекотин в отрывке из неопубликованных воспоминаний, цитируемом Э. Радзинским, утверждает, что жертвы докальвал Ермаков, взяв у него, Стрекотина, винтовку. Судить о правдивости их можно будет лишь тогда, когда воспоминания будут опубликованы полностью).

Значит, в команде исполнителей было $11 + 2 = 13$ человек.

Второй момент неясен из-за языковой невнятности, столь свойственной Юровскому. Отобрано было 7 латышей, пишет он, двое отказались. Непонятно, отказались ли двое из числа уже отобранных, и тогда «латышей» окажется пятеро, или число семь названо после отказа двоих «стрелять в девиц». Обращаем внимание, что участие в убийстве считалось добровольным: несогласные могли отказаться, и двое «латышей» отказались.

«Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных...»

Так проверяется малое лжесвидетельство Павла Медведе-

ва, будто семью будил сам Юровский. Тот очень старательно фиксировал все, сделанное им в тот день, и не упомянул о своем участии в побудке узников. Между тем жена Медведева, Мария, показала, что ее муж посылал будить семью своего подчиненного, разводящего Костю Добрынина. Тот, видимо, поостерегся будить Романовых сам и попросил доктора Боткина... Павел не хотел упоминать при следователе «своего» Костю и назвал Юровского.

«...объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью из верхнего этажа в нижний». Одевались с полчаса. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой, чтобы избежать рикошетов. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату...»

Здесь начинается обычное для Юровского (наряду с языковой невнятистью) преувеличение роли в убийстве собственной персоны. Свидетели показали, что Романовых сопровождал вниз не он один, а несколько «расстрельщиков» (об этом говорил, например, Павел Медведев, для которого участие в конвоировании на казнь являлось отягчающим обстоятельством: «Я также находился тут»). Противоречие между спокойствием Романовых, отмеченное Юровским, и «догадками о том, что их ожидает», со слов Павла Медведева, снимается следующим соображением. Еще за месяц до убийства семью предупредили о возможной эвакуации в Москву ввиду опасности нападения анархистов. Получив ночью внезапный приказ, они могли думать, что их, говоря эзковским языком, «дернули на дальний этап». Поэтому прав и Медведев, отметивший их особое волнение, и Юровский, считавший, что они ни о чем не догадывались: семья волновалась, ожидая отъезда.

Гелий Рябов справедливо заметил, что шум работающего во дворе автомобильного мотора (обычная звукомаскировка: так же точно через полтора месяца маскировали в Кремле расстрел Фанни Каплан) успокаивал ведомых на смерть: они думали, что это шумит этапный транспорт. Не случайно царица, войдя в расстрельную комнату, спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Юровский распорядился, и Никулин принес два (а не три, по Медведеву) стула: «Ник. (улин) посадил на один Алексея, на другой села А. Ф.».

Ожидая расстрела, люди не просят стульев...

«Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что...»

Юровский не упоминает «гостей» из ВЧК, которых обозначили в ряду палачей Медведев и Проскуряков (последний посчитал одного из них за Белобородова). Видимо, тех включили в команду в последнюю минуту, когда двое «латышей» отказались стрелять.

Согласно данным Э. Радзинского, одним из двоих «отказников» был чекист Родзинский, ранее переписывавший письма «неизвестного офицера» в ДОН; во втором с большой долей вероятности можно предположить «латыша» Кабанова, экс-кирасира, что был узнан царем: никто не назвал его среди исполнителей.

«...сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Урал-исполком постановил их расстрелять...»

Почти полное совпадение с фразой, которую запомнил Клещев: «Мы принуждены вас расстрелять», с добавлением слова «постановление», переданного Проскуряковым. Но, конечно, не было ни бумажки из нагрудного кармана гимнастерки, ни «Именем народа!» (Марк Касвинов)...

«...Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что? Что?» Комендант наскоро повторил и приказал команде готовиться...»

Свидетели уверяют, что комендант ничего не повторял: выстрелы загремели сразу.

«...Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд...»

Согласно рассказу чекиста М. Медведева (Кудрина) своему сыну-историку, который был изложен в «Огоньке» Э. Радзинским, не указано было, кому в кого стрелять, а убийцы бросили предварительно жребий. Николай «выпал» на долю Ермакова, Александра Федоровна — Юровскому, наследник Алексей — Никулину. Может быть, они даже составили какой-то документ на эту тему, и так объясняется, что официальным цареубийцей назначили «человека по жребию», Петра Ермакова?

Царица и одна из дочерей успели перекреститься.

«Затем началась стрельба, продолжавшаяся 2 — 3 минуты. Николай был убит самим комендантом наповал. Затем сразу же умерли А. Ф., Алексей, четыре дочери, доктор Боткин, лакей Трушп, повар Тихомиров (правильно — Харитонов. — М. Х.) и фрейлина (Демидова? — М. Х.). Алексей, три из его сестер и доктор Боткин были еще живы...»

Опять надоедливая путаница в языке Юровского: так умерли Алексей и его сестры сразу же или были еще живы? И еще: Летекин со слов Стрекотина говорил, что царь был убит наповал Юровским, Проскуряков (со слов того же Стрекотина) уверял, что в царя выстрелили все залпом, и это, мне кажется, объясняет позднейший спор, кто именно из палачей стрелял в императора (Юровский, Медведев (Кудрин) или Ермаков), мгновенную

смерть Николая и вообще больше соответствует, как мне кажется, их психологическому состоянию: убийцы, чувствуется, боялись жертвы. Они старались вместе и как можно быстрее ее убить.

Вспоминается Михайловский замок 1801 года и последние слова Павла I: «Пусть я умру, но умру вашим Государем, а вы меня убьете как мои рабы».

(К слову — о споре за убийство царя. Юровский с несомненным надрывом утверждал свой приоритет: «Из кольта мной был наповал убит Николай», ссылаясь при этом на Никулина, как свидетеля, и публикатор Радзинский справедливо ощутил в его тексте «борьбу с кем-то невидимым»). Потому что тот же Никулин четверть века спустя засвидетельствует, что между собой-то палачи считали подлинным убийцей Медведева (Кудрина). Но официальным цареубийцей был и не тот, и ни другой, а товарищ Петр Ермаков, которого, согласно Радзинскому, кликали «Товарищ маузер», в честь пистолета, который он тоже пожертвовал в Музей революции. Словно о пришествии на Русь Ермакова пророчествовал великий поэт Маяковский:

Тише,
ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

Конечно, этот-то «официальный Ермаков» и вызывает у меня самые большие сомнения. Очень уж соответствовал он роли цареубийцы по анкетным данным: русский, рабочий, красногвардеец и примерный семьянин. Но в роль вжился всерьез и очень надолго. Писатель-эмигрант Фридрих Незнанский в «Записках следователя» вспоминает, как к ним, свердловским послевоенным школьникам, привели на октябрьский праздник 1945 года героя Октября Ермакова, и тот рассказывал детям, потрясая грязной ладонью, что ею он и прикончил всю семью Романовых:

«Царица вышла вперед, — живописал «Маузер», — и кричит: «Сволочи, хоть детей в живых оставьте»...

Естественно, что он и есть наиболее сомнительный кандидат в цареубийцы, но именно такого должен был выбрать на эту роль товарищ Ленин: распорядившись о террористическом истреблении православного духовенства, Ильич по той же логике порекомендовал товарищу Троцкому на эту тему публично помалкивать, а все речи должен был произносить только товарищ Калинин, политбюровский Ермаков.

Эту главу я хочу закончить составлением условного списка команды палачей Ипатьевского дома. Как ни мало важен по существу вопрос о том, кто из них согласился нажимать на курки наганов и добивать недостреленных штыком («Удивительно было, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом. Когда

одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж» — Юровский). Но в России к должности палача особое отношение. Солженицынский кооператор Власов, один из самых привлекательных образов в «Архипелаге ГУЛАГ», думал, что скажет в лицо своему палачу: «Ты один виноват в моей смерти, потому что не будь таких, как ты, — ни один судья несправедливый ничего не мог бы сделать».

Итак, бесспорными в списке будут Яков Юровский и Павел Медведев, которым выше посвящены глава и раздел. Меньше известно о Григории Никулине: член партии с 1917 года, казначей Уральской ЧК, любитель массовых расстрелов, за что в своей компании получил ласковое прозвище «Пулеметчик». О нем письменно, помните, засвидетельствовал гражданин начальник: «Никулин выпустил обойму в цесаревича Алексея, потому что очень до этого разнервничался, достреливая сестер мальчика».

Еще известно, что в Перми он, угощая гостя чайком, прихватил: «Пьем чай из царских запасов».

Четвертым бесспорным палачом был вышеупомянутый Петр Ермаков, «организатор верх-исетской красной гвардии». У Дитерихса описан так: «С застывшим лицом, висевшими прямыми длинными нитями волос... был, как говорили несчастные обитатели окрестных деревень и заимок, «сама смерть».

Еще одним оставшимся неопознанным следствием участником цареубийства был, видимо, чекист Медведев (Кудрин). Его имени у Соколова нет, он фигурирует «вторым особоуполномоченным» в документах следствия. Проскуряков его принял за Белобородова, судья Сергеев подозревал в нем Валентина Сахарова, зампред ЧК. Впервые имя его я обнаружил в библиографии, приложенной к книге М. Касвинова, там значились неопубликованные мемуары этого человека. Согласно рассказу его сына-историка Эдварду Радзинскому, он и убил Николая.

Произошло это случайно. Перед расстрелом палачи бросали жребий, кому кого убивать. (О жребии упомянуто и в деле: машинист Логинов передал рассказ о нем со слов подвыпившего комиссара, явно знавшего многие подтвердившиеся позже подробности убийства.) Но когда палачи вошли в комнату, Медведев (Кудрин), который никогда раньше не видел царя (он, видимо, не состоял в команде «латышей»), заменяя кого-то из отказавшихся «стрелять в девиц»), подошел к императору поближе, чтобы его рассмотреть, и по команде выстрелил... Это якобы подтвердил в 1964 году последний оставшийся в живых участник цареубийства Никулин. Но до тех пор, пока Эдварду Радзинскому не удалось выпросить пленку с рассказом Никулина из секретного архива, версия эта, конечно, под вопросом.

Теперь — «латыши». На их долю осталось восемь вакансий: из 13 палачей выгнем пятерых вышеперечисленных. (Это число подходит еще потому, что если латышей было 10, а двое отка-

зались стрелять, остается восемь.) Напомню, что, согласно показаниям Якимова, пятеро было русских, а пятеро нерусских, и среди русских он назвал, кроме Ермакова, еще Партина и Костоусова. А вот какие фамилии называет Марк Касвинов, имевший доступ к закрытым документам: «Ермаков, Ваганов, Юровский, Авдеев и другие, а также молодые рядовые бойцы: Александр Костоусов, Василий Леватных, Николай Партин и Александр Кривцов». За исключением Авдеева, бывшего на подхвате, но непосредственно в расстреле, видимо, участия не принимавшего, все эти люди упоминаются и в следственных актах дела. Костоусова и Партина не без умысла, конечно, назвал следователь Якимов, как не без умысла он отговорился незнанием фамилии Леватных: «Пятому же я фамилию забыл и не могу назвать, был ли среди них человек по фамилии Леватных»: Леватных находился не в расстрельной комнате, а где-то рядом (может быть, это он стоял с винтовкой со штыком?).

Кое-что мы узнали из любопытного показания Прокопия Кухтенкова, завхоза Верх-Исетского партийного клуба. По его словам, спрятавшись за земляничной грядкой в саду (судья Сергеев произвел следственный эксперимент и установил, что действительно за этой грядкой можно спрятаться так, что со скамейки человека не видно, а ему разговоры с нее слышны), он слышал беседу «военного комиссара Петра Ермакова и видных членов партии Александра Егоровича Костоусова, Василия Ивановича Леватных, Николая Сергеевича Партина и Александра Ивановича Кривцова... Они сидели в нескольких саженях от меня, на скамейке. Прежде всего, я услышал следующую фразу, сказанную Александром Костоусовым: «Второй день приходится возиться. Вчера хоронили, а сегодня перехоранивали». При этом Костоусов заматюкался и утерся платком... Василий Леватных, между прочим, сказал: «Когда мы пришли, они еще теплые были, я сам щупал царицу, она была теплая». Тот же Леватных, похваляясь, сказал: «Теперь и умереть не грешно, щупал у царицы П....»

Что вообще известно об этом «дублере», о Леватных?

«Муж мой Василий, — показала его жена Матрена, 19 лет, — был старшим мастером в мартеновском цеху... Венчались мы в церкви, но в единоверческой, не в православной, не любил он православных священников-то... Ничего я не знаю про участие мужа и всех указанных людей в убийстве Царской семьи, но по совести могу сказать, что такой зверь, как мой муж, мог пойти на такое дело».

Еще вакансия оспаривается Степаном Вагановым и Александром Кривцовым. Ваганов гораздо вероятнее, его поминуют в качестве участника команды все, а Кривцова только Касвинов и Кухтенков. Он служил комиссаром Верх-Исетского поселка до Ермакова и потом сменил его на этом же посту; при наступлении белых был захвачен повстанцами-рабочими и убит ими.

«Ермакова я знал по Верх-Исетску, — показал извозчик Зудихин. — Он давно занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был за что-то сослан в каторгу... Его помощником был матрос Степан Ваганов, хулиган и бродяга добрый».

«Ермакова я немного знал... Когда Ермаков встретил тестя, он на него заругался и сказал: «Всем сказано, что тут ездить нельзя» (об этом эпизоде подробнее будет рассказано ниже — М. Х.). Тесть его напугался: одного его взгляда все боялись, поступал строго... Я вижу карточку Ваганова. Это он. Мы его убили. Про убийство Царя не спросили... Я вижу предъявленную карточку Александра Егорова Костоусова. Это он. Он был самый опасный из большевиков. «(из показаний крестьянина села Полевка Николая Божукова).

Оставшиеся четыре места приходятся, видимо, на иностранных подданных. А Хойер называет такие, известные ему семь фамилий иностранцев-«латышей»: Хорват, Фишер, Фекете, Надь, Вергази, Грюнфельд, Эдельштейн. Е. Алферьев называет только пять фамилий, но зато с добавлением личных имен: Лайош Хорват, Ансельм Фишер, Эмиль Фекете, Имре Надь, Андраш Вергази (Верхаш). В деле упомянут только Андраш Верхаш (его роспись найдена возле одного из караульных постов), но нет подтверждения, что именно этот человек вошел в команду исполнителей, а не был среди невключенных в нее или отказавшихся. Гелий Рябов обратил внимание, что имя и фамилия одного из палачей «Имре Надь» совпадает с именем венгерского премьера, возглавившего народное сопротивление в 1956 году и через год повешенного по приказу Хрущева и под наблюдением Андропова... Но он ли это был? Никаких сколько-нибудь точных данных и никаких на самом деле серьезных источников в распоряжении историков пока не имеется.

В начале этой книги я обещал читателям, что глава об этническом составе Австро-Венгерской империи не останется в нашем историческом сюжете без продолжения. Первая мировая война возникла как спонтанная реакция империалистов Европы на славянское возрождение. И поэтому ядро отрядов, стремившихся спасти заточенных Романовых, четыре года спустя составили славяне, прежде всего, чехи. Зато венгры и австрийцы, которых удары Николая II низводили с положения господствующих народов великой Дунайской империи, в граждан двух малых осколков-государств, наверно, представляли себе русского императора заклятым национальным врагом.

Еще деталь в сюжете, прежде чем мы оставим 24-метровый полуподвал на Вознесенском проспекте в Екатеринбурге. Речь пойдет о двух знаменитых надписях в этом помещении: двусторонней Генриха Гейне из «Валтасара» и «кабалистических знаков».

Последние представляют собой четыре закорючки, нанесен-

ные чернилами на стену возле подоконника, и несколько цифр недалеко от них.

Профессор П. Пагануцци опубликовал эти черточки и загогулины, как выясняется при сравнении с оригиналом, вверх ногами и сопроводил сообщением, якобы в Британском музее хранится брошюра некоего Энея «Жертва», «переведенная на русский язык Верным». В этой брошюре, дескать, четыре значка раскодированы и переданы по-русски 18 словами. Вот они:

«Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».

Я не могу представить человека науки, каким, видимо, должен считаться носитель профессорского звания, всерьез ссылающегося на брошюру несомненного анонима, переведенную тоже анонимом. Он-то знает, что на Западе существует целая индустрия подобных фальшивок. Мое сомнение подтверждается тем, что Пагануцци не опубликовал ни слова, разъясняющего метод дешифровки «Энея»; не кроссворд ведь все-таки разгадывался, а предьявлялось обвинение в организации убийства. (Между прочим, когда Соколов нашел дешифровщика, разгадавшего ему код екатеринбургских телеграмм, он совершенно справедливо напечатал все этапы на пути от цифрового кода к буквам, чтобы ни у кого не возникло сомнений в правильности прочтения.) Кстати, если Энея и Верный еще могли предполагать, что царубийство совершили анархисты-разрушители государства, то уж профессор Пагануцци мог бы сообразить, что империя Ленина — Сталина вовсе не символизировала собой отсутствие государственности. Что уж говорить об извещении всех народов посредством четырех закорючек и палочек на стене...

Тайну этой надписи вполне логично разгадал Николай Росс. Во-первых, ее зарегистрировал только Соколов, а Сергеев и Наметкин не видели. В промежутке между двумя осмотрами ДОН был занят офицерами штаба генерала Гайды. Вот кто-то из них, по-видимому, и сделал денежные расчеты на стене пустой комнаты: возле одной из цифр отчетливо читаются две буквы «ру», т. е. «рублей», а предварительно он попробовал, как пишет перо. Отсюда возникло несколько закорючек и палочек возле окна.

Куда интересней история с двустипшием Гейне (напомню содержание в русском переводе: «В ту ночь Валтасар был убит рабами», или в стихотворном варианте: «В ту ночь, еще не взопла заря, / Рабы зарезали царя».)

Бруцкус ехидно комментировал: «Генерал Дитерихс пишет эти стихи на еврейско-немецком жаргоне принадлежат еврею Гейне. Еврей Гейне, оказывается, тоже привлечен, так сказать, идейно, к убийству в Екатеринбурге, как все вообще евреи с самого Сима. Это не курьез, мало достойный внимания, это хоть

и мелкое, но яркое выражение стратегии и тактики неудавшегося князя Пожарского: он берет свое добро повсюду, где может».

Трудно, конечно, не воспринимать в качестве курьеза заявление выпускника Академии Генштаба, будто Гейне писал «Валтасара» на идише. Но уже в наше время И. Шафаревич, человек бесспорно ученый и начитанный, подтвердил, мол, Валтасар ведь был убит за то, что оскорбил Иегову, и, следовательно, евреи не только организовали убийство нового Валтасара, Николая II, но даже расписались в конце, объясняя причину преступления, — он оскорбил их Бога.

В каком-то смысле математик стоит генерала. Во-первых, Валтасар, пивший на роковом пиру из храмовых сосудов, оскорбил не еврейского племенного божка, а того единственного Бога, в которого, по его словам, верит и сам Шафаревич. Потому что имя «Иегова» есть тетраграмматон, «четверобуквие», аббревиатура слов на иврите «был, есть и будет», переводимое на русский язык в синодальном переводе как «Суший». Во-вторых, если бы Шафаревич прочитал все стихотворение Гейне, он бы узнал, что оно исполнено сочувствия к великому и грозному царю, павшему жертвой Божественного гнева, и Вышнюю волю исполнили рабы, вассалы этого царя. Неужели большевики (и даже масоны) считали себя к лету 1918 года рабами или вассалами Николая II?

..Вспомните, что первые дни после убийства никому из посвященных в ее тайну не было известно, объявит Москва о смерти узников или предпочтет сделать из этого события государственную тайну особой важности. (Она выбрала компромисс: объявила о расстреле царя и «эвакуации» семьи.) Пятна крови замыли, могилу с трупами спрятали так тщательно, что лишь через 60 лет ее обнаружил поисковик, имевший план-схему в кармане. Распускались через агентуру слухи о спасении Романовых, настолько убедительно сочиненные, что через полвека авторы «Досье на царя» Саммерс и Мэнгольд верили, будто Романовых расстреляли позднее, в Перми... Вот в обстановке великого секрета кто-то и пробрался в отмытую от следов расстрела комнату и написал на стене по-немецки двустилишие, содержавшее кодированное для тех, кто будет искать монарха, послание:

«Здесь был убит русский царь».

Кто это был? Он знал немецкий язык как родной и одновременно знал, что в доме не осталось его земляков и Юровского, способных прочесть и понять надпись-послание. Кто-то из «латышей»-австрийцев? Сомнительно, чтоб те называли себя или своих товарищей «рабами» Николая. Но был в доме человек, знавший немецкий, не участвовавший в царевубийстве, остававшийся в нем после того, как дом покинули Юровский и «латыши». Это был военнопленный, денщик Юровско-

го, чистивший ему сапоги и готовивший самовар. Якимов назвал его Рудольфом, но в надписях на стене есть «Адольф». Возможно, он?

В заключение главы — отрывок из опубликованного в «Граних» 70-х годов дневника советского туриста Шалома Йосмана: «Свердловск, 11 августа 1970 года.

Утром, когда проснулся, Володи уже не было. Позавтракав, поехал в город искать один дом. Еще из книг знал, что он находится неподалеку от церкви. Но у церкви, к которой приехал, этого дома не оказалось.

— А в Екатеринбурге, сынок, ишо одна церква. Только ироды закрыли ее для православных. Туда и езжай, там дом этот стоит, — объяснила мне старушка, собиравшая подаяние у церкви.

...Это здесь. В этом доме, окрашенном в нежно-желтый цвет, кончилась Российская империя. Здесь 50 с лишним лет назад был убит русский царь Николай II. На крыше здания развевается красный флаг, вход охраняет милиционер, на двери табличка: «Архив Свердловского областного комитета КПСС».

— Можно войти внутрь? — спросил старшину с испытанным и добродушным лицом.

— А царевых привидений не боишься?

— Не боюсь.

— Тогда пошли, только недолго. А то они не любят, когда народ в дом ходит, — кивнул на табличку.

...Уютный коридор, у окна фикусы, между ними пожелтевший от времени бюст Ленина. В глубине лестница.

— По ней их и вели, — тихо рассказывает старшина. — Николая, супругу его, детей и прислужниц. Внизу подвал, там они и сидели до того, как кончили их. И прислужниц заодно убрали. Говорят, захотели они умереть с царем. (В записке Юровского сказано — «остатки верной им до гроба челяди». — М. Х.). А я так думаю, комиссары свидетелей лишних не захотели. Кто его знает, как там на самом деле было. Слышал я, будто и не расстреляли их вовсе, а штыками закололи. Комиссары, что убийствовали, царевы драгоценности хапнули и за границу смотались. Одного перед войной в Париже видели, фабрику, стервец, открыл.

— А куда солдаты смотрели?

— А не было никаких солдат. Только эти три комиссара и кончали Романово семейство. Народ заступиться за него решил. В церкви, что напротив, собрались мужики со всего Урала и митингуют. «Выручим царя-батюшку!» — но разогнали их, а многих и постреляли как контрреволюционеров. Пойдем сейчас, а то обед начнется, увидят нас. Нехорошо получится — не велено мне людей пускать-то.

— А что сейчас в подвале?

— Партийные документы свалены.
— И про убийство царя есть?
— Может, и есть, только вряд ли. Какие в революцию документы, штык и пуля, вот и весь закон».

Старшина ошибался: документы были. Их читал тогдашний первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Он сам рассказал об этом в мемуарной книге «Исповедь на заданную тему», вышедшей в свет в 1990 году. И поделился партийным секретом: раздраженное постоянным паломничеством таких вот самодеятельных туристов к зданию свердловского партархива, политбюро ЦК КПСС приняло тайное постановление: взорвать Ипатьевский дом. Не слишком избалованные всемирно интересными достопримечательностями екатеринбуржцы-свердловчане возражали; по словам Ельцина, даже члены бюро обкома были недовольны. Но против Кремля — куда ж они могли деться...

Пикантно, что уничтожение места преступления тоже было официально занесено на счет местных властей, как за 60 лет до того — само преступление. Как не вспомнить Гегеля: «В истории события повторяются дважды: один раз как трагедия, второй как фарс».

А стенку, в которую впивались не попавшие в цель пули, если верить Гелию Рябову, не уничтожили: аккуратно сняли и продали в Великобританию, где живут Ганноверы, ближайшие сегодня родственники Романовых, лондонская королевская семья.

НЕИЗВЕСТНАЯ МОГИЛА ЦАРЯ

Цареубийство намеревались осуществить не в два часа ночи, а в «дьяволов час» — в полночь. Но опоздал грузовик с товарищем Ермаковым (его впустили по условному паролю «Трубо-чист», почти по Булгакову). И дисциплинированный педант Юровский стал сомневаться в таком помощнике. Хотя после убийства функции коменданта тюрьмы считались как бы исчерпанными, за похороны полагалось отвечать Ермакову, но Юровский решил ликвидировать трупы сам.

Проехав на грузовике верст пять за Верх-Исетский завод, он наткнулся, по его выражению, «на целый табор» ермаковской молодой гвардии рабочих и крестьян. «Первое, что они крикнули: «Что вы их нам не живыми привезли!» Ребята с ВИЗа надеялись, что казнь Романовых партия им доверит... Вместо телег воинство приготовило под «груз» пролетки, на которые втиснули 11 трупов, очищая у них карманы.

Но никто из молодцов не разведал предварительно, где именно Ермаков наметил запрятать трупы. Лишь к утру караван с мертвецами доехал до подходящего укрытия, заброшенной шахты в полутора верстах южнее деревни Коптяки.

«Команда приступила к разделанию и сжиганию» одежды (чтобы затруднить следствию идентификацию тел) и тут выяснила, что в корсетах и белье жертв заштыты фамильные драгоценности. Это были не регалии империи (те хранились в Кремле, составив позднее Алмазный фонд СССР), а личные камни, собранные в семье за четверть века. С трупа императрицы Юровскому доставили несколько жемчужных ожерелий.

Все похищенное с тел позже «было похоронено в Алапаевском заводе в одном из домиков, в подполье, в 19-м году откопано и привезено в Москву», Юровский именно за эту операцию и заслужил от Ленина титул «надежнейшего коммуниста». Там, в Алапаевске, Павел Медведев при отступлении повстречал Ермакова. Уж не им ли обоим поручал Белобородов схоронить царские камни? (Иначе непонятно, почему, отступая на северо-запад, на Пермь, оба красногвардейца оказались вдруг на северо-востоке от Екатеринбурга, в Алапаевске. Не за камушками ли потом перебежал к белым Паша Медведев, да вот не улучил момента добраться до клада?)

«Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту» и забросали их сверху гранатами, надеясь обвалить ствол...

«Обработкой трупов» занималось пять человек. Все осталь-

ные охраняли подступы к шахте: там свидетели видели Ваганова и Ермакова, и самого Голощекина, возможно, он-то и руководил внешним оцеплением — как-никак формально «военный министр».

Большое количество ценностей, найденных мужиками и следователями в урочище «Четыре брата», можно объяснить лишь мародерством: члены «великолепной пятерки» Юровского несомненно не разделяли культа революционного бескорыстия их атамана и втихомолку отбрасывали в сторону какие-то драгоценности, надеясь в подходящий момент вернуться и подобрать с земли кусочек личной добычи. Я согласен с Г. Рябовым, что найденный следствием отрезанный палец был не оторван взрывом гранаты, как полагал Юровский, а отрезан мародером: у Николая II не снималось с пальца обручальное кольцо, это известно.

Между тем, «Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения» (Юровский).

Мог ли догадаться об этом Соколов? Мог.

Я не хочу упрекать его за ошибку, любой следователь всего лишь человек. На него обрушивается гряда улик, показаний, которые надо сгруппировать, отделить противоречивое, выявить точное, поставить под вопрос вероятное. Нельзя следователя винить, что он проиграл преступнику — на то игра, что в ней возможен разный исход. Особенно если преступнику повезло, а следователь был в цейтноте.

Поэтому не в упрек Соколову обращаю внимание на улики, которые он упустил, а лишь доказываю, что хоть и незначительные, но имелись в его руках нити, воспользовавшись которыми он мог опередить Г. Рябова на 60 лет.

...Костоусов предупреждал: «Вчера хоронили, сегодня перехоранивали». Машинист Логинов пересказал слова неизвестного комиссара, что «были вырыты две ямы: одна ложная, оставшаяся пустой, вновь засыпана, а в другую сложили тела убитых». Особенно важную деталь сообщил Якимов: Павел Медведев ему рассказал, что покойных похоронили в яме, в топком месте, где застрял грузовик...

Какой удар все-таки нанесли следствию военные, заменив Сергеева на Соколова! Во-первых, Соколову остро не хватало времени вникнуть в детали. Во-вторых, именно в момент передачи дела Сергеев как раз оказался в перспективной позиции: только что в руки следователя попали все ключевые (за исключением Якимова) свидетели. Тут-то и надо было приступить к перекрестным допросам! Судя по данным, которыми мы сегодня располагаем, Павел Медведев мог знать, хотя бы примерно, где расположена могила семьи, где спрятаны драгоценности, и уж он точно знал, кто принимал участие в убийстве. Если бы следствию удалось сломать его первоначальную, обычную для лю-

бого преступника позицию: «Никого не видел, ничего не слышал...» А сделать такое опытному следователю было вполне по силам.

Ибо Борис Бруцкус ошибался (как, наверно, и сам Павел), полагая, что лица, виновные в цареубийстве, по закону подлежали смертной казни. Николай II к моменту гибели бы не царем, а бывшим царем — с точки зрения законов империи разница была громадной. Убийство частного лица, каким юридически считался бывший царь, каралось по статье 1494-й — именно ее и видим мы в обвинительных заключениях Сергеева (для Павла Медведева) и Соколова (для Филиппа Проскуракова). Но наказание по этой статье предусматривало не смертную казнь, а — двадцатилетнюю каторгу. Лицу, оказавшему следствию и суду помощь в раскрытии истины по такому делу, вполне можно было обещать снисхождение и поддержку его семье на воле...

Павел был от природы недурным человеком, сильно привязанным к детям и жене, его можно было уговорить пойти на компромисс. Но Сергеева отстранили от дел, а Соколов, живший тогда далеко от места преступления, в Омске, при первом знакомстве с делом занялся тем, что было у него под рукой — документами, а свидетели, задержанные в Екатеринбурге, остались без допросов и, главное, без внимания следователя к их личной безопасности и здоровью. Потому, когда Соколов приехал в Екатеринбург, его ключевой для исхода дела свидетель уже умирал от сыпного тифа. Вторая ошибка Соколова заключалась в том, что он не поверил в мародерство похоронной группы, а принял в качестве рабочей гипотезы более естественную версию: мол, трупы на этом месте сожгли, драгоценности же в пламени костров уцелели. Иначе как было объяснить находку у кострищ бриллиантов, топазов, изумруда, золотой цепочки... Одно смущало: если целы камни, то и кости должны были уцелеть, 11 скелетов и черепов, где же они? Разгадку он нашел в найденных распоряжениях за подписью комиссара снабжения Войкова: «Немедленно и без всяких оговорок выдать со склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего» — оба датированы 17 июля. Все складывалось одно к одному: трупы сожгли, а костяки растворили в серной кислоте, потому и нет никаких следов тел...

Между тем истинная версия складывалась совсем по другой цепочке событий: Юровский сжег на кострах лишь одежду, тела не извлек из коптяковской шахты, но с тем, чтобы этой ложной могилой запутать будущего свидетеля. Сам же не стал здесь сжигать трупы, а повез их в другое место. Его подсказал коменданту на совещании высших руководителей области председатель горсовета Сергей Чуцкаев: «Три шахты, очень глубокие, заполненные водой, где и решено утопить трупы, привязав к ним камни».

В этот, второй день погребения, на помощь ему пришел счастливый случай, который в конечном итоге позволил убийце-коменданту обыграть мифомана-следователя.

Возвращаясь из поискового рейда к глубоким шахтам, Юровский упал с лошади и расшибся. Падение будто вышибло из него ту неумно-судорожную энергию, которая толкала на действие всю команду палачей в обе тяжкие ночи. И, обессиленный, он решил похоронить останки, никуда не уезжая, там же, возле коптяковской шахты. Где-нибудь зарыть. Там их обязательно нашел бы Соколов! Но на месте действия возник случайно прошедший через красноармейское оцепление крестьянин, о котором свидетель Божков помянул, рассказывая следствию про Ермакова. Помните? «Мой тесть»... Расстрелять мужика, видимо, не захотели: все ж таки даже Ермаков не решился расстрелять знакомого только за то, что тот зашел в лес в непопущенном месте. Даже у него духу не хватило. И пришлось Юровскому возвращаться за грузовиком.

Дорога от Коптяков в направлении «глубоких шахт» была ужасной, чтобы пробиться, они мостили ее шпалами и тесом, взятыми в одной из придорожных крестьянских дворов, но, застряв-таки в логу, вдруг выдохлись. Сил не осталось. Даже на то, чтобы сжечь трупы (тут у Юровского неясное место в описании, кто-то в чем-то его подвел... . Вырыли они под уже разведенным новым костром, на котором пытались уничтожить останки цесаревича, еще одну яму, прямо тут же на дороге. Сложили трупы, размозжили для неузнаваемости лица убитых прикладами, поставили на тела сверху сосуды с серной кислотой, разбили их выстрелами из винтовок в упор, дабы кислота залила трупы, «чтобы предотвратить смрад от разложения — яма была неглубока», как объяснил в «Записке» Юровский; потом забросали ее землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали по тайному месту на дороге на грузовике. Возникла шинная колея через могилу. «Секрет был сохранен вполне, этого места погребения белые не нашли».

...Непонятны возгласы сомнения, которыми многие в наше время встретили открытие могилы Гелием Рябовым. Все данные из «Записки» Юровского, которой Рябов руководствовался в поиске, согласуются с той информацией, что удалось обнаружить следствию. На страницах 394 — 396 «посевского» тома документов под номерами 230 — 232 напечатаны протоколы допросов линейного сторожа будки № 210 Якова Лобухина и его сына о том, как проезжал грузовик с четырьмя людьми в солдатской одежде, с винтовками и одним штатским (вспомните, по словам Юровского, похоронная группа насчитывала пять человек), как потребовали они ведро воды, охладить мотор, «баба моя на стук осердилась и сказала, что он нас напугал, он на нее за это осерчал и говорит: «Вы тут, как господа, спите, а мы всю ночь маемся. У нас тут автомобиль согрелся. На первый раз

простим, а в другой раз так не делайте»... В последний самый день, уже вечером, от Коптяков прошел автомобиль. Прощел он через переезд и пошел прямо через лог, а не времяжкой, как другие автомобили... Этот автомобиль в лог и засел, в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась... За ночь они там целый мостик выстроили. Из шпал и тесу от моей горюды. Это уж я потом тес назад взял, и там одни шпалы остались».

Соколов рассуждал профессионально: у преступников был почерк, и место могилы нужно искать, исходя из знания почерка преступной группы. Если останки великого князя Михаила и Джонсона сожгли, если Константиновичей и Михайловичей сбросили в шахту, то в Екатеринбурге трупы нужно искать либо в местах, где найдены следы кострищ, либо в шахтах. И он был прав. Как мы знаем, как раз либо то, либо другое, и планировали совершить Юровский с командой. Но цепь случайностей вела коменданта из неизбежной для него иначе колеи событий - падение с лошади, чье-то дезертирство, появление в лесу знакомого Ермакова, неизвестность дороги «к глубоким шахтам», в результате чего они вместо дороги-времянки поехали логом и там застряли — все это настолько вымотало и обессилело Юровского, что он махнул рукой на «утвержденный» план и закопал трупы в первом подвернувшемся на дороге месте, прямо в логу. И неожиданным актом нарушил почерк группы, сбив следователя со следа...

Два замечания по ходу сюжета.

Первое: пытаясь объяснить ошибку следователя, Рябов в одном из интервью выдвинул такую гипотезу: человеку консервативных воззрений, Соколову не могло прийти в голову, что трупы можно раздеть и голыми хоронить прямо на проселке. Потому он и не проверил место, отысканное его помощниками... Но на самом-то деле монархисты ждали от большевиков любого надругательства над телами, так что это объяснение ошибок следователя не выглядит убедительным. Дитерихс, скажем, верил, что Голощекин отделил от трупов головы Романовых и в заспиртованных банках привез их к Свердлову в качестве отчетного документа. Публицист Брешко-Брешковский при жизни Соколова повествовал, как Юровский (а не Голощекин! Снова что тот еврей, что этот...) обижался: «Каких доказательств вы еще можете требовать! Вот Его Величество, вот Ее Величество», — и Юровский опустил головы до земли, а члены Совнаркома, привыкшие к показухе, недоверчиво их разглядывали.

Второе: на самом деле ошибка Соколова объяснялась еще и острой нехваткой у него времени на поездки в главные места следственного действия. Он не успел допросить Саковича, не успел допросить Медведева, не успел побывать в Алапаевске, и — последнее — не поехал на место, где застрял грузовик в логу. Информацию собрал для него один из помощников по

следственной бригаде, коллежский асессор Николай Сретенский. Кто знает, если бы шеф бригады сам побывал на месте, то следственное чутье, которым, по словам Дитерихса, он обладал, подсказало бы ему разрыть единственное нетронутое кошище...

Недовольство монархистов тем, что сегодня обнаружены, вопреки опасениям, останки жертв, что их можно теперь похоронить по церковному обряду, показалось мне противоестественным, пока в советском журнале не прочитал, что именно подразумевалось под термином «ритуальные убийства Романовых». Оказывается, имелось в виду, что евреи как бы принесли в пламени костра русского царя в жертву своему Иегове вместо быка «видимо». Публицист «Огонька» спросил авторов этой гипотезы, как следует оценить сожжение тела Фанни Каплан в Кремле в бочке из-под асфальта, содеянное через полтора месяца после убийства Романовых матросом Павлом Мальковым и поэтом Демьяном Бедным (Ефимом Придворовым).

«Разные бывают монархисты», — меланхолично замечал в адрес сочинителей аналогичных гипотез Марк Алданов.

В 1928 году зимой Екатеринбург посетил Владимир Маяковский. Председатель местного Совета Парамонов решил угостить столичного поэта уникальной местной реликвией — он повез его на царскую могилу. По словам Рябова, найденное сегодня место точно совпадает с описанием его в стихотворении «Император»:

За Исетью,
 где шахты и кручи,
за Исетью,
 где ветер свистел,
приумолк
 исполкомовский кучер
и встал
 на девятой версте.

Здесь кедр
 топором перетроган,
Зарубки
 под корень коры,
У корня,
 под кедром,
 дорога,
а в ней —
 император зарыт.

Теперь, когда мы знаем, как именно представлял и описывал уничтожение трупов и захоронение Романовых следователь Со-

колов, становится понятным, что стихотворение Маяковского явилось в те годы кодированным посланием к современникам: тела не были уничтожены, они похоронены прямо на дороге, на девятой версте за рекой Исеть, примета — кедр с зарубкой. Но, поскольку Маяковский не удержался от пародирования лермонтовского «Воздушного корабля» («На острове том, есть могила, а в ней император зарыт»), десятилетиями его описание могилы воспринималось читателями как поэтический образ, навеянный поэту классиком XIX века.

А в черновых вариантах, оставшихся в записной книжке, еще раз было упомянуто, что тело царя не сожжено, а похоронено:

В короне из золотожилья
Башкой в изумрудные копи
Лежит как его уложили
на лоб драгоценности копит.

И далее строки, иллюстрирующие двоедумие поэта — по Оруэллу:

Я голосую против
Спросите руку твою протяни
казнить или нет человечьи дни

Мы повернули истории бег
Старье навсегда провожайте
Коммунист и человек
не может быть кровожаден —

двоедумие, ибо эти строки он оставил в черновике, в печатном же тексте написал: «Корону можно у нас получить, но только вместе с шахтой».

Из возражений в адрес Гелия Рябова внимания заслуживает еще одно: Николай Росс спрашивает, как же органы безопасности «не использовали случая потревожить посмертный покой ранее замученных ими людей».

Думается, сомнение Росса было порождено тем, что он был тогда знаком не с полной публикацией текста Рябова в журнале «Родина», а с кратким его вариантом в «Московских новостях», иначе не мог не обратить внимания на пейзажи, окружающие могилу в тексте этой документальной повести.

«Мне показалось, что я сплю: прямо посреди дороги стояла могучая ель (кедр Маяковского. — М. Х.)... Да, на этой дороге все кончилось 60 лет назад. С тех пор по ней никто не ездил. Мы нашли остатки «старой березы» — огромный сгнивший пенек. Под ним, на глубине примерно 20 сантиметров мы обнаружили угли, перегоревшую землю».

Будто заколдованное от людей место, совершенно безлюдное, — в таком случае зачем компетентным людям нужно было

тревожить кости Романовых? Но когда дошли до них слухи, что журналист, пользующийся покровительством министра внутренних дел Щелокова, раздобыл в семейном архиве случайную неизъятую копию «Записки» Юровского и способен добраться до порфиросных останков...

«Мы вышли из леса, здесь начинались луга, человек десять рабочих мостили старый проселок, самосвалы подвозили щебень и асфальт. Оставалось еще около шестисот метров.

— Сегодня пятница, — мой помощник весьма значительно посмотрел на меня. — С понедельника они продолжат, и если это та самая дорога — все...

Если это та самая... Как это проверить?»

Они успели проверить — в воскресенье.

«Это была тазовая кость черно-зеленого цвета. И сразу же пошли кости, кости, целые скелеты, черепа... Мы достали три обгоревших от кислоты, с пулевыми ударами, у кого в виске, у кого на темени.

Еще через минуту мы нашли несколько осколков от керамической банки — вероятно, той самой, с серной кислотой. Скорее всего, эти банки бросали прямо на трупы и разбивали выстрелами...

Странно. Я долго вглядывался в один из трех черепов, и чем больше вглядывался, тем больше мне казалось, что передо мной голова последнего русского императора Николая II. Все черепа были изуродованы: лицевая их часть была разбита тяжелыми и сильными ударами. Вероятно, это сделали, чтобы затруднить белым опознание...

Мы зарыли могилу, заровняли, забросали мелкой галькой и замели следы вениками из прутьев...

Ночью перед отъездом мы пришли к страшному месту.

Местность стала неузнаваемой. Через могилу Романовых шла широкая асфальтированная дорога, скрыв ее теперь уж навсегда. Долго стоим и молчим (о чем говорить?)».

Кому могло срочно понадобиться проложить асфальт в уральскую деревню Коптяки?

Те, кому это понадобилось, не учли одного: что у казенных рабочих наступили два выходных дня, а искатели-добровольцы обошлись без перерывов и — опередили погоню.

ЭПИЛОГ

«МНЕ ОТМЩЕНИЕ И АЗ ВОЗДАМ»

*Все начиналось с детей Николая.
Что бормотали они, умирая,
В смрадном погвале? Все те же слова,
Что и несчастные дети Арбата...
Что нам считаться, судьба виновата,
Не за что, а воздастся сполна.*

С. Куняев

Остается рассказать о судьбе действующих лиц.

Яков Юровский.

Генерал Дитерихс, пересказав впечатления Мак-Куллага от его постаревшего, опустившегося облика (мы их цитировали выше), мечтательно предположил, что отмщение уже успело совершиться, якобы Юровский, служивший комиссаром в знаменитой красной дивизии Азина, попал в плен к казакам в 1920 году вместе с начдивом (Дитерихс посчитал того евреем Азиным, видимо, от еврейского имени Айзик. На самом деле Мартын Азин был латышом). По легенде, казаки, сочтя бесстрашного Азина своим земляком, казнили его старинной казнью предателей казачества — привязали к хвостам необъезженных коней и погнали их в степь. Дитерихс сочинил, что Юровского тогда казнили вместе с начдивом. Версия перешла на страницы многих сочинений.

Между тем комендант был упомянут на страницах сочинений Ленина под 1921 годом: работник Гохрана (Государственного хранилища ценностей) РСФСР Яков Юровский предупредил премьера о хищении алмазов коллегами-сотрудниками. По этому поводу есть несколько напечатанных записок Ленина: в ЧК, Глебу Бокию, в Наркомфин, Александру Альскому.

Смерть его оказалась необычной: в 1938 году старый большевик Юровский скончался... от болезни. От прободения язвы желудка.

В том же году была арестована его дочь, гордость его жизни — Римма, одна из секретарей ЦК ВЛКСМ (сведения о ее жизни есть в энциклопедии «Гражданская война и иностранная интервенция в СССР», Москва, 1987. Ее отец в энциклопедии не упомянут). Мог ли комендант не вспомнить тогда царских дочерей, расстрелянных в ДОНе? Прободение язвы часто бывает следствием сильного нервного потрясения: Юровский перенес, «по свидетельству родственников

и очевидцев, тяжелые страдания» перед смертью (Гелий Рябов).

Григорий Никулин, согласно сведениям Эдварда Радзинского, дожил до 1964 года и в качестве последнего участника убийства давал показания под магнитофон для комиссии ЦК КПСС.

Петр Ермаков, по рассказу свердловчанина Фридриха Незнанского, спился и «просил милостыню у церкви, и верующие, знавшие, кто он, тем не менее подавали, чтобы убийца помянул в молитвах души жертв своих».

Николай Партин, подобно Степану Ваганову, попал в плен к белым и был убит там без допроса. О судьбе Александра Костоусова и Василия Леватных мне ничего не известно.

Александр Авдеев умер в 1947 году от туберкулеза. По словам Касвинова, «жизнь его была полна напряжений и треволнений». Будем верить, что чистку он сумел проскочить в вознаграждение хотя бы за те слезы, что уронил утром 17 июля. Его фамилию встречаем в «Воспоминаниях работника советского торгпредства» И. Рапопорта (Нью-Йорк, 1982): некий безграмотный, не владевший немецким языком рабочий Авдеев занимал в 20-х годах ключевую должность в советском торговом представительстве в Берлине.

Александр Белобородов.

Побывал, как упоминалось, и в Оргбюро ЦК, и председателем Донбюро в дни расказачивания, и начполитуправления РСФСР, и зампредВЧК, и наркомом внутренних дел РСФСР. Конец, конечно, обычный, но вот легенда 30-х годов, рассказанная писательницей Руфью Зерновой: по коридору Лубянки волокут кого-то в подвал, и в запертые камеры доносится полузадушенный крик: «Люди, слушайте, я Белобородов. Я убил царя и теперь за это отвечаю». Какой фольклор! «Есть Ты, Создатель, на небе. Долго терпишь, да больно бьешь» (Тюрин из «Одного дня Ивана Денисовича»).

Филипп (Исай) Голощекин.

Внешне контраст судьбе Белобородова: после падения Троцкого его сделали кандидатом в члены ЦК, после падения Зиновьева — полным членом. Сталин послал его своим заместителем в Казахстан: проводить коллективизацию кочевых племен. Они не только что пахать землю, они оседло жить в домах еще не умели... В результате решительных действий Голощекина со товарищи казахский народ потерял треть от своей численности — от голода, болезней, бегства в соседний Китай. (Даже беспощадно-решительный Троцкий счел тогда Голощекина безумцем.) Примерно миллион человек умерло. Британский исследователь террора голодом Роберт Конквест считает, что, в отличие от сознательного истребления украинского крестьянства и северо-кавказского казачества, это истребление казахов Голощекиным и его под-

ручными не было следствием замысла властей, оно возникло как невольный результат сочетания их административной ретивости и спонтанной кровожадности. Поскольку гибель казачих не была предписана Кремлем, товарищей немного покритиковали: Голощекина, например, даже вывели из ЦК и сделали Главным арбитром СССР в Москве. Человек подобного, относительно невысокого уровня смог избежать в 1937 году расстрела и до осени 1941 года войны сидел на Лубянке.

Но когда 15 октября того же года было приказано эвакуировать Москву, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал тов. Л. П. Берия и передал список на «исполнение» в 21 фамилию: накануне ожидаемого падения столицы он не забыл потенциальных недругов. (Товарищ Берия тоже не забыл своего — и присоединил к 21-й фамилии 22-ю, бывшего чекиста М. Кедрова, которого Сталин до тех пор не позволял ему казнить посредством приговора Высшей военной коллегии Верховного суда СССР, берет в запасе на нужный момент против своего помощника-наркома). 28 октября этих эзков разыскали в тюрьмах Поволжья и расстреляли без приговора не только что Военной коллегии, а даже без постановления тройки. Просто списком... В число 22 наряду с тремя бывшими главкомом ВВС (Смушкевичем, Локтионовым, Рычаговым), экс-главкомом Дальнего Востока (Штерном), начальником ГРУ Генштаба (Проскуриным) Главком Красной Армии включил и нашего Голощекина. Не забыл за делами...

Вспомнилось ли тому, когда внезапно, без приговора, без суда вывели его к стенке, — вспомнилась ли ему судьба Романовых?

Дидковский, его коллега по президиуму Уралсовета, дожил в тюрьме до 1938 года, а вот другой соратник, Георгий Сафаров, продержался аж до лета 1942-го. Вот что о нем пишет некий Н. Петров (псевдоним):

«С одним из руководителей тогдашней оппозиции, бывшим главным редактором «Ленинградской правды» Георгием Сафаровым, о котором пишет Солженицын в своей книге «Ленин в Цюрихе», я находился на Воркутлаге, на ОЛП (Отдельном лагерном пункте. — М. Х.) Адьзва... У Сафарова после ареста исчезла семья, и он жестоко страдал. Мы оба работали возчиками и жили за зоной, на конном дворе, в одной землянке... Впервые в жизни столкнувшись с лошадьми, на первых порах оказались беспомощными, не зная, как их запрягать, поить, кормить. Но постепенно освоились с новой профессией. Он был водовозом, доставлял воду из реки Уса в палатки и на кухню... Небольшого роста, в очках, одетый в арестантские лохмотья, с самодельным кнутом в руках, подпоясанный вместо ремня веревками, молча пере-

носил горе». Потом его этапировали в Москву, и, по словам того же солагерника, все понимали, что этапируют на смерть. Но этого (возможного) организатора арапаевских убийств расстреляли не сразу: как выясняется из его реабилитационного дела, опубликованного в журнале «Известия ЦК КПСС» (1990, № 1), Георгий Иванович давал следователям такие ценные и нужные показания против своих старых товарищей-большевиков, что у следствия до самой катастрофы 1942 г. на Юго-Западном фронте не поднималась рука на жизнь такого свидетеля обвинения. Но когда нависла угроза поражения (следователи, видать, не верили в стойкость воинов-сталинградцев), пришлось его расстрелять.

Как упоминалось, Толмачев погиб в гражданскую войну.

Жил в Екатеринбурге еще один комиссар, по касательной коснувшийся «акта», — комиссар снабжения Войков. Соколов и генерал Дитерихс подозревали в нем еврея. В деле нет никаких данных на сей счет. (Я не отрицаю, просто констатирую, даже если они правы, данных в деле нет.) Но как бы ни было, оба автора поэтому придали ему особое значение в своих книгах — и публикация стоила комиссару жизни.

В 1924 году он был назначен послом (по-тогдашнему полпредом) в Варшаву и получил аккредитацию, но лишь после того, как нарком Чичерин официально заверил польского коллегу: «Войков непричастен к событиям лета 1918 года». Студент-эмигрант Борис Коверда не мог вынести, что послом в стране его проживания будет служить соучастник царевубийства. И в Варшаве произошел один из самых удивительных террористических актов XX века. Коверда действовал один, без помощи организации, т. е. без информации, без возможности проникнуть в посольство, без денег, наконец. Все его знания о личности посла сводились к заметке в «Курьере червоны», мол, Войков собирается «сегодня или завтра» выехать в Москву. Коверда ходил ежедневно к отправлявшемуся с вокзала поезду. На четвертый день у него кончились деньги, на последние 20 грошей он купил перронный билет, решив, что сразу после убытия московского поезда поедет к себе в Вильно. И вдруг увидел Войкова рядом с каким-то человеком, идущим по перрону. (Он подумал, что чиновник польского МИДа провожает посла, — бывающего на Родину.) «Потом уже, в ходе следствия, — вспоминал он, — выяснилось, что Войков не собирался ехать в Москву. Я так никогда и не узнал, откуда взялась приведшая меня на вокзал роковая заметка. Оказалось, что ранним утром 7 июня он получил телеграмму от ехавшего из Лондона советского представителя Аркадия Розенгольца, выдворенного из Англии... Войков пришел на вокзал, чтобы встретить проехавшего через Варшаву Розенгольца. Таким образом, моя

встреча с Войковым, хотя я и искал ее, была совершенной случайностью. Был тут какой-то фатум. Если бы Розенгольц проезжал через Варшаву днем позже, то покушения бы не было». Увидев полпреда, Коверда достал револьвер и двумя выстрелами смертельно ранил его.

Вот этого видел
чуть не за час,
Смеялся,
снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась,
И кровью
газета намокла.

О судьбе предполагаемых членов пермского центра — Лукоянове, Сыромолотове — мне неизвестно. Берзин (если только он входил в этот штаб) был уничтожен в 1938 году вместе с аппаратом ГРУ.

Судьбы «вышних» общеизвестны: Ленин пережил царя на 5 с лишним лет, последние годы провел в страшных мучениях, парализованным, с пораженным левым полушарием мозга, умоляя своих юровских отравить его ядом. Свердлов пережил императора на несколько месяцев: скончался от испанки, видимо, какой-то современной ему формы легочной чумы (миллионы погибли от нее в незабываемом 1919 году). Профессор П. Пагануцци передает легенду, якобы «во время посещения бывших Морозовских фабрик один из рабочих ударил его по голове тяжелым предметом, отчего Свердлов не оправился». Как этим людям хочется, чтобы Бог действовал по-человечески, на уровне их понимания отмщения... Сын Свердлова стал агентом-provокатором ГПУ и НКВД, давшим клеветнические показания на весь круг своих друзей. Сестра Свердлова села в лагерь, племянник расстрелян на Лубянке, внучатый племянник погиб в детприемнике, родной брат в тюрьме.

Дзержинский скончался от разрыва сердца в 1926 году, и его смерть сопровождал т. Сталин странной репликой о том, что, может быть, это так и надо, чтобы старые товарищи сходили в могилу один за другим. Они и сходили один за другим, опозоренные, проклятые и сломленные.

* * *

Из следственного дела писателя Исаака Бабеля:

«Источник сообщает: в ноябре 1934 года Бабель сказал: «Люди привыкают к арестам, как к погоде. Ужасает по-

корность партийцев и интеллигенции к мысли оказаться за решеткой. Все это характерная черта государственного режима. Надо, чтобы несколько человек исторического масштаба были во главе страны. Впрочем, где их взять, никого уже нет».

О процессе правотроцкистского блока Бабель сказал:

«Они умрут, убежденные в гибели представляемого ими течения и вместе с тем гибели коммунистической революции: Троцкий убедил их в том, что победа Сталина означает гибель революции».

Из воспоминаний поэта и критика В. Ф. Ходасевича:

Ольга Давидовна Каменева, жена Каменева и сестра Троцкого, расхваливала ему своего сына:

«Товарищ Раскольников одел нашего Лютика по-матроски: матросская курточка, шапочка, фуфайка такая, знаете, полосатая. Ну, настоящий маленький матросик!

Слушать ее мне противно и жутковато. Ведь так же точно, таким же матросиком, недавно бегал еще один мальчик, сыну ее примерно ровесник. Наследник, убитый большевиками, кровь которого на руках у этих вот счастливых родителей!

...Вдруг она умолкает, пристально и как бы с удивлением глядявается в меня, и я чувствую, что моя мысль ей передается... что она знает мои мысли. Она хочет как-нибудь оборвать разговор, но ей дьявольски не везет, от волнения она начинает выбалтывать как раз то самое, что хотела бы скрыть, и в полном замешательстве срывается окончательно:

— Только бы он был жив и здоров!

Я нарочно молчу, чтобы заставить ее глубже почувствовать происходящее».

Ольгу Давидовну Каменеву расстреляли осенью 1941 года в Орле.

Таков был конец людей, думавших, что они выносят решения.

После покушения на Ленина 30 августа 1918 года по России прокатился вал «красного террора». В Москве, у Кремлевской стены расстреляли в одночасье полтысячи «заложников» — людей, виновных в «неправильном, неполюбованном» социальном положении (бывших министров, сенаторов, сановников).

В уральских городах, сановниками небогатых, просто расстреляли всех несчастных, заключенных на момент сверд-

ловского указа. В эти дни из ворот Пермской тюрьмы вывели группу подсудимых, среди них последних тобольских ссыльных, находившихся в заключении: фрейлину графиню Гендрикову, обер-лектрису Шнейдер и камердинера Волкова. «Наконец везут в Москву», — сказала графиня. Но Волков, поглядев на конвой, заподозрил «неладное и, когда группу завели в какое-то очень глухое место, рванулся в сторону и побежал к темневшему на горизонте лесу. Ему выстрелили в спину, он споткнулся, упал, услышал: «Готов!» Мужественный человек пополз и потом 43 дня блуждал по лесу... После занятия Перми войсками белого генерала Пепеляева Волков ответил следователей к месту, куда вели их группу, — это оказалась городская канализационная свалка. Там следователи опознали тела Гендриковой и Шнейдер: одной выстрелили в спину, на другую пожалели пулю. Патологоанатомы установили, что она умерла от сильного удара в заднюю часть черепа тупым орудием (видимо, прикладом винтовки). В опубликованном красными властями списке убитых заложников Волков нашел фамилию своего коллеги, камердинера великого князя Михаила, Василия Чельшева. Это была последняя, четвертая жертва из круга Михаила Романова.

Почему-то здесь вспомнился Марк Касвинов... Извинительны ошибки или умолчания, вызванные политическим давлением издателей-заказчиков, можно, так сказать, войти в положение подневольного историка — не каждому дано, не каждому нужно быть героем. Но не цензура же требовала от Касвинова писать о вольготной жизни Михаила Романова и его людей в ссылке!

Я подумал об этом, когда в одной из сегодняшних публикаций Гелия Рябова прочитал, что в январе 1919 года были казнены в Петрограде четверо великих князей «в ответ на убийство в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург». Понимаю, что он бездумно, автоматически повторил здесь официальную формулировку, адресованную одурманенным кровью массам («они наших, а мы зато ихних»), но ведь это несколько не лучше касвиновской «вольготной жизни». Рябов не может всерьез думать, что убийство членов российской династии являлось хотя бы зверской, палаческой, но все же реакцией Кремля в адрес правивших тогда в Берлине социал-демократов, подавлявших восстание левых экстремистов.

Ленин ждал момента и дождался, когда в потоке всемирных откликов на убийство вождей «Союза Спартака» затерялось короткое сообщение из Петрограда об убийстве четверых великих князей. Что, мол, поделаешь, время такое грозное!

Четверых великих князей расстреляли утром 30 января

1919 года во внутреннем дворе Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, у стены известной «баньки».

Самым знаменитым среди них был великий князь Николай Михайлович, прозванный в семье «Николаем-Эгалитэ» за республиканские убеждения, генерал от инфантерии и истории, прекрасный знаток русских архивохранилищ. «Человек строптивного характера», «Ядовитый скептик», как говорили о нем в семье, он многожды, особенно в последние месяцы царствования, предупреждал царственного брата об опасностях пути, по которому тот ведет Россию и Романовых. Судьбу свою историк предвидел: «Висельники мы!» — не раз говорил в тюрьме.

Князь Петр Долгорукий, впоследствии погибший в тюрьме ГПУ, воспроизвел рассказы современников о гибели воина и ученого: «Великий князь Николай Михайлович... в предварке все время шутил и подбадривал других заключенных. Когда его вывели на расстрел, он отказался от завязывания глаз, скрестил руки, поднял голову и так вызывающе глядел солдатам в глаза, что смутил многих, и не все стреляли».

Рядом с 60-летним историком стоял его младший брат Георгий (средний, генерал-инспектор артиллерии Сергей был, как читатели помнят, убит пулей под Алапаевском). О нем я почти ничего не знаю, кроме того, что этот профессионал-офицер был знаменитым коллекционером: собрание монет Государственного Эрмитажа в значительной мере создано его усилиями. Оно — и память о великом князе Георгии.

Вместе с Михайловичами у стены поставили еще одного Константиновича, Дмитрия, 59-летнего командира кавалерийского корпуса, и его ровесника, командира кавалерийской бригады Павла Александровича, тяжело в это время болевшего, взятого в тюрьму из больничной постели. (Именно его сын от морганатического брака, князь-поэт Владимир Палей, был убит в Нижне-Синячихинской шахте под Алапаевском.)

Всех расстрелянных в этот день похоронили в неизвестном месте на Заячьем острове.

Примерно в те же дни в Ташкенте расстреляли еще одного Константиновича — великого князя Николая.

Всего на протяжении семи месяцев было убито 19 членов царствовавшей 305 лет династии.

Еще скажем доброе слово о Соколове: он был все-таки из лучших в своей компании. Например, защищал память своего свидетеля, полковника Е. Кобылинского, которого монархисты склонны были презирать как человека, назначен-

ного Керенским. Соколов напомнил: хотя Кобылинский был инвалидом войны, страдавшим нефритом после контузии и потому освобожденным от службы в действующей армии, но, узнав о гибели своих подопечных, вступил добровольцем в Сибирскую армию и пал в бою. Так что не стоило эмигрантам посмертно его упрекать за назначение от Временного правительства (приказ о назначении был подписан генералом Лавром Корниловым).

Но Соколов, оказывается, ошибся даже в этом случае. Кобылинский не погиб, а был взят красными в плен. Как сообщает Касвинов, его расстреляли томские гэпэушники в 1927 году. В честь, видимо, 10-й годовщины Октября: еще через 10 лет расстреливали тех, кто сумел победить его в открытом бою.

ЕСЛИ БЫ СУД...

В начале книги я сознательно прервал на полуслове разговор с сокамерником Владимиром Осиповым, которому в ответ на рассуждение о достоинствах монархии («если бы не случайности рождения») возразил: «Но тут была именно случайность».

О каких «ошибках, больших и страшных», Николая II говорил отдавший ему должное Черчилль?

Роковая «случайность рождения» последнего монарха таилась в синтезе в его личности двух качеств. Каждое по отдельности в моих глазах является достоинством, но, соединившись в правителе империи, они стали гремучей смесью, что привела его (и руководимую им страну) к трагедии Ипатьевского дома.

Первое: по природе он был человеком с семейным, частным характером и склонностями. Антон Чехов, увидев царя в Крыму, сказал: «Да ведь это просто полковник» (такой чин царь выслужил в русской армии). Слова Чехова противники императора цитируют с уничижительной целью, как будто в звании полковника таилось нечто позорное. Между тем Чехов, этот едва ли не самый большой знаток душ своего поколения, хотел сказать одно: для Николая исполнение долга перед империей было тем же самым, что для хорошего офицера — управление полком. Солдаты должны быть кормлены, обмундированы, офицеры должны выдвигаться вверх по способностям и старанию, и выше всего — полковая честь, самоотверженность в бою! Полк для хорошего начальника есть большая семья, а талант Николая, насколько я ощущаю его личность, был именно талантом семейным, но — недостаточным для управления столь сложным механизмом, как Россия, на переломе веков, то есть в эпоху крушения монархического администрирования во всем мире.

«Папа. Что ж, в нем ни страшного, ни злобного... Ни (особой) доброты, ни (особого) ума, а всего понемногу. Сними с него корону, пусти в кучу — в десятке не отличишь. Ни худости, ни добротности — всего в меру. А мера куца, для царя маловатая» (из дневника Распутина).

Дневниковая надпись Николая, сделанная после женитьбы:

«Каждый день, что проходит, я благодарю Господа, и благодарю его от глубины души за то счастье, которым он

меня наградил. Большого и лучшего благополучия человек на этой земле не вправе желать. Моя любовь и почитание любимой Алекс растет постоянно» (24.XI.1894).

Бог щедро и до самого ипатьевского полуподвала наделил его вот этим семейным счастьем.

А государственные дела его не интересовали: потому так скудны и неинтересны его дневниковые записи по поводу этих дел, над чем любят иронизировать публицисты. Он был одарен многими талантами, необходимыми для ведения политики: блестящей памятью на людей, обаянием, способностью привязывать к себе окружающих (люди пошли за ним в ссылку, уже за безвластием), выносливостью в работе, знанием трех языков. Но государственные дела сами по себе, вне исполнения долга, службы, обязанности, связанные с рождением на ступенях трона, царя не волновали. Это не порок и не упрек: сын Льва Толстого не обязан любить литературу, сын Троцкого — политику, сын Репина — живопись. А он, не любя ремесло своих предков, обязан был политикой заниматься. Его богатырь-отец, надорвавшись над этой же сумой переметной, умер в 49 лет.

Катастрофой для императора Николая явилось наложение на это его свойство другого, еще более почтенного качества — убеждения, что необходимо честно, морально служить матушке-России и вере православной.

Обычно суверены, не испытывавшие влечения к госиграм, предпочитавшие, скажем, удовольствия от охот, пиров, секса, отдавались личным увлечениям, передоверив политику тем, кому по природе нравилась эта профессия, разработка и исполнение стратегии и тактики общества, — своим первым министрам. А сами монархи символизировали власть и корректировали общее направление администрации. Так поступил во Франции Людовик XIII, доверив дела реального правления Ришелье, — и это был один из самых славных и успешных периодов в истории королевства. В России так поступала Екатерина I, отдав власть Верховному Тайному совету, или «веселая Елисавет», за которую правили Шуваловы с Бестужевым. Но Николай считал невозможным для себя уклониться от исполнения долга монарха, от Божественной миссии — а разве можно передать миссию Витте, Столыпину, Кривошеину, тем более — Милюкову...

Легко его судить, если бы царь переоценил свою самодержавную потенцию и из излишней в ней уверенности проиграл трон, как в наши дни Чаушеску. Но нет... Как раз самодержавную власть он недолюбливал и стыдливо тянулся к взаимодействию с обществом. В дневнике называет самодержавие «непоправимым горем», а время, проведенное в Великобритании, где изучал методы

правления бабки Виктории, — «месяцем райского блаженства» (11.VII.1894).

Мне видится (возможно, это моя ошибка), что, не находя радости жизни ни в административных играх, ни в искусстве маневрирования державным кораблем, он и свой народ мерил своей мерой и не чувствовал, как тот вырастал у него на глазах, не доверял способностям русских следовать государственному курсом. Он был самым плохим типом консерватора — консерватором поневоле, не из принципа и убеждения, а из опасения перед неизвестностью. «Не для меня, конечно, не для меня, — для России я признал, что конституция привела бы страну сейчас в такое положение, как Австрию. При малой культуре народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. одно самодержавие может спасти. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда я вас поздравляю, господа» (запись от 8. XII. 1904. В ней даже можно было бы найти здоровое основание, если забыть, что через 10 месяцев этот самый народ вырвет у него конституцию с неслыханной дотоле разрушительной силой).

Сочетание природной чуждости искусству политика (за которое, повторяю, не следует судить, человек невиновен в том, каким родился) с моральной необходимостью политикой заниматься и привело Николая II к катастрофе. Нельзя же думать, что «кругом измена и трусость, и обман» обусловлены только нечестностью окружающих: он сам был в них в очень значительной мере повинен. Как нужно было разочаровать собственных приближенных, если выпрашивали у него отречение выдающиеся монархисты — Шульгин и Гучков. Не Ленин же с Троцким!

Величайший мастер революционных потрясений Ленин не убил бы царя, если б не почувствовал, что убийство обойдется ему безнаказанно и разрыв царя с народом достиг такой степени, что никто не то что не отомстит, даже не взволнуется судьбой Романовых. Троцкий зафиксировал: Ленин, напротив, считал, что цареубийство принесет ему авторитет и уважение. («Массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли».)

Но если Ленин и поверивший его политическому инстинкту Троцкий правильно просчитали ситуацию, что же случилось с руководимым царем народом? Почему народ своим безмолвием как бы санкционировал совершившееся преступление?

Представим, что суд, устройство которого предложил на бюро ЦК Троцкий, состоялся. Конечно, как замеча-

тельно написал автор предисловия к первой советской книге о цареубийстве (П. Быкова) товарищ А. Тяняев, «для большевиков суд ни в коей мере не имел значения органа, выясняющего истинную виновность этой «святой семейки». Если суд имел какой-то смысл, то как весьма хорошее агитационное средство для политического просвещения масс, и не больше». Это правда. И все-таки на суде мы могли бы хоть что-то узнать — из речей обвинителей, из последнего слова монарха.

Поскольку суда не произошло, фраза А. Тяняева обрела пророческое звучание: Романовы стали «святым семейством». (Ни британцам, ни французам не приходило в голову канонизировать королей даже после реставрации их наследников.)

Но если бы суд все же состоялся, обвинителем монарха я выбрал бы историка-публициста Г. Нилова (Александра Кравцова), автора вышедшей в Лондоне «Грамматики ленинизма».

Вот подведенные им итоги войны, развязанной (наряду с остальными монархами и премьерами Европы) обвиняемым монархом:

«Десять миллионов человек — убито на фронтах.

Двадцать миллионов — искалечено.

Разрушено полмиллиона зданий, в том числе 290 тысяч жилых домов.

Только торговых судов потоплено шесть тысяч.

Стоимость разрушений на всех театрах войны — 58 миллиардов золотых рублей.

Каждый день войны уносил пять тысяч, а иногда пять-десять тысяч человеческих жизней».

Прочитав впервые эти ушедшие в далекую историю числа, я не поверил им. Все-таки популярная книжка... Обратился к классической монографии Б. Урланиса «Воины и народы населения Европы», где цитируется примерно десяток западных и русских исчислений военных потерь 1914 — 1918 гг. По Б. Урланису — 9 миллионов 442 тысячи убитых только на фронтах. (Это скромный подсчет, он находится в нижней половине таблицы исчислений потерь разными статистиками.) Вопреки распространенным предрассудкам, русская армия воевала экономно и тоже находится в нижней половине наиболее пострадавших от боевых действий армий: всего 1 миллион 860 тысяч военных убито на фронте.

После этого я уже не сомневался, что число искалеченных, конечно, как минимум вдвое превышало число убитых, а число умерших от голода и эпидемий странно было бы подвергать сомнению, когда в той же монографии сообщалось, что в одной Германии и только от туберкулеза

за четыре года войны умер миллион немцев. Я ведь держал в памяти еще примерно 1,5 миллиона вырезанных в Османской империи армян.

Эти чудовищные цифры всемирной бойни изменили — не могли не изменить — психологию воевавших народов. «Взятие и расстрел пятисот ни в чем не повинных заложников (жертв кремлевского расстрела в первые сентябрьские дни 1918 года. — М. Х.), разумеется, должны были оскорблять здравый смысл и достоинство человека, — продолжил Нилов-Кравцов, — но ни того, на чьих глазах ежедневно на протяжении нескольких лет расстреливали от 5000 до 50 000 людей. Столь же ни в чем не повинных! И призыв «грабь награбленное» не мог вызвать активного протеста после затопления 6000 торговых кораблей. А почему не грабить? Пропадать потом добру на дне морском? Почему не «экспроприировать», разрушив, полмиллиона зданий? Беречь их для чего — для снарядов?»

Бессудное убийство царской семьи было воспринято как преступление в интеллигентской части самой компартии, но даже совестливые и порядочные ее члены говорили на следствии: царя все-таки надо судить, «хорош или плох он был для России». Он должен дать народу ответ, «за что три года нас мучил», — так зафиксированы в следственных актах разговоры красноармейцев. А мне вспомнились рассуждения террористов (я уже упоминал, что в сфере моих литературных интересов были террористические группы русских революционеров), говоривших некогда: если монархи и министры считают полезным для достижения политических целей убивать в войнах сотни тысяч людей, почему же нам запрещают одиночные убийства для достижения наших политических целей...

Боюсь, ответы Николая не только на ленинском, но ни на каком гипотетическом суде не признаны были бы удовлетворительными. Народы России готовы были переносить даже более страшные жертвы и под водительством самого чудовищного тирана в мировой истории — но при обязательном условии: во имя спасения отечества. Только. А в 1914 — 1918 гг. национальной катастрофой России грозило лишь бесконечное продолжение войны.

Указание монархистов на неподсудность действий монарха иному возмездию, кроме Божьего, было бы недействительно как раз для Николая: он ведь и воспринимал происходившее с ним только как проявление Вышнего суда. Потому был фатально спокоен.

Единственный аргумент защиты, который я в силах придумать: царь был не хуже и не лучше всех без исключения

европейских суверенов и политиков. Вильгельм с роковым Людендорфом, Карл Австрийский с покладистым Черным, лицемерный Ллойд-Джордж и темпераментный, но слепой Клемансо...

Я особенно понял это, когда познакомился с дневниками австрийского министра иностранных дел графа Чернина, который тот вел в дни брест-литовских мирных переговоров. Искушенный политик сознавал, что единственный шанс на спасение у его империи — это заключить мир, снять войска с русского фронта, быстрым ударом захватить Париж и потом обменять его у Клемансо на мир с Францией «без аннексий и контрибуций». Но когда Троцкий в Бресте предложил ему этот самый желанный мир, причем на выгодных для его империи условиях, граф поплелся за империалистическими маньяками из германской военной верхушки, присоединился к наступлению на Россию, задействовал там вместе с немцами 150 000 австрийцев и венгров — и, естественно, проиграл империю Габсбургов. Похваляясь двобиткой, как они славно за полгода войны пограбили Украину (с приложением таблицы справок), вследствие чего только и сумели повоевать, то есть убивать тысячи своих солдат тоже.

Удивительно ли, что большевистским словом свергали таких монархов и таких министров революционеры всей Европы. И озверение народов, которое мы наблюдаем потом, было порождено не Лениным или Гитлером, а вот этими «традиционными», «национально мыслящими» администраторами!

Но еще более губительным социально-психологическим последствием войны стало то, что не были названы виновники убийств десятков миллионов людей (ведь и в России царя и министров убили воровски, тайком, не предъявив обвинений и не выслушав оправданий). «Сколь бы успокоительным, упрощенным и неполным ни был Нюрнбергский процесс (на скамье подсудимых не хватало, конечно, Сталина, Молотова), — пишет Нилов-Кравцов, — он давал миру хоть примитивный, но достаточный для большинства оставшихся после бойни в живых вопрос: кто виноват? Никакого, самого примитивного ответа на этот кровотокающий вопрос после первой мировой войны не было».

Единственный политический деятель, президент США Вудро Вильсон, понимал, что если «органические нации», эти хранилища устоев христианства во всех его разветвлениях и ислама в его тогдашних центрах, если все они, вместе взятые, довели народы до истребления 20 миллионов своих братьев и превращения в калек еще 20 миллионов, если такое произошло, значит, миру необхо-

димо переустройство. Но его 14 пунктов, один гуманнее другого, «на которые молились простодушные люди всех стран» (М. Алданов), были отвергнуты даже сенатом его собственной страны, «и восторжествовал пятнадцатый пункт: горе побежденным!».

Раз так, переустройством мира занялись Ленин и Сталин на Востоке, Гитлер и Муссолини на Западе.

«А если нельзя назвать виновных в столь катастрофичной для людского сознания бойне, значит, виновно само мироустройство. Чудовищность жертвоприношений, их беспричинность и безрезультатность прожигали души европейцев. И никому не дано было уклониться от вопроса: как Он это допустил? Ими же, особенностями войны, был предрешен и ответ: если Он допустил такое и нет на Земле виновных, значит, Он не всемогущ и не Всеблаг, или же — Его нет!»

Николай II был виновен в том, что вместе с ведущими политиками всех стран, кроме Вудра Вильсона, переоценил собственные силы для успешного руководства бурно развивавшейся Россией, а потом переоценил физические силы и моральные возможности доверенного ему власти народа. Пользуясь выражением Александра Солженицына, он «перемолол русскую силушку» и поставил свой измученный и отчаявшийся народ в такое положение, что тот усомнился в Боге — в его благости, могуществе и вообще существовании.

За что и понес наказание Судьбы.

Вот почему один из свидетелей, рядовой мещанин города Екатеринбург, некий Владимир Буйвид, услышав ночью глухие выстрелы, доносившиеся по соседству, со стороны Ипатьевского дома, «быстро ушел к себе. Мой сосед по комнате спросил: «Слышал?» Я ответил: «Слышал». — «Понял?» — «Понял», — сказал я, и мы замолчали». Это наказание следовательно часто цитируют: очень уж рельефно оно передает предчувствие неизбежной расправы, в которой современники видели Рок, расплату судьбы.

Почему на долю русских выпало это искушение — начать постройку безбожного царства?

«У русского народа, — записывал в 1918 году в дневник Пьер Паскаль, — обостренное чувство трагического характера этой войны, невежественной и бессмысленной, которой и все человечество не должно хотеть и от которой оно не может избавиться».

Как просто объяснять русскую историю по Николаю Соколову: мол, был некий международный заговор (вероятнее всего, жидо-масонский, можно большевистско-германский или еще какой...), русский народ был обманут (вариант — покорился дьявольскому террору), от-

сюда близко и до русофобии («Русские — свиньи», помните реплику генерала Нокса, покровителя белого движения?). Но на самом деле, когда вдумываешься в характеры персонажей исторического сюжета, различаешь в них во всех — в Ленине и Свердлове, Белобородове и Яковлеве, Юровском и Голощекине — типических «русских мальчиков», что так подробно описаны Достоевским. С их решительностью исправлять карту звездного неба, о которой они вчера еще не имели представления, с их жаждой облагодетельствовать человечество, никак не меньше, с готовностью убить злую старуху-процентщицу (и попутно, чтоб свидетелей не осталось, ее ни в чем не повинную сестру). Заодно себя испытать: твари они дрожащие или право имеют? Наполеоны, рискнувшие перестроить органический миропорядок, — или...? Особенно типичен Ленин, презиравший Родиона Раскольникова как раз за раскаяние. Он и перед смертью грезил своим местом в мировой истории, перечитывал очерки о себе Троцкого да Горького и «о жизни своей думал» (Н. Крупская). Ему бы почитать Алданова:

«Совершенно то же самое думал о себе Томмазо де Торквемада. Он считал *Ordonnanzas de los Inquisidores* глубоко прогрессивным произведением философско-политической мысли. Он тоже был интернационалистом и тоже уверял, будто стремился к установлению на земле мира, спокойствия и всеобщего счастья».

Разумеется, Россия стала первой, благодаря особенностям исторически сложившейся национальной психологии (А русские евреи были столь активны в сочиняемой в этой стране исторической ситуации, возможно, потому, что они веками привыкли оттачивать свои умы в абстрактной игре талмудической и кабалистической логики.) Эта психология выбрала тот вариант безбожного царства, что сулил рай земной не только своему народу, но и всему человечеству. Но духовная катастрофа, поразившая мир в те десятилетия, была не русской, а всеевропейской. Германия, где не истребили Гогенцоллернов в полуподвале и не убивали шуцманов во время ноябрьской (1918) года, революции, думается, вполне могла стать такой же большевистской, как Россия, уже в 1923 году. Если бы правила Россией по-прежнему Ленин, он бы послал немецким коммунистам, как они и просили, Троцкого, и тот реализовал бы огромный революционный потенциал, накопленный в великом народе. Но Зиновьев со Сталиным сделали все возможное, чтобы сорвать совершенно ненужный им вариант в большевистской Германии, возглавляемой Троцким, и мировое безбожное переустройство довелось осуществлять в этой стране Гитлеру. Франция после первого толчка рухнула в объятия

сперва Петена, потом Лавалья... О судьбе империи Габсбургов и Порты можно не вспоминать.

Если бы народный обвинитель в тяжбе России со своим погубленным монархом захотел поразить царя неотвратимо, он бы обвинил его именно в том, в чем со страстью пытался оправдать Н. Соколов. Он повторил бы пронзительные слова Солженицына:

«Мог бы заключить мир и спасти свой народ. Как Садат».

* * *

Владимир Ленин на самом деле оказал огромную услугу Николаю Романову, казнив его тайно и бессудно.

На фоне этого бандитского убийства особый свет излучает память о семье, смиренно принявшей Высший приговор, молившейся за родину и врагов, отвергавшей месть и кровопролитие.

И неожиданно она стала первой жертвой в том ряду преступлений XX века, где людей убивали не за вину, пусть мнимую, не по суду, пусть неправедному, а лишь за «неположенное рождение». Она первой в той очереди, где за Романовыми построились миллионы украинцев и казаков и миллионы «кулаков и подкулачников», и миллионы евреев, сгоревших в газовых камерах и пристреленных в гетто, и миллионы военнопленных, заморенных голодом в лагерях, и цыгане... (а армяне?)

И возглавив перечень жертв, убитых без суда, без огласки, в лесах, подвалах и шахтах, Романовы символически как бы отметили смертью своей начало вот этого этапа мировой истории. И освятили канонизацией всех, идущих вслед.

* * *

«Когда правительство присваивает себе право уничтожать людей не за то, что они совершили, а потому, что их смерть «необходима», мы попадаем в совершенно иной мир моральных норм. Именно в этом и кроется значимость событий, происшедших в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля. Ни в чем не повинная семья, которая, несмотря на свое царское происхождение, была удивительно проста, единственное желание которой заключалось в том, чтобы ей дали спокойно жить, была убита по секретному приказу правительства. Впервые человечество переступило некую черту недозволённости, вступило на путь преднамеренного

геноцида. Те же самые мотивы, которые побудили большевиков осудить царскую семью на смерть, впоследствии распространились в России и в других странах на миллионы безымянных людей, чем-то мешавших воплощению великой идеи создания нового миропорядка» (Ричард Пайпс).

Революция: суд потомков в 1990 году
(из газеты «Московские новости»)

Результаты опроса, проведенного Всесоюзным центром по изучению общественного мнения (сентябрь — октябрь 1990 года)

Кто из следующих деятелей времен революции вызывает у Вас наибольшую (все данные в процентах от числа опрошенных)

<i>симпатию</i>		<i>антипатию</i>
41	Дзержинский	7
5	Керенский	8
4	Колчак	21
64	Ленин	8
5	Николай II	10
7	Сталин	54
15	Троцкий	22

Расстрел царской семьи

10	в этом была необходимость
77	в этом не было необходимости
13	затрудняюсь ответить

Как Вы считаете, насколько значительной потерей для страны стало:

свержение самодержавия

12	очень значительной потерей
60	не очень значительной потерей
18	затрудняюсь ответить

исчезновение дворянства

- 31** **очень значительной потерей**
- 47** **не очень значительной потерей**
- 22** **затрудняюсь ответить**

уход промышленников, предпринимателей из хозяйственной жизни

- 69** **очень значительной потерей**
- 15** **не очень значительной потерей**
- 16** **затрудняюсь ответить**

Конец

Послесловие к советскому изданию

Прошел год после выхода этой книги в Иерусалиме. По масштабам нашего времени — немало.

Читателям этого, второго издания доступны новые материалы, связанные с сюжетом екатеринбургского царевубийства. Большая часть их в 1991 году была опубликована в Свердловске (успевшем переименоваться в Екатеринбург).

Самая важная из новых публикаций — сборник исторических документов, мемуаров и статей издательства «Урал-Советы», содержащий ценные источники, добытые из екатеринбургских и московских архивов.

Работа вдали от этих архивов, я, анализируя ситуацию постфактум, кажется, заметных ошибок не сделал. Не узнал, что Голощекина послали на Урал вместо выбывшего в центр Свердлова, но по материалам следственного дела верно вычислил, что не он, а Белобородов сделался выдвиженцем, любимцем и главным уральским информатором председателя ВЦИКа: местный историк И. Титов процитировал по сему поводу переписку обоих глав Советов. Не разгадал я также, что Толмачев из Екатеринбурга и Толмачев из Петрограда, чьим именем в моем родном Ленинграде были названы улица и переулок, фабрика и военно-политическая академия, чья могила находится на Марсовом поле, — был одним и тем же лицом, а интересной эта деталь мне показалась вот почему: находясь в окружении белых, наш «петроградский» Толмачев застрелился, это я знал и раньше, но теперь, когда известно, что именно его имя значилось в проскрипционных списках у следователя Соколова, подобная гибель 23-летнего комиссара-дворянина выглядит новой жертвой на алтаре царевубийства: у него не оставалось и одного шанса остаться живым в белом плену.

Титов опубликовал также новые документы из переписки Екатеринбургского Совета и Яковлева с Москвой, связанной с этапом Тобольск — Екатеринбург, но в принципе они документально подтвердили историческую гипотезу, что построена в этой книге.

Глубокое удовлетворение доставили мне опубликованные в уральском же сборнике «Список» подозреваемых в преступлении и «Пояснительная записка» к нему, составленные

следователем Соколовым в 1919 году в ходе следствия — оба документа извлечены составителями из свердловского облархива. Во-первых, в «Списке» Соколова против каждого из подозреваемых в еврействе фигурантов возле его фамилии аккуратно обозначена преступная национальность. Из «Списка» ясно, что иерусалимские «вычисления истины» оказались верными также в этом малом пункте: в процессе следствия Соколов еще не знал, а потому не обозначил, что Голощекин был евреем — узнал он об этом уже в эмиграции, читая книгу С. Мельгунова. Но потому-то в соколовской «Пояснительной записке» 1919 г., описывавшей преступление, имя будущего «главного организатора» не упомянуто следователем вовсе.

Случайно прочитанная книга об архитектуре Свердловска, изданная в 1981 году («Город, где мы живем»), подтвердила, что Б. Ельцин написал в автобиографии правду: даже на бюро обкома в 70-х годах возникла «резкая реакция на команду Москвы» об уничтожении Ипатьевского дома. Иначе невозможно объяснить удивительный пассаж в этой книге, изданной под эгидой городских властей, а именно: выраженный в ней «языком Эзопа», но тем не менее несомненный протест против «искажения исторического облика Площади Народной мести». Так, оказывается, некогда наименовали большевики площадь перед Ипатьевским домом (позднее Комсомольскую), а «искажением ее облика» названо было в печати 1981 года уничтожение последнего свидетеля преступления — дома, где произошло убийство.

Любопытные сведения добавил к истории, но не самого преступления, а скорее уж социальной психологии преступников и преступного их сообщества журналист В. Зайцев в «Вечернем Свердловске». Ему удалось раздобыть стенограмму выступления Юровского на совещании старых большевиков 1 февраля 1934 года с повторным рассказом о цареубийстве. Юровскому, как помнит читатель, уже в 1921 году казалась малой истинная его роль в цареубийстве, он уже тогда захотел приписать себе как можно больше «акций», парадоксально совпадая в этом желании с Соколовым. Атмосфера, складывавшаяся в стране к 30-м годам, видимо, вытравила из его сознания даже те рудименты совести, которые еще существовали в коменданте в гражданскую войну. В 1934 году он, например, стал хвастать перед сопартийцами, что «оперативно сменил охрану», хотя мы-то знаем из документов, что сделал это Белобородов; или — что якобы ужесточил внутренний распорядок, «запретив частые передачи продуктов», — а мы

знаем из дневника Николая II, что, напротив, передачи при Юровском даже увеличились! Особенно поражает описание самого убийства. Повторив все факты, процитированные выше, в «Записке», он живописует теперь новые собственные подвиги: «Оказалось, девицы живы. Я пытался штыком их докончить, но не выходило. Алексей сидел живой, и я уже достреливал после, стараясь в сердце, но ничего не выходило, пришлось и в голову стрелять». Между тем из других показаний мы ведь знаем, что наследника убивал Никулин, а штыком докалывал жертвы Ермаков. Но через 16 лет убийца, не довольный содеянным, постарался украсть чужие «заслуги»! Вел себя в полном соответствии с эволюцией века-волкодава... В уральском сборнике впервые опубликованы также и мемуары Ермакова, который не только горделиво описывал, что царя убивал именно он, а не кто-то другой («У меня маузер, им можно работать верно, у других наганы») и что Юровский якобы проявил некоторые колебания (не хотел будто бы убивать членов семьи, но преданный идеям революции Ермаков ему приказал «всех убрать, мы так решили»), но в рифму подчеркнул и добавочное личное участие в детоубийстве: «Наследнику впритруть в голову и в грудь». (Хотя, как известно, мальчика убивал не он.)

Неожиданный материал опубликовала в лос-анджелесской «Панораме» журналистка Светлана Ильичева (возможно, это была перепечатка из какого-то советского издания, но ссылки на источник в газете нет). Рижанка, она встречалась, оказывается, в 1964 году с... Родионовым, тем комиссаром, что описан в следственных документах как лицо, перевозившее из Тобольска в Екатеринбург детей Романовых и генерала Илью Татищева, в котором советские лица опознали вержболовского жандарма. Ильичева выяснила, что звали его на самом деле Яном Мартыновичем Свикке и что был он членом СДП Латвии с 1904 года. Свое спасение в «большую чистку» сей «профессор Латвийского университета» объяснил тем, что некогда «учил сына Сталина».

Он показал Ильичевой на чемодан: «Там особые документы», но вынул из него только фотографии царя, пилившего в ссылке дрова, да записку: «Петр, выдать. Член Реввоенсовета И. Сталин» — распоряжение о выдаче денег на расходы «отряду особого назначения». Так неожиданно подтвердилось и наше предположение, что на первом этапе подготовки царубийства делом действительно занимался лично товарищ Сталин.

После смерти Свикке журналистке довелось позна-

комиться с его архивом. По ее словам, мемуары его отрывочны и в принципе не слишком интересны. «Однако, — пишет она, — они содержат интересные сведения: «28 апреля 1918 г. на заседании ВЧК было решено о посылке отряда особого назначения в составе 72 человек. Царя надо было перевезти из Тобольска в Екатеринбург. ВЧК порекомендовало мне условную фамилию — Родионов».

Отряд, следовательно, был организован еще тогда, когда Ленин повел переговоры с екатеринбуржцами, объявлявшими Яковлева «изменником революции». Но царя Яковлев через два дня доставил в Екатеринбург, и бойцам «особого назначения» выпала другая задача — этапировать наследника, его сестер и сопровождающих. Далее в бумагах есть «Список товарищей, работавших под моим руководством в Свердловске:

1. Цельмо Ян Мартынович — командир отряда внутренней охраны
2. Каяко Янис — взводный
3. Сникер Ян Мартынович
4. Круминьш Николай Петрович
5. Круминьш Карл Вертович
6. Озолиньш Эдуард — заместитель Цельмса
7. Сирупо Эдуард Францевич
8. Юровский Яков Михайлович — комендант дома Ипатьева
9. Никулин Григорий Петрович — заместитель Юровского
10. Цинит Петр Петрович — секретарь комиссара Свикке
11. Пратниэк Карл
12. Кованов Михаил Михайлович — бывший шифровальщик и казначей
13. Рубенис Эдвин Альфредович

По словам Ильичевой, Свикке и являлся куратором подготовки и исполнения преступления на месте по линии ВЧК и непосредственно советовался с Лениным, стоит ли разрешать монахиням продуктовые передачи. Ленин якобы разрешил, но посоветовал проверять передачи, в результате чего был раскрыт контрреволюционный заговор». Если это правда, то выходит, Ленин играл со своими исполнителями на двух клавиатурах: одни организовывали «заговор», другие его «пресекали»: в принципе подобный метод всегда использовался на выпускных экзаменах в разведывательных и контрразведывательных академиях для проверки качеств испытуемых. Здесь, однако, любопытно, что использовал этот метод Ленин — если Свикке не лжет. Кроме того, Свикке утверждает, что он (а не Голощекин, как написано

у Юровского) получил из Москвы телеграмму с приказом уничтожить Романовых.

Излишне для читателя, знакомого с текстом книги, оговаривать, что его список «подчиненных лиц», если понимать его как список «исполнителей» Ипатьевского дома, грешить тем же преувеличением собственной роли в событиях, что и у остальных цареубийц: каждый из них пытался приписать себе «лавры» других. Конечно, возможно, что именно Сникке являлся тем «первым особоуполномоченным», коего упоминали свидетели, но начальником охраны в доме Ипатьева была не Цельмо, а Медведев — об этом говорили на следствии и он сам, и свидетели, но в убийстве принимали участие Ермаков, Партин, Костоусов — это тоже подтвердили свидетели. Иное дело, что фамилии пяти нерусских «латышей», которых по традиции мы считали австро-венгерскими военнопленными, возможно, являлись латышами из списка Свикке: приведенный впервые эти иностранные фамилии эмигрант Алферьев явно уличен сегодняшними екатеринбургскими историками в публикации поддельных документов: мог сфабриковать и эти фамилии, эмигрантские монархические источники верностью истине никогда не грешили. Но, например, фамилию «Верхаша» следователи действительно обнаружили на стене Ипатьевского дома, так что сегодняшнее предположение о латышских фамилиях «латышей» все еще требует тщательной проверки.

Среди многих отзывов и замечаний читателей, которые были учтены при переиздании книги в Москве, оказалось одно, на котором считали нужным остановиться:

«Несколько раздражает заданность темы, т. е. еврейская линия. Ее можно было бы вести не так навязчиво, несколько поспокойнее. Ведь не весь же мир обвиняет евреев, не все же такие идиоты. Но ты живешь в этой стране, так что пафос понятен», — написал мне друг из Москвы.

В стране, где я живу, мой «пафос» по сему поводу в любом случае сочувствия не вызывает. Цареубийство есть в глазах израильтян факт чужой и дальней истории — не более того. А к чужой истории интерес здесь не слишком велик. Меня когда-то поразил прекрасный рисунок какого-то советского художника: сидит на растрепанной постели алкаш, прижимая к груди приемник, и подпись внизу: «Беспокоит меня Гондурас». Таково свойство граждан Советского Союза — на Западе же аборигены живут преимущественно событиями национальной жизни и истории. Прошу не воспринимать это как комплимент Западу, я, напротив, убежденный сторонник советской

ментальности, — но такова, как говорится, здешняя «се ля ви», и не нам ее изменять.

На «еврейской» же стороне преступления я сосредоточился потому, во-первых, что, кроме меня (и неопубликованного Бруцкуса), ею никто до сих пор не занимался. Профессиональный авторитет Соколова и присных в российской эмиграции, да, кажется, и в самой России не оспаривается до сих пор. Естественно, мне, как всякому исследователю, хотелось больше заниматься той частью темы, которая казалась новой. Во-вторых, данная глава мифа о царубийстве сыграла роковую роль — но не в жизни России, а в жизни Европы (русской эмиграции тоже). Сегодня мир изменился, и, верю, кому-то в самой России может показаться, что я зря педалирую особое внимание на ушедших в историю идиотских легендах. Но для меня читаемое вами историческое исследование явилось феноменом, что в жанре фантастики именуют «романом-предупреждением»! Когда западная духовная продукция начала свободно появляться в России, россиянам, традиционно склонным к крайностям, т. е. либо к идеализации, либо к очернению Запада, стоит, казалось мне, все-таки напомнить, что и здесь, на Западе, путь свой искали, пройдя через жуткие кризисы и заблуждения, ничуть не лучше российских, что и здесь совсем недавно творились страшные ошибки, завершившиеся крушением великих держав, а сегодняшнее возрождение Европы или Японии наступило лишь тогда, когда у народов этих регионов хватило исторического мужества не возвращаться в национальное прошлое, к корням и истокам (которые, в отличие от России, здесь обычно не теряли), но скорее, напротив, — пересмотреть исходные постулаты традиционного мироощущения. И найти для себя новые, небывалые в национальной истории исходные точки построения национальной жизни.

Я буду необычайно удовлетворен, если окажется, что моим советским читателям покажется сегодня не слишком понятным, почему автор из далекого Иерусалима сосредоточился на таком странном аспекте давнего преступления. Для меня это будет означать, что Россия действительно приступила к пересмотру ее традиционного мироощущения и, следовательно, ее народ ждет такое же великое будущее, как у других народов мира, переживших катастрофы, сумевших после них воспрянуть и достичь зенита своего влияния на мир и дух человечества.

У великих держав имеются обычно два выхода: впасть в многовековой застой и незаметно для себя и окружа-

ющих скатиться на периферию человечества (такая судьба постигла Римскую империю, Византию, Багдадский халифат, Османскую и Испанскую империи) или, отринув прошлое, начать в муках гаснущую было жизнь сначала. И снова и снова выходить на те рубежи, что народу уготованы его судьбой.

М.Хейфец

Иерусалим, 1991 год

Основная библиография

1. Неопубликованная рукопись, хранящаяся в архиве Центра по изучению и документации восточноевропейского еврейства Иерусалимского университета. В дальнейшем: Бруцкус Б.
2. Гибель царской семьи: Сб. документов/ Сост., ред., коммент. Н. Росса. — Изд. «Посев» (ФРГ), 1988. В дальнейшем: Росс Н.
3. Соколов Н. Убийство царской семьи. — Париж, 1925. В дальнейшем: Соколов Н.
4. Дитерихс М. Убийство царской семьи на Урале. — В 2 т. — Владивосток, 1922. В дальнейшем: Дитерихс М.
5. Пайпс Р. Убийство царской семьи // СССР: внутренние противоречия. — 1987. — № 19. В дальнейшем: Пайпс Р.
6. Wilton R. The Last Days of Romanovs. — London, 1920. В дальнейшем: Wilton R.
7. Касвинов М. 23 ступени вниз. — М., 1987. В дальнейшем: Касвинов М.

Примечания

1. Цитируется по русскому тексту книги Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма» в переводе А. Кустарева// Народ и земля. — Иерусалим. — 1987. — № 6. — С. 185.
2. Пайпс Р. — С. 276.
3. Интервью Н. Розина цит. по бюллетеню «Бней-Брит». — Иерусалим. — 1990. — № 2. — С. 7.
4. Иоффе Г. По законам гражданской войны// Родина (Москва). — 1989. — № 12. — С. 33.
5. Герой очерка Гаврилы Стреляного (Г. Снегирева) «И чего это я хлопаю?» Андрей Вояк (цит. по: Абросим Э. Переводы. — Вена. — С. 288).
6. Цит. по: Родина. — 1989. — № 12. — С. 30.
7. Ibid. — С. 31.
8. Цит. по: Самсонов А. Знать и помнить (диалог с читателями). — М.: Политиздат, 1988. — С. 177 — 178.
9. Цит. по: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4. — С. 69.
10. Бруцкус Б. — С. 1.
11. Основная информация и цитаты этой главы заимствованы мной из книги В. Кагана «Борис Бруцкус». — Иерусалим, 1989.

12. Ленин В. И. Собр. соч. — Т. 54. — С. 265 — 266.
13. Геллер М. и Некрич А. Утопия у власти. — Лондон: ОРИ. — 1988. — С. 62.
14. Цит. по: Бруцкус Б. Социалистическое хозяйство. — Париж, 1988. — С. 52.
15. Авдеев А. Записки коменданта Красная новь. — 1928. — № 5. — С. 205.
16. Переписку Н. Эйдельмана с В. Астафьевым цит. по бюллетеню Иерусалимского университета. — 1987. — № 5. — С. 17 — 20.
17. Цит. по: 22. — (Тель-Авив). — 1989. — № 64. — С. 126 — 132.
18. Churchill W. The world crisis. 1916 — 18. vol. 1. — London, 1927. — P. 225.
19. Росс Н. — С. 16.
20. Ibid. — С. 23.
21. Цит. по: Пти журналъ. — 1930. — Янв.
22. Пайпс Р. — С. 283.
23. Росс Н. — С. 369.
24. Ibid.
25. Ibid. — С. 51.
26. Бруцкус Б. — С. 27.
27. Wilton R. — P. 137.
28. Росс Н. — С. 17.
29. Ibid.
30. Ibid. — С. 18.
31. Пайпс Р. — С. 276.
32. Бруцкус Б. — С. 14.
33. Звезда. — (Л.) — 1973. — № 10. — С. 172.
34. Цит. по: Новое время. — 1988. — № 40. — С. 37.
35. Соколов Н. — С. 20.
36. Бруцкус Б. — С. 48.
37. Ibid. — С. 52.
38. Цит. по: Грани. — (ФРГ). — 1982. — № 124. — С. 219 — 220.
39. Амальрик А. Записки революционера. — Ардис (США), 1983. — С. 182.
40. О взглядах Эдмунда Вилсона на Россию смотри вступительную статью Симона Карлинского в The Nabokov — Wilson Letters. Harper and Row, Publishers, 1979.
41. Указ. соч. — С. 272.
42. Цит. по: Посев. — 1989. — № 46. — С. 1.
43. Эти числа и факты я подобрал из нескольких книг и статей, посвященных памяти премьер-министра Столыпина и министра земледелия в его кабинете Кривошеина. См., например: Столыпин А. Кто был прав // Посев. — 1979. — № 5.
44. Цит. по: Ольденбург С. 25 лет перед революцией. — Вашингтон, 1981. — С. 498.

45. Эти данные заимствованы из основательного самиздатского исследования, подписанного В. Палей. Настоящее имя автора мне не удалось установить.

46. Росс Н. — С. 7.

47. Пайпс Р. Россия при старом режиме (R.Pipes. Russia under the old regime). — Кембридж, Массач., 1981. — С. 415 — 416.

48. Ibid. — С. 426.

49. Амальрик А. Записки революционера. — Ардис, 1982. — С. 33.

50. Эта цитата, как и все последующие, относящиеся к сюжету сараевского преступления, заимствована из исследования проф. Н. Полетики «Сараевское убийство», изданного в Ленинграде (изд. «Красная газета») в 1930 году (в тексте Полетики цитата находится на с. 311).

51. Заведующий азиатским отделом МИДа при Николае I статский советник Родофиникин.

52. Jelavich V. A century of Russian foreign policy. 1814 — 1914. — N. Y., 1964. — P. 295.

53. Бурцев В. Протоколы сионских мудрецов — доказанный подлог. — Париж, 1938. — С. 104.

54. Ольденбург С. Op. cit. — С. 226.

55. Об этом см.: Коковцев В. Из моего прошлого. — Париж, 1933. — Т. 2. — С. 355 или статью проф. Е. Тарле о записке П. Дурново в «Былое». — № 19. — С. 161 — 176.

56. Форд Г. Международное еврейство. — С. 219 — 221.

57. Федотов Г. Судьба империализма// Новый град. — N. Y., 1952. — С.175 — 176.

58. Цит. по: Агурский М. The Third Rome. — Westview, 1989. — P. 44.

59. Дневник Пьера Паскаля здесь и далее цит. по русской публикации в журн. «Синтаксис» (Париж). — № 15 (С. 103).

60. Грузенберг О. Бред войны // Современные записки. — Т. XXIV. — С. 271.

61. Шацлло К. Дело полковника Мясоедова// Вопросы истории. — 1967. — № 4. — С. 108.

62. Лемке М. 250 дней в царской ставке. — Пг., 1920. — С. 514.

63. См. обо все этом: Шацлло К. Op. cit., или Катков Г. Февральская революция. — Париж, 1984. — Гл. 6 («Дело Мясоедова»).

64. См.: Катков. Op. cit. — С. 134.

65. См.: Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. — М., 1939. — С. 11. Еще одним агентом германской разведки авторы считали жандармского полковника Кулябко, пропустившего Богрова в помещение театра, где был убит Столыпин.

66. Полетика Н. Виденное и пережитое. — Иерусалим, 1982. — С. 61 — 62.

67. Golovin N. The Russian army in the world war. — 1931. — P. 550.
68. Рассказ Д. Заболотного изложен в статье А. М. Горького «Война и революция», цит. по сб.: Горький М. Из литературного наследия. — Иерусалим, 1986. — С. 355 — 356.
69. Протоколы заседания Совета министров были опубликованы в изданиях пражского «Архива русской революции», в 18-м томе.
70. Запись С. Дубнова цит. по: Бейзер М. Евреи в Петербурге. — Иерусалим, 1908. — С. 277.
71. Московские новости. — 1989. — 28 апр.
72. Архив русской революции. — (Прага). — Т. 19. — С. 251.
73. Ольденбург С. Op. cit. — С. 552.
74. Об этом см.: Беккер Эд. Возвращения на круги своя// Форум. — 1985. — № 14. — С. 90 — 91.
75. Полетика Н. Op. cit. — С. 77.
76. Ходасевич В. Избранные произведения. — США: Руссика, 1987. — С. 186.
77. См.: Прислушаемся к голосу Рютина Московские новости. — № 21. — 1990. — 27 мая. — С. 16.
78. Churchill W. The world crisis 1916 — 18. — London, 1927. — P. 223.
79. «Еврейский ежегодник на 1918 — 19 год», выпущенный издательством «Кадима», сообщал такие цифры: в 1914 году в европейской части империи жило 6 миллионов 321 тысяча евреев и еще 177 тысяч — в азиатской ее части, из них в Польше и Литве проживало 2 миллиона 448 тысяч.
80. Росс Н. — С. 7.
81. Кублановский Ю. Образ царицы в «Красном колесе»// Вестник русского христианского движения. — № 154. — С. 157.
82. Вопросы истории. — 1965. — № 2. — С. 110.
83. Кублановский Ю. Op. cit. — С. 154 — 155.
84. Соколов Н. — С. 79.
85. Бруцкус Б. — С. 21 — 24.
86. Росс Н. — С. 73.
87. Столыпин А. Крохи правды в бочке лжи// Посев. — (ФРГ). — 1980. — № 8. — С. 54.
88. Цит. по: Бейзер М. Евреи в Петербурге. — С. 276.
89. Катков Г. Февральская революция. — Париж, 1984. — С. 80.
90. Цит. по сб.: Первая мировая война / (Ред. С. Семанов). — М., 1988. — С. 457 — 459.
91. Churchill W. Op. cit. — P. 591.
92. Ольденбург С. Op. cit. — P. 638.
93. Бруцкус Б. — С. 105.
94. Дневник царя цит. по публикации в журн. «Слово». — М. — 1989. — № 7 и 8.

95. Жаботинский В. Избранное. — Иерусалим, 1978. — С. 290.
96. Интервью великого князя дано корреспонденту «Известий» в Риме в марте 1990 г. (№ «Известий» 1565).
97. Росс Н. — С. 420.
98. Жильяр П. 13 лет при царском дворе. — Париж: Лев, 1978. — С. 105.
99. Росс Н. — С. 422.
100. О планах германских милитаристов, еще в сентябре 1918 г. публично предъявлявших территориальные претензии к Украине, Финляндии, Эстляндии, Курляндии, Литве, Люксембургу, Бельгии, к северо-востоку Франции, см., например, статью Ф. Нотовича в «Исторических записках АН СССР». — 1945. — № 17. — С. 130 — 180.
101. Росс Н. — С. 298.
102. Бруцкус Б. — С. 35.
103. Цит. по: Звезда. — 1973. — № 8. — С. 137 — 140.
104. Бруцкус Б. — С. 79 — 84.
105. Гуль Р. Я унес Россию, цит. по «Новому журналу». — № 154. — С. 78 — 79.
106. Согласно допросам Н. Соколова, только банкир К. Ярошинский пожертвовал для семьи 175 000 рублей, а Б. Соловьев передал царице всего 35 000 рублей (см.: Соколов Н. — С. 103).
107. Соколов Н. — С. 104 — 105.
108. Касвинов М. — С. 349 — 350.
109. Ibid.
110. Касвинов М. — С. 360.
111. Ibid.
112. Ibid. — С. 372.
113. О ситуации весны 1918 года см., например, статью Ю. Фельштинского «Брестский мир»// Грани. — 1986. — № 141. — С. 219 — 220.
114. Росс Н. — С. 423.
115. Бруцкус Б. — С. 83 — 85.
116. Воспоминания В. В. Яковлева со вступительной статьей и комментарием проф. Г. Иоффе опубликованы в журн. «Урал». — 1988. — № 7. — С. 147 — 167.
117. Воспоминания Зиновьева см. в журн. «Известия ЦК КПСС», — 1989. — № 5. — С. 194 — 198.
118. Росс Н. — С. 283.
119. Ibid. — С. 425.
120. Панкратов В. С царем в Тобольске, цит. по: Былое. — 1924. — № 26. — С. 218 — 224. Цит. по: Русская летопись. — 1921. — № 1. — С. 152.
121. Цит. по: Авдеев А. Записки коменданта// Красная новь. — 1928. — № 5. — С. 203.
122. См. у Н. Соколова, с. 122.

123. Этот эпизод процитирован в книге М. Касвинова, который, однако, не дает для него ссылки (возможно, цитата была им обнаружена в неопубликованных документах, к которым Касвинов имел доступ). См.: Звезда. — 1973. — № 9. — С. 131.
124. Росс Н. — С. 69 и 82.
125. Пайпс Р. — С. 229.
126. Об этом см. у Дитерихса, ч. 1, с. 306.
127. См. у М. Касвинова// Звезда. — 1973. — № 9. — С. 134.
128. См.: Урал. — 1989. — № 7. — С. 165 (сообщение Г. Иоффе).
129. Бруцкус Б. — С. 87 — 88.
130. Росс Н. — С. 156.
131. Ibid, С. 451.
132. Соколов Н. — С. 133.
133. Бруцкус Б. — С. 34 — 35.
134. Авдеев Н. Op. cit. — С. 200.
135. Росс Н. — С. 286.
136. Соколов Н. — С. 133.
137. Wilton R. Op. cit. — P. 138.
138. Росс Н. — С. 289.
139. Ibid. — С. 411.
140. Бруцкус Б. — С. 40 — 46.
141. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 47.
142. См., напр.: Веселовский С. Б. Топонимика на службе истории// Исторические записки АН СССР. — 1945. — № 17. — С. 27.
143. Краткая еврейская энциклопедия. — Иерусалим. — Т. 4. — С. 432.
144. Кольман А. Мы не должны были так жить. — США: Чалдзе пабликейшн, 1982. — С. 131 — 132.
145. Бруцкус Б. — С. 46.
146. Воробьев В. Конец Романовых// Проектор. — 1928. — № 29. — С. 24 — 26.
147. Росс Н. — С. 581.
148. Пайпс Р. — С. 227.
149. Соколов Н. — С. 136.
150. Бруцкус Б. — С. 57, 65 — 66.
151. Росс Н. — С. 336 — 339.
152. Ibid.
153. Ibid. — С. 316.
154. Дневник Николая II см. в журн. «Слово». — 1989. — № 7 — 8.
155. Бруцкус Б. — С. 72.
156. Ibid. — С. 72 — 77.
157. Цит. по: Фельштинский Ю. Троцкий и убийство царской семьи// Русская мысль (Париж) от 2.VIII.1985.
158. Иоффе Г. Дом особого назначения// Родина. — 1989. — № 5. — С. 50.

159. Пайпс Р. — С. 259 — 260.
 160. Ibid. — С. 263 — 264.
 161. John Dored forteller. — Oslo, 1956. — P. 62.
 162. Троцкий Л. Сталин, цит. по: Новый журнал — (N. Y.). — № 157. — С. 152 — 153.
 163. Ленин В. И. Соч. — Т. 24. — С. 79 — 80.
 164. Сталин И. О Якове Михайловиче Свердлове»
 165. Бруцкус Б. — С. 70 — 72.
 166. Дитерихс М. — Т. 1. — С. 306.
 167. См.: Фельштинский Ю.// Русская мысль от 2.VIII.1985.
 168. См.: Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С. 197 — 198.
 169. Цит. по: Звезда. — 1973. — № 10. — С. 172.
 170. Беленкин Б. Ганька// Огонек. — 1990. — № 21. — С. 18.
 171. Росс Н. — С. 142.
 172. Дитерихс М. — Т. 1 — С. 250.
 173. Бруцкус Б. — С. 99 — 100.
 174. Об этом рассказал со слов Бориса Николаевского Роман Гуль, повстречавший однажды у этого историка Г. Мясникова.
 175. Росс Н. — С. 452.
 176. Ibid. — С. 337.
 177. Ibid. — С. 303.
 178. Ibid. — С. 327 — 328.
 179. Цит. по: Радзинский Э. Николай II: жизнь — смерть — судьба// Огонек. — 1990. — № 2. — С. 25.
 180. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. — Лондон: ОРИ, 1990. — С. 107 — 108.
 181. Соколов Н. — С. 257.
 182. Росс Н. — С. 458.
 183. Соколов Н. — С. 264.
 184. Росс Н. — С. 489 — 490.
 185. Ibid. — С. 218.
 186. Ibid. — С. 246.
 187. Соколов Н. — С. 245.
 188. Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. — Иерусалим. — С. 54.
 189. Цит. по: Родина. — 1989. — № 5. — С. 46.
 190. Росс Н. — С. 462.
 191. Ibid. — С. 615.
 192. Ibid. — С. 128.
 193. Рябов Г. Принуждены вас расстрелять, цит. по: Родина. — 1989. — № 4. — С. 94-95.
 194. Ibid. — С. 91.
 195. Цит. по: Литературная газета (Москва) от 26.III.89, с. 2 (В. Кожин — Б. Сарнов. «Что делать?»).

196. Сталин И. О статье Сапронова// Собр. соч. — Т. 5. — С. 382.
197. Это было сказано ею в частной беседе с писателем Александром Бекон, собиравшим материалы для книги о Ленине.
198. Соколов Н. — С. 132.
199. Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. — Джорданвиль, 1981. — С. 132.
200. Ibid.
201. Истины ради добавим: впервые эту ошибку с фамилией Зиновьева допустил в дневнике сам царь, но ведь в то время ее нельзя было выяснить в энциклопедиях.
202. Росс Н. — С. 382.
203. Соколов Н. — С. 134 — 135.
204. Касвинов М. — С. 384.
205. Ленин В. И. Собр. соч. — Т. 52. — С. 515.
206. Бруцкус Б. — С. 35.
207. Ibid. — С. 36 — 37.
208. «Записку» Юровского цит. здесь и далее по публикации Э. Радзинского в «Огоньке». — 1989. — № 21. — С. 30 — 31.
209. Summers A., Mangold T. The File of the Tzar, Harper & Row. — N. Y., 1976. — P. 88.
210. Резник Я. Повести: Чекист... — Свердловск, 1982. — С. 505.
211. McCullagh F. A Prisoner of the Reds. — London, 1921. — P. 150.
212. Росс Н. — С. 340.
213. Ibid. — С. 99 — 101.
214. Ibid. — С. 358.
215. Ibid. — С. 259.
216. Ibid. — С. 110.
217. Ibid. — С. 344.
218. Ibid. — С. 110.
219. Ibid. — С. 163.
220. Ibid. — С. 341 — 343.
221. Ibid. — С. 121.
222. Ibid. — С. 286.
223. Ibid. — С. 492.
224. Мурженко А. Образ счастливого человека. — Лондон: ОРИ, 1985. — С. 40 — 41.
225. Росс Н. — С. 271 — 275.
226. Ibid. — С. 278.
227. Коммунистическая оппозиция в СССР в 1923 году. — Т. 1. — Чалидзе публ., 1988. — С. 185.
228. См.: Новое время. — 1988. — № 40. — С. 36.
229. Пайпс Р. — С. 273.
230. Росс Н. — С. 459.
231. Ibid. — С. 77.
232. Ibid. — С. 387.

233. Соколов Н. — С. 140.
234. Росс Н. — С. 278.
235. Огонек. — 1989. — № 52. — С. 27.
236. Росс Н. — С. 161 — 163.
237. Ibid. — С. 279.
238. Незнанский Ф. Записки следователя. — С. 7.
239. Дитерихс М. Op. cit. — Т. 1. — С. 306.
240. См.: Огонек. — 1990. — № 28. — С. 27 — 28.
241. Росс Н. — С. 115.
242. Ibid. — С. 433.
243. Ibid. — С. 431.
244. Ibid. — С. 430.
245. Пагануцци П. Op. cit. — С. 68.
246. Бруцкус Б. — С. 113.
247. Цит. по: Грани. — (Мюнхен). — 1979. — № 111 —
112. — С. 310 — 312.
248. Цит. по: Родина. — 1989. — № 5.
249. Незнанский Ф. Записки следователя. — С. 7 — 8.
250. Об этом см: Конквест Р. Жатва скорби. — Лондон:
ОРІ, 1988.
251. Эти записки есть в личном архиве автора книги.
252. Коверда Б. Убийство Войкова., цит. по публикации в
газ. «Русская мысль».
253. Цит. по: Огонек. — 1990. — № 28. — С. 7.
254. Ходасевич В. Избранные произведения. — Руссика,
1987. — С. 230 (запись сделана в ноябре — декабре 1937 г.).
255. Воспоминания об этом оставил князь П. Долгоруков в
книге «Великая разруха».
256. Дневники Николая дореволюционных лет публикуются
по: Вопросы истории. — 1988. — № 8. — С. 110 — 111 (публи-
кация К. Шаццлло).
257. Ibid.
258. Нилов Г. (А. Кравцов) Грамматика ленинизма. — Лондон:
ОРІ, 1990. — С. 171.
259. См.: Чернин О. Брест-Литовск// Грани. — 1989. —
№ 153. — С. 133 — 175 (публикация Ю. Фельштинского).
260. Статьи М. Алданова цит. по публикации журн. «Форум»
№ 21.
261. Пайпс Р. — С. 289.
262. Ibid. — С. 313.

Оглавление

Часть первая. О времени и о себе	5
Глава 1. Романовский бум?	6
Глава 2. «Еврейский народ в этом подлом деле не участвовал»	14
Глава 3. О себе	22
Глава 4. Писатель Астафьев и математик Шафаревич	28
Глава 5. Источники и исследования наших дней . .	33
Часть вторая. Следствие	41
Глава 6. Старт и кульминация: следователь Наметкин и судья Сергеев	42
Глава 7. «Завершители» генерал Дитерихс и Николай Соколов	55
Глава 8. Последний раз о себе	62
Часть третья. Революция и контрреволюция в исторической упряжке	65
Глава 9. Мифология отсталости	66
Глава 10. Мифология империализма	73
Глава 11. Двухъярусная структура	76
Глава 12. Балканский капсуль	79
Глава 13. Убийство эрцгерцога	83
Глава 14. Кто начал мировую войну?	91
Глава 15. Ложь как орудие победы	99
Глава 16. Казнь полковника Мясоедова	101
Глава 17. Еврей, немцы и судьбы революции в России	108
Глава 18. Монархо-жидо-масонский альянс	118
Глава 19. Царица из Гессена и фаворит из села Покровского	124
Глава 20. Как германцы переиграли русскую контрразведку	130
Глава 21. Отречение	138
Часть четвертая. Ссылка и тюрьма	141
Глава 22. Царское Село. Тобольская ссылка	142
Глава 23. Заговорщики	151
Глава 24. Сказание о Яковлеве	157
Часть пятая. Провокации. Убийства	183
Глава 25. Соколовско-дитерихсовские евреи	184
Глава 26. Ипатьевский быт	195
Глава 27. Убийцы	199
а. Ленин	199
б. Свердлов	205
Глава 28. Репетиция и параллельные убийства	213
Глава 29. Трансмиссия ВЧК: Пермский пункт	225

Глава 30. Зубчатое колесо: екатеринбургские комиссары	233
Глава 31. Апология Николая Соколова	241
Глава 32. Малое зубчатое колесо: комендант Яков Юровский	246
Глава 33. Свидетели и «исполнители»	258
Глава 34. Неизвестная могила царя	287
Эпилог	298
Глава 35. «Мне отмщение и аз воздам»	296
Глава 36. Если бы суд...	305
Послесловие к советскому изданию	316
Основная библиография	323

Вниманию читателей !

Издательство «Столица» выпускает в 1992 году автобиографическую повесть Рудольфа Блума «ЛЕТО ПОЛНОЕ СОЛНЦА».

Повесть посвящена большой любви немолодого уже человека к выпускнице высшего художественного училища.

Юность главного героя пришлось на тяжелое время гитлеровской оккупации и Великой Отечественной войны.

Драматические коллизии повести, многообразие житейских ситуаций, юмор и оптимизм — все это увлекает читателя с первой страницы.

справки по телефону 923-96-16.

Экспериментальное Производственное Объединение «ЗВУК»

ПРЕДЛАГАЕТ

Комплекты профессиональной аппаратуры для ВИА и дискотек, озвучивания концертных залов и Дворцов культуры мощностью от 1 до 40 кВт.

Акустические колонки 60 наименований, изготовленные из березовой фанеры 18 мм по проспектам и чертежам иностранных фирм: GAUS, CELESTION, JBL, ELECTRO-VOICE, PEAVEY, а также собственных разработок. Возможно изготовление колонок по чертежам заказчика.

Качество аппаратуры и соответствие акустических параметров гарантируется.

Динамические головки мощностью 150 вт.; 250 вт. (12, 15, 18 дюймов) с применением прогрессивной намотки катушек громкоговорителей плоским проводом и установкой провода на ребро.

Аппаратура комплектуется усилителями, кроссоверами, эквалайзерами, микшерскими пультами промышленного производства.

Наш адрес: 117593, Москва, Литовский бульвар, д.7

Телефоны: 425-40-00, 425-60-21.

Михаил Хейфец
ЦАРЕУБИЙСТВО
в 1918 году

Редактор Н. КИШЕР
Художественный редактор Н. ВИКТОРОВА
Технический редактор Л. САМСОНОВА
Корректор М. КОЗЛОВА

Компьютерная верстка МГПП ЭСИ
Подписано в печать 27.03.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1, на вкл. офс. гарнитура «Балтика»
Печать высокая. Усл. печ. л. 22,0 (в т. ч. вкл. 1,0)
Уч. изд. л. 21,75 (в т. ч. вкл. 0,75).
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1211.
Издательство «Фестиваль», 103031, г. Москва,
Столешников пер., д. 20/11.
Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской
Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Михаил Хейфец — историк, исследователь и писатель. В 1974 году был осужден на 6 лет лагерей и ссылок за написание предисловия к «самиздатовскому» собранию сочинений поэта И. Бродского.

После окончания срока выехал в Израиль. В 1982 — 1990 г. научный сотрудник Иерусалимского университета. Автор книг «Секретарь тайной полиции», «Место и время», «Украинские силуэты», «Военнопленный секретарь», «Глядя из Иерусалима».

